

Тюменский государственный нефтегазовый университет
Научно-исследовательский институт прикладной этики

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов

ЭТОС СРЕДНЕГО КЛАССА :

**Нормативная модель
и отечественные реалии**

Научно-публицистическая монография

Под редакцией
Г.С.Батыгина и Н.Н.Карнаухова

Тюмень
2000

ББК 87.715.4

Б 199

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. **Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии.** *Научно-публицистическая монография* / Под редакцией Г.С. Батыгина и Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. – 272 с.

В книге излагаются результаты исследования этоса среднего класса как одного из феноменов российской модернизации и важнейшего ориентира выхода из постсоветского кризиса идентичности. Идеалы, ценности и “правила игры” среднего класса способны вдохновить не только либерально ориентированный слой населения, принявший идею успеха, но и другие слои общества. В этом случае появятся основания говорить уже о доктрине национального успеха. В то же время культивирование этоса среднего класса способно противостоять отказу от ценностей рыночной экономики и демократии.

Авторы опираются на результаты проведенного теоретического анализа, а также на материалы экспертных опросов и этико-социологических исследований, проведенных Центром прикладной этики и НИИ прикладной этики в последние годы.

Монография может быть использована в качестве учебного пособия для спецкурса по теме “Этос среднего класса”.

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Художник М.М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовали: М.В. Богданова, Н.В. Попова, А.П. Тюменцева.

ISBN 5-89543-003-1

© Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. 2000.

Подписано в печать 25.03.2000. Формат 62x90/16. Гарнитура Arial Cyr. Усл.печ.л. 17. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №

Цена договорная. Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПП “Тюмень” 625002. Тюмень, ул. Осипенко, 81.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Дороги, которые мы выбираем...

1. Актуально ли исследование и культивирование
этоса среднего класса в ситуации
российского системного кризиса?..... 5
2. “В начале было Слово”...
Этосное “измерение” образа среднего класса
как ориентир выбора цели исследования 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Базовые этические понятия

- 1.1. Феномен морали: интерпретационная версия 19
- 1.2. Социокультурная динамика
нормативно-ценностных систем 29
- 1.3. Понятие этоса 36
- 1.4. Возможности применения общей характеристики этоса
к исследованию нормативно-ценностных систем 39

Глава 2. Теоретико-прикладная модель этоса среднего класса

- 2.1. Предварительные замечания о нормативной модели 40
- 2.2. “Будь лицом и уважай других в качестве лиц”: Основания
“прописки” в средний класс. Теоретическое рассуждение 44
- 2.3. Основания “прописки” в средний класс.
Аналитический обзор экспертных суждений 54

Глава 3. Миссия среднего класса

- 3.1. Прескриптивный подход 61
- 3.2. Становящийся российский средний класс как субъект
трансформации нормативно-ценностных систем 66
- 3.3. Этосный подход как способ критики среднего класса 71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4. Принятие этоса среднего класса как проблема морального выбора

- 4.1. Самоидентификация со средним классом: автоматизм
традиции или “переусвоение” моральной системы? 76
- 4.2. Самоидентификация со средним классом.
Аналитический обзор экспертных суждений 80

Глава 5. Феномен срединной культуры в этосе среднего класса

- 5.1. Средний класс в этнонациональном орнаменте:
проблема срединности в русской ментальности 89
- 5.2. Не стыдно ли быть “средним”?
Аналитический обзор экспертных суждений 99

Глава 6. Атрибуция этоса среднего класса

6.1. Стремление к достижению и неадаптивный потенциал “срединного человека”	108
6.2. Рациональность	118
6.3. Индивидуализм	132
6.4. Роковой вопрос о “буржуазности и обуржуазивании”	140
6.4.1. Средний класс и буржуазный этос: “Духовная буржуазность” в свете критики радикальной и взвешенной	140
6.4.2. Аналитический обзор экспертных суждений	145

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7. Этос успеха: между моделью “выживания” и моделью “агрессивно-циничного” успеха

7.1. Доктрина успеха для среднего класса: концепт и контуры исследовательской программы	152
7.2. Какой успех мы выбираем. Аналитический обзор экспертных суждений	163
7.3. Успешные профессионалы и аутсайдеры. Аналитический обзор экспертных суждений	171

Глава 8. Этос профессионализма: между призванием и имморальной самодостаточностью

8.1. Апология и критика ценности профессионализма	176
8.2. Профессионализм: самодостаточная ценность? Аналитический обзор экспертных суждений	185

Глава 9. Этос дела: между своеволием и правилами честной игры

9.1. Игры, в которые играют профессионалы. Профессионалы, которые играют в игры	193
9.2. Правила, которые мы выбираем. Аналитический обзор экспертных суждений	206

Глава 10. Дух и правила игры человека среднего класса в сфере образования

10.1. Специфика “вхождения” интеллигенции в средний класс	215
10.2. Культивирование ценностей среднего класса в образовательной деятельности. Анализ автобиографических интервью	220
10.3. Между моделями “служение профессии” и “жизнь за счет профессии”. Аналитический обзор экспертных суждений	249

Послесловие	267
--------------------------	-----

Введение

Дороги, которые мы выбираем...

1. Актуально ли исследование и культивирование этоса среднего класса в ситуации российского системного кризиса?

Современная Россия претерпевает интенсивные модернизационные изменения. Не вдаваясь в оценку хода и промежуточных результатов российской модернизации, не анализируя специфику типа этой модернизации (“опаздывающая”, “догоняющая”, “патримониальная”, “односторонняя”, “неполная” и т.д.)¹, констатируем лишь, что соответствующий процесс не только “пошел”, но и, при всех своих противоречиях, отражающих особенности переходного периода, стал необратимым. Не в фаталистическом, а в экзистенциальном смысле.

Можно сколь угодно долго мысленно экспериментировать, пытаясь найти “особый путь” России и т.д., но невозможно преодолеть императивность исторической логики, которая не тождественна одномерному прогрессизму, подчинению человеческой деятельности некой, стоящей над ней, необходимости, закономерности.

Другое дело, что предстоит еще и принять неотвратимость такого выбора, понять, насколько в наших силах проявить культуру майевтики в отношении процесса формирования российского среднего класса.

Логика модернизационных процессов обуславливает значимость роли среднего класса в российском обществе. В каком-то смысле – если таким процессам можно приписать телеологические характеристики – становление, консолидацию, онтологическое укоренение среднего класса можно считать *целью* модернизации.

Актуальность исследования и культивирования феномена с еще непривычным названием “этос среднего класса”² определяется прежде всего неотложной необходимостью поиска выхода из кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный,

---

¹ См., например: Федотова В.Г. Модернизация “другой” Европы. М.: ИФАН, 1997; Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М.: ИФАН, 1998; Кара-Мурза А.А. Как возможна Россия? // Библиотека либерального консерватизма. М., 1999.

² Первичный подход авторов к этой теме см. в кн.: Эстафета поколений: Индивидуальные биографии жизненного пути выпускников и коллективная биография вуза // Ведомости. Вып. 12, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998. С.163-184. См. также: В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Мидл этос: введение в проблематику среднего класса // Ведомости. Вып.14 / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. С. 53-96.

социально-групповой и индивидуальный масштабы. На наш взгляд, идея культивирования этоса среднего класса выступает одним из ориентиров новой самоидентификации как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять “куда идет Россия?”³ с попыткой выстраивания своей жизненной стратегии, личного биографического проекта в столь противоречивой ситуации перехода.

Нет смысла специально доказывать, что переживаемый Россией кризис не исчерпывается финансовым, экономическим, политическим аспектами, что у этого кризиса есть *системное основание*, роль которого играет кризис духовно-нравственный, мировоззренческий, социокультурный. Наиболее отчетливо *смыслоопределяющее* основание системного кризиса проявляется в *кризисе веры в идеалы и ценности реформ*. Диагноз “кризис надежд” приобрел характерную метафорическую формулу: «общенародная тоска на глазах становится национальной идеей со знаком “минус”»⁴. Иначе говоря, речь идет не просто о вере/неверии в правильность инструментальной части реформаторского проекта - избранной после августа 1991 года “дороги к Храму”, и, таким образом, в адекватность применяемых для движения по этому пути средств и соответствующих результатов. Кризисность современной ситуации во многом связана с разочарованием в *ценностно-смысловой ориентации* реформаторского проекта, т.е. с утратой и элитой, и массами веры в правильность выбора самого “Храма”.

Однако особенность нашей сегодняшней ситуации в том, что, с одной стороны, все более заметны иррациональные реакции на ценностно-ориентационный кризис – духовная депрессия, связанная с крахом иллюзий о скорейшей победе дела реформирования страны, с неоправдавшимися надеждами и сверхожиданиями, доминирует над рациональным скептицизмом по поводу дальнейших перспектив либеральной доктрины модернизации. С другой стороны, сам стиль идейной ситуации наших дней, которую иногда называют *новой “переоценкой ценностей”* (причем не просто экономических, политических, идео-

---

³ Мы полагаем, что этот вопрос не снимается при всей остроте иронии по поводу “метафоры пути и шествия” как в массовом, так и научном сознании: «Люди, приученные в советское время думать, что мы не просто живем, а “идем” (к коммунизму), в первые годы реформ все просили сказать, куда мы движемся теперь. Без метафор организованного, коллективного шествия даже ученые не мыслили себе рассуждение о действительности. Как память о тех годах осталось название симпозиума “Куда идет Россия?”». Левинсон А.А. Метафоры пути и шествия в массовом сознании россиян. // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 308.

⁴ Драгунский Д.В. Проект-91 и сопротивление стиля // Полис. 1998. №6. С.7.

логических ценностей, но и системы духовно-нравственных ориентиров общества), характеризуется тем, что вольно или невольно ускоряемая “переоценка” такого рода придает борьбе идей в обществе “маятниковый” характер.

Прозвучали суждения о том, что Россия сегодня - это уже не привычный витязь на вполне узнаваемом перекрестке дорог, ибо перед современным “витязем” открывается лишь *бездорожье*. Но, возможно, рационально интерпретируемое перепутье лишь отдалилось из-за временного бездорожья? Возможно, сегодня российский витязь уже не может оставаться лишь *читателем* вариативного прогноза на придорожном камне-указателе, и его задача – стать *писателем-проектировщиком* такого прогноза?

Представляется, что столь необходимый в такой ситуации духовно-нравственного кризиса *рациональный* подход к новой “переоценке ценностей”, к определению возможных, необходимых, целесообразных и, непременно, достойных решений, предполагает активизацию поиска и культивирования таких ценностей и норм, которые, с одной стороны, способны противостоять доминировавшей в период радикально-либеральной стратегии реформ *агрессивно-циничной парадигме* идеи успеха, с другой - не утратить потенциал *этически полноценной* идеи успеха, не заменить ее, поддаваясь маятниковой инерции, некоей “этикой бедности”, а то “этикой новых бедных”. Идеалы и ценности *ответственной этики успеха*⁵ призваны вдохновить и либерально ориентированный слой населения, и *средне-средний, и низший слои среднего класса*. В этом случае можно будет говорить уже о доктрине *национального успеха*. В то же время эти идеалы и ценности, вдохновляя слои среднего класса энтузиазмом, должны противостоять заметной тенденции уклонения от ориентации на ценности рыночной экономики и демократические ценности.

Вопреки весьма распространенному мнению о “гибели среднего класса России” после августовского (1998) кризиса, в послекризисной ситуации, которую, возможно, пора и определять иначе, введя иной отчет, исследование и культивирование этоса среднего класса стали еще более актуальными. И это не парадокс, хотя мы не только сохраняем поставленный в нашей первой публикации на эту тему⁶ диагноз о порождении системным кризисом упаднических настроений, паники по поводу перспектив среднего класса (газетные заголовки типа “Мидл умер”, “Эпитафия среднему классу, которого у нас не было” и т.п.), но и отмечаем появление капитулянтских настроений (“Среднего класса у

---

⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу. Научно-публицистический доклад // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 10, специальный. Тюмень-Москва, 1997.

⁶ См. сноску 1.

нас нет и, похоже, не будет еще долго”).

Одним из свидетельств для уточненного диагноза может послужить послеавгустовская интерпретация в СМИ результатов проекта Фонда Карнеги о бедности⁷. Так, журналист “Новых известий” Е. Яковлева писала: «Если начало прошлого года было отмечено особым интересом к среднему классу, то начало нынешнего - как раз к бедным людям. Повлияло, конечно, 17 августа. Кроме всем известных “новых русских” в России появились еще одни “новые” - новые бедные. К ним обычно социологи относят молодых и среднего возраста людей с хорошим образованием, потерявших статус и достаток, но сохранивших идеалы зажиточной жизни, - оборонщиков, учителей, врачей...»⁸.

Другое свидетельство - рассказ обозревателя “Московских новостей”: “что-то происходит с людьми, еще год назад с азартом пробивающими себе дорогу”. Сегодня же некоторые из них принимают решение не соблазняться успехом и уходят в добровольное аутсайдерство. Пытаясь понять их мотивы, автор предполагает: “Новый вариант социальной защищенности - когда у тебя никто ничего не может отнять, потому что у тебя ничего нет”. Уходят в аутсайдерство “со вкусом и удовольствием”, уходят “играючи”: “В одну игру поиграли, настало время другой”⁹.

---

⁷ Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография. - М., 1998.

⁸ Яковлева Елена. Семнадцать признаков российской бедности // Новые известия. 1992. 19 января.

⁹ Карсанова Е.К. Месяц кончается март... // Московские новости. 1999. № 12.

Прокомментируем проблему намеренного уклонения от активности с точки зрения иной мотивации - определенного морального выбора как следствия отказа принимать широко практикуемые “правила игры” агрессивной-циничной стратегии успеха. Рассуждая о причинах ухода из активной профессиональной деятельности ряда ведущих представителей культуры и искусства, критик Дмитрий Быков отмечает: “Когда художнику создают ситуацию, в которой он ради своего выживания обязан отращивать клыки и приучаться к каннибализму, - художник самоустраниется. Посмотрите на количество людей, вытесненных нашим временем на обочину существования, людей замкнувшихся, отошедших от дел и потерявших интерес ко всему - и вы увидите, что не астенический синдром поразил их и не усталость, и не высокомерие, а обычная неспособность переломить свою природу. Чем играть в такие игры - лучше впасть в спячку. ...Наше время - время выходов из игры, когда участие снова позорно, а неучастие почетно. Когда профессионализм, талант и сострадание становятся главными условиями проигрыша” (Быков Дмитрий. Отсчет утопленников // Новая газета. 1999. № 28).

Однако собственно дух становящегося среднего класса – не во многом полууродливой формы существования этого класса в постсоветской России: “ложного среднего класса”¹⁰, “олигархической прислуги”, “назначенного среднего класса”, “класса, которого не было”¹¹, – предполагает иную реакцию на кризисную ситуацию. В этом смысле характерна позиция еженедельника “Версии”, главный редактор которого Артем Боровик обратился к читателям первого из обновленных номеров как к субъектам именно среднего класса. «Дело не в терминах, но мы действительно хотим делать газету для среднего класса и о среднем классе. Для тех, кого кризис задел больше других. ...Российский мидл потерял в зарплате, оказался на грани безработицы, понял, что его обманули. “Среднего класса в России больше нет!” - заговорили вокруг... Кто тогда мы - люди, начавшие свое, пусть небольшое, дело, студенты, директора, компьютерщики, брокеры, учителя и врачи? Не важно, сколько мы зарабатываем, не важно, ездим в метро или на подержанных иномарках. Важно: ощущаем ли мы себя способными самостоятельно изменить жизнь, начать все сначала, чувствуем ли именно свою, а не чью-то ответственность за себя, за семью, за страну; извините за пафос».

Итак, именно в кризисной ситуации появилась возможность противостоять соблазну бегства от “этики успеха” к “этике бедности” (не смешивать эту последнюю с мировой тенденцией к настроениям неоаскетизма) либо к “добровольному аутсайдерству”. Возможность, заключающаяся в культивировании этики “*средних русских*”, этоса среднего класса.

2. “В начале было Слово”...

Этосное “измерение” образа среднего класса как ориентир выбора цели исследования

На международной конференции “Формирование среднего класса в посткоммунистической России” в Москве Е.Т. Гайдар почти по-андерсовски сказал, что мы многого не знаем о российском среднем

---

¹⁰ Ионин Л.Г. Перспективы среднего класса в России // Internationale politik. 1998. № 9,10.

¹¹ “Считается, что события 17 августа разрушили едва-едва народившийся средний класс, - пишет Д.Драгунский. - Наш средний класс нельзя было разрушить по самой простой причине: его в России не было. ...Не говоря худого слова о каждом отдельном человеке, добившемся благосостояния в годы российского финансового праздника, надо твердо сказать - к среднему классу эти счастливицы не имеют никакого отношения. Все они - дети одной аферы. Другое дело, что далеко не все, кому привалило счастье, воровали и вообще нарушали закон. Просто они оказались поблизости от больших денег. Пирог делят - крошки летят”. Драгунский Д. Страх-99 // Новая газета. 1999. № 12.

классе¹². Автор имел в виду такие затруднения в изучении среднего класса, как уклонение от налогов, что снижает качество статистики, сложности сравнения уровня доходов российского среднего класса со средним классом в развитых странах и т.п. И, конечно, был в этом прав. Имел ли он в виду, что мы многого не знаем о среднем классе прежде всего потому, что мало озабочены *духовной, ценностно-ориентационной* стороной его жизнедеятельности, т.е. не *уровнем* и даже не *качеством* жизни, а ее *смыслом*? Вряд ли. А от такого ответа многое зависит.

Если выделять средний класс лишь по уровню материальных достижений людей, вполне можно обстоятельно рассуждать о такой тенденции, как его частичная трансформация после августовского кризиса в класс “новых бедных”. Иное дело, если выделять средний класс, действительно задетый кризисом больше других, по его этосу, духу и “правилам игры”. Как мы знаем, в этом случае акцентируется уже не только и не столько уровень дохода, а шкала ценностей, занимающая *срединное* положение между полярными шкалами элиты и “низов”¹³ (а не просто “бедных” и “богатых”¹⁴), особое внимание обращается на мировоззрение и самоощущение человека. Человека, который полагается в этой жизни прежде всего на самого себя, который способен, оберегая в целом близкий ему жизненный порядок, самостоятельно изменить свою жизнь, принять ответственность и за себя, и за семью, и за страну (еще и извиняясь, как мы помним, при этих словах за пафос). При таком подходе уже не так и просто рассуждать об автоматическом “переходе” человека среднего класса в класс “новых бед-

---

¹² Гайдар Е.Т. Вступительное слово // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С.11.

Ср.: “...Серьезное научное изучение процессов, связанных с развитием среднего класса в России, затруднено в силу ... несовершенства действующей налоговой системы, поскольку у нас большая часть реальных доходов выплачивается в формах, позволяющих уклоняться от уплаты налогов, и это серьезно мешает оценить качество всей статистики оплаты труда и статистики доходов...” (А.Михайлов в статье “Middle class в переводе на русский” // Открытая политика. 1998. № 5).

¹³ Г.Ашин пишет: «...Думается, что для современной российской политической системы полезны не крайности элитизма или эгалитаризма, но демократический оптимум в отношении “элита - масса”, где “буфером” и одной из опор стабильности выступает именно средний класс». (Ашин Г. Элита, средний класс: поиск демократического оптимума // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С. 171).

¹⁴ См.: Носкович. Указ. соч.

ных” только из-за изменения уровня дохода ¹⁵.

Экскурс в практику применения понятия “средний класс” поможет нам осмыслить контекст, в котором предстоит пребывать этосному подходу к пониманию природы среднего класса. В научной литературе предложено несколько классификаций самого понятия “средний класс”. Так, В.В. Радаев выделил по критерию “простое-сложное” семь теоретических определений среднего класса. Первое из них, по мнению автора, самое простое, имеет в своей основе критерий среднего – для данного конкретного общества – уровня текущих доходов. Второе определение добавляет к первому еще один критерий – стандартный имущественный набор. В основе третьего определения – критерий обладания мелкой собственностью на средства производства, руководство мелкой фирмой с личным трудовым участием ее владельца. Это определение охватывает малых предпринимателей и самостоятельных работников, которых называют “старым средним классом”. Четвертый критерий – уровень образования и профессиональная квалификация. В этом случае к среднему классу причисляются специалисты с высшим образованием (“профессионалы”), называемые в противоположность мелкой буржуазии “новым средним классом”. Пятое определение относится к “белым воротничкам”, к т.н. “нижнему среднему классу” – здесь критерием являются условия и характер труда. Следующее определение в качестве критерия выбирает – кроме перечисленных выше экономических и профессиональных критериев – совокупность рыночных, трудовых и статусных позиций, и в состав среднего класса в данном случае причисляются люди, противостоящие и элитарным, и нижним слоям по стилю жизни, социальным связям, оценке собственных карьерных перспектив и будущего своих детей, степени индивидуализма и автономии действий. Седьмое определение связано с уровнем престижа, устанавливаемым либо саморанжированием, либо общественным мнением. В этом случае выделяют и “верхний средний”, и “нижний средний” слои среднего класса ¹⁶.

Обратим внимание на вывод автора: “Ответы на вопрос о том, сформировались уже средние слои в России или нет, и каковы их воз-

---

¹⁵ В нашем противопоставлении проявлены полюса диапазона образов среднего класса. При этом анализ показывает, что позиции исследователей оказываются ближе к тому или иному полюсу во многом в зависимости от своей научной дисциплины - экономической, социологической, культурологической и т.д. Более автономны в этом плане авторы публикаций в СМИ.

¹⁶ Радаев В.В. Социальная стратификация, или как подходить к проблеме социального расслоения: статья четвертая цикла “экономическая социология” // Российский экономический журнал. 1994. № 11. С.85-92; его же: Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 229-232.

можные масштабы, - чуть ли не целиком зависят от выбора критерия оценки”¹⁷. Дело, однако, в том, какой *смысл* вкладывается в выбор того или другого критерия среднего класса, какими целями – социальными, политическими, культурными – нагружен тот или другой смысл.

По мнению того же автора, вкладываемый в то или иное определение смысл понятия зависит от уровня его сложности. Так, свой собственный вопрос о том, “кто же сегодня приглашается” в средний класс, В.В. Радаев в работе с характерным названием “Формирование мифа о среднем классе посткоммунистической России” комментирует следующим образом: “Если речь идет о слоях со средним уровнем дохода и средним уровнем материальной обеспеченности, то все сводится к счетно-статистическим операциям и на высокую идею не тянет”¹⁸. Оставляя обстоятельный ответ на вопрос о том, на какую же высокую идею “не тянет” такой упрощенный подход для главы о *миссии среднего класса*, скажем здесь, что упрощенно-материалистический подход не “тянет” ни на одну *идею*, но может быть использован во имя идей прямо противоположных¹⁹.

Другая классификация принадлежит Т.И. Заславской и Р.Г. Громовой. В основе классификации - функции среднего класса в обществе. С точки зрения авторов, по этому основанию в литературе можно выделить четыре характеристики средних классов развитых обществ Запада. Первая характеристика: “Средний класс - это совокупность социальных групп, занимающих промежуточную позицию между верхами

---

¹⁷ Радаев В.В. Экономическая социология. С. 232.

¹⁸ Радаев В.В. Формирование мифа о среднем классе в посткоммунистической России // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С.23. Считаю целесообразным привести выразительную реплику Л.Гордона по поводу роли статистических расчетов. “В чем я не вполне согласен с В.Радаевым, так это с пренебрежительной ноткой в отношении статистических расчетов, которые, дескать, в конце концов - техническая проблема. Я думаю, что это не так. Дедуктивно-теоретические построения на основании статистических расчетов принципиально важны и нужны“ (Гордон Л. К вопросу о методах исследования социальной стратификации // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С.37).

¹⁹ Г.Г.Дилигенский напоминает, что “средние слои в Германии в угрожаемой им социально-экономической ситуации были базой фашизма. И у нас мелкие, а отчасти и средние предприниматели очень часто выражают настроения, которые ничего общего с поддержкой не только власти, но и вообще цивилизованного рыночного реформирования не имеют”. См.: Дилигенский Г. Методологические аспекты изучения среднего класса // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С. 45.

и низами общества, и выполняющая в силу этого интерактивную функцию своего рода *социального медиатора*”. По второй характеристике “средний класс – это сравнительно высокообеспеченная часть общества, владеющая собственностью, обеспечивающей личную экономическую независимость, свободу выбора поля деятельности и проч. Высокое качество и современный стиль жизни, удовлетворенность настоящим, уверенность в будущем обуславливают заинтересованность среднего класса в сохранении социального порядка, придавая ему функцию *социального стабилизатора общества*”. Третья характеристика: “Средний класс - это элемент социальной структуры, сосредоточивающий в своих рядах наиболее квалифицированные кадры общества, отличающиеся высоким профессионализмом, значительным деятельностным потенциалом, гражданской активностью. Отсюда - высокий социальный престиж среднего класса и выполняемая им функция *агента технологического и социально-экономического прогресса*”. Наконец, четвертая характеристика исходит из того, что “в высокоразвитых западных странах средние классы, составляющие большинство населения, выступают основными носителями, с одной стороны, общественных интересов, а с другой, национальной культуры, т.е. свойственных соответствующим обществам ценностей, норм, образцов поведения, стилей жизни и проч. Распространяя образцы собственной культуры на выше и ниже стоящие слои общества, средний класс выступает в роли *культурного интегратора общества*”²⁰.

Еще один опыт классификации определений среднего класса берет за основу то или иное понимание субъекта этого класса. По мнению А.Ю. Чепуренко, первый из такого типа подходов заключается в том, что средний класс отождествляется со *средними слоями* и рассматривается как “сугубо статистическое понятие”²¹. Второй подход, согласно автору, заключается в том, что под средним классом понимается прежде всего малое предпринимательство и близкие к нему группы. Основанием для сторонников такого подхода является парадигма догоняющей цивилизации, и они полагают, что российское общество “проходит (должно пройти) стадию классического *индустриального общества*; поэтому основные характеристики этого общества так или иначе связаны со специфическим характером собственности на средства производства и стратегиями поведения, в основе которых – стремление к прибыли, деньгам как мерилу успеха”. Для сторонников третьего подхода характерен акцент на новый “средний класс” как субъект постиндустриального общества. При этом, отмечает автор, «в

---

²⁰ Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о “среднем классе” российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 6-7.

²¹ Чепуренко А.Ю. Средний класс в российском обществе: критерии выделения, социальные особенности // Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, ОНИИСиНП, 1999. С. 8.

центре внимания оказываются главным образом интеллектуалы, обладатели дорогостоящего “человеческого капитала”». При этом в основе поведенческой стратегии человека “нового среднего класса” лежит “новая рациональность” – “стремление не к деньгам и материальному благополучию самому по себе (оно рассматривается как нечто саморазумеющееся), а к самореализации через процесс-инновации и продукт-инновации”²².

К размышлениям о “старом” и “новом среднем” классе обратимся в нашей работе несколько позже, а сейчас попытаемся проанализировать распространенные определения среднего класса по такому основанию, как удаление того или иного образа среднего класса от “экономоцентристского”, “материалистического”, “объективистского” подхода в сторону подхода “аксиологического” - чтобы зафиксировать в процессе этого движения “точки роста” для выработки *этосного* подхода.

С точки зрения последнего – менее всего продуктивны представления о среднем классе по критерию уровня дохода²³. Более продвинуты определения, выходящие за рамки такого “экономического материализма” за счет совмещения ряда характеристик среднего класса: “Во-первых, достойный уровень доходов; во-вторых, владение солидной недвижимостью, обеспечивающее относительную свободу и независимость, наличие собственного “дела”; в-третьих, высокое профессиональное образование и квалификация; в-четвертых, относительная удовлетворенность статусом, умеренный политический консерватизм, заинтересованность в поддержании социального порядка и устойчивости; и, наконец, субъективная идентификация со средним классом”²⁴. Еще более значимо стремление “добавить” к критерию достаточно высоких доходов и “человеческие характеристики”, относя к среднему классу людей, которые “сумели не растеряться в новых социально-экономических условиях”, смогли “добиться надежного общественного положения своим трудом”. Людей, которые “живут своей профессией”, у которых есть “свое дело в жизни” и им “есть что терять”, людей, которых при разных идеологических установках объединяет “неприятие радикализма, разного рода социальных экспериментов, приверженность эволюционным формам развития общества”²⁵.

---

²² Там же. С.9.

²³ Среди публикаций, отстаивающих доминирующую роль этого критерия, выделим характерную уже своим названием статью: Лепехин В.А. Убедите голодного в его принадлежности к среднему классу... // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2.

²⁴ Заславская Т., Громова Р. Несколько соображений о среднем слое России // *Средний класс России. Проблемы и перспективы*. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998. С.12.

²⁵ Черномырдин В. Какое лицо у НДР // *Век*. 1999. № 16.

“Добавлять” можно многое и разное. Один из таких “наборов” выглядит следующим образом: выделяя средний класс (в его западной ипостаси) как социальную группу “более или менее преуспевших в жизни людей”, автор наряду с критерием “определенный уровень доходов, образования” добавляет и “стандарты социального поведения, духовных ценностей, этических норм, облегчающих совместную жизнь в цивилизованном обществе”²⁶.

“Добавляют” не только исследователи, но и авторы статей в СМИ. Здесь мы находим и характеристику людей среднего класса – тех, кто в жизни полагается в основном на себя, и акценты на присущий этому классу стиль жизни, причем для одних авторов этот стиль, известный по западным эталонам, мало реален в наших обстоятельствах, а для других – стиль не связывается напрямую с уровнем дохода. В первом случае отмечается, что наш средний класс не разрушен 17 августа, ибо в России его “и не было”. Не было слоя людей, для которых характерен устоявшийся образ жизни “положительного человека”, про которого говорят, что он – “средоточие национальных добродетелей”: “хорошего семьянина, усердного работника, честного налогоплательщика, доброго прихожанина, лояльного гражданина”. Не было потому, что “наши трудящиеся слишком бедны, чтобы называться средним классом”²⁷.

Во втором случае подчеркивается, что “наши специалисты по переводу с английского всех без разбору методик и показателей утверждают, что среднего класса у нас нет, ссылаясь на низкий уровень доходов. Но средний класс – это не уровень дохода, а стиль жизни”, – пишет Е. Бунимович в статье с характерным названием “Средний класс, которого нет, который есть. Так и живем”²⁸. Цитируя заявление: “Прошу уменьшить на 50% плату за образование дочери в связи с низким доходом семьи. Отец – профессор МГУ, мать – сотрудник НИИ”, Е. Бунимович отмечает: “Наверное, по показателю дохода на семью тот профессор – люмпен, а торгующая бананами на углу и обвешивающая каждого второго тетка – это middle class. Но на самом-то деле все иначе!”.

Последний тезис весьма интересен, ибо более других нас привлекают подходы, стремящиеся не просто включить в “фоторобот” среднего класса “и то, и другое, и третье”, но поднимающиеся над “материализмом” в понимании природы среднего класса таким образом, чтобы поставить духовные характеристики человека этого класса на первое место. Например, тезис: “Средний класс – сперва психология, а

---

²⁶ Гонтмахер Е.Ш. Интервью журналу Б.О.О.С. 1997. № 3. С. 7.

²⁷ Драгунский Д. Страх-99 // Новая газета. 1999. № 12.

²⁸ Бунимович Евгений. Средний класс, которого нет, который есть. Так и живем // Новая газета. 1997. № 46.

затем уже материя”²⁹. Расшифровывая тезис, его автор говорит, что «“средний класс” – отнюдь не материальное понятие и даже не класс. Это псевдоним бесклассового общества. Не того, которое хотели построить коммунисты и где все уравнивается экономически. Но такого, которое не желает состоять из классов, определяемых экономически и политически. “Средний класс” растворяет в себе касты, сословия, “прослойки”». Именно в этом смысле «“Средний класс” – сперва психология, а затем уже материя».

При этом автор полагает важным отметить, что определенная психология оказывается первичной по отношению к материи, и “средний класс” вырабатывает определенный стиль жизни: «Душевное устройство среднего класса в его эталонной, “западной” форме во многом противоположно душевному устройству “среднего класса”, выросшего на развалинах коммунизма».

В научной литературе также появились суждения, весьма близкие к предлагаемому нами этосному подходу. Так, по мнению Г.С. Батыгина, “само существование среднего класса как функционального элемента современного общественного устройства предполагает не столько его срединное или модальное положение в статусной стратификации и распределении доходов, сколько особое умонастроение – ориентацию на сохранение как своего нынешнего положения, так и социальных порядков, придающих этому умонастроению смысл и значимость. ...Можно предположить, что *differentia specifica* среднего класса заключается не в социальном положении, а в этосе, который воспроизводит данное социальное положение. ...Итак, средний класс – это ценностная позиция. Ценностями здесь являются само сохранение середины, осознание своей жизненной задачи – умение ценить сегодняшний день и не приносить его в жертву дню завтрашнему. Идеология или стратегия “мало-помалу” – это и есть идеология и стратегия среднего класса”³⁰.

С точки зрения А.Ю. Чепуренко, уровень текущего личного дохода или душевного потребления и его динамика служат всего лишь косвенным признаком отнесения к среднему классу, как к дореформенному, так и к постсоветскому. “Эти показатели важны, но они не достаточны. Достаточными критериями могут быть, скорее, *основополагающие ценности, мотивация экономической и социальной активности, жизненные стратегии, выполнение определенных социальных функций*”³¹.

---

²⁹ Кротов Я. Под сенью баобаба. Эпитафия среднему классу, которого у нас не было. // Общая газета. 1998. 16 сентября.

³⁰ Батыгин Г.С. Этос середины // Ведомости. Вып.14 / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. С.105.

³¹ Чепуренко А.Ю. Средний класс в российском обществе: критерии выделения, социальные особенности. С.10.

Мы еще вернемся к анализу подходов в понимании природы среднего класса, а сейчас напомним, что, допустив телеологическую позицию, мы предположили следующее: логика российской модернизации позволяет считать становление, консолидацию, онтологическое укоренение среднего класса целью модернизации. Но так как само по себе признание этой цели не означает автоматического единства в представлениях о природе этого феномена, об ориентирах его саморегуляции и формирования, более того, анализ научной литературы, материалов СМИ, политических программ показывает необходимость (и возможность!) преодоления гравитации объективистского подхода, исходящего из “очевидного” приоритета “материалистического измерения” феномена среднего класса, мы полагаем продуктивным подход к проблеме соотношения объективной и субъективной сторон феномена среднего класса с позиций принципа комплементарности, а в его рамках - акцентирование роли *этоса*, “духа” и “правил игры”, среднего класса.

Фиксируя метафорическую трактовку слово “класс” в словосочетании “средний класс”, мы видим, что социально-структурные описания как бы отступают на второй план: становление российского среднего класса осуществляется на основе изменений его *культурных, нравственных* характеристик. Более того, эти характеристики не просто “сопровожают” объективные изменения, “подытоживают” их, но выполняют определяющую функцию, *мотивируя и ориентируя* данный процесс. “Базис” и “надстройка” меняют здесь привычную конфигурацию. Именно в этом смысле *“В начале было Слово...”*.

В свою очередь, чтобы ядром исследовательской стратегии стало *“этосное измерение”* проблемы среднего класса, необходимо хотя бы предварительно выделить направления этого “измерения”.

Во-первых, следует критически осмыслить широко распространенное представление о том, что практика становления среднего класса в современной России, показывая неодновременность (гетерохронность) становления разных индикаторов этого феномена (доход, престиж, статус и т.п.), с необходимостью подталкивала авторов еще недавно декларированных госпрограмм к выводу о том, что *моральный* индикатор приходит (придет) последним, выступая *следствием* материальных индикаторов. Однако, на наш взгляд, мораль здесь - скорее *предпосылка*, чем следствие.

Во-вторых, необходимо выделить не арифметический, не социологический (“средние доходы”, “средний престиж”...), а собственно моральный аспект феномена “человек середины”. Каковы его признаки? Добродетели, понимаемые через аристотелевскую меру? Сохранение средней позиции во всех решениях и поступках? Умеренность в реализации мотивации достижения? Балансирование всей жизненной стратегии по принципу “устойчивого развития”? Не закрывая перечень, отметим, что в этом направлении предстоит провести специализирован-

ный исследовательский поиск.

В-третьих, необходимость более глубокого понимания *моральной* природы *идеи успеха*, являющейся одной из ценностно-ориентирующих доминант, мотивирующих стремление субъекта “войти” в средний класс. Прежде всего понимания (критического!) негативных последствий освоения этой идеи “новыми русскими”, трактованными ее в духе “рыночного дарвинизма”, безудержного потребительства, избравшими (вольно или невольно) в качестве методов достижения успеха методы даже не XIX, а XVIII века, фактически противопоставившими такие признаки успеха, как “деньги, статус, слава”, - с одной стороны, и трудовую этику, мораль профессионального призвания - с другой. Речь идет о поиске понимания, в котором удалось бы сочетать ориентацию на ценность успеха и задачу сохранения и приумножения человеческого достоинства.

В-четвертых, исследователям, “вождям”, “акушерам” и “воспитателям” среднего класса не удастся уклониться от необходимости понимания т.н. “*буржуазных*” особенностей этоса этого класса³². Речь идет не только о роли ценностей жизненного, профессионального, делового успеха и т.п., но и о смысловых ценностях, манерах и стиле жизни, об “антигероической” ценности частной жизни, ценностях повседневности и т.п. Без понимания природы столь важных для бывших советских профессионалов, интеллигенции *новых* отношений между моральными требованиями – и реальностью, интеллигентностью – и “мещанскими” ценностями, без осознания необходимости переоценки конфликта образов жизни “Сокола” и “Ужа” и т.д. можно ли помочь носителям ценностей советского квазисреднего класса безболезненно войти в постсоветскую ситуацию?

---

³² Хотя сам термин “буржуазность” практически исчез из социологического словаря, он остается в обиходе обыденных речевых практик и этико-эстетических исследований.

Часть первая

Глава 1

Базовые этические понятия

1.1. Феномен морали : интерпретационная версия

Обсуждение проблем этоса среднего класса неизбежно предполагает анализ природы морального феномена. Задавая вопрос “Что такое мораль?”, мы волей-неволей вовлекаемся в сложную интригу научного свойства, в долгую историю теоретического поиска ответа на него. Только со стороны кажется, будто нет на свете более легкого вопроса и лишь закоренелым спорщикам не под силу заручиться общим согласием относительно предмета спора. Кажется, будто такой консенсус достигается на платформе самоочевидных, едва ли не азбучных прописей. Между тем еще двести лет тому назад Д.Дидро предупреждал: “Нет более очевидной и простой науки для несведущего, чем мораль; нет более трудной и темной науки, чем она же для ученого”. Почти в тех же словах данное предупреждение воспроизвел А. Шопенгауэр. В своей фундаментальной работе по анализу понятия морали О.Г. Дробницкий не без огорчения признавался, что если читатель ожидал получить в итоге его исследования полную, исчерпывающую и логически строгую дефиницию морали, то его ждет разочарование³³.

Мы не ставим задачу показать здесь всю драматургию теоретического поиска в его историческом разрезе, но, вместе с тем, и не можем отказаться от попытки выработать более согласованную систему понятий и представлений о моральном феномене: как известно, операции с самоочевидными (к тому же возникшими чаще всего на чисто семантической основе) или же с “размытыми” понятиями оказываются продуктивными только до определенных пределов. Итак, представим эскизно развитие базовых представлений о моральном феномене.

В этической литературе последних предперестроечных десятилетий сложилось, как известно, несколько методологически хорошо продуманных и достаточно подкрепленных фактуально точек зрения на природу и специфику морали. Обычно в обзорах выделяли пять-шесть, а то и более таких теоретических позиций, но не все они были в полной мере самостоятельными, так или иначе примыкая к двум осевым концепциям, которые, в свою очередь, восходили к кантовской или гегелевской традиции. Первая может быть названа (конечно, условно) *историко-генетической, функциональной*, а вторая – *историко-системной, структурной*. В обиходе они нередко определялись как “позиция О.Г. Дробницкого” и “позиция А.И. Титаренко”. Хотя, конечно, справедливее было бы акцентировать не просто фамилии авторов, а

---

³³ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. С.375.

целые школы, "плеяды" исследователей, разделявших и развивавших по своим мировоззренческим пристрастиям и методологическим предпочтениям данные концепции, а также демонстрировавших их как профессиональному, так и массовому читателю.

Историко-генетическая концепция природы морали нацелена на выявление предельно общих, и в этом смысле родовых, признаков морального феномена. Исследовательские результаты обретаются здесь в процессе сопоставительного анализа всех видов регулятивной активности (экономической, организационно-административной, политико-правовой, по обычаю). Тем самым мораль сразу же зачислялась по ведомству социальных *регулятивов* и потому рассматривалась как разновидность общественной дисциплины, как форма или "линия" социального контроля.

При этом от всех других регулятивов она отличается не столько содержанием или же формой, но и особым способом согласования интересов, методом осуществления требований общественной дисциплины. Эти регулятивы оказываются не только специфичными по функциям и предметным областям (сферам и видам человеческой деятельности), но и различаются ступенькой, которую они занимают в иерархической лестнице социальных регуляторов. Морали отводится самая верхняя ступень – общество как бы отдает "на откуп" духовно развитой личности право самой выбирать для себя то, что ему, обществу (а также макрообщностям, которые могут рассматриваться как *творцы морали*), оказывается необходимым по историческому счету, вручая ей всю полноту возможной на данной ступени свободы (а стало быть, и ответственности), подстраховывая ее поступки лишь корректирующим и суггестирующим воздействием общественного мнения.

Данные характеристики природы морали позволяют нам попытаться предложить определение этого феномена как *безыституционального механизма регуляции массового общения людей в макрообщностях и во всей социально-организованной жизнедеятельности в целом*. Такой регулятивный механизм предполагает суверенность субъекта выбора поступков и всей линии поведения, что оказывается как предпосылкой исторического бытия морали, так и отдаленным результатом ее существования. Непосредственной волепринуждающей инстанцией служат нравственные убеждения (совесть, нравственное чувство, добрая воля) и идеальные, то есть духовные, неформальные санкции общественного мнения. Эти санкции представляют собой стихийные или же известным образом организованные реакции социальной среды на поведение личности и образ ее мыслей, на акции целых групп. Санкции – суть апробации и осуждения, поощрения и наказания, выражения морального признания или же отказа в нем.

В рамках данной концепции долженствование противопоставляется всем иным соображениям (утилитарно-прагматическим, пруденциальным, идеологическим). Моральными признаются только совер-

шенно бескорыстные мотивы, которые, к сожалению, недостаточно подвергаются последующему ценностному анализу (необходимому, например, для решения проблем так называемой смешанной мотивации, "бескорыстной недоброжелательности" и эгоцентризма, нравственной оправданности личного интереса и наслаждения, противоречий альтруистическо-индивидуалистической мотивации, мотивации при осмыслении исторической роли зла, обсуждаемой в теориях Б. Мандевилля, А. Смита, Г.В. Гегеля и др.).

Достижения исследований, ориентированных на историко-генетическую концепцию, хорошо известны отечественной научной общественности. Вместе с тем критика обнаруживает в ней и слабозащищенные пункты. Так, больше внимания в ней уделяется изучению индивидуального, чем общественного морального сознания; описывая процедуру морального способа регуляции поведения, данная концепция оставляет в тени ряд вопросов принципиальной важности: как, каким образом у действующего лица возникает стремление к нравственному образу жизни, совершенствованию, стремление к бескорыстным поступкам, как при этом происходит "креация" и развитие самих требований общественной дисциплины? Вообще практическая деятельность по отношению к морали оказывается чем-то внешним, не более чем приложением самоценных сил долженствования. Неудивительно, что данная концепция вынуждена преувеличивать различия социального и индивидуального, общественного и личного, пруденциального и ценностного.

Обратимся теперь к историко-системной модели³⁴. Мораль в ней рассматривается как *уникальный способ духовно-практического освоения мира человеком*, совершаемого в логико-рефлексивной, эмоциональной и подсознательной формах. Такое освоение происходит с помощью дихотомического восприятия всей социальной реальности путем квалификации ее фрагментов как добра и зла. Определение морали производится исходя из нее самой, а не так, как в первой концепции, где она определяется через неморальные моменты. В историко-системной интерпретации морали упор производится на сближение, сочленение и совпадение социального и индивидуального, общественного и личного, утилитарно-прагматического (и даже праксиологического) и собственно ценностного. Духовно-практическое освоение мира означает, с одной стороны, утверждение "человеческого" в социуме, а с другой – утверждение общественной сущности человека путем нравственной социализации, а стало быть, и путем нравственного воспитания как сердцевины всякого воспитания (в этом смысле человек находится вне общества, и он "воспитывает" общество не в меньшей

---

³⁴ См., например, Титаренко А.И. Структуры нравственного сознания: Опыт этико-философского исследования. М.: Мысль, 1974; Марксистская этика. М.: Политиздат, 1986.

степени, чем общество "воспитывает" его самого). Иначе говоря, обосновывается идея непривнесенности морали в индивидуальное, ее имманентности человеку как существу общественному. Становится очевидным, что вторая модель исключает представление о морали как только форме общественного сознания. Она проводит линию на признание морали стороной, свойством единой человеческой жизнедеятельности, а также составным элементом духовно-практического "производства человека". В фундаментальном разрезе она уже не просто "отражает" действительность, но и проникает в нее в качестве сквозного элемента общественной практики.

Отсюда один шаг до признания за моралью свойства быть независимой переменной общесоциальной детерминации, "причиной самой себя" (Б. Спиноза, М. Мамардашвили), что позволяет преодолеть экономическую "монополию". Эти эвристически существенные положения могут быть обесценены, если мораль просто-напросто отождествить с материальной практикой, не с духовно-практическим, а с предметно-практическим освоением мира. Отношение между практической и духовной сторонами морали не имеет каузально-генетического характера, не может быть определено в рамках категориальной пары "первичное-вторичное". Такой подход, наконец, позволяет истолковать деятельность и как "производство" ценностей, которое лишь в определенных исторических ситуациях морального отчуждения выступает как процесс производства извне навязываемых предписаний и оценок (хотя до конца такая ситуация не может быть, на наш взгляд, преодолена).

Каждая из представленных выше концепций природы и сущности морального феномена далеко не исчерпала своих потенций, и – в том нет сомнений – им еще предстоит совершить новые усилия для их реализации. Прежде всего для того, чтобы преодолеть некоторую исследовательскую "дремоту", воцарившуюся в этике. Вполне возможно, что такой прорыв произойдет в результате успешного синтезирования описанных выше моделей, пусть даже не на паритетных началах, а лишь в процессе субординации концепций в качестве двух уровней познания морального феномена. Есть все основания полагать, что А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян порознь и вместе существенно продвинулись по пути использования указанных потенций историко-генетической и историко-системной концепций морали, выявив возможности их синтеза за счет развития идейного потенциала каждой концепции, а не за счет малоэффективного метода "ослабления крайностей"³⁵.

---

³⁵ См.: Гусейнов А.А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. М., 1996; Апресян Р.Г. Идея морали и основные нормативно-этические программы. М., 1995; Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 1998.

Из переводных работ см.: Рорти А. Царь Соломон и простолудин: про-

Мы полагаем перспективными несколько иные подходы в познании морального феномена. Первый из них связан с преодолением разделения морали на "подлинную", сущностную, онтологическую, "высокую" и – "неподлинную", зыбкую, функциональную, "низкую", что присуще романтическому воззрению на нравственную жизнь. Метод конституирования "подлинной" морали у романтиков воспроизводит веками отшлифованную манеру моральной догматики. Теоретику эта манера вменяет в обязанность раньше всего уяснить тайну сущности человека. И затем, руководствуясь обретенной на этом тернистом пути Истиной, раскрыть сущность "подлинной", "высокой" морали. С разреженных высот абстрактных истин производится придирчивый "смотр" земной практики межличностных и внутриличностных отношений грешного человечества. "Хорошая" практика решительно отсекается от "дурной", а вместе с тем сознание моральное – от сознания утилитарного, пруденциального. Первое – всегда и везде предписывает альтруистическое бескорыстное поведение, верность тому интересу, который признается за "родовой", "общественный", "коллективный".

Подобная "операция по расчленению" открывает довольно мрачную истину – в большинстве случаев несовпадение "подлинной" морали с моралью практикуемой. На деле человек не может быть ни последовательным эгоистом, ни безудержным альтруистом, он то устремлялся навстречу наслаждениям, то идет к целям, ввергающим его в пучину бедствий и мучений. Иногда он с готовностью принимал их, а чаще всего горько проклинал судьбу. Был то сластолюбцем, то мучеником – не столько за идею, за веру, сколько "просто так". Рвался к богатству, власти, почету, услугам или же ревностно исполнял свой долг – в меру его понимания. Попеременно был и палачом, и жертвой, творцом и безынициативным исполнителем чужой воли, героем и жалким соглашателем.

Исторические формы морали уводили человека в сторону от "совершенного" образца моральности, который столь удачно сложился в голове теоретика-идеолога. И это предопределяло вынесение теоретиком безжалостного вердикта: не соответствует история сущности человека и "подлинной" морали. Необходим был – по мнению данного теоретика – трансисторический бросок или же признание истории всего лишь "предысторией", после которой "подлинная" мораль, наконец-то, станет практической и люди возьмутся за ум, примутся жить, скажем, по моральному кодексу "строителей чего-нибудь". Исполнение велений такого кодекса доставит человека в безопасную гавань социального благополучия, путь в которую обозначен навигационными огнями "подлинной" морали. Что же касается морали "неподлинной", то она в

блема согласования конфликтных моральных интуиций // Вопросы философии. 1994. №6; Хеффе О. Политика, право, справедливость. М., 1994; Ролз Джон. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

конечном счете оказывается жалкой тенью, подобием морали и, скорее всего, лишь respectableм выражением аморализма. Зло, пороки, несчастья объяснялись "превратными толкованиями" (по саркастическому выражению М.Е. Салтыкова-Щедрина) сущности "истинной" морали, которой приходилось до поры, до времени ютиться где-то на задворках истории, воплощаясь в поступках "святых", страстотерпцев, людей не от мира сего. Так было и так будет вплоть до того момента, пока "истинную" мораль не выведут на историческую авансцену философские откровения теоретика "светлого будущего". Скажем, в виде морали обитателя коммунистического "завтра", последователя идеологии чучхе и т.п.

Согласимся, что метод моральной догматики отражает некоторые реальные моменты функционирования морали, хотя и делает это в абстрактном виде. Действительно, существуют известные различия между моралью благоразумия, повседневности, непосредственной социальной полезности (наличной социальности) и моралью подвига, подвижничества, раскованности, творчества. Истории нравственности присущи противоречия между идеалом и реальными нравами, идеальной этикой и этосом, между универсальным эталоном моральности и должным в рамках конкретного бытия социума. Неизбежное противоречие между моралью прокламируемой и моралью практикуемой способно в ряде случаев превращаться в пропасть, создавая ситуации морального кризиса и торжества массового лицемерия.

Но в целом метод догматики проявляет полное бессилие, когда ему предстоит установить связи между целями жизнедеятельности людей и ее моральной регуляцией. Методологическая амуниция романтизма оказывается слабо приспособленной к ситуации морального отчуждения, когда мотивы поведения людей черпаются одновременно из "грязной", "торгашеской" практики и из сферы "абсолютно самостоятельных идей", когда рушится согласованность моральных обязательств человека и гражданина, когда несовместимыми оказываются целесообразность и моральность поведения, когда рост аморализма в определенном смысле становится чуть ли не предпосылкой нравственного развития общества в целом (то, что выше именовалось исторической ролью зла). В такой ситуации гораздо легче в сектантском упорении вообще отрицать нравственное развитие, нежели признавать его "коварную" относительность и тягостную противоречивость, совместимость с некоторыми кризисными процессами, даже с утратами и тупиковыми отклонениями в духовном развитии человечества, с инволюцией нравов, с патосом как отрицанием того или иного этоса (о чем будет сказано в дальнейшем).

С обсуждаемой проблемой противопоставления "истинной", "подлинной" морали и морали "неподлинной", псевдоморали и т.п. тесно связана другая, не менее сложная проблема: как при объяснении, интерпретации феномена морали избежать прегрешений односторон-

ности, которые мы называем гиперморальностью и гиперсоциальностью. Из изложенного ясно, что мораль обладает дуалистической природой как одновременно сфера должного и как сфера сущего, как механизм, обслуживающий социальные системы ради их стабильности, устойчивости, динамизма, ради социальной адаптации людей (а потому к нему можно относиться утилитарно, контекстуально, детерминистски, апостериорно), и вместе с тем как механизм индетерминистского свойства, как априорная, предзаданная система ценностей, как мотивационный механизм, превосходящий функциональность, ориентирующий на критику любых форм социальности, заведенного в социуме порядка. Интерпретация дуалистичности морали представляет собой труднейшую задачу в методологическом плане, и нарушение интерпретационного баланса всегда содержит возможность крена то в сторону гиперморальности, то в сторону гиперсоциальности.

Начнем рассмотрение проблемы разбалансировки в интерпретациях морального феномена с последней односторонности. Гиперсоциальность сводит мораль, добро и зло лишь к санкционированности поведения различными формами общественного авторитета. Поэтому она блокирует всякое должное, не сводимое к непосредственной социальной эффективности, пользе, к запросам наличной социальности. В предельном случае должное по сути дела сводится к сущему, а моральность утопает в пруденциальности, целесообразности.

При таком истолковании морального феномена исчезающе-малыми становятся различия между собственно моральными и внеморальными или околморальными способами регуляции и ориентации поведения (политико-правовые, организационно-административные, общекультурные способы). Исполнить требование постоянно удерживать в уме родовое определение морали с точки зрения ее отличия от всех иных способов регуляции, иных форм общественной дисциплины, социального контроля над поведением при этом оказывается крайне затруднительным. Социологическая интерпретация морали редуцирует многообразие функций морали только к одной - доминированию функции социального контроля над поведением. Терминальные, конечные ценности остаются неразложимым остатком (резидиумом) бытийного состава морали, который хотя и образует лейтмотивы поведения, участвует в их формировании, но оказывается для научного анализа совершенно иррациональным фактором.

И действительно, он обязывает проявлять скептическое воздержание от суждений тогда, когда ему предстоит объяснить историческое развитие морали, проинтерпретировать смены "больших" нормативно-ценностных систем, сложность, запутанность, противоречивость выражения в них актуальных запросов постоянно обновляющейся социальной практики. Проблема духовных исканий и поиска оснований для самоопределения нравственного образа жизни упрощается до столкновения желаний выполнить предписания ("добро") или же под тем или

иным предлогом уклониться от его исполнения ("зло"). Запрещается таким образом даже ставить "подрывной" вопрос о том, являются ли действительно социально необходимыми те предписания, которые превращаются с помощью социального контроля и социализации личности в индивидуально-желаемое, переходят из нормативного комплекса в мотивирующий. В качестве метафизических отклоняются сомнения относительно того, не воплощает ли дух предписаний интересы "солидаризма", основанного на подмене общественного долга узкими, своекорыстными, группистскими интересами вполне конкретных социальных общностей и организаций, что порождает, как известно, в высшей степени "удобную" моральность. Идеалом становится конформность, верноподданничество любого профиля. В такой "удобной" моральности утрачивается предназначение морали - "очеловечивать" социум и одновременно "социализировать" человека. При этом теряются различия между аморальностью и действиями, направленными на гуманизацию социальных отношений, искажается соотношение между нигилизмом и моральными инновациями. Гиперсоциальный подход к интерпретации морального феномена лежит в основе апологии "морали" потребительства и технократически-бюрократических подходов к нравственной жизни.

Что касается крайностей гиперморализма, то он резко противопоставляет социально контролируемой, "канонической" морали бремени и повиновения социально неконтролируемую мораль свободы, любви, беспечности (относительно близких и тем более отдаленных последствий собственных поступков), самораскрытия, спонтанности и чуть ли не пророчества. Отсутствие связанных с "подлинной" моралью признаков или же части этих признаков в поступке, в поведении в целом позволяет категорически оценить их либо как неморальные, либо даже как аморальные акты. Моральными признаются только совершенно бескорыстные мотивы, аскетические устремления, независимо от того, что в реальной нравственной жизни – как уже говорилось – обнаруживается смешанная мотивация, возможен "безадресный альтруизм", присущий спонтанному порядку рыночного общества. От субъекта активности требуется установить чуть ли не из самого себя представления о добре и зле, долге, верности призванию, различным обязательствам, которые никак не могут быть объективированными, тем или иным способом выверены логическими средствами.

Дистанцированная от социальных забот и заземленных интересов мораль отрабатывает облик моральных абсолютов, идеалов всечеловеческой солидарности, чуть ли не уважения ко всему живому (предельным случаем такого уважения, по буддистской легенде, служит поведение отшельника, который отдал самого себя на съедение из-за сострадания к голодному льву). "Гиперморалисты" ворчливо бранят прогресс (отчасти не без оснований – ввиду вульгаризации его образцов, восходящей в эпоху Просвещения), идею же нравственного про-

гресса вообще не приемлют. Они катастрофически суживают сферу моральности, исключая из нее по разным основаниям труд, политику, предпринимательство, культурную деятельность. Они резко отделяют должное от сущего, мораль от нравов, "производство" моральных представлений от их "потребления", по многим статьям преувеличивают различия между гетерогенными видами общественной дисциплины, способами регуляции и ориентации массового поведения.

Позиционирование в духе гиперморализма обрекает на противопоставление дисциплины и свободы, контролируемости и добровольности, ответственности и энтузиазма, этики убеждений и этики долга, как это трактуется М. Вебером в известном докладе "Политика как призвание и профессия". С этой точки зрения отвергается проблематика конкретизации моральных установок, приложения морального феномена к сравнительно обособленным сферам и видам человеческой деятельности, отвергается даже сама возможность существования – наряду с абсолютами – и моральных релятивов, действенных не "везде и всегда", а только "здесь и сейчас", отклоняется возможность возникновения и конвенциональной морали, ценности которой опираются на принципы общественного договора, а нормы складываются не только стихийно, но отчасти и по соглашению.

Гиперморализм преувеличивает роль импульсивности и непосредственности в нравственной жизни человека, противопоставляя интуицию (даже если отказаться от дискредитирующей моральную интуицию представления о ней как нерассуждающем следовании голосу совести, как какой-то сверхразумной инстанции) разуму, дискурсивному этическому мышлению, взвешивающей стратегии морального выбора. Такая позиция абсолютизирует психологическую сторону морального творчества в ущерб его социально-результативной стороне, ведет к чрезмерному негативизму в восприятии социальной реальности в духе культурофобии, технофобии и социофобии.

Возможность благополучно проскочить мимо Сциллы гиперсоциальности и Харибды гиперморальности предполагает как удержание в уме родовых признаков морали (универсальность механизма, всеобщая адресация, безынституциональность, особая значимость "чистоты" мотивации и т.п.), так и в максимальной степени учет исторического подхода к самим этим признакам. При этом стремящемуся реализовать эту возможность предстоит не просто зафиксировать качественное своеобразие исторических типов нравственности вообще и "малых" нормативно-ценностных подсистем, поскольку каждый тип и каждая подсистема оказываются вместе с тем и определенным этапом в общем филогенезе морали.

Нравственное развитие человечества нельзя изображать в виде механического, монотонного восхождения от одной ступени к другой, так как каждая такая ступень, несмотря на известную цикличность, обладает высоким уровнем своеобразия не только по отношению к пред-

шествующей (однолинейность), но и с точки зрения взаимодействия со всем процессом исторического развития морали в целом. Каждая ступень, каждая фаза оказываются продуктом саморазвития морального феномена, достижения им зрелости и в этом смысле восхождения его – в терминах гегелевской философии истории – "к самому себе". При более скромной лексике надо говорить не о проявлениях телеологизма, как могло бы показаться на первый взгляд, а о движении от менее развитых структур морали, лишь начавших воплощать родовые признаки по их степени и даже по числу, к более развитым структурам, от сравнительно элементарных нравственных порядков, от нравственных начал к сложным, многоярусным нормативно-ценностным системам с разветвленным составом взаимодействующих подсистем.

Филогенез морали можно резюмировать в становлении сущностных свойств ее зрелости. Мы предлагаем описывать их по следующей группировке показателей: а) показатели, которые характеризуют формирование универсальных моральных предписаний; б) показатели, которые связаны с процессом складывания способности каждого субъекта трансформировать нравственный закон в самообязующее содержание мотивов и намерений; в) показатели, которые с разных сторон выявляют возникновение и закрепление у такого субъекта способности к суверенному выбору и сотворческому исполнению предписаний.

Мы понимаем, что не следует со всей категоричностью настаивать именно на таком "наборе" или "пакете" показателей зрелости морали - вполне возможны его расширение, последующая детализация или уплотнение, агрегация, а также иное лингвистическое изложение и переформулирование. Важно только исключить односторонние взгляды на природу морального феномена, преувеличивающие какие-то отдельные его стороны, грани, свойства то в духе гиперморальности, то в духе гиперсоциальности, принимая одни из них в качестве сертификатов "подлинности", а другие - как индикаторы неаутентичности.

За интегративный параметр становления развитой структуры морали мы предлагаем взять процесс концентрации в моральном сознании мировоззренческого содержания. Мировоззренческий ярус морали необходим для того, чтобы принять предписания в качестве внутри идущих повелений (переход от гетерономии к автономии, от свойственного застойным социумам бессубъектного долженствования к долженствованию личностному), самоопределившись по отношению к доминирующим системам ценностей, чтобы "сцепить" отдельные поведенческие акты в самоуправляемую линию поведения, чтобы обрести известную цельность протекания внутриличностной нравственной жизни, оснастить моральный выбор неформальными интерпретациями. Моральное мировоззрение тем более необходимо, что все это предстоит личности сделать в обстановке усложнения как самой структуры поступка (о чем писал М.М. Бахтин в своей "Философии поступка"), так и способов "включения" его в линию поведения в ситуации повышения

динамизма протекания духовной жизни общества - косвенного результата процессов модернизации и постмодернизации.

В завершение нашего рассуждения о природе морали считаем обязательным отметить, что пока в общественном сознании не просматривается становление методологии, пригодной для анализа суперсложных систем, каковой без сомнения является мораль, а потому приходится признавать известное равенство множества описаний и интерпретаций морального феномена, рассматривая их с точки зрения "языковых игр" в науке (по Л. Витгенштейну). При этом они обременены не столько релятивизмом или скептицизмом, как это может показаться в первом приближении, сколько постмодернистскими установками, когда утверждается не просто равенство любых теоретических описаний и объяснений морального феномена, а предлагается отказаться от стремления как-то их сравнивать, иерархизировать по принципу близости к некоей общеобязательной истине, отказаться от намерения использовать одну теоретическую модель в качестве оценочного шаблона остальных моделей. К революционированию парадигмы феномена морали путь лежит – как полагают некоторые исследователи – скорее всего в поиске средств мобилизации надэтических теоретических ресурсов (новая теория эволюции, концепция рождения порядка из хаоса, теории инструментальной и коммуникативной рациональности и т.п.). Предугадать дальнейшее развитие интерпретаций морального феномена не представляется возможным.

1.2. Социокультурная динамика нормативно-ценностных систем

Задача выдвижения и обоснования теоретических положений о природе морального феномена побуждает этику систематически обращаться к эмпирическим материалам (в том числе связанным с процессами становления и развития нравственности), к исследованиям исторических типов нравственности, что предполагает изучение причин возникновения отдельных структурных элементов, понятий и представлений, характерных для этих исторических типов, этапов их последующего развития, процессов образования этнонациональных моделей нравственности, а также анализ прошлых и настоящих нравов разных стран и народов. На этой основе постепенно формируется особый междисциплинарный комплекс знаний, который можно было бы назвать *исторической социологией морали*. Объектом такой социологии оказывается эволюция нормативно-ценностных систем общества и "малых" подсистем тех или иных общностей.

Выражение "эволюция морали" используется для обозначения ненамеренного, стихийного развития морального феномена путем отбора и закрепления в его составе и структуре всего того в нравственной жизни, что наилучшим образом приспособлено к эволюции социума и культуры, к ее неуправляемому, лишь предугадываемому, ходу, к различным поворотам и зигзагам такого движения. В то же время

данный феномен, его формы отчасти оказываются кумулятивным итогом творческой человеческой деятельности, по масштабам и целям превосходящей простое приспособление к изменяющейся среде. В этом смысле есть основания полагать моральный феномен “хитрым изобретением” людей. В многоаспектном процессе зарождения и развития нормативно-ценностных систем и подсистем обнаруживается сплетение множества линий возникновения и воспроизводства морали, включая и инволюционные линии. При этом филиация идей и представлений каждый раз по-разному сочетается с обновленческими “прерывами непрерывности”, которые иногда именуют “моральными революциями”.

Традиционная мораль. В этической литературе давно сложились различные точки зрения по поводу исходного пункта возникновения морали, обсуждение которых представляет собой вполне самостоятельную тему. В рамках же теории универсального эволюционизма исторической социологией морали выдвигается трихотомическая концепция развития мировой цивилизации. Первой всеобщей стадией называют традиционную или аграрную цивилизацию - именно в ней начинается долгий процесс превращения нравов первобытности в собственно моральный феномен. Происходит это путем постепенного сепарирования моральных норм и ценностей от мозаичных обычаев, локальных традиций, посредством десинкретизации ценностного универсума.

Такое движение, если рассматривать его с позиций сравнительно обособленных культурно-исторических типов уникальных цивилизаций, было полно своеобразия. Однако, несмотря на цивилизационный плюрализм с его колоссальным разбросом во времени и пространстве, все народы, продвинувшиеся от архаики к цивилизованному существованию, так или иначе прожили – а многие все еще проживают – стадию традиционности. На мораль этой стадии решающим образом повлияла застойность, малоподвижность всего социума, которому был присущ социокультурный гомеостазис (рутинные методы производства, натуральное хозяйство, слитные локальные связи, едва заметные социальные перемещения, опосредованность отношений производства органическим и ограниченным коллективом, будь то сельская община, городская коммуна, каста, цех, гильдия, приход и т.п.). Подобные микрокосмы поглощают своих членов до такой степени, что сами и выступают субъектами социального действия. В них преобладают сплоченность, неформальные связи, иерархическая упорядоченность отношений, инерция укоренившихся видов деятельности, деспотия наследуемого опыта. Индивиды с интравертной культурой, сбалансированностью желаний и нормативных культурных образцов, аффективным мировосприятием пребывают в состоянии самоудовлетворения: принятая условия своего существования как собственные, а не отчужденные, они почти не стремятся их преобразовать, улучшить или обновить.

В традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Это не исключало состязательности в поведении, но ее центр тяжести помещался не в производительной, а в социетальной сфере; при этом жизненные стратегии не выбирались индивидами самостоятельно. Если приоритеты успешности и обнаруживались, то во внесистемных секторах традиционных социумов. Например, в сфере торгового капитала, где зачастую действовали этнические или конфессиональные “чужаки”, которые, приспособившись к рутинному окружению, были вынуждены культивировать мотивацию достижения, идущую вразрез с установлениями традиций.

В “верхах” такого общества практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости, а не расчетливости и хозяйственной эффективности. Они берут начало еще в полисной ментальности, когда удалось осуществить синтез аристократического и демосного этосов, которые в эпоху Средневековья расщепились на составляющие: аристократический, рыцарский, отчасти и монашеский этосы и этос бурга, слившиеся уже за историческими границами традиционного социума. В официальной морали этого социума царил принцип любви в его христианской интерпретации, хотя он весьма слабо коррелировал с реальными нравами. В целом преобладали поведенческие нормы и правила сословного и общинного, прежде всего крестьянского, солидаризма. При этом данные нормы и правила, культурные символы в такой степени обеспечивали бесперебойное функционирование микрокосмов, институтов социума, что они не были проблематизированы, в такой степени являлись привычными, органичными, что не побуждали “допрашивать” их относительно истоков данных механизмов. В этом смысле указанная система - суть “естественная” мораль.

“Рациональная” мораль. Ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов, при становлении индустриально-урбанистической цивилизации, переход к которой, по метафоре М. Вебера, означал “пролом традиционности”. Люди попадают в макромир “большого” социума, впоследствии – в гражданское общество, когда, добровольно или вынужденно, “катапультируются” за пределы своих чуть ли не чувственно воспринимаемых микромиров – общин, самодостаточных малых групп, локальных общностей.

В новой цивилизации, в бескрайних социальных пространствах, в радикально изменившихся сетях человеческих отношений значительная часть поведенческой аксиоматики, правил, установлений, обычаев и даже сакрализованных заветов, которые столь прочно цементировали традиционный социум, придавая человеческим добродетелям очевидный характер, начинают утрачивать свою обязывающую силу. В сетях человеческих отношений появляются отношения между участниками углубляющегося разделения труда и обмена результатами специализированной деятельности. На рыночной площади и на политическом

поприще, тем более в конфликтных, конкурентных отношениях неуместными оказываются требования типа “возлюби ближнего своего”. То же относится и к кодексам великодушия и щедрости, с презрением отвергающим договорные, а не “органические” отношения, расчетливость и правило эквивалентности воздаяния.

Вся система общественных отношений перестраивается в соответствии с принципами рациональности. В этом направлении меняются отношения с природой, ставшей объектом покорения, с государством, социальными институтами. Рационализируются процессы обмена, производства знаний. Утверждается обязывающая сила логического мышления, способность отделять факты от мифов, обычное право – от права формального, начинается использование научных технологий. Рационализации подвергается даже религия, насколько это вообще возможно. Происходит и рационализация отношений между людьми – благодаря свободному подчинению универсальным нормам рационального поведения и отделения его как от косного обычая, так и от произвола и вседозволенности. Автономная личность высвобождается от патерналистской опеки, совершает акты морального выбора, производит максимизацию целей и средств своей деятельности, осознает собственные интересы и интересы других, оказывается готовой к адекватной самооценке, поиску своего должностояния и определению характера персональной ответственности не просто перед “кем-то”, а за “что-то”.

Эти универсальные и абстрактные правила рыночного и политического поведения, соответствующие им ценности можно называть “нетрадиционной”, “неестественной” или “рациональной” (рационализованной) моралью, занятой, по саркастическому выражению Ф. Ницше, “объестествливанием” моральных ценностей. Следуя таким нормам, индивиды могут все в большей степени служить удовлетворению потребностей незнакомых им лично людей, расширяя тем самым границы человеческого сотрудничества, обеспечивая известное единство в обществе и сообществах, реализуя присущие им свойства самоорганизации и самоуправления. Рыночная экономика, политические институты общества, специализированная деятельность в организациях не могут успешно функционировать, не располагая мощной поддержкой в виде норм и ценностей “рациональной” морали с ее обязательными правилами для всякого, кто вступил на публичную площадку, независимо от того, оказалось ли это ему выгодно в конкретном случае или же, почему-то, не оказалось (в этом заключается основное отличие данной морали от утилитаристской этики).

Принципы и нормы солидарного и бескорыстного поведения, товарищества и братства, столь понятные в “малом” социуме, кажутся – за небольшими исключениями – рискованными и даже излишними в агональных, конкурентно-соревновательных отношениях. То же происходит с моральной доктриной приоритета благополучия общины, ком-

муны над благом отдельного человека, его семьи. Но это не дает оснований предполагать, будто ценности “естественной” морали девальвируются. Именно они “очеловечивают” социум, социальные связи людей, особенно тогда, как отмечалось выше, когда со всех сторон усиливается их формализация. Ценности альтруизма, товарищества, солидарности и взаимопомощи остаются непререкаемыми ориентирами помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, приходов, в традиционных секторах общества. И за этими границами они остаются “фаворитами” морали, но применяются более сдержанно и избирательно. В экстраординарных, форс-мажорных обстоятельствах (война, экологические бедствия, аварии сложных технических систем и т.п.) данные ценности смещаются от периферии к центру нравственной жизни, являя всю свою мощь и духовную красоту.

Такая мораль, конечно, не выражает духа беззаветной любви к ближнему и сплоченности, она прозаична. Вместе с тем она воплощает этику ответственности, требует не доброжелания и симпатий, а беспристрастности и уважения между агентами “большого” гражданского общества. Не столько мотивы поступков и характер намерений, сколько позитивные результаты в различных их измерениях – критерий добра и зла такой консеквенциональной этики. Но поскольку, ориентируясь на позитивные результаты, человек как бы “обречен” приносить благо другим, пусть даже не испытывая расположения к ним, а лишь являя верность долгу, правилам честной игры, то его мотивы преданности нормам “рациональной” морали и уважения к людям можно было бы назвать относящимися к “безадресному альтруизму”.

“Рациональная” мораль, наиболее полно представленная в этике предпринимательства, в политической и профессиональной этике, содержит в себе потенциалы саморазвития. В ней выращаются инвективы против варваризованного рынка, политики в духе нравов “дикого поля”, рыночных, политических, административных стихий в том их виде, в каком они предстают вне и до насыщения ценностями культуры и этики. “Рациональная” мораль обеспечивает эффективность “открытого” общества вовсе не путем его идеализации, но за счет систематической моралистической критики рыночной экономики, своеобразного политического рынка, огромных организаций профессионалов любой направленности. Такая критика, абсорбируя экстремальные формы протеста, позволяет снизить силу кризисных факторов, погасить влияние губительных для цивилизации тенденций, предложить надежные средства от засилья морального релятивизма и догматизма, от чрезмерной приверженности к социокультурным основаниям рыночной, политической и профессионализированной деятельности, от мифологии жизненных концептов призвания, связанного со служением делу и ориентацией на успех. Эффективность такой критики ограничена определенными пределами, так как негативные тенденции в нравственной жизни, различные формы морального отчуждения возникают не

только при нарушении запретов “рациональной” морали, но даже и тогда, когда большинство агентов “открытого” общества следуют ее предписаниям.

В ситуации затяжного кризиса техногенной цивилизации есть немало оснований говорить и об ее моральном кризисе. Трактуются такой кризис на множество ладов: сколько существует в мире идеологий, столько и способов интерпретации кризиса, его этиологии, симптоматики и терапевтических программ. Больше всего обращают внимание на контрасты цивилизационного развития, когда производственные, технологические, организационные, информационные достижения сосуществуют с ростом отчуждения, с актами вандализма и терроризма, с ростом преступности, с утратами в трудовой морали и в сфере смысложизненных значений.

Однако моральный кризис, расшатанность нравов означают не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни, с которыми связаны обнадеживающие перспективы. Речь идет об информационной революции 70-80-х годов, перетряске всех социальных структур, формировании социально ориентированной экономики, создании условий для возрождения трудового этоса, развитии массового предпринимательства и ограничении всевластия монополий, ослаблении социальных конфликтов и росте “среднего класса”, о развитии личности производителя, изменении представлений об общественном богатстве.

“Пострациональная” мораль. Все это позволяет говорить о том, что эволюция морали вступила в какую-то новую фазу, начала обретать новую аутентичность, в связи с чем встал вопрос о возникновении “пострациональной” морали. С одной стороны, продолжают процессы усиления имморального потребительского духа со свойственными ему жизненными стилями и его антипода в виде ощущения иллюзорности любых социально значимых успехов, крайнего индивидуализма, фрагментации жизненной стратегии поведения. И то, и другое порождают “человека для себя”, который стремится к моральному равновесию, достигаемому путем снижения требовательности к самому себе, ограничения сферы применения моральных оценок узкими фамилистическими отношениями. Такой человек находит равновесие в исполнении принятых ритуалов с ограниченной ответственностью, все предписания этики сводит к рецептам самовнушения довольства или же вообще отказывается от любых устойчивых сетей взаимных обязательств и обязанностей. С другой стороны, наблюдается процесс преобразования нормативно-ценностной системы общества и “малых” подсистем, общностей. При этом не исчезает потребность в инновациях и инноваторах, в людях, обращенных к ценностям успеха, не происходит

отказа от фундаментальных ценностей индустриализма и демолиберализма.

“Пострациональная” (пострационализированная) мораль не вытесняет предшествующие типы на обочину нравственной жизни. Она определенным образом “надстраивается” над ними, обретает особые способы сосуществования на равных основаниях, без снисходительного взирания на “отставших”, “мизерабельных”, “социальных призраков”. При этом в изменяющемся обществе не исчезает потребность в универсальных моральных нормах, но удовлетворяется она не за счет ограничений для иных ценностных ориентаций. “Пострациональная” мораль побуждает к ревизии установившихся взаимоотношений между ценностями делового и профессионального успеха, между этими ценностями и ценностями жизненного успеха. По-новому пострациональная мораль подходит и к личностной проблеме соотношения целерационального и ценностно-рационального типов социального действия. В ней ставится и решается вопрос о праве на предпочтение одного из этих типов социального действия другому, об оптимизации их сочетания, конфигурации в жизнедеятельности в целом или же в ее узловых точках. В отличие от “рациональной” морали, которая исподволь грешила эзотеризмом и заносчивостью “людей успеха”, “пострациональная” система ценностей свободно легитимизирует каждое из названных предпочтений, терпимо относится к любым их пропорциям и комбинациям. Принцип уважения к личности, выпестованный на ценностях энергетики успеха, оказывается в обновленной системе координат не столь уж несовместимым с принципом уважения к личности, воспитанной в духе ценностей солидаризма, и к личности, принявшей квиетизм, “философию покоя”, не говоря уже о тех, кто исповедует мужественный стоицизм.

В рамках “пострациональной” морали возникают и зреют новые доминанты – экологические, неоаскетические, неогалитаристские, коммуналистские, локалистские и др. В силовом поле детерминант деятельности перестают быть конфронтационными традиционная и модернистская ценностные системы, кладется конец старинному «спору о “древних” и “новых”», так как “новейшие” предпочитают союзные отношения между нормативно-ценностными системами, не смущаясь ценностно-ориентационной эклектикой.

Нравственная мудрость, на которую стремится опереться “пострациональная” мораль, предполагает ясное осознание как того неустрашимого факта, что мораль “рациональная” содержит в себе возможность иссушения нравственных чувств людей, их машинизации, так и того, что одна только “естественная” мораль может сделать людей совершенно непригодными для существования в “открытом” обществе. Мудрость вводит запрет на отсечение двух ценностных универсумов друг от друга или на восприятие какого-либо из них как “низшего” или “высшего”, как адекватного понятию морали или неадекват-

ного ему. “Новейшая” мораль, улаживая спор универсумов, полагает, что различия между ними берут свое начало не столько из разных исторических эпох, сколько из различных сфер жизнедеятельности – публичной и частной, профессиональной и непрофессиональной, протекающей в рамках иерархически выстроенных организаций или вне их. Не просто осознать данные различия, но неизмеримо сложнее овладеть искусством переключения из одного ценностного мира в другой, так как духовные издержки при этом неизбежны. Подобное признание не предвещает “новейшим”, так сказать, сладкую нравственную жизнь – останутся и драмы нравственных поисков, соответствующие психологические смещения, фрустрации, тягостные утраты идентичности, и трагедии ненахождения смысла жизни.

1.3. Понятие этоса

Этос – понятие с неустойчивым терминологическим статусом. У древних греков понятие “этос” имело широкий спектр значений: привычка, обычай, обыкновение, душевный склад, характер человека. Этос считался подверженным изменениям и противопоставлялся “физису”, природе человека, которая полагалась неподвластной ему, неизменной.

Слово “этос” дало начало не только понятию “этика” - в XIX веке от него образовано понятие “этология” (по Дж.-С. Миллю, оно означало “науку о характере”, по Ж. Сент-Илеру - “науку о поведении животных”, В. Вундт употреблял его применительно к проблемам психологии народов, а в наше время оно используется для выделения “дескриптивной этики” или “моральной этнографии”); “этос” использовался и в качестве нравственно-эстетической и этико-логической категории (согласно афинскому теоретику музыки Дамону, можно говорить о существовании “музыкальной добродетели” как части пайдеи, об усвоении морального богатства полисного общества через соответствующую музыку).

Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности. Греки использовали и понятие “патос”. Если “этос” описывал спокойный, нравственный характер, разумный стиль поведения, то “патос” определял поведение беспокойное, неупорядоченное, иррациональное, аффективное³⁶. Сегодня понятие “патос” может быть использовано для обозначения всего того, что приводит к расшатыванию нормативного порядка в социуме, к деструкции ценностей этоса, к “порче нравов”.

Согласно М. Веберу, “хозяйственный этос” означает не простую совокупность правил житейского поведения, не только практическую мудрость, но позволяет предложить расширенное понимание самой

---

³⁶ См. Платон. Тезтет // Платон. Соч. в 4-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1993. С.208.

морали – объективированной, воплощенной в укладе, строе жизни, мироощущении людей. Подобное понимание открывало путь к исследованию профессиональной морали – политической, предпринимательской, врачебной и т.д.

М. Шелер обозначал понятием “этос” структуру витальных потребностей и влечений новых поколений людей, то, что отличает их ментальность от предшествующих поколений, присущих им чувствования и общения. Р. Мертон применил понятие этоса в социологии знания, обозначая набор согласованных норм, некий социальный код, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, преобладающих в “научном братстве”.

В современных исследованиях выделяют субэтосы, этосы как виды консенсуса, противостоящие диссенсусу, указывают на переходы от старого коллегиального этоса науки к современному дисциплинарному. Все больше говорят и пишут о других применениях термина “этос” – об этосе философствования, образования и воспитания, о либеральном и консервативном этосе, об этосе революции, об этосонологии, этососфере и т.д., выделяя соответствующие нормативно-ценностные комплексы.

По определению М. Оссовской, этос – стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этос выходит за пределы морали. Согласно Е. Анчел, этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни, свидетельствуя о неистребимой человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире, даже если он плохо согласуется с житейским опытом людей.

Современное понятие “этос” позволяет достаточно четко отличать феномен этоса от нравов: это понятие адекватно для обозначения *промежуточного уровня между пестрыми нравами – и собственно моралью, сущим – и должным*. В то же время современное понятие “этос” помогает провести демаркационную линию между этосным как *реально-должным*, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком *идеально-должного*, сферой собственно морального.

Для проведения такого рода отличий имеет смысл использовать и однопорядковое с “этосом” понятие “хабитус”, встречающееся еще у Гегеля. Оно позволяет отличать условную “мораль по обычаю”, с ее реально-должным, от безусловной морали как формализованного и идеализованного должного, соответственно отличая в нравственной деятельности человека императивы гипотетические и категорические, моральные “релятивы” и “абсолюты”. “Хабитус” акцентирует социальную детерминацию поступков, всей линии поведения, давление социальных обусловленностей, “предрасположенностей” (по выражению

К. Поппера), которые побуждают агента общественной жизни делать нечто или стать кем-то, не будучи в то же время подчиненным необходимостью. Данное понятие, как и понятие этоса, позволяет глубже осознать парадокс нравственной автономии, когда социум позволяет духовно развитой личности полную свободу морального выбора в расчете на то, что она сама на основе нравственных убеждений сможет разыскать должностное и возложить на себя соответствующие санкции и ответственность (проблема “спокойной совести”, морального удовлетворения, с одной стороны, раскаяния, покаяния, самоосуждения – с другой).

Термин “хабитус” позволяет лучше понять парадокс поведенческой стратегии, когда поступки могут приводить к цели, не будучи сознательно направленными к ней: “хабитус – необходимость, ставшая добродетелью”, агентам деятельности “достаточно быть тем, что они есть, чтобы быть тем, чем они должны быть”³⁷. Благодаря такому подходу к пониманию функционирования морали, более рельефно выявляется ее свойство быть не просто инструментом осуществления социальной необходимости, но и независимой переменной процесса очеловечивания самого социума, гуманизирующей всю ткань отношений между людьми, институтами и организациями. Потребность же в этом нарастает в ситуации усиления формализации социальных связей в современном высокоорганизованном обществе.

Понятие “этос” также дает способ преодолеть дуализм морального феномена. Этот способ предполагает при столкновении “этоса” не просто выход за пределы системы обычаев и традиций, но и добровольное подчинение требованиям к поведению, принятым в некоторых социокультурных практиках, благодаря чему данные практики возвышаются над уровнем повседневности, над “средним уровнем” моральной порядочности.

Речь идет о “продвинутых” в духовном отношении группах и условиях, а не обо всем социуме. В этом смысле можно говорить, например, о рыцарском или монашеском этосах в Средневековье или о множестве профессиональных этосов Нового и Новейшего времени. При этом соответствующие этосы связываются, но не отождествляются с привычными представлениями о профессиональной морали. Например, воспитательная деятельность, независимо от того, где она протекает, представляет собой известное сочетание как профессиональных, так и непрофессиональных начал, а потому ориентациями и регулятивами в ней выступают и профессиональная педагогическая этика, и нечто более широкое, что и можно назвать воспитательным этосом. И в медицинской деятельности профессиональная этика врача, медработника во всех ее отраслевых разновидностях оказывается лишь элементом более обширного нормативно-ценностного комплекса – биоэти-

---

³⁷ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 23, 25.

ки. В научной деятельности такая ориентирующая и регулятивная функция принадлежит как профессиональной этике ученого, опять-таки во всем разнообразии ее отраслевых ипостасей, так и особому этосу науки, ее “духу” свободы и призвания, который не только побуждает и ограничивает поведение научных работников, но и позволяет поддерживать их соучастие в бытии социального мира.

Точно так же в менеджеристской деятельности нормативно-ценностный комплекс включает как профессиональную этику управления, служебную, административную этику, так и некий этос менеджериства, его “дух”, который противостоит паразитарному нормативно-ценностному комплексу “бюрократических добродетелей”. Можно говорить и о том, что этика бизнеса опекается особым “духом предпринимательства”, а этику инвайронмента патронирует расплывчатый, трудно формулируемый, но в нравственном смысле динамизирующий экологический этос.

Для понимания природы этоса важно принять во внимание, что он нацелен на выявление границ, пределов власти над людьми, которая возникает в процессе реализации специализированной деятельности. Он ограничивает полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый – над человечеством, политик – над гражданами, врач – над больным, журналист – над получателем информации, менеджер – над подчиненным, предприниматель – над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Этос вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества, поскольку предназначен для уменьшения зависимости одного лица от другого – ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми. Этос открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций в силу различий в видах деятельности, их взаимодействия, создавая необычный феномен “власти безвластных” (Х. Арндт).

1.4. Возможности применения общей характеристики этоса к исследованию нормативно-ценностных систем

Акцентируя значимость избранного нами *этического* подхода, отметим, что отстаиваемое здесь понимание отличия этики (морали) – как *чистого бытия должного* – от этоса, который пребывает между идеально-должным и нравами, репрезентируя лишь *реально-должное*, позволяет говорить, что этика (мораль) и этос отличаются друг от друга, подобно сущности и существованию. Если этос – критик сущего, то этика (мораль) в первую очередь озабочена самокритикой. Этос, если угодно, это “полуэтика” (“полумораль”) и “полунравы”. Без такого различения надежность получаемой исследователями информации о нормах и ценностях российского среднего класса может оказаться весьма уязвимой.

Особо отметим эффект этосного подхода в исследовании дилеммы универсального – уникального в ценностях среднего класса. С нашей точки зрения, если этика (мораль) среднего класса не может быть "русифицированной" или даже "россиефицированной", то этос среднего класса практически *не может не быть* таковым, если он образуется, выращается и отчасти имитируется не где-то, а именно в России.

Добро и зло, справедливость, благородство, честность и т.д. интернациональны, универсальны, что бы по данному поводу не изрекали националистически озабоченные ксенофобы и поборники ложного патриотизма всех стран. Во всяком случае, они универсальны с точки зрения *формы*, а в морали, как это было доказано И. Кантом, форма в высшей степени содержательна. В этосном же контексте фундаментальные моральные понятия конкретизируются, "оформляются" в нем. Конкретизируется их восприятие, отношение к ним, как, впрочем, и вся проводка их связей с неморальными понятиями и ценностями. Нормативное на этом уровне фактуализируется, не утрачивая своих исходных универсальных значений.

С нашей точки зрения, этосный подход к исследованию феномена российского среднего класса позволяет понять *реальную конфигурацию* конвенциональных норм – "правил честной игры", с одной стороны, и с другой – такого вдохновляющего эти правила итога нравственного самоопределения *человека с акцентуированной ориентацией на достижения*, как его кредо (индивида, фирмы, сословия), включающего итоги нравственных исканий как в сфере социальной ответственности, так и в экзистенциальной сфере развития

Этосный подход, на наш взгляд, позволяет, с одной стороны, рационализировать возможную "шокотерапевтическую" реакцию на сверхактуализацию проблемы среднего класса посредством переакцентирования внимания с частных проблем его этики на проблемы его "духа". С другой стороны - снять столь напряженный пафос вопроса о "великой надежде или новой утопии", связываемой с миссией этики среднего класса в современной России.

Глава 2

Теоретико-прикладная модель этоса среднего класса

2.1. Предварительные замечания о нормативной модели

Современный этос российского среднего класса в своих основных чертах, самобытных свойствах еще не успел сложиться в такой мере, когда можно было бы описывать его с достаточной категоричностью. И, вероятно, не скоро сложится - духовные перемены совершаются в значительно более затяжных ритмах, нежели перемены в экономике и политике (что не должно ставить под сомнение революционизи-

рующую роль идей, в том числе и моральных идей). Этот этос пока призрачен, зыбок в своих очертаниях, дан лишь в своих проформах, скорее подлечит угадыванию, а не решительной констатации. Образующие им регулятивы не миновали инкубационной стадии и, скорее всего, еще не вступили в фазу первичной кристаллизации.

Тем не менее любые попытки рассуждать относительно социальной природы среднего класса, его генезиса, состава, миссии и, особенно, его этоса неизбежно проигрывают в своей эффективности, если у исследователя отсутствует *нормативная модель* самого класса и его этоса, то есть отправная точка интерпретационных усилий по освоению всей массы эмпирического материала. Но каким способом эта модель может быть создана?

Такая модель, конечно, не может быть результатом простого индуктивного накопления фактических данных (статистики, материалов социологических опросов, данных "включенных" и иных наблюдений и т.п.). Как и любая иная инновация, подобная модель создается с помощью неформализованных понятий, в которых сохраняются элементы неопределенности (они не могут быть устранены до конца ни на этой, ни на последующих стадиях анализа), научной интуиции, социального воображения (но не распаленного, а в достаточной мере дисциплинированного). В каком-то смысле такая концептуальная модель даже предшествует созданию внушительного банка данных эмпирического свойства о среднем классе. Она способствует их объяснению и пониманию, помогает преодолеть бесструктурность фактуры, определенным образом организовать фактический материал, предугадать ход его последующего накопления и, стало быть, процесс грядущих теоретических кристаллизаций.

Применяется ли при этом исследовательская тактика "восхождения к теории" с ее поисками социального феномена, который подлежит теоретизированию на основе анализа данных, продвигаясь от эмпирии к абстрактному "теоретическому случаю"³⁸? Нет, скорее используется прямо противоположная тактика – "восхождение от теории к случаю", то есть к социальному феномену.

Понятно, что такого рода модель не возникает внезапно, произвольно, спонтанно и невменяемо, так как нечто должно было побудить исследователей, подтолкнуть к ее созданию, пробудить чувствительность и интерес к соответствующей тематике, наметить, хотя бы вчерне, ее контуры. Таким "нечто", как нам кажется, было формирование разнородных "городских средних слоев".

Формирование таких слоев, как известно, осуществлялось в ходе "городских революций" и охватывало размытые группы мелких собственников города, практически все отряды интеллигенции, служащих,

---

³⁸ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С.96-99.

заняты в различных сферах деятельности. По мере возрастания информационных и управленческих служб происходило "омассовление" данных групп. По сути дела, речь шла о прологе к бытию среднего класса, об отдаленном его предсуществовании. Вопреки некогда популярной у нас доктринальной схеме, согласно которой идет неотвратимая социальная поляризация и размывание этих слоев, на деле произошло нечто совершенно противоположное. Более того, в ходе Высокой модернизации XX века данные слои трансформировались в интегральный средний класс.

Координация теоретических усилий с практически бесчисленной накопленной эмпирикой позволяет создать заслоны самоослепляющему мифотворчеству по поводу места и роли среднего класса в современном обществе, ослабляя тем самым опасность его деградации, которая, подобно тени, неуклонно сопровождает всю пока еще краткую историю данной макрообщности. И вместе с тем позволяет теории среднего класса избежать участи прямого инкорпорирования в сферу практических интересов данного класса (хотя и нельзя отрицать релевантности эволюции этой теории с эволюцией самого класса).

При этом здесь мы дистанцируемся от анализа национально-государственной специфики названного процесса, так как оттенки значений в настоящем контексте малосущественны. Тем более, если вопрос ставится в плане противопоставления "их" и "нашего", скажем, "славянского", "германского", "японского" и т.п. среднего класса, что, заметим, не исключает, а, напротив, предполагает исследование национальных моделей среднего класса и его этоса в плоскости категорий "свое-иное" (об этом речь пойдет в пятой главе). Весьма актуальный для современной российской теоретической и публицистической рефлексии поиск "особого пути" полагаем возможным переинтерпретировать в нашем исследовании как *рациональную* проблему "универсальное" и "свое-иное"³⁹. Выделим здесь несколько тезисов на эту тему.

Прежде всего, ситуацию становления этоса российского среднего класса (в целом, а не только предпринимательства) мы трактуем не просто как адаптивный процесс, но как процесс *неадаптивной*, творческой активности. Недостаточно анализировать лишь процесс *усвоения* правил, норм, оценок уже *ставшей* – за пределами страны – этики этого класса. Недостаточно было бы ограничиться исследованием и демонстрацией хода адаптации данной этики к новым условиям существования. Гораздо важнее прийти к осознанию того, что в этом трудном и по необходимости долгом процессе происходит нечто большее,

---

³⁹ См. об этом подробнее в нашей статье: Ведомости. Вып. 8. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. С.20-21. Относительно интерпретации Г. Риккертом принципа "инаковости" см.: Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М., 1999. С.251-253.

нежели одно только мультиплицирование “образца”, чем просто его приспособление к свойствам нового социального пространства.

Наша гипотеза заключается, во-первых, в предположении о необходимости познания глубоких *изменений* в самом “образце”, матрице (с которой снимаются видоизмененные копии), в идеализированной универсальной модели этики среднего класса. Подобные изменения (смещения, сдвиги, инверсии, переоценки и иные преобразования) оказываются возможными потому, что сам “образец” гетерогенен, являет собой прославленное диалектикой “единство многообразия”, а не гомогенный монолит, каковым он видится лишь в отдалении, когда уже прочно забыты обстоятельства его происхождения, способы возникновения, все невзгоды, испытанные им на эволюционном пути. В действительности “образец” содержит в самом себе связанность различий по множеству срезов и показателей.

Во-вторых, нам представляется важным не столько зафиксировать неизбежные изменения в универсальной модели, вызванные превратностями исторического продвижения, сферами ее приложения (производство, финансы, торговля, транспорт и т.п.), характером взаимодействия с локальными культурами и прочим разнообразием эмпирических обстоятельств, сколько выявить такие современные *альтернативы* “образцу”, которые дают возможность проанализировать акт рождения “своего-иного”, то есть позитивного отрицания данного “образца”, чтобы затем проследить: как сопрягаются “образец” и его “иное” или, по-другому, как действуют принципы дополнительности в нормативно-ценностных системах (или подсистемах), как происходит их комплементарность.

Мы полагаем, что в таком акте альтернатива “образцу” вовсе не отвергает свой собственный корень, не воспринимает его как противоположность самой себе, не упирает на то форс-мажорное обстоятельство, будто он оказывается тотально не применимым в новой для него среде обитания, не приживаемым в неведомых для него широтах. В этом креативном акте обнаруживаются свидетельства относительно способов сосуществования и коэволюционного развития альтернативы такого типа со своим “образцом”, причем не по жестким правилам “или-или”.

Для описания данных способов предпочтительно воспользоваться понятием *конкретизации* второго порядка. Если сама этика среднего класса как один из видов *прикладной* этики оказывается продуктом конкретизации норм и ценностей, запретов и дозволений *родовой* этики, то ее альтернатива – “свое-иное” – может с полным на то основанием интерпретироваться как “конкретизация конкретизации”. Однако, если речь идет не о кабинетных рекомбинациях, то как описать то, что еще только *начало* откристаллизовываться? В первую очередь с помощью *этого* подхода.

В заключение отметим, что только эвристическая модель сред-

него класса, соединяя различные его толкования, позволяет продвигаться в исследовании не на ощупь, а открывая до того заблокированный фольклорного типа "очевидностями" дискурс относительно природы, генезиса, функций данного класса, его идеологических и психологических образов (так называемые "метанарративы" или последующие повествования), что приводит к "нормативной фактивности", как выразился Карл Шмитт. В целом в настоящей работе предлагается не завершенная, во всех деталях развернутая модель среднего класса, обладающая признаками полноты и изящества, а всего лишь набросок модели интересующего нас феномена, по поводу которой в ходе научной коммуникации можно высказывать самые разные гипотезы.

Добавим к сказанному, что никто не вправе распоряжаться структурным или феноменологическим (как у нас), объективным или субъективным, позитивным или критическим знанием о среднем классе как каким-то метафизически первичным принципом, который другие обязаны безропотно "проглотить" (по словам современного итальянского культуролога Джанни Ваттимо) и затем согласиться с предписанием молчания по поводу истинности самого этого принципа. Общество несвободно, если ему предписывают молчание как знак согласия с кем-то предназначенным принципом. У каждого, рискнувшего рассуждать на данную тему, есть законное право не соглашаться с любой максималистской авторитарной концепцией среднего класса, предлагаемой в качестве единственно верной. Даже если отчасти это и так, то отсюда не следует непреложного руководства к действию, императива высказываний⁴⁰. И вообще фракционный антагонизм теорий о среднем классе малопродуктивен. Таково одно из главных правил духовного плюрализма.

2.2. "Будь лицом и уважай других в качестве лиц": Основания "прописки" в средний класс. Теоретическое рассуждение

В российском общественном сознании и в зафиксированных СМИ суждениях общественного мнения достаточно широко распространено представление о среднем классе, согласно которому консолидированным критерием его, в отличие от "крайних" классов, служит определенный легально обретенный доход. Источником такого дохода может являться как высоко специализированный наемный труд, так и предпринимательская деятельность (или же комбинация в различных пропорциях того и другого), которые способны обеспечить представителю этого класса достойный уровень и образ жизни. В более продвинутых подходах кроме этого предполагается наличие определенной массы общеобразовательных и профессиональных знаний и навыков, а также приверженность принципам трудовой морали.

Вряд ли необходимо особо останавливаться на том, что – и в этом совпадают позиции большинства исследователей, политиков,

---

⁴⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998. С.96-97.

публицистов – величина дохода и восприятие уровня и образа жизни в их количественном и качественном измерениях как "достойных" неизбежно колеблется в зависимости от множества социально-исторических обстоятельств – эпохи, цивилизации, страны, региона, круга общения и т.д. Существенно и другое обстоятельство: идентификация лица со средним классом, осознание принадлежности к нему, которую трудно раз и навсегда зафиксировать формальными средствами (попытки все же сделать это обрекают исследователя на прегрешение педантизма), само по себе служит источником позитивного социального самочувствия или настроения⁴¹ (со времен Гегеля сознание подобного класса именуется в иронической или изобличительной антимещанской, антиконформистской тональности как "довольное"). Более того, такая идентификация служит источником восприятия наличной социальной структуры и места, занимаемого в ней данным классом, как "нормальных", "органичных" и неотчуждаемых.

В свою очередь, эти свойства позволяют среднему классу с большим или меньшим успехом выполнять функцию стабилизатора в демократическом обществе с социально ориентированной экономикой, функцию медиатора между полярными силами данного общества (бедными и богатыми, "новыми бедными" и "новыми русскими", крупной буржуазией и традиционным пролетариатом), блокируя ожесточение антагонизмов, содействуя общественному консенсусу. Возникающий и крепнущий слой социально нескомпрометированных, благонамеренных, вполне законопослушных людей, кровно заинтересованных в спокойном, избавленном от потрясений, эволюционном характере общественного развития – предельные позиции в таком поведении охвачены даже пафосом "принципиального антифанатизма" (по выражению Э.Ю. Соловьева) – выполняет еще одну функцию: быть "английской монархией", общенациональным интегратором.

В результате удается сместить в укромные боковины, крайние маргиналии общества экзальтированных и мятежных участников социальных схваток, сдвинуть в эти маргиналии социальные коллизии и тем более привычную повседневность "холодной" гражданской войны, которую готовы вести эпатажная люмпенская публика с ее необузданными инстинктами, всевозможные неприкаянные аутсайдеры потрясенных социумов, которых называют "падшими ангелами" истории, носителями социальной зависти и мстительности, что делает их podatливыми к непомерным мессианским притязаниям, готовыми к раздорам агентами ресентимента⁴².

Не станем задерживаться на анализе данных функций среднего

---

⁴¹ Об этих понятиях более подробно см.: Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996.

⁴² Шелер М. Ресентимент в структуре моралей // Социологический журнал. 1997. № 4.

класса, тем более, что нам еще предстоит специальный разговор о его миссии. Важно подчеркнуть другое. Все приведенные суждения стали тиражированными общими местами, просто клишированными троюизмами в руссоистической литературе, нередко склонной использовать быстро устаревающие социологические концепции середины XX века, например, модернистский проект как политико-культурная задача с нормативным социальным эгалитаризмом и соответствующей трактовкой справедливости на базе системно-структурных представлений об обществе.

Трудно ли обнаружить, что при этом как бы "забывается" многомерность критерия среднего класса. В лучшем случае "забывается" – если о природе этого класса говорят и пишут как об очевидном, давным-давно проясненном, хорошо знакомом и ...всего лишь мимоходом "выплачивают дань" нематериальным факторам, полагая их факультативными или же трактуя их в духе еще не преданной забвению теории социального отражения в качестве следствия материальных причин, в духе вдоль и поперек изъезженной схемы "первичное-вторичное" или "базисное-надстроечное".

Возможно, следующее суждение покажется излишне резким, даже категоричным, но, на наш взгляд, в научной литературе и публицистике слишком часто не просто упускают из вида духовную составляющую среднего класса, а производят инверсию факторов "среднеклассообразования", которая сама может быть проинтерпретирована как результат "новой непрозрачности" общества и, вопреки оптимистической формуле М. Вебера, как итог околдовывания мира. То что является определяющим, служит рычагом перемен в социальной структуре реформируемого общества, их общей предпосылкой, затушевывается и воспринимается в качестве необязательного показателя полноты признаков, в роли всего лишь дополняющего, расцветивающего момента, вторичного, если не третичного, "классовообразующего" признака, а если и не малосущественного, то уж во всяком случае слишком расплывчатого, достаточно туманного, того, что может быть, а может и не быть.

Мы выбрали такую исследовательскую стратегию, которая позволяет все более отчетливо слышать голоса критики в адрес, в сущности, позитивистской и натуралистической теории среднего класса – будь то ее марксистская или же парсонсианская версии. Заботы этой критики связаны с главным тезисом обеих версий: а существует ли вообще подобный класс и как он существует – в реальности или же в представлениях о нем как особой реальности? Не мистифицированы ли сами представления о нем, не являются ли они вздорной выдумкой идеологического свойства? Не растворился ли средний класс – в том виде, каким его определяли в середине уходящего столетия, – в иных социальных пространствах и измерениях, заодно с унаследованными от сравнительно недавнего прошлого теориями социальной структуры,

куда так или иначе "приписывали" данный класс и вне которой он становится всего-навсего социологической фикцией?

Не подобное ли наследие тяготеет над теми, кто в либералистском ключе продолжает эксплуатировать "среднеклассовообразующие" критерии, будто ничего заслуживающего серьезного внимания с этими социальными структурами, с этим пространством и измерениями и не произошло. Не это ли наследие принуждает к принятию такой иерархии критериев, когда "важные", "первичные" критерии неоспоримо довлеют над "вспомогательными" и "вторичными"? Не побуждает ли само по себе такое понимание если не третировать, то по крайней мере занижать значимость нематериальных, "не данных в ощущении" факторов образования среднего класса?

Поэтому и возникает "кошунственный" вопрос: может быть, имеет смысл в корне переопределить исходную модель среднего класса в быстро меняющейся картине социального мира, осознавая, что во многом изменилась природа данного класса, переменялись его критерии, возможно – функции? И, кстати, даже квалифицируя "класс" лишь как метафору, освобождаемся ли мы от крена в сторону объективизма?

Пытаясь разобраться в массе вопросов-сомнений и отдавая себе отчет в невозможности ответить на всю их совокупность в одном, практически пионерном, исследовании на уровне предпонимания, обратим внимание на ключевую проблему: бытие среднего класса воплощает в обществе социальное неравенство, которое ставит под сомнение самое это бытие не только там, где оно только-только зачинается, становится, но даже и там, где такое бытие кажется уже давно и прочно сложившимся, едва ли не закальцинированным в социальной структуре. Причем дело даже не в самом факте такого неравенства, по определению присущего обществу модерна, а в том, что, по точному замечанию Л. Ионина, "неравенство при этом перестает быть ценностно негативным понятием; оно начинает пониматься как инаковость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей"⁴³.

С чем связано такое явление и какое отношение оно имеет к нашей теме? По мнению Ульриха Бека, рефлексивная (или "высокая") модернизация в западном мире разрушает присущие индустриальному обществу социальные параметры: классовую структуру и классовое сознание, устойчивые формы гендера и семьи, размывает коллективно-бессознательные основания этих форм, к которым апеллирует данное общество, выстраивая свои социальные и политические институты. Классовые биографии трансформируются в индивидуальные жизненные миры, исчезают характерные для традицион-

---

⁴³ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические чтения. М., 1996. Вып.1. С. 71.

ных классов стили жизни, утверждаются принципы индивидуального планирования жизни самими индивидами, выбирающими ту социальную группу (или субкультуру), с которой они хотели бы себя идентифицировать, – идет процесс становления так называемого бесклассового капитализма с высокоиндивидуализированным социальным неравенством, когда биография, удаленная от стандарта, становится фундаментальным проектом и возникают новые социокультурные общности⁴⁴.

В России, на фоне, казалось бы, прямо противоположных процессов (падение уровня жизни значительной части населения, заботы о выживании, рост неравенства по доходам и т.п.) происходит скачкообразное увеличение количества самых многоликих, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям, жизненных форм и стилей. И они имеют, как пишет Л. Ионин, исключительно культурное, а не стратификационное происхождение. Обнаруживается и крайняя подвижность профессиональной структуры. Парадоксальным образом необходимость борьбы за выживание не обедняет, а, напротив, обогащает жизненно-стилевой репертуар людей. Разрушаются стабильные классово-культурные и слоевые идентификации. Новым дифференцирующим фактором становится широта предложений в области образования, которые стали, наряду с прежними его функциями, средством освоения новых жизненных стилей благодаря релятивизации престижности профессий и родов деятельности. Причем получение образования, как правило, не является свидетельством подъема по социальной лестнице, хотя и говорит об индивидуальных достижениях, открывающих доступ к новым социально неприкрепленным жизненным формам и стилям. Стало быть, само неравенство плюрализируется, что требует пересмотра наших представлений о социальной стратификации⁴⁵.

Прислушиваясь к критике ординарных представлений о среднем классе, основные моменты которой мы пытались обрисовать выше, сконцентрируемся на проблеме "прописки", "входа" в этот класс. Довольно широко признан тезис, согласно которому средний класс не образует какого-то эзотерического социального пространства с тщательно оберегаемыми рубежами, дабы в него ненароком не просочились "чужаки" из окаймляющих и низлежащих страт, подобно тому, как "среднеклассовый" Запад всеми доступными средствами пытается уберечься от угрожающей его благополучию миграции из третьего мира. Средний класс представляет собой важнейший сектор открытого (и массового) общества, где социальные барьеры существенным образом снижены по сравнению с закрытыми или полужакрытыми социумами, а

---

⁴⁴ Бек У. Семь тезисов о новой социальной свободе // Ведомости. Вып. 4. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996.

⁴⁵ Ионин Л.Г. Указ соч. С. 71-92.

сами эти барьеры оказываются и эластичными, и пористыми, относительно легко проницаемыми.

Открытость общества и рыхлость его социальной структуры делают возможным доступ в пространство среднего класса – при всей разнородности самого этого класса, располагающего собственной структурой, – и, вероятно, подобный доступ может рассматриваться в качестве одной из основополагающих характеристик процесса самой открытости. Но проблематизация "входа" состоит в том, что фактически непременным условием такого доступа оказывается *предшествующий повседневный опыт обустройства, обживания и проживания в нем*. Притом не в порядке импровизационной пробы сил, но в качестве своеобразного социального эксперимента, дающего предваряющую "среднеклассовую" атрибуцию неопиту – пока еще только квазизаконного обитателя данного пространства. Это то, что некогда М. Вебер именовал *структурой жизненного шанса*, не совпадающего с реальной структурой общества.

Для подобного эксперимента "вход" в средний класс должен быть максимально свободным: сколь ни парадоксально следующее суждение, но членом среднего класса может быть всякий, кто готов – не эпизодически, а систематически – относить себя к нему, кто решился считать себя человеком среднего класса со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Именно поэтому в средний класс не "переходят" просто по достижению каких-то измеряемых показателей. В средний класс "забрасываются". Стать "действительным членом" этого класса – значит решиться на самовозложение долга, и не абстрактного, а вполне реального. Еще раз: в средний класс не "переходят" по достижению каких-то хорошо или дурно измеряемых показателей с явным перекосом в сторону "экономоцентризма, а "забрасываются", в нем "оказываются". "Оказываются" подобно тому, как население нашей страны после нескольких лет мучительного и непоследовательного реформирования совершенно неожиданным образом обнаружило себя как бы в "другой стране", в изменившемся экономическом и социокультурном пространстве, которое оно, население, с разной степенью усердности и успешности принялось обживать.

Следует сказать, однако, что такое "вхождение" вовсе не является продуктом игры, репетиционным, виртуальным, воображаемым (хотя роль имажинистских начал в процессе "вхождения" исключительно велика, ностальгически напоминая лозунг молодежной революции 60-х годов: "воображение - к власти!"). Стать "действительным членом" этого класса нельзя, не испробовав на собственном многострадальном опыте не только блага от пребывания в нем, но и не приняв все тяготы цивилизационного бытия, не "выдюжив" их, не проиграв соответствующие социальные роли. Аналогичен процесс мысленного отнесения личностью себя к референтной группе и в действиях по правилам ре-

социализации и абсорбции в радикально обновленной среде. Все это предполагает самовозложение долга, но, как мы уже подчеркивали, не абстрактного, идеального, а вполне реального, что позволяет отличать этику поведения от его этоса.

Соискателю на перемещение в средний класс необходимо обозреть и испробовать все грани цивилизационного бытия. При этом не по отдельности, в их частности, а в обширном контуре некоей социокультурной целостности. Не просто поучаствовать в разовом исполнении функций социального стабилизатора и медиатора (когда стабильность не фетишизируется как таковая, но подпирается позитивной мобильностью, что исключает стагнацию общества), а испытать себя на прочность в проявлении данных свойств в самых различных жизненных ситуациях. Неофиту, подчеркивали мы выше, предстоит пройти сложный курс демаргинализации (или, смотря по историческим обстоятельствам, курс делюмпенизации)⁴⁶, чтобы, в духе императива Гегеля, стать и быть лицом, уважающим другие лица, функционирующие в гражданском обществе, чтобы плотно включиться в переплетение предлагаемых данным обществом возможностей для реализации мотивации достижения, чтобы уложиться в биографические проекты успешности или же в проекты уклонения от нее.

Стоило бы поразмышлять над неким синопсисом – развернутым списком долженствований действующего в духе гегелевского императива лица, его неотъемлемых прав и обязанностей в их сбалансированности и в некотором отрыве от исходного социального происхождения данного лица. Прежде всего оно должно осуществить процедуру идентификации собственных интересов, без чего нет и не может быть среднего класса едва ли не по определению. Далее, оно обязано владеть азами политической культуры партиципации, культуры компромиссов, мастерством согласования интересов различного уровня. Такое лицо должно быть способно проявлять готовность к ведению продуктивного и нескончаемого диалогического общения с Другими, демонстрируя при этом способность к налаживанию горизонтальных деловых, профессиональных, коллегиальных, соседских и им подобных связей, готовность к четкому и честному исполнению принятых на себя обязательств и обещаний, верность конкретным правилам политической этики, императивам трудовой морали, нормам административной этики, внимательно и ответственно относясь к своей репутации в глазах значимых Других.

Из данного перечня обязательств нельзя изъять труднейшее из умений: способность справляться со свободой. Как со свободой "от", так и со свободой "для". Речь идет о присущем среднему классу умению соединять свободу с самодисциплиной (Вебер говорит о дисципли-

---

⁴⁶ О природе маргинализации нашего общества см.: Попова И.П. Маргинальность: социологический анализ. М., 1996.

линированном индивидуализме), следовать повелениям прославленной диалектики господства над собой, над своими некультурными желаниями, нескалькулированными страстями.

Неофиту среднего класса предстоит овладеть сложнейшим искусством совмещения не приемлющего самоизоляции индивидуализма и персональной ответственности с солидаризмом общенационального и коммьюнитивного типа, искусством совмещения конкурентности с кооперативностью поведения, синтезирования ценностей производительной аскезы с ценностями гедонистического потребительства (в первую очередь в той мере, в какой потребление само способно иметь производительный смысл).

Очевидно, что вся совокупность многообразных долженствований и соответствующего их символично-экспрессивного оформления предполагает глубокие перемены в ментальности личности, “входящей” в средний класс. Предполагает сдвиги и смещение не только в периферийных структурах сознания, но и в структурах центровых и трансформации едва ли не на генетическом уровне, предполагает, как сказали бы поборники психоделической практики, расширение границ личностного сознания. Очевидно, что все это просто невысказано – если не впасть при этом в крайности мистицизма – совершить априори, до достижения некоторой, пусть только начальной, степени апробации таких перемен на деле, совершить, так сказать, на доэкспериментальной фазе.

Но только такого масштаба духовные перемены делают человека подлинным патриотом без впадения в этноплеменные истерики, сообщают его поведению надежную политкорректность, позволяют уважительно относиться к своему государству, его властным институтам, признавать весь объем своих гражданских обязанностей перед ними (фискальные, воинские, культурные и т.п.). Такого масштаба перемены погружают его в новую языковую сообщество с ее глубинными грамматическими “играми”, в новую инструментальную и коммуникативную рациональность. Только такого масштаба перемены позволят преодолеть множество застарелых нравственно-психологических комплексов типа морального превосходства над теми, кого ты обошел на полной зигзагов и коварных неожиданностей стезе жизненного и профессионального успеха, а заодно и от синдрома зависти к тем, кому удалось обойти тебя на той же самой стезе; позволят преодолеть национальные, расовые, религиозные предрассудки, избавиться от пристрастий к конфронтационному поведению в ущерб его толерантности и т.д.

Итак, возможно ли принадлежать к среднему классу еще до того, как будут обретены его бытийные значения? Только реализация совокупности долженствований, прав и обязанностей (что требует от личности огромного напряжения духовных сил, самоотверженности, даже подвижничества, решимости) позволяет сделать социальное пространство среднего класса для “прописавшегося” в нем лица обжитым,

"своим".

Разумеется, никто не вправе предсказать, сколь долго продлится эта необычная "стажировка" в рамках означенного "эксперимента". Никто не вправе полагать, будто такой рискованный эксперимент окажется непременно успешным; сроки и интенсивность "предваряющего проживания" в среднем классе, достижения или провалы натурализации в нем зависят от множества индивидуализирующих факторов: обстоятельств, интенций, жизненных ресурсов. В лучшем случае они лишь могут быть проинтегрированы в феномене социальной воли к подобному бытию (которая не может быть навязана лицу извне и всегда воплощает ставку на собственные силы, а не на разномастных "пособников" и "поводырей"), к инкорпорированию в средний класс – без любезного на то приглашения и без исходной демонстрации чуть ли не нотариально заверенных фактов соответствия формальным признакам "среднеклассового бытия" (напомним их: достигнутый уровень доходов и престижа, полученное образование, культурная амуниция и т.п. – преуменьшать их значение было бы в высшей степени несправедливым делом как в исследовательском, так и в житейском плане).

Меньше всего мы жаждем предаться мечтательному продуцированию агиографий среднего класса как новому – постпролетарскому – виду идеологии "классовопоклонничества". Наивно полагать, будто становление данного класса само по себе гарантирует общество от удручающей прозаичности, тем более – от конформизма и меркантилистской расчетливости, от пороков и преступности, проявлений людской ограниченности и глупости, от всевозможных форм отчуждения, от эскапизма, наркомании, бродяжничества и прочих видов социальной патологии, от приступов массового фанатизма⁴⁷.

---

⁴⁷ М. Лернер дал следующую характеристику той части американского среднего класса, которую называют "новый средний класс": «От вершины до самого низа: от служащих управленческого аппарата и "генераторов идей" в творческих областях до мелких конторских клерков и продавщиц. Они образуют неструктурированную совокупность нескольких групп, оторванных от земли и средств производства, которым нечего продать, кроме своих трудовых навыков, своей личности, своего стремления к стабильности, своей услужливости и своего молчания. Когда-то они были сами себе хозяева, но в сегодняшней Америке, где они олицетворяют глаза, уши, руки и мозги обезличенных корпораций, все обстоит иначе: им приходится подделываться под тот образ, который им диктует их социальное положение. Чтобы заинтересовать собою нанимателя, они должны произвести впечатление дельного работника с легким характером, умеющего показать товар лицом, обаятельного и почтительного, ибо этого от них ждут и за это им платят. Это ведет к тому, что человек перестает понимать, что он есть на самом деле; его охватывает страх,

Однако исторический опыт достаточно внятным образом свидетельствует, что существование такого класса цементирует расшатанный ритмами перемен XX века, его сокрушительными катаклизмами моральный порядок в позднеиндустриальном и постиндустриальном обществе, позволяет держать отклонения от него в пока приемлемых границах. Наверно, укоренение демократических начал в этом обществе и рождение среднего класса – явления как синхронные, так и взаимообусловленные.

В последнее время выдвигаются альтернативные изложенным выше концепции среднего класса, которые оспаривают все основные положения о его природе, составе и, особенно, социальной миссии. Речь идет об ускоренном формировании господствующего класса посткапиталистического общества, которое происходит за счет размывания среднего класса как опоры индустриального общества, за счет нарастания и углубления элементов социального неравенства внутри этого класса, его растаскивания по крайним социальным позициям, а потому постиндустриальное, постэкономическое общество (данные понятия в полном объеме не совпадают) "...не столько *является* относительно эгалитаристским, сколько хочет *выглядеть* таковым"⁴⁸. Приостанавливаются, а затем и полностью прекращаются процессы социальной деполяризации, резко суживаются их возможности по многим линиям.

Выскажем некоторые радикальные сомнения по отношению к концепции стратификационной поляризации, возрастания социального неравенства, руководствуясь при этом отнюдь не постулатами публицистического оптимизма. С чем в рамках данной концепции нельзя не согласиться? Что в ней хорошо подкреплено фактуально?

Верно, что растет пропасть между высшей и низшей стратами, хотя и не во всех отношениях. Бесспорно, что конфликтующие крайние социальные группы оказываются носителями принципиально отличных ценностных ориентаций, что разделены они не столько по уровню материального достатка, сколько по типу генеральных целей жизнедеятельности: одни ориентированы, по известной терминологии Р. Инглхарта, на удовлетворение своих материальных потребностей, а другие – нацелены на постматериальные потребности, мотивированы личностной самореализацией⁴⁹. Иначе говоря, нарастающее социальное не-

---

ибо, потеряв способность к осознанию самого себя, он при этом не приобретает и коллективного сознания, которое заставляло бы его поступать "как все": он находится во власти ненасытной "жажды статуса"» (Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Том 1. С. 605).

⁴⁸ Иноземцев В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. 1999. № 5. С. 21.

⁴⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. С.4.

равенство продиктовано не изменениями в размерах собственности, в характере, структуре доходов, специфике профессиональной деятельности, в бюрократических статусах или в иных социальных детерминантах, а факторами естественными и потому трудно устранимыми. Вызваны не столько правом распоряжения разнокачественными благами, сколько способностью ими воспользоваться, способностями к творческой, компетентно-созидательной деятельности, к усвоению и продуцированию новой информации.

Итак, представляется будто социальная поляризация неуклонно продолжается. При желании она может быть проинтерпретирована в пользу “аутентичного марксизма”, хотя с трудом может быть истолкована в духе “институционального марксизма” (воспользуемся выражениями Л. Колаковского). На наш взгляд, концепция поляризации оперирует рядом упрощений. Во-первых, она опирается на тренды не столько глобальные, сколько локальные - главным образом американские. Во-вторых, не кажется убедительной идея о господствующем классе, который нельзя отождествлять с правящими элитами; сомнительна идея о реклассификации современных обществ, пусть даже взятых только в качестве ведущих тенденций, и идея о новом отчуждении, поразившем постэкономическое общество. Вряд ли без внушительных оговорок можно согласиться с аргументом о нарастающей изоляции “новых бедных” и “новых высших” страт, ибо мощный средний класс воплощает множество промежуточных слоев, нивелируя грани, закрепляя каналы статусных, образовательных, коммуникативных связей между ними. Именно средний класс “засыпает рвы” на поле социальных дистанций. Все свидетельствует о возрастании стабилизирующей миссии этого класса.

2.3. Основания “прописки” в средний класс.

Аналитический обзор экспертных суждений

Обратимся к образам среднего класса, представленным в материалах гуманитарной экспертизы “Городские профессионалы: ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий”, опубликованных в одноименном сборнике⁵⁰. Мы еще не раз на протяжении всей книги будем обращаться к материалам этого проекта, поэтому представим его замысел и способ работы.

---

⁵⁰ Городские профессионалы: ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского и С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 1999.

Мы не останавливаемся здесь на характеристике разработанной нами методологии гуманитарной экспертизы. См. об этом: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы / Отв.ред.В.И. Бакштановский и Т.С. Караченцева. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Москва-Тюмень: Центр прикладной этики.1997.

Цель проекта – исследование ценностей и правил игры успешных профессионалов города, попытка стимулирования рефлексии участников проекта по поводу их жизненного и делового пути.

Способ реализации цели проекта – гуманитарная экспертиза этоса городских профессионалов посредством рефлексии ими как собственных биографий, так и практикуемых общественным мнением модельных представлений о ценностях среднего класса. Жанр рефлексивной биографии обеспечивает здесь сочетание процедуры самоидентификации участника проекта с образом среднего класса и обобщений, возникающих в процессе самоопределения к базовым понятиям (средний класс, профессионализм, успех и т.д.).

При этом участники проекта не просто “респонденты”, но подлинными соавторами проекта, а их тексты не просто “материал” для внешнего анализа, но самодостаточный результат.

Участники проекта – незримое сообщество состоявшихся городских профессионалов, которые своими делами, особенно за последние несколько лет, заслужили право именоваться эпитетом “успешные профессионалы”. И нет в их успехе ни обязательной громкой славы, ни чудотворного везения – профессиональный успех долговременен и, безусловно, является делом их собственных рук.

Речь идет о слое людей, который далеко не исчерпывается одними лишь предпринимателями: участники проекта – люди, “поставившие” свое дело, в широком смысле этого слова. Участники проекта представляют основные социально-профессиональные группы: медицину, образование, науку и культуру, менеджмент в промышленности, предпринимательство, городскую и областную власть, журналистов и т.д.

Инвариантный алгоритм интервью. Опубликованные по результатам проекта тексты созданы в процессе интервью В.И. Бакштановского с участниками проекта. Каждому из них был предложен определенный набор направлений (тем) рефлексии (полностью или частично, при возможном изменении последовательности обсуждения тем). *Первое* направление предполагало рассказ участника проекта об этапах его жизненного пути и деловой карьеры. Часть этого рассказа составляла открывающую текст каждого автора краткую биографию, другая часть включала фрагмент текста, связанный с вопросами планирования биографии и Дела, с которым автор связал свою жизнь. *Второй* шаг интервью – размышления о том, есть ли у эксперта личная потребность в самоидентификации со средним классом, и если есть, то чем мотивирована эта потребность? Эксперты выражали свое отношение к распространенным суждениям о природе среднего класса, о роли материальных факторов в самоидентификации со средним классом, о ее мотивах, об образе “человека середины”, о духе буржуазности и других базовых ценностях. *Следующий* шаг алгоритма интервью – прояснение образа профессионализма, разделяемого и отстаи-

ваемого участником проекта. *Далее* эксперту предстояло размышление о возможности планирования биографии в рамках рассказа об основных этапах его жизненного пути и деловой карьеры. *Затем* шел этап анализа того Дела, с которым общественное мнение связывает имя данного эксперта, Дела, в котором и проявился его успешный профессионализм. *В рамках* этого анализа или отдельно обсуждался вопрос о принципах и правилах этого Дела, о том, есть ли у эксперта своя “философия успеха”, “наука успеха” и т.п. *Следующий* шаг алгоритма – обсуждение вопроса о том, какое место в жизни эксперта занимает успех, о модели успеха, его символах, о способах достижения успеха. Непосредственно с этим этапом интервью связан вопрос о том, как надо относиться к “неуспешным” в этой жизни, к тем, кто не попал в средний класс или не удержался в нем, “выпал” из него и т.д.

Разумеется, реальный процесс интервью предполагал известную свободу сторон и в темах беседы, и в их последовательности, и в жанре оформления текста.

Три замечания. Во-первых, опубликованные материалы являются расшифровками стенограмм интервью, обработанными редактором и авторами, заголовки текстов даны редактором. Во-вторых, мы заранее просим прощения у тех участников проекта, которые посчитают, что их тексты интерпретированы неадекватно. В-третьих, самый обстоятельный анализ не может отменить самооценности опубликованных в книге экспертных текстов. Позволим себе предположить, что после того, как сойдет поверхностная актуальность проблематики, эти тексты могут получить статус “свидетельства эпохи”. Разумеется, этому предположению не повредит и известная доля скепсиса. Тем не менее публикация этих текстов – *публичный* итог проекта.

Предваряя конкретную тему анализа, отметим, что прежде всего участники проекта – представители и “старого”, и “нового” среднего класса – “примерили” на себе различные версии образа человека среднего класса: “состоявшейся личности”, “человека середины”, “буржуа” и т.д. Чтобы увидеть широту диапазона подходов, например, к теме “серединности”, достаточно обратиться к ряду заголовков опубликованных текстов (все заголовки в книге даны редакторами): *“Не хочу быть как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности”*; *«Принцип “мало-помалу” – это, наверно, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного»*; *«“Средний” – не значит “троечник”. “Средний” – основательный “хорошист”»*; *“Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, его реальная ценность исключает чувство неполноценности”*; *«Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”»*; *“Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и в то же время не очень-то рассчитывает на слишком большой успех”*. Подробнее

об этом аспекте темы – в последующих параграфах. А сейчас сконцентрируем внимание на суждениях участников проекта о соотношении материального и духовного факторов в природе среднего класса.

Диапазон точек зрения широк. (А) На одном из полюсов – приращение материальному достатку статуса приоритета. Так, один из экспертов относит себя к среднему классу *“прежде всего потому”,* что считает себя *“достаточно обеспеченным человеком, достаточно в том смысле, чтобы не пользоваться, например, окладом депутата, какими-то городскими льготами”.* Короче говоря, *“живу нормально и потому отношу себя к тому самому среднему классу”.*

Другой эксперт, отмечая, что *«человек среднего класса имеет постоянную достаточно высокооплачиваемую работу и, благодаря этому, приличный достаток, описанный формулой “дача, машина, квартира”»,* подчеркивает, что *«роль “дачи, машины, квартиры” нельзя недооценивать. Если у человека есть такого рода признаки достатка, этот человек с нашей землей, с нашим регионом связан надежно: связан собственностью».* В свою очередь, *“очень опасны люди, у которых нет собственности, опасны именно потому, что им нечего терять, кроме своих цепей”.*

Автор данного текста готов к вопросу о том, исчерпывается ли его понимание природы среднего класса только определенным уровнем дохода, или же это условие лишь необходимое, но не достаточное, к которым относятся, например, образ жизни, определенная ценностная ориентация и правила игры. И отмечает приоритетность *“необходимых условий”.* И только после этого акцента он выделяет *“некую духовную составляющую, благодаря которой ты принадлежишь к среднему классу не только объективно как потребитель преимуществ определенного статуса, которыми ты пользуешься на манер несовершеннолетнего ребенка, не имеющего осознанного отношения к жизни, но как человек с определенным строем мыслей, набором жизненных ориентиров и норм жизни”.*

Вариант позиции, отдающей приоритет уровню достатка – акцент на то, что благополучие не сводится к денежному измерению. *«“Средний класс” составляют люди, которые прежде всего решили для себя экономические проблемы, достигли определенных стандартов благополучия. И не только в денежной форме. По-моему, человек считает, что он соответствует стандартам “среднего класса”, если он любим, его уважают, у него достаточно денег. Да, он понимает, что не может отдыхать на Ямайке каждое лето, или вообще не может там отдыхать, но у него не возникает из-за этого комплекса неполноценности. Человек живет, как говорится, в ладу с самим собой».*

Еще один вариант этого “полюса” суждений участников экспертизы виден в том, по каким критериям прежде всего происходит процедура “примерки” к широко известным стандартам образа жизни челове-

ка среднего класса. «Если “примериться” к стандартным критериям “среднего класса”, могу себя отнести к типичным его членам – хотя бы потому, что имею и дачу, и машину, и квартиру. Все это не в наследство досталось, а нажито совместно с мужем. Могу отнести себя к среднему классу и по отношению к образованию своих детей».

Чтобы подчеркнуть именно обычность результатов такого рода “примерки” для человека, которому “до сих пор как-то не приходилось задумываться о необходимости и возможности относить (или не относить) себя к среднему классу. Во всяком случае, обходился без таких размышлений”, обратимся к размышлениям другого эксперта. «Если все же поставить перед собой этот вопрос и “примериться” к предложенным участникам проекта критериям среднего класса, то легче всего применить к себе определенные показатели уровня жизни, например, “дача, квартира, машина”. Кроме того, могу себе позволить и покупать литературу, и отдыхать на курорте».

Своеобразным аргументом от противоположного выступает такая точка зрения: «Для меня понятие “средний класс” имеет смысл скорее для характеристики материального уровня жизни человека. Для характеристики духовной стороны жизни человека оно не работает. Во-первых, интеллигенция, насколько я могу судить по жизни прожитой в ее окружении, в духовном отношении была выше условного “среднего класса”. Во-вторых, роль интеллигенции, с моей точки зрения, не только не упала в наши дни, а, наоборот, приобретает более высокий смысл».

(Б) На противоположном полюсе шкалы подходов к теме нашего анализа – представления о том, что определение человеком своего места в общественной стратификации по такому критерию, как материальный достаток, неконструктивно. Выделим позиции, которые характерны особой критичностью к роли материального достатка в понимании природы среднего класса. Автор первой из них не идентифицирует себя со средним классом именно потому, что с его точки зрения «понятие “средний класс” имеет смысл скорее для характеристики материального уровня жизни человека. Для характеристики духовной стороны жизни человека оно не работает». Автор второй не менее категоричен: “Да, я не отношу себя к малообеспеченным. Пока, слава богу. Но и повышение, и понижение уровня дохода нашей семьи никак не отражается ни на моем мироощущении, ни на моем отношении к людям, ни на моем поведении”.

Один из экспертов с колебаниями относит себя к среднему классу именно потому, что для него “материальная составляющая - дача, машина, достаток - стоит не на первом месте”. Важнейшим признаком самоидентификации со средним классом для него является уверенность в ближайшем будущем: “Для человека среднего класса характерна уверенность в том, что достаточно продолжительное время он будет благополучным”. В свою очередь, такого рода уверен-

ность связана «не только с сегодняшним уровнем благосостояния, но и с наличием работы, в которой я хорошо разбираюсь, чувствую себя профессионалом, за которую буду получать зарплату, позволяющую обеспечивать семью, работы, которая мне в радость».

Другой эксперт считает «слишком упрощенными чисто «материальные» показатели, такие, как средний для общества уровень доходов, обладание мелкой собственностью на средства производства и т.п.» С его точки зрения «очень важно учесть и более сложные критерии, включающие ценности человека среднего класса и стиль жизни, которые отличают этот класс и от элиты, и от рабочего класса». Эти далеко не категоричные по отношению к роли материального фактора позиции как бы перекидывают мостик к третьей группе суждений.

(В) Следующая позиция уходит от категоричности первых двух, утверждая, что материальный фактор является условием необходимым, но не достаточным. Один из авторов, наряду с материальным достатком, выделяет «некую духовную составляющую, благодаря которой человек принадлежит к среднему классу не только объективно, ...но как человек с определенным строем мыслей, набором жизненных ориентиров и норм жизни».

В этом же ключе акцентируем суждение о связи между качеством и количеством труда и уровнем благополучия семьи: «Всегда стремился стать человеком среднего класса: работаю очень много, а тот, кто много работает, должен много получать, хорошо жить и т.д. Сегодня могу отнести себя к среднему классу. В семье достаток, дочь учится в университете, сын - в аспирантуре; в нынешнее сложное время мы можем себе позволить немного больше, чем другие».

Не менее важно отметить суждение одного из экспертов о том, что «кроме материального достатка человека среднего класса характеризует стремление к свободе». Конкретизируя ценность свободы, автор считает, что она выражается и в том, что «никто не лезет в мои дела, например, вопрос о поездке за границу не зависит от решения райкома. Если я накоплю денег, то сам решу, куда их истратить», и в том, что свобода предполагает не только возможность выбора «куда истратить деньги», но еще возможность «самому их заработать: практически у каждого трудоспособного человека сегодня есть возможность заработать деньги».

(Г) Акцентирование взаимодополнительности материального и духовного фактора. Обратим внимание на логику конкретизации позиции взаимодополнительности. Один из участников проекта, подчеркнув, что ищет «природу среднего класса в степенях свободы», говорит: «у человека неимущего степеней свободы почти нет. Он может считать себя свободным, как некий литературный герой, для которого «человек - это звучит гордо». А в чем гордость? Штанов-то

нет. Человек среднего класса открывает холодильник без тоски: он не думает о том, есть ли у него еда и будет ли она у него?». Далее следует вопрос: “И что, достигнув такого уровня благосостояния, я сразу утрачу духовность? Перестану читать книги, размышлять, относиться к людям так, как я относился до сих пор?”. И автор показывает как потенциальная опасность вытеснения духовных интересов материальными снимается ориентацией на меру, столь характерную для духа “человека середины”: “Напротив, ибо люди среднего класса умеют, как мне кажется, вовремя остановиться в своем стремлении к достатку, к богатству”.

Еще один штрих к четвертой по счету позиции. Один из экспертов утверждает, что свойственное такому интеллигенту стремление стать человеком среднего класса связано с недопустимостью для него “пресмыкаться и быть просто наемным работником от звонка до звонка. Интеллигент всегда вкладывает себя в работу немножко более, чем предписывают трудовое законодательство, контракт и так далее”. В то же время, “интеллигент самодостаточен и, как правило, знает, сколько ему нужно средств для обеспечения элементарного комфорта (удобный, не обязательно роскошный, автомобиль, загородный дом или дача, где можно вести буколические размышления), возможностей передвигаться из страны в страну для отдыха или из любопытства и т.д.”. Далее – почти крылатая фраза: “этот, я бы сказал, джентльменский набор интеллигента, как правило, совпадает, на мой взгляд, с джентльменским набором среднего класса, пусть и не полностью”. И снова акцент на склонности к мере: “Интеллигент как субъект среднего класса не претендует на ежегодные поездки на Балеарские острова или Гавайи, но и не может себе позволить опуститься до уровня, лишаящего его условий для творческой жизни. Разумеется, эти условия предполагают не только комфорт материальный и комфорт пространственный, но и комфортный политический режим”.

Итак, по необходимости краткий анализ материалов экспертизы позволяет подтвердить наличие в самосознании экспертов как субъектов среднего класса серьезных оснований для развития нашего намерения преодолеть гравитацию объективистского подхода, выйти за пределы считающейся “само собой разумеющейся” очевидности приоритета “материалистического измерения” феномена среднего класса, многократно закрепленного в общественном сознании, в массовом восприятии этого феномена. Кроме того, в позициях экспертов отчетливо проявляются аргументы в пользу выдвинутого нами тезиса о том, что преодоление “материалистического” стереотипа не предполагает ригористического отказа от построенных на его основе измерений, но дает основания для подхода к проблеме по принципу комплементарности, взаимодополнительности.

Глава 3

Миссия среднего класса

3.1. Прескриптивный подход

В каком отношении к современному обществу в целом стоит средний класс? Если он образует внушительное большинство общества или же, по крайней мере, приближается к статусу большинства (статус меньшинства означает, что средний класс пребывает пока в стадии формирования), то по ромбовидной стратификационной шкале за его пределами остаются меньшинства "низшего" и "высшего" сегментов (с учетом, разумеется, аналогичной диверсификации самого среднего класса). И в отношении к ним средний класс, как хорошо известно, выполняет миссию⁵¹ *медиатора*. В этом смысле он задает антагонизму полярных сегментов общества созидательную ориентацию (в духе "необщительной общительности" И. Канта), сглаживает, смягчает коллизии между ними, *этизируя* все аспекты их противостояния⁵². Тем са-

---

⁵¹ Именно миссию, а не только функцию. Мы полагаем правомерным именно такой акцент, несмотря на выдвинутое в научной литературе утверждение о том, что о миссии уместнее говорить применительно к профессиональной корпорации или конкретной организации. Так, рассуждая о миссии отечественной журналистики в современной России, М.В. Рац отмечает, что «само понятие "миссия" неотъемлемо от несущего ее субъекта. Миссия мыслима как атрибут того самого сообщества (корпорации), которого мы пока не имеем, либо конкретного журналиста или конкретного коллектива (редакции). У журналистики, у СМИ вообще нет миссии, а есть функции, порождаемые и закрепляемые в культуре теми или иными способами их (СМИ) употребления в социуме» (см.: Рац М.В. Журналистский цех в современной России // Ответственные науки и современность. 1998. № 6. С. 103). На наш взгляд, вполне возможно и целесообразно говорить о миссии среднего класса, в том числе когда это слово используется скорее как метафора, о миссии макрообщности, выделяемой не по профессиональному признаку, а по ее этосу.

⁵² Обширная проблематика этизации борьбы классов, разрешения социальных антагонизмов на основе универсалистских этических правил и превращения этики в социальную педагогику занимала в прошлом сторонников "этического социализма", которые, в свою очередь, побуждались марбургской и неофрисляндской школами неокантианства (П. Наторп, Л. Нельсон, Р. Штаммлер, К. Форлендер и др.) и активистами этических ферейнов. После второй мировой войны в том же ключе действовало общество Ф. Бухмана "Моральное разоружение" и всевозможные гуманистические общества типа "Ассоциации за международное примирение".

мым средний класс обеспечивает эволюционный, "градуальный" характер общественного развития, в том числе постоянно транслируя всему обществу соответствующие ценности и нормы, язык и виды дискурса.

Рассуждая об этой миссии среднего класса, надо иметь в виду, что в современном обществе утвердился ценностный плюрализм, а потому никто – ни отдельное лицо, ни какой-либо сегмент структуры, ни какое массовое образование, ни один орган общества или организация – не вправе "вещать" от имени самой "госпожи моральной истины", никто не может учительствовать в широком классическом смысле этого словопонятия, не подрывая принципов моральности изнутри. И вместе с тем каждый человек обязан пройти "сквозь игольное ушко", пробраться между Сциллой релятивизма и Харибдой фундаменталистского догматизма.

Кроме того, средний класс не вправе использовать обоснованную трагическим опытом XX столетия критику Просвещения для тотального отказа от самого духа Просвещения, от ценностей разума (с учетом его историчности: защищать разум надлежит путем его систематической критики), человеческой свободы, которые остаются непреходящим завоеванием Просвещения. И не вправе отказываться от идеи относительного нелинейного прогресса, нападки на которую не ослабевают и по сей день.

В то же время средний класс – в той мере, в какой он не является эфемерным образованием, – не вправе полагать себя медиатором между властью (прежде всего властью политической) и публикой, властью и народом. Средний класс не должен воспринимать все "другие" сегменты, слои, общности в качестве лишенной интерактивности аудитории для "просвещенного" и тем самым якобы осененного благодатью, харизмой среднего класса.

Во-вторых, средний класс артикулирует, лучше сказать – обязан артикулировать интересы общества как целого. В этом смысле его *нормативная миссия* в чем-то подобна миссии интеллектуалов вообще, деятельность которых не умещается в рамках рыночной площади, где им предлагается всего-навсего "проталкивать" свои специфические услуги (тем более на такой хаотически воссозданной рыночной площади, каковой она является в современной России, насыщенной деформациями и духом воинствующего антиинтеллектуализма⁵³).

Исполняя обе названные миссии-функции (мы отвлекаемся сейчас как от качества их исполнения в разных странах и регионах, в многообразных исторических ситуациях, так и от того, что они могут вообще не исполняться), может ли средний класс пребывать в скорлупе

---

⁵³ О проблематике культурного лидерства страны, о месте среднего класса в этом процессе см.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Реформаторская миссия этоса российского предпринимательства // Ведомости. Вып.10. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998. С.101-110.

своих собственных интересов? Может ли оставаться в границах собственного бытия, предоставляя всем "не своим", всем "другим" возможность идти своей дорогой – веди она хотя бы в тартары? Может ли, воплотившая потребительскую безответственность (а именно в этом прегрешении его чаще всего и упрекают), проявлять бездушное безразличие к судьбе "других"?

Отклоняя такие инертные предположения, заметим, что средний класс не представляет собой какого-то закрытого сообщества внутри пространства "большого общества", подобно всевозможным эзотерическим объединениям, тайным обществам или, скажем, пригородным коммунам. Поэтому мы полагаем возможным и необходимым поставить вопрос о миссии *публичного представительства* общества перед ним самим. При таком повороте рассуждений выявляется, что средний класс вовсе не "частный сектор", так как выражает – без подобострастия перед "высшими" и снисходительности перед "низшими" – не узкоклассовый интерес, не эгоизм благополучного большинства с его сознанием не просто достоинства (что вполне естественно), а некоего избранничества (ведь "мы – чистые", "исключительные", "добродетельные" – добились этого самого благополучия и влияния, с ним связанного, собственными усилиями и т.п.), не эгоизм суперведомства (ибо, напомним, слово "класс" в данном контексте – не более чем расхожий штамп политэкономической и обыденной лексики, не более чем метафора), а общеобщественные, настоящие и перспективные интересы, интересы устойчивого цивилизационного развития в нашем ставшем все более рискованным и наполненным неопределенностями мире.

Тезис, который мы в данной связи выдвигаем и рассчитываем обосновать, звучит ненавязчиво просто: средний класс несет известное *бремя социальной и моральной ответственности*. После такого высокопарного утверждения незамедлительно возникают уточняющие вопросы: ответственности "за что?", "в каком объеме?" и, наконец, "перед кем?" При этом очевидно, что такая ответственность не поддается персональной маркировке, и пока мы имеем дело лишь с разновидностью анонимной ответственности – если подобрать ей аналог, то нелишне вспомнить об ответственности всего корпуса избирателей на массовых выборах.

Можно, разумеется, довольствоваться банальными ответами на эти, отнюдь не банальные, вопросы, какими они могут показаться, так сказать, в первом чтении. Но облегченные ответы на вполне серьезное вопрошание сводят дело публичного представительства к ответственности среднего класса перед вполне конкретными политико-правовыми инстанциями, группами лиц, организациями-партиями, предприятиями, "людьми своего круга", корпорантами и т.п. Однако над средним классом не стоят никакие инстанции, группы, лица, организации, он никому не подотчетен в формальном смысле слова. Более того, поведение среднего класса само может быть проинтерпретировано как

своеобразная форма обязательности этих инстанций, групп, лиц, организаций перед ним, как встречное требование отчетной ответственности, большей частью реализуемой с помощью демократических институтов (законы и правовые институты облегчают бремя ответственности, но не устраняют его).

Что касается ответственности "за что?", то и здесь вполне возможны фрагментарные ответы, едва отличимые от безответственности, от плотного, непроницаемого безразличия к кумулятивным итогам собственной деятельности. Между тем вопрос об истоках ответственности сразу значительного множества людей отчасти переводит все обсуждение на как будто бы отвлеченный, метафизический лад. И тогда в самом сжатом виде ответ на эти сакраментальные вопросы мог бы прозвучать следующим образом: средний класс ответственен перед самим собой, перед собственной совестью (ее существование и ее чувствительность презюмируются в самой концепции среднего класса, хотя это вовсе не означает, будто данный класс "по-списочно" совестлив), за смысл своего исторического бытия, за реализацию своего жизненного призвания, за осуществление своей миссии публичного представительства (что выводит его из ситуации партикулярного, частного бытия и ставит в один ряд с государством-нацией – таков, возможно, наиболее существенный канал связи среднего класса с государством).

Именно через индивидуальную совесть – вопреки ее одномерному истолкованию в вульгарно-социологическом духе – человек преодолевает свое наличное бытие, отвлекается от погруженности в непосредственные запросы и импульсы⁵⁴. Возвышаясь до сферы надличнос-

---

⁵⁴ Совесть не подменяет разум в роли ориентира поведения, не является каким-то "сверхразумом". Прямые и непреклонные свидетельства совести безоговорочно запрещают нарушать абсолютные моральные повеления и запреты, несмотря ни на какие ухищрения и изворотливость услужливого по этой части рассудка. В ближнем горизонте человеческих поступков она надежно оберегает личность от свершения постыдных поступков. Эту роль совесть выполняет в сфере преимущественно межличностных отношений и в ситуациях повседневности, когда достаточным ориентиром служат нормы партикулярной морали. За пределами данного горизонта, когда деятельность побуждается духом призвания, установкой на преданность делу и регулируется с помощью реалистической этики ответственности – политической, деловой, судебной и т.п. – совести уже не обойтись без многосторонней помощи со стороны как взвешивающего рассудка, так и понимающего разума. Без такой систематической помощи совесть, как показал еще М. Вебер, взявшись исполнять роль поводыря в сверхсложном мире масс, гигантских организаций, неопределенности связей и исторических акций, быть в нем "высшей судьей", способна привести ко всевозможным бедам, которые никак не оправдать самым искренним мотива-

тного, обращаясь за поддержкой к рефлексии или даже молитве, человек обнаруживает подлинные истоки собственной ответственности. Он, стало быть, должен выйти из безличности массового существования и из состояния анонимной ответственности. Ведь очевидно, что такой аморфный субъект, как средний класс, не способен согласованно действовать подобно какой-то организации или корпорации, ибо это не огромный коллектив со слаженным ансамблем человеческих волей, а только дисперсная мегаобщность (или "дискурсивное сообщество", по Ю. Хабермасу). Конечно, можно говорить о коллективной ответственности, общей вине и заслуге того или иного народа или какого-то класса перед историей, но, пожалуй, лишь в переносном значении. Ответственность среднего класса складывается из индивидуальных добродетелей, выборов, решений и действий, а потому может рассматриваться в качестве достоинства или прегрешения каждого члена данной мегаобщности в отдельности⁵⁵. В ходе напряженного внутриличностного диалога и межличностной коммуникации, в процессе нравственных исканий каждый ответственный член среднего класса выявляет ответы не только на вполне конкретные вопросы жизнедеятельности, на многообразную жизненную прагматику (значимость которых просто невозможно преуменьшить), но и на кантовскую триаду вопросов: "что я могу знать?", "что должен делать?", "на что могу надеяться?".

Здесь – вопреки вере во всемогущество рациональных выкладок – трудно рассчитывать на исчерпывающую ясность ответов: мы в силах лишь подозревать, догадываться о корнях терминальных ценностей, об истоках и смысле нашей ответственности перед обществом в целом. Актер, стоящий на подмостках, замечает психолог В. Франкл, не видит тех, перед кем играет. Его ослепляет свет софитов и рампы, а зрительный зал погружен в кромешную темноту. Тем не менее актер знает, что там, в темном зале, сидят зрители, что он играет перед кем-то. "Точно так же обстоит дело с человеком: выступая на подмостках жизни и ослепленный сверкающей на переднем плане повседневностью, он мудростью своего сердца всякий раз угадывает присутствие великого, хоть и незримого, наблюдателя, перед которым он отвечает за требующееся от него осуществление его личного конкретного смыс-

---

сионным порывом: "хотели как лучше..."

⁵⁵ С проблемой персональной ответственности связан традиционный этико-праксиологический вопрос о соотношении хотения и умения творить добро, осуществлять должное, вопрос о соотношении праведной и благонамеренной воли с подобающей деятельностью, способностью доводить волю до практической реализации на основе особой "исполнительной морали", от рассмотрения правил и норм которой мы сейчас отвлекаемся. Из последних работ на эту тему см.: Рорти А. Царь Соломон и простолудин: проблема согласования конфликтных моральных интуиций // Вопросы философии. 1994. № 6.

ла жизни"⁵⁶. Не из такого ли понимания ответственности исходит старинное и для многих странное осознание своей вины и совсем древняя "метанойя": "несовершенство мира есть лишь результат моего несовершенства".

3.2. Становящийся российский средний класс как субъект трансформации нормативно-ценностных систем

Как соотносятся наши рассуждения о реформаторской миссии этоса среднего класса с отечественной ситуацией? Прежде всего сделаем два замечания. Первое из них связано с качеством отечественного среднего класса, степенью его зрелости. Как мы уже отмечали, нельзя не учитывать необходимость (а) различения "старого" (характерного для доиндустриального и раннеиндустриального общества) и "нового" (характерного для современного общества) среднего класса⁵⁷ и (б) осознания рискованности некритического отношения к тому современному российскому феномену, который называется средним классом, но может быть назван и "суррогатом среднего класса"⁵⁸, "ложным средним классом" (характеризующимся неадекватностью своих материальных признаков, с одной стороны, и своей социальной миссии – с другой)⁵⁹.

Второе замечание связано с вопросом о том, способен ли отечественный средний класс, переживающий стадию становления, выполнить задачу участия в формировании национальных ценностей? Как справедливо отметил Л. Ионин, «существенным признаком принадлежности к среднему классу на Западе, как это подскажет любой учебник по социологии, является причастность индивидуума в его профессиональной деятельности к национальным целям и ценностям. Если наиболее важные с точки зрения существования и воспроизводства общественной жизни профессии, а также важнейшие социальные сферы – наука, образование, здравоохранение и др. – выпадают из разряда престижных и не в состоянии обеспечить своим представителям достаточный уровень дохода, значит, эти представители не принадлежат к среднему классу. А средний класс, не включающий в себя индивидов, "отвечающих" за порождение и передачу национальных ценностей и традиций, ущербен»⁶⁰.

Тем не менее кризисная ситуация со становлением среднего класса в России не отменяет задачи осознания реформаторской миссии его этоса в нравственной жизни переходного общества. Скорее она

⁵⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.128.

⁵⁷ Ионин Л.Г. Указ. соч. С. 65-66.

⁵⁸ Головаха Е.И. Трансформирующееся общество: Опыт социологического мониторинга в Украине. Киев, 1996. С.113.

⁵⁹ Ионин Л.Г. Перспективы среднего класса в России // Internationale politik. 1998. № 9-10. С. 73.

⁶⁰ Ионин Л.Г. Перспективы среднего класса в России. С. 70-71.

еще более актуализируется в ситуации “исторической задержки” этого процесса. Вопрос “*Великая надежда или новый обман?*” актуален и для обсуждения ожиданий от среднего класса в целом.

Такое вопрошание – не интрига авторов для возбуждения интереса коллег и публики. Одновременно и оптимистическое, и скептическое отношение к этосу среднего класса в целом (и к миссии предпринимательства особенно) адресовано и среднему классу, и трансформирующемуся обществу России. В свою очередь, это противоречивое отношение выражает вполне реальную ситуацию *неопределенности*, фиксируемую как в теоретическом, так и в обыденном сознании. Речь идет о долговременной(!) неопределенности *разновариантного* сценария развития страны. Надежда – от такого понимания многовариантности, когда акцентируются шансы на роль этоса среднего класса, представленную во второй части вопроса. Скепсис, опасение обмануться – от акцентирования негативных шансов на исполнение средним классом и его этосом своей общественной роли.

Как известно, Россия сегодня пребывает на развилке, содержащей по меньшей мере два прогнозных сценария. Первый – закрепление позиций “олигархического”, “номенклатурного” капитализма, второй – движение в направлении демократического, социального капитализма, который иногда называют “народным”. Победа первой из этих тенденций означала бы закрепление *патоса* предпринимательства и среднего класса в целом. Возможно, не столь уж далеки от истины те, кто полагают, что в современной России происходит скорее имитация рыночных отношений и институтов, чем функционирование полноценной рыночной экономики и ее институтов. А раз так, то и речь должна идти о простой имитации среднего класса и мистике существования его этоса. *Патос* без колебаний оправдывает девиантное поведение (“что поделаешь – время такое!”). Он завязан на практику монополизации рынка материально-вещественных, финансовых, информационных и иных ресурсов, практику недобросовестной и предельно жесткой конкуренции, поиска лазеек для уклонения от налогов, исполнения даже юридически оформленных контрактов, не говоря уже о правилах честной игры и моральных обязательствах. Частный интерес на таком варваризированном рынке реализуется не иначе как “большой хапок” – предпочтение больших, скорых, пусть и “грязных”, денег, рыночный гангстеризм, безмерное своекорыстие.

Иное дело, если верх возьмут тенденции к демократическому, продуктивному капитализму. В этом случае увеличивается шанс для социализации деловой активности и укрощения патосных страстей (при этом не упустим из вида предупредительного принципа относительно “хрупкости всего хорошего”). Например, предпринимателю станет проще руководствоваться при стремлении к получению дохода поведенческим правилом “чище, хотя и меньше”. Такой доход, во-первых, окажется соизмеримым с трудовыми затратами делового человека, с

напряженнейшими его усилиями, с платой за его компетентность, понимание конъюнктуры, обостренное рыночное чутье, творческие усилия по повышению эффективности производства. Во-вторых, подобный доход не будет вызовом чувству социальной справедливости, так как явится оплатой бремени, связанного с риском, с вполне определенной экономической ответственностью, а также воплощением жизненного призвания самого предпринимателя. В-третьих, такой доход на цивилизованном рынке регулируется средствами политики демонополизации, защиты интересов наемных работников и потребителей, контролем за качеством товаров и услуг, за свободой экономической информации, политики перераспределения доходов, которая окрашивает колорит нравов общества в сравнительно мягкие тона.

Исторический выбор неустоявшегося по самым главным социальным параметрам российского общества в пользу той или иной разновидности экономики – рыночной, полурыночной, псевдорыночной (но не планово-распределительной: реальная угроза регенерации последней, по-видимому, отошла в прошлое) и окажется выбором между патосом и этосом среднего класса. Иначе говоря, выбором между “этосом”, перегруженным пережитками деструктивного этатизированного этоса, и этосом, способным со временем создать оригинальные ценности российского среднего класса, что предполагает “творческое сопротивление не только прошлому, но и настоящему”.

Выделим несколько моментов такого рода прогнозных надеждоопасений. Во-первых, речь идет о рискованности работы с такой сверхактуальной для современной России проблемой. Адекватна ли уверенность в актуальности сути проблемы природе феномена? Вопрос для нас риторический – даже когда в расчет принимается актуальность проблемы среднего класса как *моральной* проблемы, в тени оказывается, может быть, важнейший признак *на этапе его становления* – его *моральная миссия, его дух, кредо* и иные мировоззренческие аспекты. И тогда риск работы с проблемой миссии среднего класса из сферы чисто научной переходит в социально-политическую. Речь идет о риске воплощения по меньшей мере *спорных* программ и проектов, спорных уже из-за пренебрежения теоретической непрямолинейностью основных понятий. Например, с нашей точки зрения, мало шансов на укрепление столь уязвимой для наших дней культуры делового партнерства, “скромной этики контракта”, значимой не только для предпринимательства, если предварительно не позаботиться о формировании высших ценностей этики среднего класса.

Для ситуации в современной России важно желание и умение прогнозировать и корректировать тенденции *инструментализации* роли этики, “подгонки” общественной нравственности к запросам рынка, превращения ее в инструмент по достижению “приемлемой степени комфортности общения между агентами рыночной экономики” – этика не способна уместиться в наборе универсальных правил маркетинга и

соответствующих стандартов экономического поведения. Без культивирования *духа, миссии, кредо* и т.п. не возникнет самодостаточная этика, способная служить генератором социальных преобразований в России, защищать частную собственность, побуждать к экономической активности, подпитывать конвенциональные нормы труда и бизнеса связями с сакральными началами.

Дополнительным аргументом в пользу такого диагноза и прогноза мы считаем *риск ускоренной "карнегизации" России* в процессе культивирования предпринимательского этоса. Дело не просто в сомнении, привьется ли на нашей почве "этика личности", карнегианское "искусство завоевывать друзей", а в том, что в США этому искусству исторически предшествовала "этика характера"⁶¹, а у нас сейчас нет времени на ее культивирование⁶². Не провоцирует ли игнорирование этой последовательности утопичность, которой чревата, например, забота о воспитании этики договорного партнерства, проявляемая *до*, а то и *вместо* воспитания базовых ценностей?

Во-вторых, исследование среднего класса как субъекта (и, конечно, объекта) морального реформаторства современного российского общества предполагает критику мифотворчества в отношении этой миссии. Прежде всего это относится к ситуации *аксиологического маятника между старыми и новыми мифами*. Постоянно штормит в политической жизни и в экономике, и потому современное российское общество бросается в мифотворчество, причем в создание и таких новых мифов, которые зеркально воспроизводят прежние. Так, из символа мрака и зла средний класс – дореволюционный отечественный и современный зарубежный – превращается в потерянный или искомый рай.

В-третьих, реформаторская миссия среднего класса заключается не в том, чтобы просто дискредитировать и отринуть ранее принятую – и до сих пор принимаемую массами – систему ценностей, но в том, чтобы вернуть обществу уважение к норме, к нормальности как таковой, реабилитировать моральную значимость повседневности. Более того, возможно, что этическое реформаторство среднего класса заключается не в конструировании идеала, а в культивировании нормы, обычной порядочности. Этос среднего класса не требует от человека ничего сверхъестественного, ничего большего, чем желания и способности честно "играть по правилам". И так ли уж это мало – профессиональная ответственность, деловая честность, партнерское доверие, уважение к праву, гражданская позиция?!

Так, в сегодняшней реальной жизни каждый нормальный поступок отечественного предпринимателя выглядит чуть ли не подвигом.

---

⁶¹ См. Huber R.M. The American Idea of Success. Pushcart. 1987.

⁶² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика успеха: Введение в доктрину. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1996.

Причины понятны: в переходный период почти не работают ни механизмы конкуренции, ни механизмы общественного мнения. Поэтому слишком мало внешних факторов, побуждающих предпринимательское сословие и отдельного индивида взять на себя роль этического реформатора, субъекта, который собственными поступками, личным примером являет обществу новые образцы человеческих отношений, стилей жизни. Более того, внешние условия скорее препятствуют реализации реформаторской роли предпринимателей – побуждая обходить неадекватные законы, взятками преодолевать сопротивление чиновников, задерживая включение механизмов конкуренции, подталкивая к противоестественным нормам прибыли, гипертрофируя посреднические функции в ущерб производству, проматывая прибыль в потребительских расходах и т.п. В то же время общественное мнение пока не благовоит к предпринимательству, не способно к дифференцированному подходу, склонно лишать нарождающееся сословие презумпции невиновности. Тем самым вместо положительного эффекта от социоконтрольной функции общественного мнения предприниматели провоцируются на столь же недифференцированное негативное отношение к общественному мнению, его оценкам и санкциям, подчас пытаюсь и манипулировать им.

В-четвертых, важно осознать венчурную природу реформаторской миссии этоса среднего класса. Далеко не риторический характер вопроса о “Великой Надежде или Новой Утопии” связан и с проблемой познания и управления моральным риском от осуществляемого средним классом – вольно или невольно – морального реформирования общества. Субъекты риска? С одной стороны, это рискованная ситуация для общества: ценности среднего класса расшатывают еще недавно доминирующее в обществе нравственное состояние (здесь можно говорить о “моральном большинстве”). Речь идет о влиянии всех тех противоречий, которые новый “класс” приносит *вместе* с ценностью свободы, об усилении вероятностного фактора в общественном развитии, фермента неопределенности, негарантируемости, превращающих общество с укорененным духом рутинности в беспокойное “общество тотального риска”. Нельзя забыть и о наборе опасностей, которые связаны с экспансией, например, этики предпринимательства на иные сферы нравственной жизни общества: феномен “тотальной коммерциализации” общества и культуры наглядно иллюстрируется опасностью смешения ценностей дружбы и партнерства. Правда, общество рискует не только от принятия миссии этического реформаторства среднего класса, но и от его отторжения, от сохранения лишь прежних ценностей, и потому реальный моральный выбор общества заключается в предпочтении либо риску от затяжного пребывания в стагнирующей стадии, либо риску цены и последствий выхода из нее.

С другой стороны, рискует и средний класс: играя, пусть даже и не всегда осознанно, роль реформатора нравственных отношений в

обществе, "моральное меньшинство" "вызывает огонь на себя". Ведь моральная традиция патерналистской системы безошибочно усматривает в нем своего могильщика. В то же время, становящийся "класс" выбирает для себя зону повышенного морального риска, связанного с внутренней конфликтностью своего этоса, образуемой индивидуализмом, конкуренцией, ориентацией на успех и т.д. с неизбежным для них конфликтом целей, средств и результатов. И все это в совершенно конкретной ситуации экстремального характера.

Итак, средний класс рискует, как всякий этический инноватор, не выдержать давления внешнего окружения и внутреннего напряжения. Выдержать это напряжение поможет критика и самокритика среднего класса.

3.3. Этосный подход как способ критики среднего класса

Понятие "миссия" среднего класса имеет, как мы уже успели убедиться, скорее нормативное (прескриптивное), нежели эмпирическое (дескриптивное) значение. Оно больше акцентирует должностное в его предельных и умеренных этосных значениях, чем то, что делает этот аморфный субъект той или иной страны фактически и что с ним делается, происходит в этой связи на рубеже тысячелетий. Возникает вполне реальная опасность восторженной, подчас безудержной *идеализации*, лишенной трезвости и здравомыслия оценки деятельности данного субъекта. А это не может не восприниматься в качестве явной или тайной его апологетики.

Под этосной теорией среднего класса мы имеем в виду *критическую* теорию. Разумеется, это не означает поддержки тривиального восприятия среднего класса как самой обширной части эксплуататорского класса. Не означает и поддержки уличающих мотивов своекорыстия, самодовольства, этического нарциссизма, потребительства и гедонизма, превращающего поиски удовольствий и развлечений, игровой версии жизни в главный "долг" члена такого класса.

Вопрос заключается не в убережении среднего класса от суровой критики, а в точной ее сфокусированности. Выделим в данной связи три наиболее важных аспекта критики. Во-первых, отношения, в рамках которых консолидируется средний класс, регулируется различными формами (подсистемами) "рациональной" морали, такими как этика гражданского общества, этика бизнеса, профессиональная мораль, этика социального управления и т.п. Они предполагают и требуют верности человеческому призванию, ценностям специализированного труда, достоинства, морального равенства как причудливого противоречивого единства человечества с каждым отдельным человеком, нравственного самосовершенствования, права человека. Средний класс открывает пути к свободе не только на политико-правовом уровне, уровне легальности, но и на уровне моральности, и нравственный образ жизни человека среднего класса не навязывается коллективом, организацией, опекунами разного профиля, которые безапелляционно

берутся решать за граждан вопрос о том, что есть добро, а что зло, в чем заключается их долг, когда надлежит подавать голос своей совести, но оказывается итогом собственных нравственных исканий и автономного морального выбора.

Во-вторых, инвективы в адрес среднего класса фактически оказываются справедливыми в качестве критики *всей* современной индустриальной и – отчасти – постиндустриальной цивилизации, образуя целый пакет угроз (экологической, урбанистической, демографической, энергетической и иных). Им предшествуют опережающие или сопровождающие психические явления – разочарования в возможностях данной цивилизации, приступы реальных и экзистенциальных страхов, ощущения неуверенности в завтрашнем дне, тяжкие предчувствия и им подобные фрустрации.

В-третьих, критика среднего класса за его неразрывную связь с рыночной экономикой и рыночной культурой, с коммерческим и некоммерческим предпринимательством, товарной цивилизацией в целом, за тенденции к духовной стагнации, самодовольство, равнодушие к страданиям "слабых мира сего", за ксенофобию, групповой эгоизм, несмотря на частые перехлесты идет все-таки на пользу этому классу в целом. Она позволяет ему дистанцироваться от всего того, что способно скомпрометировать, продвигая и усиливая этические начала рыночных механизмов, больших организаций. Она содействует самокритическим интенциям, ироническому отношению по поводу собственных социокультурных оснований деятельности и верований, побуждая к ответственности за пользование той свободой, которой члены данного класса располагают.

Основная проблема критики – анализ отношения среднего класса к "низам" (обозначающие – сочувственные, нейтральные и оскорбительно-раздраженные – термины представлены в литературе и обыденной речи в обилии: аутсайдеры, обитатели социального дна, уклонисты, бомжи, парии, чернь, пауперы, маргиналы, люмпены, отверженные, хронически безработные и т.п.).

Надо быть неисправимым идеалистом, дабы надеяться на постепенную минимизацию "низов" как макрообщности с последующим их исчезновением. Современная экономика и социальные отношения в развитых странах (в странах неразвитых практически отсутствует средний класс) постоянно воспроизводят данную макрообщность. Она образует печально известные "треть" или "четверть", нижний стратификационный пояс социальной структуры общества благоденствия и экономического чуда. К 20-30% отверженных прибавляют "новых бедных" – нестабильный промежуточный слой, продукт нисходящей мобильности. Конечно это не те обедневшие, обнищавшие люди, о которых, например, писал Дж. Стейнбек в "Гроздьях гнева", не революционные массы, которым "нечего терять".

Вопрос заключается в характере отношения "среднеклассового"

большинства к названным меньшинствам. Лишенное справедливости, ответственности и простого сочувствия это отношение может свести медиаторную роль среднего класса к нулю, содействуя не смягчению социальных конфликтов и этизации противостояния, а спровоцировать новое их обострение, привести к революционной ситуации. И как бы не случилось так, что в момент своего исторического триумфа средний класс не поставил бы под угрозу собственное существование. Эгоистическое самоослепление играет на руку катастрофическим тенденциям современного развития, и данный класс может символически повторить судьбу сверкающего благополучием "Титаника".

Судьба среднего класса в его собственных руках. Приведем соображения по данному поводу Р. Дарендорфа: "Современные интернализированные экономики являют собой социальную и политическую дилемму. В свободных обществах в погоне за конкурентностью подрывается социальная сплоченность. Если же, с другой стороны, такие общества предпочитают отдать приоритет социальной сплоченности, в опасное положение попадает конкурентность, а с нею и процветание. Некоторые страны или, по крайней мере, их лидеры настаивают на конкурентности, но не хотят жертвовать и социальной сплоченностью и, похоже, достигают этого, ограничивая политическую свободу. Все большее число людей полагает, что одновременно можно иметь только две из этих трех вещей: процветание и сплоченность без свободы, процветание и свободу без цивилизационной сплоченности или сплоченность и свободу без процветания. Что же нужно сделать, чтобы решить эту квадратуру круга?"⁶³.

Наивнее всего в духе эгалитаристских утопий требовать устранения социальных различий как таковых: никаких классов, слоев, макрообщностей. Преодолевать следует социальное неравенство между "среднеклассовым" большинством, когда оно уже успело сложиться, и различными меньшинствами, нижележащими слоями. Надлежит минимизировать неравенство, которое дают собственность, статусы, культурно-образовательные стандарты, любые привилегии, а также всевозможные формы дискриминации указанных меньшинств. Таков императив современной социальной политики, которому должен выдать вотум доверия средний класс, если он желает эволюционного развития общества, а не катаклизмов на базе социальной зависти и ненависти, расшатывания морального порядка, торжества аномии.

Чрезвычайно опасно ставить перед социальной политикой задачи преодоления социальных различий в их тотальности⁶⁴. В известном

---

⁶³ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С.81.

⁶⁴ См.: Сипнович К. Несколько слов о "различии" // Вопросы философии. 1999. №1. Необходимо сделать так, чтобы воплощающий различия "другой" перестал бы быть "адам" (припомним давнее выражение

смысле различия (назовем их естественными) подлежат поддержке, возвращению, в них следует обнаруживать потенциалы развития социума, а не воспринимать их лишь как нечто зловередное, злокачественное. Это – другой императив социальной политики, за который стоит держаться среднему классу. Правда, с учетом того, что современное общество является высокостратифицированным, имеет необычайно сложную структуру, отнюдь не сводимую к грубому трехчленному строению по критериям принадлежности к мегаобщностям типа того же самого среднего класса. К тому же данная структура изменчива, критерии принадлежности легко размываются, происходит микширование слоев, хотя в целом, как показал П. Сорокин, доминирует восходящая мобильность, что и рождает утопические ожидания.

Следует принять во внимание также необходимость уточнения и переопределения понятия социального неравенства. Выше мы разграничили его с понятием социальных различий, опираясь на аргументы Л. Ионина о том, что неравенство перестает быть ценностно-негативным понятием, ибо – повторим цитату – “начинает пониматься как инаковость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей”⁶⁵. Между прочим, в России, замечает данный автор, вместо “биографизации” своих жизненных планов, что производит в первую очередь средний класс, в связи с глубоким социально-экономическим кризисом, пересекающимся с кризисом духовно-нравственным, происходит противоположный процесс. Выход из этих кризисов пока не просматривается с желаемой степенью ясности.

Скажем, происходит скачкообразное увеличение количества самых многообразных, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям жизненных форм и стилей. Имеет место крайняя условность и подвижность профессиональной структуры, когда необходимость борьбы за выживание в ситуации кризиса не обедняет, а, наоборот, обогащает жизненно-стилевой репертуар индивидуумов. Когда разрушаются стабильные старые идентификации и вместе с тем повышается удельный вес натуралистических определений личности, предписывающих успех или неуспех взаимодействий. Когда новым дифференцирующим фактором становится необычайная широта предложений в области образования, причем полученное образование, как правило, не является свидетельством подъема по социальной лестнице, а свидетельствует об индивидуальных достижениях, когда происходит релятивизация престижных профессий и родов деятельно-

---

Ж.-П. Сартра), а стал бы если не "раем", то хотя бы не был "чужим", тем более "враждебным".

⁶⁵ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические чтения. Вып. I. М., 1996. С. 71.

сти и многое подобное⁶⁶.

Социальной политике, ее стратегии и соответствующим управленческим программам предстоит не наращивать барьеры между мега-общностями, а по возможности снижать их высоту, делать прозрачными, размывать их всеми доступными средствами. "Вход" в средний класс должен быть максимально свободным, очищенным от искусственных преград, независимым ни от каких социальных предпосылок (правда, нельзя упускать из вида роли института наследования), должен быть зависимым от индивидуальных усилий и достижений, о чем у нас уже шла речь.

Особо важно, чтобы были обнаружены и зафиксированы такие способы преодоления "тирании большинства" со стороны среднего класса, которые вместе с тем не подрывали бы самых коренных постулатов демократии. Сделать это можно, например, развивая альтиметрическую, вертикальную демократию "лучших", обеспечивая доминирование культурной элиты с ее "моральным лидерством". Здесь ориентиром служит этика ответственности в том значении, которое ей придавал М. Вебер, и вне которой не может идти речь об общественной миссии среднего класса.

---

⁶⁶ Там же. С.74-80.

Часть вторая

Глава 4

Принятие этоса среднего класса как проблема морального выбора

4.1. Самоидентификация со средним классом: автоматизм традиции или “переусвоение” моральной системы?

Никого, как нам кажется, нельзя против его воли “прописать” в среднем классе, ссылаясь при этом на объективные критерии, параметры соответствия (доход, собственность, престиж, профессия), и к тому же обязать принимать эту “прописку” за благо, а в случае несогласия полагать его результатом непонимания собственных интересов, которые другие люди знают лучше самого этого человека, или же ссылаясь на то, что “значимые другие” полагают его соответствующим данным параметрам. Здесь срабатывает принцип герменевтики “никто не знает истину другого”. “Прописка” в среднем классе всегда есть акт эмансипированного выбора, как бы “объективно” этот некто ни вписывался бы в некую “истинную” модель среднего класса. Иначе подобная “прописка” оказалась бы утонченной формой насилия над личностью.

Но, может быть, принадлежность лица к среднему классу или стремление интегрироваться в него является итогом конвенции, своеобразного “общественного договора”? Вряд ли. Вхождение в средний класс – это процесс, событие индивидуальной биографии. Прошлое новых членов среднего класса утрачивает актуальность, распадается на микросюжеты, и акт “вхождения” – аналог катарсиса, смены ментальности.

Принятие этоса среднего класса как проблема морального выбора – экзистенциальная по статусу тема, наиболее ярко проявляющаяся в ситуации самоидентификации одного из слоев в самом среднем классе, в советское время называвшегося *интеллигенцией*⁶⁷. Речь идет об особой моральной проблеме, одна из граней которой – трансформация бывшего советского интеллигента в субъект среднего класса: “рожденный летать” сможет ли “ползать”, а обретет ли “рожденный ползать” способность “летать”?

Рациональная форма этой проблемы связана с необходимостью для человека, прежде идентифицировавшего себя с интеллигенци-

---

⁶⁷ Не имея здесь возможности обсуждать вопрос о природе интеллигенции, выделим несколько значимых публикаций по этому вопросу: Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.: Эпицентр, Харьков: Фолио, 1995; На перепутье (Новые вехи): Сборник статей. М.: Логос, 1999; Россия/Russia. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.-Венеция: ОГИ, 1999; Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999.

ей, совершить выбор-отказ от прежней самоидентификации во имя новой и при этом определиться в вопросе о том, может ли он *гордиться* статусом человека среднего класса. Иначе говоря, речь идет не только о самоидентификации субъекта квазисреднего класса, но и об особой связи этой самоидентификации с феноменом интеллигенции, не исчерпывающем свою природу природой среднего класса.

“Вхождение” в средний класс, принятие его этоса являются для постсоветского человека предметом нелегкого *морального* выбора. И этот выбор довольно часто приходится совершать не вследствие уже достигнутого уровня дохода, а как *предпосылку* реального вхождения в средний класс.

Нелегкого, но все же *свободного* выбора? Само “вхождение” – предмет свободного выбора или это просто неотвратимость? Например, подобно неотвратимости ухода старых оппозиций “интеллигенция – народ”, “интеллигенция – буржуа”? Свободного выбора, но в каких *ценностных координатах*? Можно ли “схитрить” и уклониться от выбора, остаться либо интеллигентом, либо специалистом? Нельзя ли стать интеллектуалом, не потеряв интеллигентности? И как быть в этом случае с такими атрибутами интеллигенции, отличающими ее от интеллектуалов, как миссия и служение? Может быть, для трансформирующегося в субъект среднего класса отечественного интеллигента реальна конвергенция идеализма и прагматизма? И без греха “образованщины”?

Конечно, некоторые предпосылки определенного морального выбора уже складываются благодаря рыночным реформам. Общество морально санкционировало дух среднего класса: запустило политико-экономический механизм достижения высокого экономического статуса; ориентация на достижения более не является постыдной. Но человек не избавился от морального и интеллектуального труда по “выделке” себя в субъект среднего класса.

Выбора свободного, но *мучительного*. Средний класс – это “люди середины”. Один из смыслов этой метафоры относится к тем, “кто мучительно переживает адаптацию к рынку, но не складывает рук, работает, ищет выход. Справа им достается за то, что не ценят всей прелести нынешней жизни. (А нет бы похвалить: молодец, держись!) Левый же лагерь сделал ставку на человека чисто традиционной ментальности. Того самого, который готов бесплатно работать полтора года, лишь бы не менять тип поведения. Причем саму необходимость менять тип поведения левые стремятся представить как *оскорбление*”⁶⁸.

Важной гранью проблемы морального выбора, встающей перед человеком, стремящимся стать субъектом среднего класса, является

---

⁶⁸ Коротков А. Что с нами? Колониальные черты современного российского общества // Первое сентября. 1998. 15 декабря.

уровень его солидаристских устремлений, прежде всего – его отношение к “новым бедным” в адекватной интерпретации этой характеристики, т.е. к “неудачникам”, тем, кто не смог перейти в этот слой или удержаться в нем. В этом плане характерно рассуждение А. Короткова. “Есть люди, – пишет автор, – которых либеральное общество осчастливило, и есть люди, которых оно сделало несчастными. Между ними десять метров армированного железобетона. Ни слова, ни чувства, ни мысли через эту толщу не проходят. И это самое страшное. Сколько раз я пытался с теми, кто приспособился, обсуждать судьбу тех, кто приспособиться не смог! И всякий раз слышал одни и те же, довольно здравые, аргументы:

– Ну а чего они дурака валяют? Почему не уходят из своих НИИ? Почему не бросают свои убыточные шахты? Почему они вообще не ищут никаких вариантов в жизни? Ведь работы полно. – Это еще до кризиса было, работы действительно было полно. – Так пусть работают.

Тогда я беру стремянку, лезу через десять метров железобетона на ту сторону и держу такую речь:

– Дорогие мои соотечественники, я вам очень сочувствую, но вот с той стороны спрашивают: почему вы сами себе ну ничем не хотите помочь? А мне отвечают: – Мы не хотим. Мы не знаем – как, не умеем, не можем.

И тогда я снова лезу через стенку и объясняю:

– Понимаете, если им не помочь, они там все перемерут. Ну не могут они. Как безногий не может бегать. Это хоть можно понять?

– Нет, – отвечают мне, – это понять нельзя. Нам тоже трудно, но мы почему-то держимся.

(И ведь, объективно говоря, так оно и есть. Иное дело, что христианский долг велит везти на своем горбу того, кто не может идти сам.)”⁶⁹.

Выбор человека, стремящегося “войти” в средний класс, – особенно такого человека, который ранее относил себя к интеллигенции, не свободен от необходимости понимания т.н. “буржуазных” особенностей “духа” этого класса – не только ценностей жизненного, профессионального, делового успеха, но и т.н. “антигероической” ценности частной жизни и т.п. От необходимости переоценки конфликта образов жизни “Сокола” и “Ужа” и т.д.

Выбора свободного, но *достойного* ли? Средним в социальном статусе? Это не трудно. Средним по уровню доходов? Вполне. А средним в избранных тобою добродетелях? Нормально ли это – гордиться тем, что ты – *средний*?

Возможно, некоторые аспекты процесса “переусвоения” системы ориентиров будут понятны с большей глубиной, если проанализиро-

---

⁶⁹ Там же.

вать аргументы уклонения от самоидентификации со средним классом, выдвинутые участниками проекта “Городские профессионалы”. Рациональная реакция на этот факт предполагает внимание к тому, какую самоидентификацию принимает эта часть экспертов.

Несколько участников проекта заняли позицию, которую, на наш взгляд, можно охарактеризовать словами из песни к кинофильму “Последний дюйм”: “Какое мне дело до всех до вас, а вам – до меня”. Так, один из участников проекта объясняет свой отказ тем, что *“как самодостаточная личность”* относит *“себя к самому себе, а не к какому-либо классу”*. Далее – аргументирующее уточнение: *“И вообще – я не человек стаи”*. На наш взгляд, мотив индивидуализма на деле не противоречит духу среднего класса, более того, ценность индивидуализма – атрибут его этоса, о чем будет сказано далее. Скорее, здесь сработала вполне понятная негативная реакция на слово “класс”, воспринимаемое как стратификационная характеристика марксистского типа.

Ряд экспертов, уклонившись от самоидентификации со средним классом, предпочли позиции, которые на деле также не противоречат духу среднего класса. Например, один из авторов говорит, что *«всегда относил себя к людям, которые, как в песне Андрея Макаревича, держат в своих руках топор и строят свой дом. ...Много людей, как в песне Макаревича, “затаились и только ждут, когда же брошу я свой топор”. Но “этот храм я построил сам, дай Бог, не в последний раз”»*. Не так уж противоположны духу среднего класса и позиции, предпочтенные экспертами, которые отнесли себя к научной элите (*“как был в советские времена причислен к научной элите, став членом Академии”*, так и сегодня *«остаюсь в своем “слое”»*), к “технократам” (*“технократ - это человек, для которого главным является интеллект и продукты интеллектуального труда”*), к “профессионалам” (*“если искать самоидентификацию, то я хотел бы называть себя профессионалом”*).

Как можно предположить, мы встретились не с феноменом несовпадения субъективной оценки данными авторами своего социального статуса и объективных параметров такого статуса – в проекте участвовали профессионалы с очевидной ориентацией на достижения, создавшие успешное дело, склонные принимать на себя личную ответственность и т.д., а именно с проблемой “переусвоения”. Отторжение непривычного понятия, нагружаемого не присущими ему коннотациями, – с субъективной стороны, далекий от завершения процесс трансформационного перехода общества, с объективной стороны, неактуализированность в общественном сознании самой проблемы освоения ценностей среднего класса как одного из условий успешной модернизации страны и т.п. – в числе причин, проблематизирующих “задачу переусвоения”.

Однако аргументы в пользу такого переусвоения есть. И предложены они в рамках этого же проекта. Так, один из экспертов демонст-

рирует стремление к большей, чем в советские времена, определенности в своем социальном статусе: *«Что мне дает такая самоидентификация? Разумеется, в прежнее время я не называл себя средним классом - мы ведь вообще не знали этого понятия, относя себя к прослойке под названием "интеллигенция". А отнести себя к среднему классу - значит подчеркнуть, что ты не нувориш какой-то, но и не аутсайдер. Мы не те и не другие»*. Или же повторим уже цитированные слова о "джентльменском наборе интеллигента" - *"удобный, не обязательно роскошный, автомобиль, загородный дом или дача, где можно вести буколические размышления, возможность передвигаться из страны в страну для отдыха или из любопытства и т.д."*, - который, *"как правило, совпадает, на мой взгляд, с джентльменским набором среднего класса, пусть и не полностью"*.

4.2. Самоидентификация со средним классом.

Аналитический обзор экспертных суждений

Обратимся к суждениям участников проекта, мотивирующих тот или иной вариант своего выбора и решения в связи с вопросом о значимости для них самоидентификации со средним классом. Суждения участников проекта представляют практически весь возможный диапазон позиций: вполне категорическое утверждение о значимости такой самоидентификации; подчеркивание того обстоятельства, что об этом вопросе "никогда раньше не думал", но после предельного вопроса готовность принять такую самоидентификацию; скептическое отношение к самому вопросу и столь же скептический ответ: нет, но...; да, но...; наконец, практически полный отказ от такой самоидентификации (с этими суждениями мы имели дело в предшествующем параграфе).

Прежде всего, обратим внимание на два противоположных типа суждений, не провоцируемых прямым образом вопросами интервью, но вполне определенно фиксирующих степень значимости самого акта самоидентификации. Первый тип: *"Для меня не столь важно, как, может быть, для кого-то другого, идентифицировать себя с определенным классом, социальной группой. Для меня это скорее этикетка, ярлык - не более того"*. Второй: *«Характеристика "средний класс" - не просто фишка, этикетка и т.п. Это местоположение - между низшим классом и классом высшим. Это не произвольный термин: "средний" здесь означает опорный класс. Класс, который не может податься ни "влево", ни "вправо". Не может, ибо потеряет себя»*. Отметим преобладающий характер второго типа суждений.

Проявленный в последнем рассуждении ценностно-ориентационный смысл самоидентификации со средним классом, на наш взгляд, совсем не случаен. Один из участников проекта прямо говорит об этом, противопоставляя осознанный акт самоопределения и стихию жизни "людей-трамвайчиков", удовлетворенных уже тем, что жизнь ка-

тится, “как по рельсам”. Нежелание “беспокоиться о самоопределении, самоидентификации и прочих высоких материях” он объясняет тем, что “трамвайчики” “предпочитают уклоняться от задачи конструирования своей жизни”. В противоположность такой жизненной позиции наш автор полагает, что *“для человека естественно искать ориентиры своей жизни, строить планы, стремиться к достижениям и т.п. Значит, и соотнесение своих жизненных планов с такими ориентирами, как качество жизни, образ жизни, ценности среднего класса и т.п., – задача естественная”*.

Вряд ли случайно и то, что участники проекта, которые никогда не задумывались над вопросом о самоидентификации со средним классом (типичное начало ответа на соответствующий вопрос: *«откровенно говоря, до сих пор и “не задавался” вопросом о самоидентификации»*), но без особых сомнений приняли ее, как только включились в процесс рефлексии, тоже акцентируют ценностно-ориентационную мотивацию решения о самоидентификации. Выделим, с этой точки зрения, два характерных суждения. Один эксперт видит важность отнесения себя к среднему классу в том, что тем самым выбирается ориентир жизни, влияющий, может быть, *“даже на ее смысл”*. При этом он понимает, что к ориентиру можно отнестись и формально, *“полагая, что ты пассивно участвуешь в объективном процессе формирования рыночной экономики, что такая экономика сама создает для себя средний класс”*. Но так как люди, по мнению автора, не просто “человеческий фактор”, *“они сами выбирают ценности и правила игры, которые вовсе не автоматически соответствуют подлинным ценностям среднего класса”*. Другой участник проекта связывает значимость ценностно-ориентационной мотивации решения о самоидентификации со средним классом с тем, что *“только тогда мы будем ценить свое продвижение в состав среднего класса как способ самореализации, как условие приобретения достойного с точки зрения общественных критериев статуса, достижения определенной степени уважения от общества и, естественно, самоуважения”*. При этом автор подчеркивает, что *“самоуважение появляется не просто от того, что у меня есть деньги. Можно наворовать десять миллионов и держать их в швейцарском банке, построить виллу на Канарах, но ни я сам, ни общественность не будет относиться ко мне уважительно”*.

Пытаясь проанализировать варианты позитивного ответа на вопрос о самоидентификации, выделим ряд конкретных мотивов и аргументов участников проекта.

Во-первых, самоидентификация со средним классом основана на связи между качеством и количеством труда и уровнем благополучия семьи (*“Всегда стремился стать человеком среднего класса: работаю очень много, а тот, кто много работает, должен много получать, хорошо жить и т.д. ...в нынешнее сложное время мы можем*

себе *позволить немного больше, чем другие*) или присущей отечественному интеллигенту склонности к известной независимости в работе, с одной стороны, и известной мере комфорта (не только материального) – с другой. Вспомним слова одного из экспертов о том, что свойственное такому интеллигенту стремление стать человеком среднего класса связано с недопустимостью *“пресмыкаться и быть просто наемным работником от звонка до звонка”* и, в то же время, о самодостаточности интеллигента, который, *“как правило, знает, сколько ему нужно средств для обеспечения элементарного комфорта”*.

Во-вторых, среди ценностей человека среднего класса приоритет отдается ценности свободы. Один из экспертов так прямо и говорит: *“Я ищу природу среднего класса в степенях свободы”*. Другой отмечает, что *“кроме материального достатка человека среднего класса характеризует стремление к свободе”*. Конкретизируя понимание ценности свободы, эксперт говорит, что она выражается и в том, что *“никто не лезет в мои дела, например, вопрос о поездке за границу не зависит от решения райкома. Если я накоплю денег, то сам решу, куда их истратить”*, и в том, что свобода предполагает не только возможность выбора *“куда истратить деньги”*, но еще возможность *“самому их заработать: практически у каждого трудоспособного человека сегодня есть возможность заработать деньги”*.

Вполне созвучно суждениям предшествующего эксперта и намерение другого участника проекта особо выделить среди ценностей человека среднего класса *“стремление к независимости”*. Более обстоятельно? *«К независимости, которой обладает автор какого-то дела и, одновременно, исполнитель того, что ты сам создал. (Разумеется, независимость предполагает персональную ответственность. Разумеется, у независимости есть пределы, в том числе и иерархические.) К независимости стремится человек, решивший создать свое дело своими руками и своей головой. Создал свое дело “с пенька” – в этом смысле ты был независим. Возглавляешь созданное тобой дело – и в этом смысле обретаешь независимость. Мое дело теперь не погибнет и без меня – это еще одна сторона духа независимости»*.

Далее выделим аргумент успешной процедуры “примерки” к широко известным стандартам образа жизни человека среднего класса. *«Если “примериться” к стандартным критериям “среднего класса”, могу себя отнести к типичным его членам – хотя бы потому, что имею и дачу, и машину, и квартиру. Все это не в наследство досталось, а нажито совместно с мужем. Могу отнести себя к среднему классу и по отношению к образованию своих детей»*.

Чтобы подчеркнуть именно обычность результатов такого рода “примерки” для человека, которому *“до сих пор как-то не приходилось задумываться о необходимости и возможности отнести (или не отнести) себя к среднему классу”*, обратимся к размышлениям дру-

гого автора. «Если все же поставить перед собой этот вопрос и “примериться” к предложенным участникам проекта критериям среднего класса, то легче всего применить к себе определенные показатели уровня жизни, например, “дача, квартира, машина”. Кроме того, могу себе позволить и покупать литературу, и отдыхать на курорте». При этом автор имеет особое мнение о необходимости для человека среднего класса вкладывать деньги в образование своих детей. “Дети выучились в советское время. Сейчас уже надо заботиться о будущем внуков, но пока еще время серьезных вкладов в их образование не пришло. И все же знаю, что не буду в рядах тех людей среднего класса, кто считает обязательным для своих потомков элитарное образование. Я буду тратить деньги на образование внуков, если увижу в этом смысл: если у них проявятся необходимые способности и стремления. Тащить ребенка в элиту за уши, сверх его сил, не следует. Только если ты видишь, что ему нужна поддержка, стоит решиться на финансовые вложения”.

Отметим, что автор считает необходимым подчеркнуть связь уровня своего достатка с определенным уровнем профессионализма. “У меня контракт с предприятием, акционеры которого наняли меня, а хорошую зарплату нынче зря не платят: твой профессионализм не может быть лишь декларацией, его надо подтверждать успехами предприятия”.

Представляется важным не допустить упрощения причин, по которым некоторые эксперты колеблются в ситуации, требующей от них самоидентификации. Да, и скепсис к самому вопросу, и колебания с самоидентификацией могут быть связаны и с неустойчивым, переходным статусом данного человека или же переходным состоянием всего постсоветского общества. Однако как бы не упустить, что определенные колебания («На первый взгляд, ответ прост: “Да, отношу себя к одному из слоев этого класса”. Но не хотел, чтобы это “да” прозвучало категорично. Правда, не могу и употребить столь же категоричное “нет”») вызываются и иными причинами. Так, одного из экспертов “от безусловной самоидентификации со средним классом” останавливает то обстоятельство, что «в прежние годы, за исключением последних пяти-шести, ...все мы делились на школьников и пенсионеров, выпускников ПТУ и людей с высшим образованием, врачей и инженеров... И эта давным-давно известная схема вполне срабатывала. Каждый знал свою социальную нишу и вполне обходился без понятия “средний класс”». Но и в наши дни, «когда общество в целом и каждый из нас сильно изменились и уже не могут обойтись прежними социальными характеристиками, обнаруживаешь, что понятие “средний класс” раздражает тебя».

Раздражает и тем, что «прилагательное “средний” может звучать как нечто неопределенное – и не хорошее, и не плохое. И тем, что среднее положение – между минимумом поставленных задач и

максимумом твоих возможностей – может спровоцировать на самоудовлетворенность, на остановку в росте: если ты уже стал человеком среднего класса, то не надо ни самообразовываться, ни вносить изменения в свой образ жизни. Сам себя успокаиваешь: ты достиг всего, что тебе необходимо». Раздражает и тем, что «наводит на такую, например, ассоциацию, как средняя температура по больнице, средняя заработная плата по региону, средняя пенсия, средний возраст населения нашего города... Ведь если я скажу, что в среднем по городу Тюмени увеличена раскрываемость преступлений, то человеку, у которого обокрали квартиру, до улучшения этого среднего показателя дела нет, и он не простит ни властным структурам, ни правоохранительным органам, что лично его обидели. “Среднее” здесь как бы закрывает индивидуальное. И это вносит элемент раздражительности относительно самого понятия».

В свою очередь, другой эксперт полагает необходимым сопроводить свою самоидентификацию со средним классом ограничением, связанным со смыслом, а точнее – с разными смыслами самого понятия “средний класс”. “Я несколько замедлила с ответом на вопрос: *отношу ли себя к среднему классу*”, – характерное замечание. Дело в том, что, с точки зрения эксперта, *«есть понятия, которые, возникнув с исторически определенным содержанием, в процессе изменения общества это содержание обновили, а в общественном сознании часто сохраняется содержание, присущее прошлому веку. Так произошло и с понятием “средний класс”».*

Важно представить здесь и обнаруженную анализом мировоззренчески-политическую причину скептического отношения к вопросу о самоидентификации. Один из экспертов считает, что *«тему формирования у нас в стране среднего класса породили политики – чтобы оправдать свои дела, свое вновь обретенное благосостояние. Им важно приучить наше население к этому термину, чтобы впоследствии можно было отчитаться: во время нашего правления мы увеличили прослойку среднего класса. Либералам просто надо оправдать свои реформы, несправедливость разделения общества на бедных и богатых, и они стараются внушить хотя бы части граждан установку на отнесение себя к среднему классу хотя бы по такому критерию, как “квартира, дача, машина”».* (Здесь же в качестве примечания приведем позицию другого участника проекта: *«Как политик я не могу не понимать, что такое средний класс и какова его роль в обществе. Это наша политическая опора – никакого “Выбора России” не будет, не будет “Правого дела”, если в стране не сформируется средний класс, и потому мы ведем работу в этом направлении».* И еще один эксперт дает возможный аргумент заочной полемики: *«В моем понимании средний класс – это тот слой общества, представители которого задали, прежде всего, себе вопрос: “Если не мы, то кто?”. Такой вопрос задавали в свое время и пролетарии».*

Я с достаточным уважением отношусь к идеям Маркса, но не к практике их реализации. Маркс подчеркивал, что революция должна решать две задачи, первая из которых – разрушение старого, а вторая – самая главная – построить новое. В нашем отечественном опыте пролетарии ограничились первой задачей: может быть потому, что разрушить легче. А мы, средний класс, берем на себя конструктивную функцию. Созидать должны люди, которые понимают и тенденции развития общества, и то, что нужно сделать для изменения его».

Что касается тех ограничений, которые обусловлены осознанием переходности статуса конкретного человека, социальной группы, общества в целом, выделим две позиции. Первая из них отражает скорее субъективную сторону современной ситуации. Желая, чтобы его идентифицировали как человека среднего класса, ибо для него это престижно, один из участников проекта отмечает, что в нем *“еще достаточно сильна ментальность всеобщего равенства и справедливости”*. На эксперта *“давят прежние идеологические стереотипы: когда я вижу бедного, то хотя и объясняю себе эту бедность тем, что так сложились его обстоятельства, но чувство совести, справедливости – в старых понятиях – не дает мне продемонстрировать свою успешность. Не могу спокойно относиться к неравенству уровней жизни. Я все-таки еще не оторвался от духа прежних времен”*.

При этом общество, полагает эксперт, практически не помогает решить проблему самоориентации, в том числе не дает критериев оценки успеха, социальной мобильности и т.п. Именно поэтому автора *“беспокоит не столько то, что приходится еще стесняться своей успешности, а то, что люди, способные к успеху, не могут опереться на признанные легальными правила игры”*. Именно в этом причина того состояния, когда автор не хочет *“публично декларировать себя как представителя среднего класса. Конечно, ничего здесь зазорного нет: я все зарабатывал собственными мозгами. Но, с другой стороны, отсутствие четких правил не дает морального комфорта. И, может быть, не только правил, но и осознанных обществом целей и ценностей. Общество не задает стандарты достойной жизни, и от этого мы страдаем.”*

Вторая позиция отражает, скорее, объективные обстоятельства трансформирующегося общества. Уклоняясь от безусловной самоидентификации со средним классом, один из участников проекта подчеркивает, что в этом нет *“никакого снобизма”*. Дело в том, что, с его точки зрения, словосочетание *“средний класс России”* нелепо: *“Нет у нас в стране никакого среднего класса, надо признать это. Средний класс – это стабилизатор общества, а у нас общество абсолютно разбалансировано именно отсутствием среднего класса”*. И это не эмоциональная реплика, а аргументированное суждение. Сравнивая стандартные критерии человека среднего класса с теми критериями, кото-

рые сегодня возможны в России, автор приходит к выводу, *“у нас общество не развилось до такого состояния, при котором законопослушный, платящий налоги, полностью использующий свой профессиональный потенциал в интересах дела, создавший нормальный фундамент для своего бизнеса (в средний класс входят не только бизнесмены, но и профессионалы высокого уровня) человек может быть совершенно уверен в своем завтрашнем дне”*. Бессмысленно, полагает автор, говорить о среднем классе России, если сегодня *“можно в одночасье захватить крупнейшую компанию, поменять генерального директора, неожиданно изменить правила игры, а то и просто разрушить твой бизнес с помощью судебных и фискальных органов, незаконного и нелепого распоряжения администрации и т.п.”*. Отсюда вывод: *“В России наличие некоторых общепринятых признаков среднего класса не срабатывает из-за отсутствия условий стабильности бизнеса и жизни. Только при появлении этих двух составляющих можно говорить о том, что в стране действительно созданы предпосылки для формирования среднего класса.”*

Третья группа участников проекта – те эксперты, которые категорично отказываются от самоидентификации со средним классом. Начнем с эксперта, который, как мы помним, уклоняется от самоидентификации со средним классом, объясняя свой выбор тем, что *“как самодостаточная личность”* относит *“себя к самому себе, а не к какому-либо классу. И вообще – я не человек стаи”*. И сразу же отметим, что этот подход акцентирует лишь самооценку автора. В то же время он вполне рационально анализирует объективную ситуацию: *“Ценности среднего класса – это хорошая семья, большой дом, загородный участок (мечта – вилла), конечно, машина хорошей марки, постоянный профессиональный карьерный рост и т.п. Честно говоря, всю жизнь борюсь сам с собой: у меня, кажется, другие потребности и другие ценности. Хотя, конечно, по некоторым объективным признакам можно отнести к среднему классу. У меня есть дача, хотя и не шикарная, четырехкомнатная квартира, я постарался выучить детей в престижных заведениях... В принципе – это образ жизни человека, исповедывающего ценности среднего класса”*.

И еще раз показывает противоречие объективного и субъективного подхода: *“объективно меня можно причислить к этому классу, сам себя я все же с ним не ассоциирую, мне все-таки кажется, что я не классифицируем”*. И, кажется, находит компромиссный выбор: *“Если в среднем классе есть группа нестандартных людей, и кому-то хочется все-таки ввести меня в классификационную систему и наткнуть, как бабочку на иголку, то я бы согласился отнести себя к группе нестандартных людей среднего класса. Тем более, что мой образ жизни, в принципе, близок к среднему классу”*.

Не дадим себе поддаться аналитическому искушению *“уличить”* эксперта в противоречивости. Дело в том, что он убедительно показы-

вает причину отнесения “себя к самому себе”. *“Советская система оборвала мои корни. И я строил себя сам. Потому, наверное, так сильна моя тяга к самодостаточности, что за мной – оборванные поколения, оборванные традиции, причем обрывались они не естественным путем. Тяга к самодостаточности – от нежелания вписываться в устанавливаемые рамки, рамки общества, которое меня когда-то бросило. Бросило, когда мой отец в 17 лет вынужден был – как сын кулака – скитаться по Беломорканалам, по Комсомольскамна-Амуре, и за ним гонялась по всей стране система НКВД, за 17-летним юношей, который этой стране ничего плохого не сделал”*.

Другой эксперт уклоняется от самоидентификации со средним классом, но, в отличие от цитированного выше, не отказывается от самоидентификации вообще, потому что в переходный период развития страны *«еще не сложился общепризнанный образ среднего класса. Слишком мало времени прошло, чтобы делить новое общество на новые классы. В большинстве своем мы еще живем старыми представлениями о структуре общества, об основных классах этого общества и его “прослойке” – интеллигенции. ...И ничего нельзя быстро изменить: промышленник себя и сейчас чувствует промышленником, а не человеком среднего класса. И писатель, и профессор осознают себя интеллигенцией, а не неким “средним классом”*». Поэтому и сам эксперт *“как был в советские времена причислен к научной элите (став членом Академии)”*, так и сегодня относит себя к ней: *«Остаюсь в своем “слое”*».

Еще один участник проекта никогда не задумывался о своей принадлежности к среднему классу, отказавшись от самоидентификации с этим классом, в частности, потому, что сам термин “средний класс” ему *“не очень нравится: средний, низший, высший - напоминает терминологию кастового разделения”*, готов, *“если уж надо принять какую-то классификацию”*, зафиксировать свою принадлежность к интеллигенции. Уточняя обозначение своего социального статуса, автор подчеркивает, что ближе всего ему понятие “технократ”, имея в виду, что *“технократ – это человек, для которого главным является интеллект и продукты интеллектуального труда”*.

Эмпирический анализ дает необходимые основания для подтверждения нашего тезиса о том, что проблема самоидентификации со средним классом может и должна квалифицироваться как *проблема выбора*, в том числе – морального выбора, если речь идет о принятии этоса среднего класса. В средний класс действительно не “переходят” просто по достижении каких-то измеряемых показателей, ибо вхождение в средний класс – это событие индивидуальной биографии. Многие участники проекта – пусть и не в прямой форме – осознают, что стать “действительным членом” этого класса – значит решиться выстроить биографический проект успешности.

Да, далеко не все участники проекта демонстрируют острую оза-

боченность неотложной необходимостью поиска выхода из кризиса идентичности, имеющего в современной России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. Участники проекта не декларируют о естественной связи попытки понять “куда идет Россия?” с попыткой выстраивания своей жизненной стратегии, личного биографического проекта в столь противоречивой ситуации трансформации страны. И все же можно предположить, что сегодняшний российский витязь на сказочном перепутье уже не останется лишь “*читателем*” вариативного прогноза на придорожном камне-указателе и изберет задачу стать *писателем-проектировщиком* такого прогноза⁷⁰.

Глава 5

Феномен срединной культуры в этосе среднего класса

Как известно, еще Аристотель приложил значимую для античной культуры концепцию *срединности* к своей политической теории, выделив роль “людей среднего положения” и обозначив в качестве цели государства превращение всех граждан в “средних”. В дальнейшем были проблематизированы связь и различие между смыслами “срединность” и “посредственность”, осознана противоречивость характеристики “золотая середина”, когда стабильность общества как цель достигалась за счет таких не однозначных ценностей, как “усредненность”, “умеренность” (связанных с “серостью”, “скукой” и т.п.). Разумеется, характеристика “среднего положения” применялась в разных значениях. Так, М. Лернер говорит, что “средний класс Америки видится как успешная попытка распределения власти и престижа, возможностей и социального опыта между многочисленными группами американского общества, среди которых нет ни промышленных магнатов, ни тех, кто силится занять их позиции, ни сильных мира сего, ни отчаявшихся, ни элиты, ни пролетариев”. Уже в силу своей социальной функции “средние классы не обладают чрезмерной воинственностью и напористостью. Они во всем находятся где-то на полпути, выполняя роль своеобразного передаточного звена. Это срединное социальное положение требует от них умеренной социальной энергии и самореализации”⁷¹.

Обратившись к современным отечественным исследованиям, отметим точку зрения, согласно которой “само существование среднего класса как функционального элемента современного общественного устройства предполагает не столько его срединное или модальное

---

⁷⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Мидл этос: Введение в проблематику этоса среднего класса // Вестник. Вып.14. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999.

⁷¹ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т.1. М.: Радуга, 1992. С. 608-609.

положение в статусной стратификации и распределении доходов, сколько особое умонастроение – ориентацию на сохранение как своего нынешнего положения, так и социальных порядков, придающих этому умонастроению смысл и значимость”⁷². По мнению автора, “средний класс являет собой социальный материал, из которого образуется прочная общественная ткань. Другие классы отчуждены от общества в той степени, в какой их субъективная ориентация направлена на перекрой социального материала. Именно в этом смысле маргинальные группы асоциальны – они несут в себе идею преобразования сложившегося порядка вещей”.

Другой отечественный автор наших дней отмечает, что “средний класс занимает на шкале общественных ценностей уникальное положение между идеологией бедных и идеологией богатых. Если говорить о левых, то гуманное отношение к наиболее слабым, требование социальных гарантий вполне соответствует духу среднего класса. Что касается первых, то с цивилизованными банкирами и промышленниками у среднего класса много общего, прежде всего в сходном отношении к частной собственности, поэтому в стратегическом ключе они являются союзниками. Положение среднего класса в демократическом государстве позволяет его политической партии взять на себя миссию урегулирования противоречий между различными слоями общества”⁷³.

Как видим, в двух последних случаях нет акцентирования нашей современной действительности. Мы имеем дело с представлениями о разных гранях “среднего положения”, в которых не ставится задача выделения этнонациональных особенностей этоса среднего класса. А что может дать специальный анализ содержания “срединного положения” человека среднего класса в нашей стране? Что общее с другими странами и что специфическое в духе среднего класса может показать такой анализ?

5.1. Средний класс в этнонациональном орнаменте: проблема срединности в русской ментальности

Препятствием для становления среднего класса служит постоянно воспроизводящаяся ситуация духовно-нравственной неопределенности массового сознания советского и постсоветского общества⁷⁴. Речь идет не просто о состоянии некоторой неприкаянности, а, главным образом, о неразвитости промежуточных звеньев между полярными состояниями духа, когда обнаруживается и “высокая мораль”, существующая преимущественно в форме возвышенного нрав-

⁷² Батыгин Г.С. Этос “середины” // Этос среднего класса. Ведомости. Вып.14. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. С. 98.

⁷³ Носкович О. Урок среднему классу. // Век. 1999. № 12.

⁷⁴ См.: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993; Левада Ю.А. Судьба “человека советского”: Размышления пять лет спустя // Этика успеха. Вып. 9. 1996.

ственного идеала, время от времени проявляемая в эпизодах подвижничества, героики, а также в ригористических оценках людей, событий, исторических и бытовых случаев, и, одновременно, выявляется существование "профанной" морали, житейской, "низовой" нравственности. Такое раздвоение в общем-то нормально, если бы не одно обстоятельство: между ними зияет пропасть – не получила развития, укоренения в прочной традиции "срединная" мораль, обрученная с формализованным правом. Очень возможно, что именно этот факт является основной причиной заторможенности процесса формирования среднего класса, его становления и бытия в нашей стране. Или, по крайней мере, одним из обстоятельств, вызывающих "историческую задержку". С другой стороны, этот класс в свою очередь является выразителем "срединной" морали, условием становления реалистичности морали как таковой, ее образования при переработке пестрых нравов, местных традиций, локальных обычаев.

Примечательно и другое обстоятельство: состояние "провала" между крайностями необычайно слабо отрефлектировано, не дано самому массовому сознанию. Его носители не способны без лукавства представить самим себе отчет в том, каким же образом в сокровенных структурах их сознания угнездились гетерогенные, даже противоречащие друг другу ментальные начала. Речь идет не о том, что ничто человеческое русской душе не чуждо, и не о духе коллективно-бессознательного с присущей ему расколотостью сознания человека. До сих пор не произошел синтез данных начал, не сблизились ментальные крайности (подобно тому, как не произошло синтеза между моральной онтологией традиционного социума и онтологией рациональной морали модерна в пострациональной морали, где приставка "пост" означает не исход из прошлого, а преемственность состояний). Во всяком случае, такого сближения и, тем более, синтеза не произошло в необходимом объеме и с достаточной степенью эшелонированности, которые нужны для слияния отдельных "молекул" среднего класса во внушительный социальный массив в мире, где уже идет распад макроструктур на множество индивидуальных жизненных проектов.

Вероятно, так и возникает феномен неопределенности и аксиологического маятника в духовно-нравственной жизни страны, постоянного колебания между крайностями, шараханья из стороны в сторону без успокоения в заветной зоне "золотой середины". И не только в макроистории с ее длинными волнами, но и в биоистории нравственной жизни отдельного человека. Правда, как показывают опросы, люди предпочитают самоидентифицироваться в качестве ординарных, "простых", "средних" людей, благоразумно избегающих крайностей любого рода, используя и иные подобные мифологемы относительно самих себя, что способствует снижению уровня личной ответственности и перед самими собой, ближними и, тем более, перед дальними. В этом и без того запутанном, сложном мире трудно такую ответственность уяс-

нить, зато необычайно легко ее "сбросить" или сделать дисперсной.

В этом отношении правы те, кто утверждает, что "Россия – удивительная страна". Н. Гоголь назвал Отечество святой Русью с народом-богоносцем, а в то же самое время не менее наблюдательный мыслитель В. Белинский считал этот народ безбожным и свирепым. У русского народа, скажет позже Н. Лосский, не сформирована "срединная культура". А уже ближе к нашему времени Д. Биллингтон озаглавит свою известную книгу необычайно выразительно: "Икона и топор: к интерпретации истории культуры России".

Аксиологические колебания в итоге отложились в нравственных качествах многих людей. Смещения идут минуя заветную "золотую середину": от активизма – к пассивности, от энтузиазма – к апатии, от покорности властям, судьбе, общине – к бунтарству против них всех, от легковерия, наивности, почти детской доверчивости – к хитроманству и неразборчивому негативизму, от святости – к греховности (уместно вспомнить, к случаю, известный афоризм К. Леонтьева: русский человек может быть святым, но не может быть просто честным), от высокого – к низкому, от готовности трудиться в критические моменты производства до седьмого пота (а в этом, полагал В. Ключевский, в Европе нет равных русскому человеку) – до длительных приступов меланхолии, хандры, затяжного безделья (отсюда, наверно, родилась насмешливая фраза: "Никто так не умеет работать, как не умеем мы"), от нетерпимости ко всему "не нашему", агрессивности по отношению к "чужому" – до поразительного долготерпения и доброжелательности, от общинной ориентации, знаменитой "соборности" – до пониженной способности к самоорганизации приватной и публичной жизни на рациональной основе и т.д. До наших дней затруднения по этой части связаны с дефицитом умеренности, равномерной активности вообще, со всяческой *мерой* в особенности. "Россия была и, по всей вероятности, остается страной крайностей, стремления во всем достигать последнего предела" (Д. Лихачев), страной "огневой неистовости в желании немедля утвердить небо на земле" (В. Шульгин), что поставляло излюбленные сюжеты для отечественной трагики (а заодно и для юмористики). И колебания подобного маятника, раздвоенность массового сознания усиливаются в смутное время, в котором и нам выпало счастье жить.

Все это – не константные атрибуты российского сознания (картину разнообразит этнонациональная психология страны, наполняя ее оттенками и нюансами, так как принимает во внимание классовые, сословные, конфессиональные, отчасти профессиональные и региональные различия), а только выразительные предпочтения, влиятельные тенденции, которым, естественно, противостоят контртенденции. И такое состояние сознания не нуждается в какой-то оправданности перед более спокойным, "отстоявшимся", "нормальным", "праведным" состоянием. Данность этнонационального характера не подлежит оценке в

двумерной позитивно-негативной логике, в манихейском духе (например, достижение, которое часто относят лишь к ментальности среднего класса, не является его безраздельным владением, ибо возможно в различных измерениях и регистрах).

Остановимся на такой существенной черте нашей ментальности, которую не без оснований называют "российской нирваной", сплинном, тоской или хандрой. Это – не просто индивидуальное качество того или иного лица, а устойчивое мироощущение значительного слоя рефлексирующей русской интеллигенции XIX и XX столетий. Возникло оно в ситуациях исторического выбора, вблизи точек бифуркации развития, глубоких переворотов в образе жизни, в эпоху социальных потрясений, так сказать "конвульсий" сначала запаздывающей модернизации, а затем советской патримониальной (или консервативной) и постсоветской перемодернизации страны – вместо плавного, эволюционного и основательного развития, когда каждый этап изживается "до дна", а не наезжает один на другой, образуя замысловатой конфигурации торосы из различных плохо состыкованных пластов культуры, ее ценностных установок, из нагромождения всевозможных жизненных стилей поведения и типов личностей. А именно эти обстоятельства лежат в основе культурных расколов, сотрясающих всю духовную историю России.

Особенности социокультурного развития страны побуждают оценить жизненные идеалы квиетизма и хандры, вывести их из-под гнета двусмысленных оценок – то как абсолютного блага, то как столь же абсолютного зла. Они оберегают человека от торопливого стремления стать членом среднего класса, добившегося "собственноручно" делового, профессионального, жизненного успеха путем активизма, вступая в бурный поток социальной энергетике, от прегрешений социальной ангажированности, от поспешной и поверхностной веры в целительность радикального программизма. Поэтому инвективы против квиетизма и хандры далеко не всегда справедливы и этически безупречны, тем более, что успех и неуспех, ориентация на успех или отклонения от него сами по себе не являются неким инобытием добра и зла. Пространство между активизмом и квиетизмом, пронизанное насмешливостью и скепсисом, о котором обычно говорят, что он "здоровый", характеризуется не столько взаимоотталкиванием, сколько парадоксальной сопряженностью, переменностью исходных значений, скользящих атрибуций, никак не уместяющихся в русле заурядного морализаторства, возмущенного установками на "недеяние" и постыдную эвакуацию с "площадей истории"⁷⁵.

В одном из культурологических исследований отмечено, что ес-

---

⁷⁵ О природе данного феномена см.: Прокофьев А.В. Морализаторство: этико-теоретические и психологические аспекты // Этика: новые старые проблемы. М., 1999.

ли бы отечественное социальное знание, не опасаясь упреков в изоляционистских устремлениях, создало в конце XX века науку "русское отчизноведение", то очень скоро внутри него появилась бы особая отрасль знания – "хандрология" и "хандрософия" со своим собственным предметом исследования – хандрой⁷⁶. Автор этого слегка ироничного высказывания Н.В. Любомирова полагает, что анализируя феномен русской хандры в национальной культуре, мы имеем дело с двумя традициями. Одну она называет "публично-политической", тогда как вторую именует "социально-подпольной". И русская мысль, подобно коромыслу, вечно качается в "политическое" и от "политического", в ней то приходят, а то уходят волны политомании⁷⁷.

Обратимся к оппозиционной модели культурного архетипа. И вместо того, чтобы возвращаться в домодернизированную реальность, отрекаясь от факта автономизации сфер общественной жизни и автономизации самой личности, а также чтобы укрыться в анонимности, перестать быть человеком массы, чтобы выбраться из-под подчинения системам рационального планирования и нормированной машинной продукции и при этом не утратить завоеваний личностного развития, опасаясь, наконец, стать "не востребованной личностью", – необходимо сохранить самобытность, придавая жизненной активности надындивидуальный, даже надмировой смысл. Это позволит человеку эпохи постмодерна воспринимать свою активность как миссию, как призвание в его сакральной или светской версии, побуждая, по Э. Фромму, постоянно обдумывать факт собственного рождения. И тогда, пародировав автора вышеприведенного высказывания, можно сказать, что если бы отечественное социальное знание, не боясь упреков в антиизоляционизме, создало в конце XX века науку "русское отчизноведение", то очень скоро заметили бы, что внутри него появилась особая отрасль знания – "успехология" и "успехософия". Деловой, профессиональный и даже жизненный успех в целом, конечно, не могут рассматриваться в качестве эквивалента абсолютного блага. Но ориентация на успех имеет глубокие корни в российской ментальности, как бы некоторые ни сторонились подобного утверждения. Более того, есть немало оснований говорить о российской идее успеха, ее прописанности в философско-этическом и "простонародном" лексиконе. Пусть не столь выразительно, как в случае с хандрой (что само требует дополнительных историко-филологических разысканий о причинах такой асимметрии)⁷⁸.

Наряду с русским квиетизмом в различных его контекстах и рус-

---

⁷⁶ Любомирова Н.В. Магия русской хандры // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992. С.114.

⁷⁷ Там же. С.119.

⁷⁸ См. подробнее: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманистическую экспертизу // Этика успеха. Вып. 10. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997.

ским стоицизмом, имеется и этнонациональный жизненный идеал социальной и партикулярной активности. В частности, он связан не только с русским либерализмом, но и с русским консерватизмом, который очень слабо подвержен "политомании" и радикализации. И этот идеал усиливается по мере перехода от традиционного малоподвижного народного бытия к динамизму модернизационного существования, испытав на этом трудном и зыбком пути как скорбь и бремя сомнений различного свойства, так и стыд от приверженности философии бодрячества и близорукого оптимизма (реакция на тяготы форсированной и не всегда желаемой модернизации, искусства революционаризма и нигилизма, приманки тоталитаризма и т.п.).

Многообразные социологические данные позволяют утверждать, что в России происходит постепенное отступление от якобы генетически запрограммированного традиционализма, казарменного коллективизма и патернализма, которые в немалой степени блокировали и отчасти продолжают блокировать ориентацию на достижения, связанную с образованием среднего класса, погашают ориентации на личный (а в ряде случаев и даже на коллективный) успех в деятельности, препятствуют утверждению гражданских прав и контрактных отношений с соответствующей этикой ("скромной этикой контракта", по выражению С.С. Аверинцева), принципов несогласия с идеократическими началами. А именно данные ориентации и начала создавали устойчивый каркас для привычных матриц ценностных суждений, для всего морального "кода" общения.

Немалую роль (не всегда и не во всем положительную) в таком расчищении ценностной "площадки" для среднего класса сыграли развившиеся еще в доперестроечное время потребительский индивидуализм (мы полагаем возможным говорить об особом "русском" индивидуализме, наподобие того, как пишут об эксклюзивном индивидуализме римском, византийском, англосаксонском, японском и т.п.), бюрократический рационализм и десинкретизация ценностного мира как условия повышения эффективности деятельности внутри специализированных подсистем социума эпохи модерна, укрепления персональной ответственности за последствия собственных поступков, не позволяя утопить ее в некоей "коллективной ответственности".

Наметилось, впрочем, не просто безвозвратное вытеснение традиционализма с его уже давно подорванных позиций в ценностном мире. Выявились предпосылки для его сближения с модерном, сближения ценностей внешнего успеха с успехом "внутреннего делания", консервативных и либеральных ценностей. Путь к этому сближению оказался извилистым и полным всяческих перекосов. Остались и останутся различия между целерациональными и ценностно-рациональными социальными действиями. Но в ситуации преодоления крайностей индивидуализма и коллективизма (теоретически их застывшая оппозиция начала преодолевать в общественном сознании чуть ли не XVIII века в эти-

ческих доктринах Ф. Хатчесона, А. Смита, Д. Юма и особенно – в XIX веке) они перестают быть несовместимыми, так как и те, и другие действия стали предполагать взвешивающую стратегию поведения с оглядкой на последствия, требовать свободного рационального выбора и, соответственно, минимизации импульсивности поступков "по убеждению" (разумеется, при сложной многоуровневой мотивации поступков всегда остается место для проявления чувственной стороны морали, для "доброй воли"). Принцип комплементарности предполагает верность нормам этики успеха, правилам честной игры на всех рынках, кооперативность действий, преданность жизненному призванию и самореализации, солидаристским ценностям.

Социологические исследования обнаруживают существование продвинутых групп населения России (все более многочисленные "островки", уже напоминающие "архипелаг", но все еще не слившийся в "континент" среднего класса) с развитой коммуникативной рациональностью поведения, с освоенными достигательными ориентациями. Они воплощают умеренные формы индивидуализма и солидаризма, предрасположение к нескончаемому дискурсу по поводу правил поведения на всевозможных поприщах успеха. В то же время они воплощают результат усвоения норм и ценностей этики успеха в такой степени, что уже можно разглядеть – пусть и размытые – контуры, неясные прообразы российского варианта национальной модели данной этики.

Если руководствоваться концепцией *государства-нации*, то следует сфокусироваться на ведущей роли среднего класса в его формировании. Во-первых, именно средний класс образует социальный фундамент конституирования государства-нации. И тогда он парадоксальным образом из "срединного" класса становится авангардным, разрешая давнее – заявившее о себе в Западной Европе едва ли не с XV века, актуализировавшееся в XVIII столетии и преодоленное на рубеже XIX-XX веков – противоречие между демосом и этносом. Долгое время эта роль принадлежала буржуазии, но ближе к нашему времени именно средний класс, впитавший в свой состав значительную часть буржуазии, конституируется в качестве внушительного множества социально и политически активных граждан демократически организованного общества. И когда неожиданно для привычной российской социальной лексики утверждают, что политическое государство "производит народ", преобразуя для этого идентичности существующих в его пределах этнических общностей, а также традиционных классов и конфессий в нечто целостное, то имеют в виду лидирующую роль среднего класса в генезисе наций как наиболее заинтересованной в нем силе⁷⁹.

---

⁷⁹ Не следует думать, будто этнические и этнорегиональные идентичности при этом растворяются без остатка в идентичности национальной (в духе идеологии "плавильного котла") и тем самым кладется ко-

Средний класс участвует в постепенной трансформации шумпертианской (формальной, делегативной, электоральной) демократии, возникшей в неорганичной для нее среде, в демократию аутентичную, неидентитарную, либеральную, качественную (по выражению К. Яс-перса) с базовым консенсусом относительно целей конвенции, ее содержания, перспектив, инструментов реализации и процедур. Соответственно, в этическом плане происходит автономизация морали и создание ее нормативно-ценностных подсистем. Средний класс участвует в консолидации вокруг эндогенных социокультурных поведенческих стандартов, ценностей и символов, не связанных с какой-то одной этнической общностью, группой, ибо консолидируется "согражданская общность", объединяющая людей с общими интересами, мироощущением и даже судьбой, а потому и с постоянно возобновляемым стремлением жить вместе в рамках одной политики⁸⁰.

нец конфликту между территориально организованным государством и этносом, не имеющим определенной территориальной привязки. Исторический опыт XX века свидетельствует, что этнические и этнорегиональные отношения способны породить конфликты огромной силы с тяжелейшими последствиями даже там, где государственно-национальный каток, на первый взгляд, полностью снивелировал этнические отношения или придал им музейно-этнографическое значение.

⁸⁰ При этом надо подчеркнуть, что наличие какой-то единой нравственности для всех традиционных социумов приходится констатировать с большой осторожностью и в значительной мере условно. Ведь только при "исходе" из застойных форм социальной жизни начинает доминировать тенденция к универсализму. Нарастающее сходство в техническом базисе и в экономических отношениях, связанных с ними образе жизни, наиболее выпукло представленных в феноменологии мировой культуры, в целевых установках, социальных структурах и мотивации активности, в интернационализации вкусов, неминуемо приводит к усилению универсалистских трендов в области норм и стилей жизни (хотя наблюдаются факты просто имитации) универсализма.

Впрочем, мы далеки от мысли, будто под тяжким герметическим "саркофагом" универсальных норм оказались навеки погребенными еще полные своеобразия традиционные структуры потребностей, инстинктов, чувств и способов их регуляции. Они просто потеснились, отступая в периферийные сферы мировосприятия и поведения. Нельзя пренебречь альтернативной тенденцией нарастающего культурного многообразия онтологии морали. Более того, каждая великая цивилизация, создав субокумены, предложила свое понимание того, что надлежит считать универсальным, общечеловеческим, и ни одно из них не вправе только себя воспринимать в качестве "подлинного" индикатора цивилизованности - в этом смысле был прав О. Шпенглер, когда утверждал, что моралей на Земле столько, сколько культур. Прислушаться

Во-вторых, средний класс образует – чаще всего стихийно, ненамеренно, в ходе эволюционного отбора – широкую основу для достижения языковой однородности и общекультурной идентичности в рамках государства-нации (что не исключает ситуаций билингвизма и языкового равноправия). Такая основа открывает путь к гомогенизации многосоставного общества, каковым является Россия⁸¹. Осуществляется это на базе перехода от унаследованной этничности, исходный пункт которой – кровное родство, к обретаемой национальной идентичности через личную вовлеченность и свободный выбор. Одновременно происходит переход от этнического патриотизма к патриотизму гражданскому. Режим постоянного диалога культур большинства с культурами меньшинств в направлении выработки общей ментальности при наличии политической воли, а также при достаточных властных ресурсах, открывает возможность перехода к "постнациональному обществу" типа Европейского Союза со стратегией неуклонной деэтнизации государства и деэтнизации этничности (четкая формула В.Тишкова)⁸².

Отвлекаясь сейчас от острейшей проблемы налаживания диалога между государством и этносом (этносомами), который некоторые исследователи полагают просто невозможным⁸³, отметим, что в вовле-

---

надо и к мнению Л. Толстого, полагавшего, что рациональными методами можно выработать универсальный кодекс поведения на основе общей веры. См.сб.:Модернизация и национальная культура. М., 1995.

⁸¹ См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997; Матвеева С.Я. Возможность нации-государства в России: попытка либеральной интерпретации // Полис. 1996. № 1.

⁸² См. Тишков В.П. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 8; Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт // Вопросы философии. 1998. № 11; В.М. Межуев употребляет выражение "сверхнациональное единство". Идеи В. Тишкова вызывают и резкие возражения см.: Руткевич М.Н. Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5.

⁸³ Подобный диалог, как нам кажется, сходен с межкультурным типом диалога, когда есть общее проблемное поле и встречное движение, а также наличествуют необходимые для этого ресурсы, позволяя преодолеть постмодернистское "равнодушие культур друг к другу". «Диалог не просто "вписывается" в современную культуру, занимает в ней все более видное место, он задает определенный методологический тонус человеческой деятельности, высвечивает возможности события людей, преобразования главных для социальных взаимодействий практических и мыслительных форм. Проблема познавательная, затем коммуникативная оборачивается проблемой существования основополагающих структур человеческого бытия» (Кемеров В. Запад - не Запад,

ченности, о которой шла речь выше, своеобразным мотором служит активная позиция среднего класса в современной системе образования и воспитания. Именно данная система с помощью трансгенерационной трансляции групповых ценностей и нормативных образов в современном сегментированном обществе с моральными подсистемами (политическая и экономическая этика, трудовая и профессиональная мораль, этика управления, образования, науки и т.п.) поддерживает необходимый уровень культурной однородности. Делает она это, продуцируя правила, оценочные шаблоны, регламенты экономической и политической коммуникации. И выполняет подобную интеграционную миссию эта система "...вне зависимости от того, ставится ли перед ней такая задача осознанно, поскольку политическая культура является неотъемлемым элементом общественного наследия в целом"⁸⁴. Поддерживая общенациональный образовательно-воспитательный проект, средний класс – более всех других общностей – задает стандарты публичного поведения для всех иных общностей.

Мы акцентируем государственное начало в образовательно-воспитательном проекте, так как возможности частного сектора здесь сравнительно ограничены, прежде всего в объемном отношении, а заочные, дистантные, интерактивные, телевизионные и т.п. методы образования второсортны (по выражению Н.Б. Карлова). Они способны лишь дополнять серьезное базовое образование, не говоря уже о воспитании, которое фактически деинституализируется, выпадает из сферы образования. И даже наш еще во многом протосредний класс по своим качественным и количественным показателям, несмотря на явное ослабление государственных позиций в образовательной сфере, отдает себе отчет в значимости государственных начал образовательного проекта в России, ибо практически весь состав этого класса "родом" из государственного сектора в образовании.

Восток - не Восток // Стратегия. 1998. № 1. С.162). См. также о типологии диалогов: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Цивилизационные парадигмы воспитания // Ведомости. Вып.13. С.75-80.

⁸⁴ Каспэ С.И. Демократические шансы и этнополитические риски в современной России // Полис. 1999. № 2. С.41. Автор приводит выразительную цитату из работы Э.Геллнера, которая проливает свет на роль среднего класса в образовательном проекте: "У основания современного социального строя стоит не палач, а профессор. Не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти. Монополия на законное образование сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие" (Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С.87). См. там же: Ушакин С.А. "Мультикультуризм" по-русски, или о возможности педагогики постмодерна в России // Полис. 1997. № 4.

5.2. Не стыдно ли быть “средним”?

Аналитический обзор экспертных суждений

“Быть средним и гордиться этим – есть в этом что-то не совсем нормальное, – полагает журналист Маша Гессен. – Чем гордиться? Тем, что денег не меньше и не больше, чем у других, и машина пусть и не супер, но и не совсем уж плохая? Это что же, оплот демократии – посредственность? Гарант стабильности – троечник?”⁸⁵

Представленный выше в образной форме феномен срединности в рефлексии профессионального социолога выражен не менее образно, но более строго. В своем исследовании на тему «“Средний класс”: фикция или реальность?» в параграфе с характерным названием “Притяжение середины”⁸⁶ Ю.А. Левада ставит вопрос: “Чем объяснить, что около двух третей населения – безотносительно к чинам, рангам и доходам – привычно, упорно, настойчиво относят себя к некой середине?”. Отвечая на него, автор говорит, что одна сторона этого феномена – в том, что человек хочет быть “с большинством”, поступать “как все”, ибо так уютнее, безопаснее, “безответственнее”, а так же – в боязни “высовываться”. Это боязнь сформирована в обстановке слабоструктурированного, запуганного и скованного круговой порукой общества. Нарушитель этой неписанной нормы – в какую бы сторону отклонение ни происходило – сталкивается не только с моральными, но и с насильственными санкциями. Другая сторона, говорит автор, заключается в установке “равнение на середину”, установке, отражающей неприятие “правил игры” и поведенческих образцов, задаваемых новыми элитарными слоями, “новыми” и “новейшими” русскими⁸⁷.

И еще одна грань проблемы “срединности”, связанная с известным стереотипом восприятия природы этоса среднего класса как мировоззрения “болота”, как конформистской морали, “морали посредственностей” и т.п. Отечественной морали свойственно высокомерное отношения к “прозаическим” и “скучным” срединным добродетелям “мещан” и “буржуа” – добродетелям рациональности, порядка, самодисциплины, накопительства, бережливости и т.п. Свойственно скептическое отношения к добродетелям “положительного человека” – хорошего семьянина, усердного работника, честного налогоплательщика, доброго прихожанина, лояльного гражданина и т.п., составляющим “средоточия национальных добродетелей”⁸⁸. Этой морали трудно дает-

⁸⁵ Гессен М. Первый раз в средний класс // Итоги. 1998. № 15. С. 14.

⁸⁶ Левада Ю.А. “Средний человек”: фикция или реальность? // Средний класс России. Проблемы и перспективы. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998.

⁸⁷ Там же. С. 159-160.

⁸⁸ См.: Драгунский Д. Страх-99 // Новая газета. 1999. № 12. О скепсисе такого рода может свидетельствовать фрагмент интервью польского

ся понимание и “примирение с обывателем”, носителем и “хранителем нормы”, причем нормы “невдохновенной”⁸⁹.

Размышляя об особенностях российского стиля жизни, публицист Д. Драгунский обращает внимание на то обстоятельство, что характеристика “правильность” здесь не является позитивной “в европейском, демократически-рыночном смысле”⁹⁰. По мнению автора, «никто в России так не осмеивался в фольклоре, литературе и особенно в публицистике, как добропорядочные обыватели, педантичные чиновники, оборотистые купцы и служаки-офицеры – эти столпы демократии и свободного рынка. Призывы Розанова уважать чиновника, офицера и просто семьянина остались без ответа. Философы тоже терпеть не могли мирных обывателей. А.Ф. Лосев называл их мелкими душонками, тошнотворными эгоистами, “относительно которых поневоле признаешь русскую революцию не только справедливой, но еще и мало достаточной”. Тем самым с порога отвергалось знаменитое обращение Адама Смита к эгоизму булочника и мясника как к основе рыночной экономики...».

И далее весьма важный вывод. «“Российская правильность”, – подчеркивает Д. Драгунский, – скорее похожа на праведность, т.е. на недостижимый нравственный идеал, который только и можно противопоставлять тотальному “так жить нельзя”. Но праведно жить в реальности тоже нельзя, святость не может быть уделом всех или многих. Праведников должно быть очень мало – один или два (как полагал Смердяков), и они существуют специально для того, чтобы отмолить грехи наши. Таким образом, всем остальным можно жить так, как нельзя»⁹¹.

Нравственные искания современной России ставят задачу понимания того, что значит в моральном смысле тенденция этоса среднего класса к “безгеройному” обществу. Возможно, это тенденция в духе Бентама, осуждающего общество, требующее от своих членов героических поступков? Кстати, массовому сознанию эта позиция известна скорее в окарикатуренной форме безгеройного общества в фантасти-

---

режиссера Кшиштофа Занусси корреспонденту “Коммерсанта” Андрею Плахову (17.06.99). “Занусси: Что касается отца, он занимался в Польше инженерным делом. Так что я наследственно связан с мещанской традицией. – *В каком смысле?* – Я уже забыл, что в России это надо подробно объяснять. У вас это слово приобрело почти ругательный оттенок. Чего в остальном мире нет. Так обозначается культура среднего класса”.

⁸⁹ Соколянский А. Где у вас средний класс? // Литературная газета. 1998. 4 ноября.

⁹⁰ Драгунский Д.В. Проект-91 и сопротивление стиля // Полис. 1998. № 6. С.9.

⁹¹ Там же. С. 9-10.

ческом романе “Возвращение со звезд” Станислава Лема.

Или же это тенденция, согласно которой порядочные люди – не столько те, кто берут высшую планку нравственного совершенства, сколько те, кто не опускаются ниже определенного порога, за которым находится царство зла (не то, чтобы порядочные никогда не совершали греховных поступков, но и в грехе они не преступают меры)?

Возможно, тенденция, отражающая “чаяния Толстого” о тех временах, когда “великими будут почитаться не одни воинские подвиги и акты сопротивления, не тот героизм, что бросается в глаза, оказывается у всех на виду, который, кажется, не способен прожить без признания, без торжества, без ощущения своего превосходства, а те тихие подвиги, которые каждодневно совершает человек, преодолевая себя, исполняя свои обязанности и делая жизнь чуть-чуть лучше, чем она была. Эпохи потрясений не кончились, стало быть, мы еще узнаем имена героев прежней окраски, но уже что-то сдвигается в России к тому, чтобы на пьедестал уважения поднялось и обыденное, чтоб доброта, ум, совесть – без тернового венца – предстали перед глазами всех, как то, перед чем мы склоним головы”⁹²?

Обратимся к анализу *экспертных материалов* проекта “Городские профессионалы”, в рамках которого ставился вопрос об отношении участников проекта к феномену “человека середины”.

Сначала обратимся к уже использованному выше приему акцентирования заголовков текстов экспертов, выбрав те из них, которые дают представление о диапазоне образов такого человека. «*Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”*»; «*Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не сильно-то рассчитывает на слишком большой успех*»; «*Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, чем он есть, его реальная ценность исключает чувство неполноценности*»; «*“Средний” – не значит “троечник”*». «*Средний” – основательный “хорошист”*»; «*Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности*»; «*Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного*»; «*Существенным признаком духа среднего класса является уважение к норме, стремление сохранять некую нормальность, сбалансированность, рациональность жизни*». Как можно заметить, на шкале образов доминируют образы позитивные. При этом образы “человека середины”, каким он представляется участникам проекта, не просто чаще всего позитивны, но и прямо или косвенно противостоят стереотипам скептического и негативистского толка.

Подчеркнем, что наши эксперты пытаются понять и объяснить

---

⁹² Золотусский И. Эпитафия герою // Кулиса НГ. 1998. № 2. С. 2.

реальные, с их точки зрения, мотивы такого рода скепсиса и негативизма. Так, один из экспертов говорит, что в наши дни, «когда общество в целом и каждый из нас сильно изменились и уже не могут обойтись прежними социальными характеристиками, обнаруживаешь, что понятие “средний класс” раздражает тебя». Раздражает и тем, что «прилагательное “средний” может звучать как нечто неопределенное – и не хорошее, и не плохое. И тем, что среднее положение – между минимумом поставленных задач и максимумом твоих возможностей – может спровоцировать на самоудовлетворенность, на остановку в росте: если ты уже стал человеком среднего класса, то не надо ни самообразовываться, ни вносить изменения в свой образ жизни. Сам себя успокаиваешь: ты достиг всего, что тебе необходимо». Раздражает и тем, что «наводит на такую, например, ассоциацию, как средняя температура по больнице, средняя заработная плата по региону, средняя пенсия, средний возраст населения нашего города... Ведь если я скажу, что в среднем по городу Тюмени увеличена раскрываемость преступлений, то человеку, у которого обокрали квартиру, до улучшения этого среднего показателя дела нет, и он не простит ни властным структурам, ни правоохранительным органам, что лично его обидели. “Среднее” здесь как бы закрывает индивидуальное. И это вносит элемент раздражительности относительно самого понятия».

В то же время необходимость противостояния несправедливым стереотипам объясняется экспертами с помощью самых разных аргументов. Среди них – конструктивное объяснение экспертом самооценки своего срединного положения. Так, уже цитированный выше участник проекта, отметивший, что для него «не столь важно, как, может быть, для кого-то другого, идентифицировать себя с определенным классом, социальной группой», ибо это «скорее этикеточка, ярлык – не более того», понимая, что «все же надо “привязать” себя по социальному статусу к какой-то категории», говорит, что относит себя к среднему классу как «к разряду людей, которые занимают в социальной иерархии среднее положение». Конкретизируя свою характеристику срединного положения, эксперт отмечает: «Я не идентифицирую себя с политической элитой уже потому, что не занимаюсь политикой специально (хотя, если бы стал ею заниматься, смог бы войти в ее состав уже по своей подготовке, профессиональной, прежде всего, образованию и иным параметрам). Но я не могу отнести себя и к тем, кто прозябает, зарабатывает лишь на выживание семьи и не ставит перед собой более высокие цели. У меня широкий круг интересов, в том числе профессиональных, у меня есть значимая для меня интересная работа, которой я отдаюсь сполна. Отношу себя к категории людей, которые делают свое дело не через силу, а увлеченно, умея включиться в коллектив других людей, творящих конкретные дела».

Сходная аргументация содержится в рассуждениях другого эксперта: *“Средний класс – это не арифметическая середина. Человек среднего класса определил свои потребности и не по минимуму, и не по максимуму, а по критерию необходимого и достаточного. Он не хочет быть Ротшильдом, Хантом, но и оставаться всю жизнь рабочим на буровой, наверное, тоже не хочет. Он менее всего хочет подчиняться и ходить строем, он индивидуалист. Иначе он не может быть серединой, опорной колонной. Это, наконец, собственник, похожий на чеховского героя, который посадил свой крыжовник. Кисленький, да свой”*.

Особое место в суждениях экспертов занимает отношение к объяснению Ю.А. Левадой причин массовой самоидентификации населения со средним классом: *“Около двух третей населения – безотносительно к чинам, рангам и доходам – привычно, упорно, настойчиво относят себя к некоей середине”, можно считать стремление человека «быть “с большинством”, поступать “как все”, ибо так уютнее, безопаснее, “безответственнее”». Один из экспертов не принимает такую версию в отношении самого себя. «По поводу суждения, объясняющего охотное и упорное стремление многих людей отнести себя к среднему классу тем, что надо быть с большинством: так безопаснее, ибо тем, кто “высовывается”, трудно выжить» говорит: “Ко мне такое основание для отнесения к среднему классу не подходит”. Объяснение – вполне аргументированное. «Сегодня быть директором завода – значит обязательно “высовываться”. Во всяком случае больше, чем в советские времена. Не случайно ведь многие бывшие директора заводов, более молодые, чем я, ушли в чиновный класс (кстати, оставшись в среднем классе). Там безопаснее, там меньше риска. А быть директором завода – дело очень рискованное: и не только в смысле неизбежного предпринимательского риска, а с точки зрения своеволия политиков, администраторов. Нет, ко мне мотив отнесения к среднему классу ради того, чтобы уменьшить ответственность и безопасность, не подходит. Хотя “высовываться” не люблю».*

Другой эксперт, соглашаясь с первым тезисом социолога, возражает против второго, заявляя: *«Вряд ли причина этого явления – боязнь “высовываться”, сформированная в обстановке слабоструктурированного, запуганного и скованного круговой порукой общества. И вряд ли значимой, сильной причиной установки “равнение на середину” является неприятие “правил игры” и поведенческих образцов, задаваемых новыми элитарными слоями, “новыми” и “новейшими” русскими. Наверное, у какой-то группы людей, которая относит себя к среднему классу, такая причина “работает”, но я думаю, что это весьма небольшая группа».*

Еще один участник проекта, “примерив” к себе версию социолога, противопоставляет ей свою жизненную философию. *«Предло-*

женный участникам проекта для экспертизы тезис о том, что многие люди стремятся войти в средний класс, потому что хотят быть с большинством и этим повысить свою безопасность и уменьшить личную ответственность, я не разделяю. У меня другая философия, и она мне во многом помогает. Я с большинством не потому, что боюсь “высовываться”. Наоборот, охотно беру на себя функции лидера. Но становясь лидером, я должен точно знать, на кого буду опираться, когда это потребуются. Вот в этом смысле я с большинством: чем нас больше, чем мы теснее, тем больше наша сила, тем больше мы можем делать, тем больше мы будем иметь».

Тема большинства-меньшинства, и наоборот, развивается еще и в таком направлении. «Я не готов быть “в середине” в том смысле, когда в середине – большинство, потому что мне ближе люди, сначала оказывающиеся в меньшинстве, ибо большинство на первых порах не понимает их идей, подходов, решений, а потом, когда идея побеждает, число ее сторонников превращается в большинство. Возьмем, например, Билла Гейтса с его системой Microsoft. Сначала он ратал лишь с кучкой фанатиков, а теперь?».

Конкретизируя свое отношение к образу “человека середины” в процессе размышления по поводу предложенного для экспертизы суждения, согласно которому человек среднего класса – это всего-навсего “социальный троечник”, участники проекта в большинстве своем отказываются от такого отождествления. «Не готов принять для характеристики человека среднего класса образ “троечника” по жизни. На мой взгляд, не стоит соглашаться с предложенным участникам проекта для экспертизы суждением журналиста, согласно которому “быть средним и гордиться этим – есть в этом что-то не совсем нормальное”. Я бы выразился так: и гордиться не надо, но и не надо стыдиться. Ни к чему такие максималистские реакции. “Человек середины” – это человек, отказывающийся от максимализма».

Другой эксперт пытается занять максимально объективную позицию: «Хочу ли я быть именно таким “троечником”? Но причем здесь “хочу” или “не хочу”? Суть в том, кем ты фактически являешься». Но анализируя свою реальную позицию, принципиально разводит образ “середины” и образ “троечника”. «Почему срединная позиция – это позиция “троечника”? Совсем не обязательно. Я не хочу быть бедным и не беден: как говорится, стыдно не зарабатывать, если ты можешь заработать. Но не стремлюсь и в число очень богатых. Для этого, по-моему, надо иметь или сверхталант (как, например, у Билла Гейтса, он не может не быть очень богатым человеком), или быть гениальным жуликом. Первым я не являюсь совершенно определенно, вторым – быть не собираюсь. Поэтому я – в середине между бедными и богатыми. При этом важно то, каким путем ты в эту “середину” попал и в ней держишься. И здесь значимо не просто твое материальное положение, а твой статус среди равных тебе

профессионалов».

Выделим суждения, в которых эксперты разбирают самое, может быть, обидное стереотипное неприятие аргументов человека среднего класса. *«Готов услышать обидную характеристику: так рассуждают люди, про которых говорят “ни рыба, ни мясо”. Но справедлива ли эта характеристика, когда ею хотят выразить негативную оценку?»* – рассуждает один из участников проекта. И весьма конструктивно формулирует аргументы позитивного образа “срединного человека”. *«На мой взгляд, именно “люди середины” способны стабилизировать нашу, все более поляризующуюся, жизнь. Максималисты сами не договорятся: слишком большое расстояние, особенно в уровне благосостояния, отделяет сверхбогатых от малоимущих. И те, и другие все равно придут к нам, к тем людям, которые ищут середину, компромисс, так как только мы сможем их примирить за счет выработки цивилизованных правил игры.*

Готов услышать и еще одно скептическое замечание: “человек середины” оправдывает свой отказ от стремления к задачам, выходящим за рамки “средних”, тем, что для решения более высоких, масштабных задач нужно включаться в “крысиные гонки” – иначе свое место “наверху” не отвоевать, а на самом деле либо просто “не тянет”, либо лукавит, скрывая свои намерения.

Может быть, и “не тянет”. Может быть, и лукавит. Может быть, действительно не хочет “идти по трупам”. Все может быть. Вспомним поговорку о солдате, который должен мечтать стать генералом. Конечно, в реальной жизни не каждый солдат стремится в генералы, и все же поговорка возникла не на пустом месте. Как и противоположная житейская мудрость о том, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Русский народ выводил свои поговорки и пословицы из жизни. И каждая из них не случайно имеет свое отрицание в другой».

Дополнительные аргументы приводит еще один эксперт. *«Я не готов принять утверждение о том, что про “человека середины” можно сказать “ни рыба, ни мясо”. Не согласен. “Среднему”, мне кажется, приходится труднее других. Кто-то взлетел на волне – и успех. Кому-то страшно не везет – упал. А “средний”, “человек середины”, способен уйти от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех, потому что он знает свой уровень. Я, например, к должности, которую сейчас занимаю, шел двадцать пять лет, работая в одном и том же институте. Поэтому не могу допустить, что окажусь в положении ниже теперешнего своего уровня (все буду делать, чтобы избежать этого), в то же время мне не безразлична дальнейшая карьера: хочу стать директором института, начальником крупного предприятия и т.д. Считаю, что в моем возрасте это возможно, если сложится*

жизнь».

Один из экспертов аргументирует свое несогласие с характеристикой человека среднего класса как “троечника” более развернутым пониманием оценочной шкалы. *«Не готов принять тезис о том, что человек среднего класса – это своего рода “троечник” по жизни. Полагаю, что сторонники этого тезиса установили уязвимую градацию: “двоечник” – “троечник” – “отличник”. Уязвимость ее в том, что забыли про “хорошиста”. “Хорошист” же от троечника отличается тем, что владеет основами дела, а от многих “отличников” – тем, что не любит “рвать подметки”, порхать по “верхушкам”. Вот и я люблю основательность, которая, на мой взгляд, никак не тождественна “серости”, ибо предполагает хорошее владение предметом своего дела».*

Еще одна грань анализа экспертных суждений – образ нормы, нормальности, противостоящий одновременно и “серости”, и радикальности. Во-первых, по мнению наших экспертов, *«средний – это же нормально. “Человек середины” – тот стержень, на котором держатся все. Нас много. И чем устойчивей будет этот стержень, тем лучше всем».* Во-вторых, они утверждают, что *«характеристика “человек среднего класса” не тождественна оценке человека как “среднячка”, “серенького”, примитивного и проч. Отнюдь нет. В каждом классе, прослойке, в каждой профессиональной группе есть и люди “серенькие”, и люди необычные, неординарные, самобытные, яркие, талантливые. Так и в среднем классе».* Конкретизация этого тезиса содержится в суждении другого эксперта, который, *“не занимаясь специально терминологическим анализом, ограничиваясь уровнем здравого смысла”,* заявляет, что для него *«“средний класс” – это вовсе не некая унылая и безликая “серость” в жизни, в деле и т.п.».* Аргументы: *«Допустим, я совершенно определенно знаю, что не буду президентом России, главой ООН, наверное, не буду и лауреатом Нобелевской премии. В мои 46 лет это можно понять с достаточной ясностью. Но должен ли я в связи с этим комплексовать, страдать о несостоявшейся жизни? Нет. Миллионы людей сегодня не являются министрами, губернаторами, директорами заводов и проч. Но и в статусе главных инженеров, просто инженеров не оценивают свою жизнь как неудавшуюся: “Если я не генеральный директор – жизнь прошла зря”».*

В-третьих, готовы принять и разделить предложенное участникам проекта для оценки суждение, согласно которому человек среднего класса не принимает крайних позиций – социальных, политических, финансовых и т.д. *“Мне близко это суждение, я мог бы применить его к себе. В модельной ситуации – ситуации выбора места в тюремной камере – человеку среднего класса его самоуважение, достоинство действительно не позволит лежать у параша, а чувство порядочности и честь не позволят стать вожаком камеры, помыкать*

другими. В реальной ситуации мне тоже близка позиция уклонения от борьбы, какой бы ни была она, откровенной ли или, тем более, подкованной, закулисной, позиция поиска взаимопонимания, согласования интересов. Люди среднего класса должны с чувством самоуважения и достоинства, с уверенностью в себе занимать принадлежащие им по образованию, воспитанию, труду место среди себе подобных».

Акцентирование чувства достоинства, самодостаточности – важный акцент характеристики этоса среднего класса. Как бы перекликаясь с суждением, приведенным выше, еще один эксперт полагает, что «стоит различать характеристики “социальный троечник” и “человек середины”. Вторая мне кажется более уместной для понимания духа среднего класса. Пример? Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, чем он есть, его реальная ценность исключает чувство неполноценности».

Особый акцент – на “правила игры”. «Из разных смыслов характеристики “человек середины” я бы применил к себе смысл, связанный с уклонением от крайностей в выборе целей, путей и поступков, например, с отказом от стремления к сверхуспеху, который требует участия в “крысиных гонках”. Одно дело, когда сверхуспех, попадание в “высший класс” связано с тем, что называется “бог послал”: со стартовыми возможностями вроде яркого природного таланта. Возьмем того же Билла Гейтса или Бориса Абрамовича Березовского – без всякого сомнения они обладают очень высокими интеллектуальными возможностями для того, чтобы прорваться в “высший класс”. Или ты попал в высший класс, получив благоприятные стартовые возможности благодаря “происхождению” – например, очень богатым родителям. Но есть и риск у такого успеха – не ты сам себя сделал, а все сделали за тебя. Другое дело стремиться любой ценой вырваться из своего сегодняшнего статуса, “пробиться”, прорваться и т.д. Я не склонен к такому фанатизму и не готов любыми путями вырваться из обстоятельств. Для меня приемлемо мое сегодняшнее положение. И хотя в нашей стране все возможно, в том числе и возврат к временам, при которых у тебя отберут “дачу, квартиру, машину”, думаю, что не стану маргиналом – голову у меня никто не отнимет».

Мы полагаем, что приведенные в этом параграфе экспертные суждения позволяют сделать вывод о том, что понимание феномена срединной культуры играет важную роль в этосе среднего класса, в том числе – в поиске человеком среднего класса оснований для того, чтобы преодолеть скептические и негативные стереотипы восприятия образов такого человека, усиливают аргументы, позволяющие человеку среднего класса быть удовлетворенным таким своим состояни-

ем, а может быть, и гордиться им⁹³.

Глава 6

Атрибуция этоса среднего класса

6.1. Стремление к достижению и неадаптивный потенциал “срединного человека”

Познание этоса среднего класса предполагает попытку понимания феномена неадаптивного потенциала субъекта этого класса. В последние годы в России “ясно обозначилась группа тех, кто принял перемены не в смысле политическом, а скорее как перемену условий для себя лично, как новые возможности строить свою личную биографию. Они это приняли и стали вкалывать, впервые ощутив, что это не пропадет, что действительно можно чего-то добиться, изменить свою жизнь. Их претензии, притязания, самооценка – все поползло вверх”⁹⁴.

Характеристика неадаптивного потенциала субъекта среднего класса связана прежде всего с анализом *мотивации достижения*. В классическом исследовании Д. Макклелланда “Достижительное общество”⁹⁵ говорится о такой особенности людей с сильной мотивацией достижения: они стараются найти или создать ситуации, в которых могли бы получить удовлетворение от достижений. То, что другим приходится совершать из желания заслужить благодарность, сделать деньги или освободить время от работы, превращается в деятельность, стандарты совершенства которой определяются и соблюдаются по доброй воле. Это люди, которые сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние стимулы, зависящие от ситуации. При этом они усердно и успешно стараются достичь своих собственных стандартов. Не требуется особого воображения для предположения о том, что, когда в обществе появляется ряд людей с высокой потребностью в достижениях, все вокруг них неминуемо приходит в дви-

---

⁹³ Ср.: тезис журналистки М.Гессен о секрете удовлетворенности человека среднего класса самим собою: сознание собственной устроенности и является источником истинной гордости; человек *убежден*: он имеет то, что ему *причитается* (Гессен М. Первый раз в средний класс // Итоги. 1998. № 15. С. 16).

⁹⁴ Дубин Б. Советский человек возвращается? // Первое сентября. 1999. 29 мая.

⁹⁵ McClelland D.C. The Achieving Society. New York: Irvington Publishers, Inc., 1976. См. русский перевод некоторых глав этой книги в 14 и 15 выпусках Ведомостей НИИ прикладной этики. Рассказ об этапах творческой биографии автора см., напр., в статье: Is There a Science of Success? N.Lemann. // The Atlantic Monthly. 1994. February. P.83-98.

жение⁹⁶.

Культуре достижения посвящены специальные работы⁹⁷. Остановимся на двух подходах отечественных авторов к пониманию культуры достижения как базовой ориентации среднего класса.

Первый из них проявляется в анализе плюсов и минусов понятия “состоявшийся человек” в его соотношении с характеристикой “достижительный человек”. Как отмечает Г.Э. Бурбулис, “культура достижительности предполагает отказ от жесткого регламентирования искомого результата деятельности, предмет достижения не должен быть вызывающе демонстративным”. Ценность успеха для автора «связана в большей степени не с определенным результатом и четкими критериями его фиксирования, а с самой установкой на достижительность. В этом смысле применение термина “состоявшийся” в отношении человека успеха влечет за собой много принудительно фиксированного, и мы можем пренебречь такими реальностями, как призвание человека, его предназначение, талант и т.п.»⁹⁸.

Как подчеркивает автор, “предметом достижения могут быть и самовоспитание, и саморазвитие. Стремление к успеху может воплощаться и во внешне незаметных задачах, решая которые человек совершенствует себя. Это могут быть и серьезные профессиональные цели. Но критерий достижения каждый раз должен быть скорее внутренним, его параметры и масштабы находятся все-таки в самом человеке”. «Предстоит отыскать, – полагает он, – созидательное сочетание экзистенциального плана проблемы успеха и ее публично-социального плана. Когда мы пользуемся понятием “состоявшийся человек”, то акцентируем социально-публичный план. Когда же акцентируем понятие достижительности, имеем дело с индивидуально-экзистенциальным планом. Важно, чтобы вокруг человека и внутри его состояние целеустремленности и целенаполненности существовало в полной мере, однако не стоит акцентировать сравнение результатов и создавать иерархичность, опустошающую одних людей и возвеличивающих других»⁹⁹.

Второй подход заключается в выделении особой связи культуры достижения постиндустриального общества с этосом среднего класса. Как полагает А.Ю. Согомонов, «в условиях постиндустриального (постсовременного) общества кардинальным образом видоизменяются кон-

---

⁹⁶ Макклелланд Д. Достижительное общество // Ведомости. Вып. 14. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. С. 145.

⁹⁷ См., например, Согомонов А.Ю. Успех и социальная макротерия или о том, какие подходы возможны в изучении культуры достижения // Российская модель успеха. Ведомости. Вып.6. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996.

⁹⁸ Бурбулис Г.Э. Ценность успеха как достижительная мироустановка: стратегическая координата экспертизы // Российская идея успеха: экспертиза и консультация//Этика успеха.№11.Тюмень-Москва,1997. С.26.

⁹⁹ Бурбулис Г.Э. Указ. соч. С. 26-27.

туры репрезентативной достижительской культуры, а посему и революционным образом трансформируется в нем понятие “среднего класса”. Поскольку жизненные достижения человека становятся значимыми не столько и не только по своим результатам, а по тому насколько в том или ином биографическом проекте самореализовалась личность, постольку и границы “среднего класса” определяются скорее пределами свободы жизненного выбора человека – в трудовой ли деятельности, в досуге – уже не суть важно. *Чистой* срединности в обществе “высокой” модернизации становится все меньше»¹⁰⁰.

«Рефлексия жизненных возможностей и шансов, – отмечает данный автор, – сменяет собой принцип стандартного жизненного пути. Жизненные достижения для актора общества “высокой” модернизации важны не своими результатами (в частности, материалистически), сколько тем, насколько в них реализован принцип *нестандартности* жизненного пути личности. *Установка на непохожесть* в известном смысле стала репрезентировать этос “среднего класса”, что, вполне естественно, приводит к размыванию чистой идеи “среднего класса” как социальной группы и сохранению в нем исключительно идентификационного признака солидарности численно возрастающих слоев постсовременного общества. Быть “средним классом” в обществе “высокой” модернизации означает прежде всего понимание-и-реализацию индивидуальной *биографии как проекта*»¹⁰¹.

На наш взгляд, оба подхода дают возможность более глубокого понимания роли стремления к достижению в атрибуции среднего класса, давая возможность придать выводам теории Макклелланда современный характер¹⁰².

Продолжая характеристику неадаптивности этоса среднего класса, подчеркнем, что культура достижения ярко проявляет себя в деятельности пассионариев среднего класса – успешных профессионалов.

---

¹⁰⁰ Согомонов А.Ю. Средний класс и образование: конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век // Вестник. Вып. 14. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Исследователи среднего класса в нашей стране и за рубежом ставят проблему ценностного конфликта в сознании среднего класса, связанного с взаимодействием стремления к достижению с другими ценностями этого класса. Ссылаясь на исследование английского социолога П. Хатбера, О.А. Александрова пишет, что “средний класс вполне сознает урон, наносимый его достижительным ценностям слишком социальным государством, но не решается протестовать прежде всего из-за боязни изменить другим своим ценностям – ценностям прогресса и гуманизма”. Александрова О.А. Идеальный фон становления российского среднего класса // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С.20.

Для них мало руководствоваться трудовой этикой, они не позволяют себе быть простыми адаптантами, им не свойственна ориентация лишь на выживание. Такого рода “человек середины” непрерывно стремится преодолеть ограниченность “середины”, ориентируется на успех, позволяющий подниматься по ступеням жизни.

Однако культура достижения – достояние и вполне массового человека. Как известно, отличие современного общества от традиционного заключается и в том, что современный человек, в отличие от человека традиционного, ориентирован не на *воспроизводство* жизни, а на достижение целей, и в том, что современное общество воспроизводит “достижительный” тип поведения, отчасти характерный для некоторых сегментов *элиты* традиционного общества, в *массовом* порядке. Мотивация достижения – *норма* такого общества, ее нарушители неизбежно этим обществом маргинализируются¹⁰³.

Принимая вывод о неизбежной маргинализации нарушителей “нормы достижения”, необходимо все же говорить о том, что такая норма – скорее отдаленный идеал, чем действительность нашего общества. Правда, и по поводу этого желаемого будущего еще надо поспорить, учитывая вовсе не случайное мнение о том, что “фигура достигателя в отечественном мифе вообще отсутствует”, аргументируемое ссылками на историю отечественных мифов: “есть жертва, есть знаменитый Иван-дурак, который всех передурочит, есть случайное везение, а достигателя, целенаправленно и упорно что-то меняющего, добивающегося успеха, – такого персонажа у нас нет вообще”¹⁰⁴. Стоит поспорить, опираясь, например, на материалы экспертизы российской идеи успеха¹⁰⁵, в том числе и на содержащиеся в рамках экспертизы “исторические ссылки”¹⁰⁶. Однако не менее важна и другая сторона расхождения указанной нормы с отечественной реальностью – такой резерв среднего класса, как так называемые “новые бедные”, в значительной своей части смиряются с этим своим статусом и, может быть, даже намеренно глушат в себе потенциал мотивации достижения.

Здесь важно учесть два обстоятельства. Первое из них – необходимость осознания рамок для попыток радикальной пропаганды достигательной ориентации, способной нарушить меру и эстетическую, и нравственную. Второе, напротив, значимость культивирования этой

---

¹⁰³ Коротков А. Что с нами? Колониальные черты современного российского общества // Первое сентября. 1998. 15 декабря.

¹⁰⁴ Дубин Б. Мы не такие, переживем, нам всего этого не надо... // Первое сентября. 1999. 17 апреля.

¹⁰⁵ Этика успеха. Вып. 11. Российская идея успеха: экспертиза и консультация. Тюмень-Москва, 1997.

¹⁰⁶ См., например, Г.Г.Дилигенский. Российские архетипы и “трепетная этика” // Этика успеха. Вып. 11. Российская идея успеха: экспертиза и консультация. Тюмень-Москва, 1997.

ориентации. Очевидно, что речь идет о необходимости сочетания таких “рамок” и воспитательных намерений.

Актуальность “рамок” видна на примере воспитания духа “селф-мейдменства” в электронных СМИ. Как отметил критик Дмитрий Быков в анализе ток-шоу “Арина”, «именно после программы Шараповой каждый раз заново становилось ясно, какая это пошлость – утешать постсоветского человека и внушать ему, что все зависит от него. А теперь ее убрали. И не видя ее фальшивой передачи, зритель действительно может – благодаря, скажем, Дарьяловой, – на короткое время поверить, что судьба человека в его руках и надо только сильно-сильно захотеть и часто-часто улыбаться. “Ну что вы отчаиваетесь, телезрители? Подумаешь, денег нет, печень болит, сына в армию забирают... Вот у меня вчера тоже каблук отлетел. Но я сильно-сильно натужилась, улыбнулась, напряглась... и купила себе новые туфли»». По мнению автора, “это уже не бестактность, а цинизм. Особенно если учесть, что спонсорами, идеологами, а то и ведущими такого рода утешительных программ выступают подчас люди, внесшие немалый вклад в общее ухудшение нашей жизни”¹⁰⁷.

О втором обстоятельстве рассказывает социолог И. Шурыгина, руководитель проекта о “новых бедных”. Беседуя с респондентами и пытаясь понять, есть ли у них стремление выбраться из бедных и представление о том, как это можно сделать хотя бы для их детей, социолог обнаружила, что в подавляющем большинстве семей “речь шла лишь о том, чтобы не упасть еще ниже или занять хотя бы дно среднего класса”. В этой связи И. Шурыгина вспомнила о книге, основанной на биографиях людей среднего класса дореволюционной России – мелких дворянах, священниках, инженерах. “Революция превратила их в ничто, но их дети восстановили этот утраченный статус благодаря образованию и таким качествам, как стремление к лидерству и ответственность”. Но именно “этого у наших новых бедных нет, они об этом не говорят, ...ни разу не зашла речь о независимости, смелости, предприимчивости, раскованности. О качествах лидера, которые нужны для того, чтобы вырваться из бедности”, – констатирует социолог¹⁰⁸.

Тем не менее, важно понять риск государственной, общественной и индивидуальной установок на то, что подлинно “средний” человек – это, якобы, тот, кто стремится выжить, оставаясь именно *средним*. Такого рода *серединность* – это, говоря словами Ю. Левады, стабильность лежачего камня или стоячего болота. Как справедливо отмечает автор, такая стабильность недостаточна и ненадежна для общества: люди, стремящиеся лишь к выживанию, готовы адаптироваться к любому режиму. Общество стабильно, когда люди и группы ориен-

---

¹⁰⁷ Быков Д. Нищие, все в ваших руках // Новая газета. 1999. № 19.

¹⁰⁸ Воробьева И. Новые бедные // Литературная газета. 1997. 10 декабря.

тируются на высокие образцы ¹⁰⁹.

При этом личность, ориентированная на достижения, заинтересована не просто в долгой, напряженной, кропотливой и проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти короткие пути, получить те же результаты при меньших усилиях. В свою очередь, эффективность для успешного профессионала не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – “делать”. “Производить эффект” – значит быть активным, а не просто подвергаться *аффектам*. В конечном счете именно это доказывает, что человек *существует*. В формулировке Э. Фромма этот принцип звучит так: *“я есмь, потому что я свершаю”*.

Теперь обратимся к материалам проекта “Городские профессионалы” и посмотрим, как наши эксперты связывают свою самоидентификацию со средним классом и свои представления о такой ценности этого “класса”, как стремление к достижению. С этой целью сгруппируем экспертные материалы в два блока. Первый из них – суждения о самой мотивации достижения как атрибутивной черте среднего класса, второй – суждения о том, как характеризуют эксперты зависимость между мотивацией достижения и (само) характеристикой *“состоявшийся человек”*.

Но прежде чем переходить к первому блоку, несколько знаковых цитат из экспертных текстов: *“Я кое-что создал в своем профессиональном деле: стремился и достиг”*; *“За теми достижениями, которые можно увидеть в моем деле, никогда не было ни волосатых рук, ни высокопоставленных ходатаев”*; *“Формула жизненной и деловой состоятельности человека: построить дом, вырастить сына, посадить сад”*...

Обращаясь к материалам первой группы, начнем с суждения о связи общественной системы с культурой достижения. *“Тем и хороша либеральная система, что в принципе каждый человек имеет возможность чего-то достичь”*, – говорит один из экспертов.

Мотивация достижения человека среднего класса имеет нормативный ориентир, связанный с культурой достижения, со способностью соотносить свои амбиции – без амбиций нет и достижений – с этосом “срединности” (но не в “арифметическом” истолковании самой середины). Так, один из участников проекта специально проанализировал проблему достижений с точки зрения формулы “золотого сечения”. *«Ценности среднего класса лучше всего можно понять, если определить, что средний класс – это люди социальной нормы или, пользуясь образной формулой, люди, которые ориентированы на культуру “золотого сечения”»*, – говорит он. При этом *“норма – это оптимум между желаемым и возможным, между амбициями и трезвой само-*

---

¹⁰⁹ Левада Ю.А. “Средний человек”: фикция или реальность? // Средний класс России. Проблемы и перспективы. С. 162.

оценкой. И мне кажется, что люди среднего класса как раз и ориентированы на такой оптимум, их амбиции и их самокритика определяют их нишу как социальную середину». И еще раз автор подчеркивает: «я говорю не о “середине”, а о “золотом сечении”, об оптимуме, который меньше всего связан с соотношением 50/50 или с тем, как поступает “большинство”». Эксперт осознает, что «возможно, стремление следовать этому правилу вызовет скептическое отношение. Но, во-первых, человек среднего класса не является человеком без амбиций. Во-вторых, нельзя забывать, что практикуемые таким человеком “правила игры” противостоят как уклонению от жизненных и деловых достижений, так и пониманию стремления к успеху как “крысиных гонок”. По моим представлениям, “люди оптимума” не могут себе позволить добиваться успеха любой ценой именно потому, что ориентированы на социальную норму, на порядочность. И в этом еще один мотив моей самоидентификации со средним классом».

Основная направленность суждений экспертов о культуре достижения связана с необходимостью отстаивать ее значимость в ситуации отторжения этой культуры массовым сознанием (хотя социологические опросы фиксируют и позитивные изменения, процесс формирования сегментов разной степени продвинутости в направлении культуры достижения). Поэтому нашим экспертам приходится специально рассматривать проблему этической допустимости стремления к достижению и подчеркивать чистоту избираемых ими правил игры. *«Для общества важно, чтобы человек стремился к достижениям. Все мы разные, у каждого по-своему в жизни получается. Кто-то быстрее думает, кто-то быстрее бежит, кто-то лучше работает. Это дано от природы, это – итог развития соответствующих качеств. И если человек достигает определенных успехов в рамках правового поля, правила игры которого определены в государстве, он не должен вызывать отторжения. Так ли уж абсолютно справедлив сложившийся в массовом сознании образ людей, стремящихся к достижениям, образ, определяющий способ их деятельности такими словами, как “нахапали”, “украли”, “урвали”, т.е. образ нечестных людей, а то и преступников? Достаточно вспомнить стереотип “чиновник – вор”. Да, оснований для этого образа достаточно, примеров тому масса. Но правомерно ли чернить всех успешных людей?».*

Отрицательный ответ на последний вопрос еще один эксперт связывает с позитивным ориентиром стремления к достижению. Размышляя не вообще о среднем классе, а *“о притягательности ценностей среднего класса для людей интеллигентного труда”*, он полагает, во-первых, что *“войти в средний класс – это значит получить определенную гарантию, своеобразный страховой полис. Человек, принадлежащий к среднему классу, знает, что и завтра, и послезавтра он сможет спокойно заниматься тем самым любимым делом, ко-*

торым для него является его жизнь". Во-вторых, эксперт отмечает, что человек среднего класса *"успешен в своей жизни, он успешен как профессионал в своем деле, он занимает место в среднем классе не потому, что толкнул партию героина или звезды без шляпки продал быстренько. Он стал человеком среднего класса потому, что успешно реализовал свой творческий потенциал"*.

При этом участники проекта пытаются понять и объяснить причины уклонения многих успешных людей от публичного обсуждения своей деятельности. Одна из этих причин – негативная цена достижений: *"Полагаю, что известная настороженность в рассуждениях о личном успехе, которую сегодня высказывают многие, связана с тем, что им пришлось через многое и через многих переступить на пути к этому успеху. Верю, что мне удалось не совершить такого греха, что я не шел по головам"*. Другая причина – несамостоятельность успехов человека, претендующего называться достигательным. И потому один из экспертов специально подчеркивает, почему ему не стыдно стремиться быть успешным: *"За теми достижениями, которые можно увидеть в моем деле, никогда не было ни волосатых рук, ни высокопоставленных ходатаев. Это и позволяет мне занимать в обществе независимую позицию. Я не прогибаюсь ни перед кем, и не просто потому, что склонен к гордыне, а потому что любой знает о неуязвимости моей репутации. Кто только ни проверял меня, в том числе и в связи с анонимками. И как удивлялись: "Ни дачи, ни машины не имеет, на базе ничего не берет – он или святой, или ненормальный". А все дело в том, что так уж меня воспитали, такие в меня заложены моральные запреты"*.

Из этого не следует, что стремящимся к достижениям людям чужда скромность: *"Состоялся ли я в своем деле, в своей жизни? Стоит ли публично обсуждать этот вопрос? Любая оценка может быть связана с моментом нескромности"*, – говорит один из экспертов. И все же скромность не обязательно оборачивается запретом на самооценку. Одно из проявлений скромности – взвешенность в амбициях, позволяющая человеку жить в ладу с самим собой: *"Если взвесить свою жизнь на весах и спросить себя: мог ли добиться большего? Наверное, мог. Но хотел ли я добиться большего? Не знаю. Вряд ли, ибо нахожусь в большом согласии с собой – с точки зрения достижений. Не успехов, а достижений. В большом согласии. Хотя знаю, что мои близкие и родные считают меня достойным лучшей участи: я мог бы жить богаче, комфортнее, здоровее. Но ведь я живу в ладу с собой, живу свою единственную жизнь, живу ее набело. И при этом огромное количество претензий к самому себе – разве может быть иначе?"*.

Переходя к суждениям о том, что значит стать и быть состоявшейся личностью, начнем с результатов "примерки" американских критериев успеха к нашим обстоятельствам. Отвечая на предложенное

для экспертизы суждение о том, что современная отечественная модель состоявшейся личности должна отличаться от американской модели, для которой характерен критерий “Деньги. Статус. Слава”, один из участников проекта говорит: *“Конечно, в какой-то степени и мы ориентированы на эти критерии, но я лично, например, не хотел бы только через них оценивать себя как человека состоявшегося или не состоявшегося. Например, мне не хочется считать критерием собственной жизненной и деловой состоятельности просто тот факт, что я достиг высокого статуса главы города. Разве статус может быть самоцелью? Когда люди заикливаются на своем статусе, мне всегда хочется саркастически пошутить по этому поводу. Для моей самооценки более важно, что я проникся заботами горожан, насколько я могу уменьшить их трудности. Мне кажется, я все лучше понимаю интересы тюменцев, их ожидания. И это не пафос, а мое реальное кредо”*.

Что касается позитивной формулировки соответствующих отечественных критериев, то некоторые эксперты воспользовались известной формулой “построить дом, посадить дерево, вырастить сына”. Вот пример: *“На вопрос авторов проекта о том, в чем я вижу дело моей жизни, отвечу банально. Я всегда руководствовался в жизни известными мотивами, по которым мужчина считается состоявшимся, если родил сына, посадил дерево, построил дом”*. И далее следует конкретизация формулы: *“Естественно, руководствовался не буквальной формулой, а ее смыслом: человек должен оставить память о себе. И для этого не обязательно стремиться достичь сверхвысокого положения – стать депутатом, академиком и т.п. Но хорошо бы оставить след и в материальном воплощении своего дела. Может быть, в виде книги, формулы, теоремы, нового способа синтеза вещества. Что касается буквального смысла формулы, то сыновья есть, дерево посажено еще в молодости, дома построены (и во времена стройотрядов, и в наши дни)”*.

Можно выделить рассуждения, которые связывают проблему критериев состоятельности-несостоятельности избранного человеком жизненного пути и деловой культуры не просто с заботой о скромности в самооценке, но и с необходимостью объективного по своей природе критерия. При этом мнения о самих критериях такого рода у участников проекта не совпадают. Так, один из них говорит, что на вопрос о самоидентификации со средним классом и на вопрос о том, состоялся ли он, нельзя ответить определенно. *“Не из-за того, что неприлично оценивать свои успехи. Я достаточно свободный человек, могу совершать довольно неприглядные поступки. Дело в том, что самооценка необъективна: человек сам себя плохо анализирует. Я же привык анализировать реальные данные. Можно ли поверить субъективному выводу? Какой-то человек скажет, что он не состоялся, а я не поверю, посчитаю его нытиком. Если же он скажет, что со-*

стоялся, то я могу подумать, что он нетрезв. Я не поверю в такие слова-самооценки». А какие критерии объективны? «Можно оценить, достиг ли я, например, каких-то спортивных успехов. Могу сказать, что не достиг: не заработал второй разряд по шахматам, первый разряд по самбо. Достиг ли чего-нибудь в системе профессиональной подготовки? Да, я доктор наук, защитил профессиональную работу в ученом совете, имею диплом. Вот здесь могу сказать определенно: “Да, я этого достиг”».

Применительно к профессии эксперт видит такие объективные критерии: *“Я кое-что создал в своем профессиональном деле: стремился и достиг. Современная система прогноза нефтегазоносности – ее общая архитектура – процентов на тридцать придумана мною. Этот дом строили много людей, но его построили так, как я хотел, по моей конструкции. Есть еще три-четыре направления; некоторые вещи стоят в лесах, и я не уверен, получится ли. Но очень радуюсь, когда добавляется еще один венец в этом срубе. Вот, например, волновая геология – мое детище, которое я вынашиваю лет двенадцать-пятнадцать, почти уверен, что все-таки доведу его”. А в других – “более абстрактных вопросах” – эксперт не готов судить: состоялся ли он или нет: «тем более, что я немножко мистик. Никто не может сказать, что мне на роду было написано. Может быть, мне на роду было написано стихи писать, а я как поэт не состоялся: всего два стихика написал – жене на день рождения. Я не состоялся как поэт, и, может быть, прав Чехов: “Папа у меня, сукин сын, порол бы чаще, сколько бы языков я знал”».*

И, наконец, посмотрим на то, как наши эксперты решат вопрос о связи стремления к достижению и удовлетворенности/неудовлетворенности результатами этого стремления. На наш взгляд, можно говорить о том, что им удается и в этом вопросе соблюдать правило “золотого сечения”. С одной стороны, вполне рациональная неудовлетворенность уровнем своего дохода: *“Удовлетворен ли я этим состоянием? Экономическим – вряд ли”*. С другой стороны – вполне трезвое планирование биографии и потому отсутствие комплексов по поводу недостижения лишь абстрактно возможных целей: *“А как быть с осознанием того, что уже, видимо, не получить Нобелевскую премию? Я не то чтобы не хочу достичь столь высоких целей, но в жизненные планы их не ставлю, не строю свою жизнь для таких целей”*.

При этом эксперт обретает удовлетворенность своими достижениями без малейшего признака самодовольства. Более того, осознает опасность самодовольства и намеренно обсуждает ее. *«Нахожу личное удовлетворение в том, чего достиг в своем профессиональном развитии. Не самодовольство ли это? Нет, просто профессиональное развитие связано с целями, которые со стороны могут показаться не очень масштабными: написать теоретическую монографию, выпустить учебник, подготовить аспирантов. Задачи, как ви-*

дно, ставятся, и они достаточно сложные, но их значимость оценивается специалистами, а не “широкими массами”. То же самое и в отношении таких профессиональных задач, которые я решаю как ректор: например, закончить программу университетизации, чтобы университет стал полноценным и нас никто не мог упрекнуть, например, за слабость гуманитарной составляющей нашего образования.

Итак, личная удовлетворенность профессиональным развитием предполагает постановку и решение серьезных задач, только они связаны не с продвижением “вверх”, а с продвижением “вширь”, “вглубь” и т.п.».

На наш взгляд, анализ материалов проекта позволяет сделать вывод не только о значимости для экспертов мотивации достижения для атрибуции ими этоса среднего класса, но и об осознании ими противоречивости этой мотивации, связанной как с особенностями отношения отечественного массового сознания к ориентации на достижение, так и с проблемой соотношения целей, средств в деятельности ориентированного на достижения человека. Норма, которая помогает решать эту проблему, рассматривается экспертами именно как социальная нормальность, а в идеале – не просто как “среднее решение”, но и как культура “золотого сечения”.

6.2. Рациональность

Возможно, самая существенная черта этоса среднего класса – *рациональность* мировосприятия, мироощущения и поведения. Компетентные эксперты, участвующие в одном из социологических опросов ВЦИОМа, среди пяти репрезентативных черт среднего класса, наряду с экономической независимостью, профессионализмом, идентификацией со своим бизнесом и высокой гражданской ответственностью, назвали способность к рационализму¹¹⁰.

Прежде чем углубиться в характеристику данного свойства, в его восприятие и оценку в разных социокультурных плоскостях, отметим одну принципиальную особенность ментальности среднего класса, которая отражает главные смещения в ценностном мире XX столетия.

Явно несправедливы упреки в адрес этой макрообщности за ее податливость духу конформизма (с трагическими последствиями такой податливости, если иметь в виду тоталитарные системы, и по меньшей мере драматическими последствиями потребительского конформизма, культурного соглашательства, если речь идет о зоне демократических систем), так как, наряду с фактом подобного пособничества, утратой критичности по отношению к социальному статусу-кво, средний класс

---

¹¹⁰ Рывкина Р.В. Социальный потенциал для формирования среднего класса в России и причины его нереализованности // Средний класс в России: Проблемы и перспективы. С. 57.

вбирает в свою ментальность, в свою этосную субстанцию и корпус наиболее существенных ценностных инноваций уходящего века.

Нельзя сказать, что средний класс возглавляет все инновационные процессы, но впитывая ценности политико-эстетического авангарда и параллельных ему моральных, поведенческих ценностей, он занимает в этом специфическом вопросе совсем не просто оцениваемую "срединную позицию". Если суммировать названные инновации, то, скорее всего, они связаны с установкой на социальную ответственность¹¹¹. Такая, в известном смысле надличностная, ответственность реализуется, воплощается в многообразных формах реального должностования. Выше, обсуждая вопрос о понятии этоса, мы обращали внимание на этосообразующие факторы нашего времени – сплетение в нечто цельное различных отраслевых и суботраслевых профессиональных этик. В эпоху массовой профессионализации общества ценности партикулярных (по выражению Т. Парсонса) этик обретают ранг едва ли не универсалий ценностного десакрализованного мира. В свою очередь они вовлекаются в более обширный нормативно-ценностный комплекс, образующийся из всевозможных этосов профессиональной – в широком смысле этого слова – деятельности, и способны преобразовать весь ландшафт человеческих отношений в мире чрезвычайно углубленного разделения труда, спецификации социально значимых функций, могущих повлиять на расклад сил во властных структурах модернизированного общества.

Опасаясь упреков в безудержном социальном оптимизме, напомним, что профессиональные этосы вовсе не тождественны реально практикуемым нравам, царящим в любых секторах специализированной деятельности людей, иначе они просто утратили бы свое призывное побудительно-запретительное значение. Этосы – каждый в отдельности и вместе взятые – фиксируют не уровень моральности профессионалов различных профилей, а только реально-должное в их поведении. Хотя оно и приближается к сущему (если сравнивать такое должное с абсолютами морали), сливается с требованиями собственно профессионального характера, касающихся уровня знаний, умений, опыта, но отнюдь не совпадает с хаотическим многообразием сущего. К тому же ведущей тенденции современного мира к "сплошной" профессионализации деятельности и, соответственно, к утверждению профессиональной этики сопутствуют и контртенденции – депрофессионализация, известное падение значимости публичной деятельности¹¹², профессиональная маргинализация, сопровождаемая, в первую оче-

---

¹¹¹ О природе социоэтики ответственности см.: Ленк Г. Проблемы ответственности в этике экономики и технологии // Вопросы философии. 1998. № 11.

¹¹² Барсукова С.Ю. Приватное и публичное: диалектика диспозиций // Полис. 1999. № 1.

редь, девальвацией социальной ответственности, обострение противоречий между подлинным профессионализмом и технологической специализацией труда, реализуемой без созидания профессиональных сообществ со своими нормативными средствами регуляции поведения членов данных сообществ.

Словом, есть немало такого в современном мире, что способно удержать оптимистические упования в границах разумного, охладив энтузиазм по поводу социально-профессиональной ответственности и исторической миссии среднего класса от восприятия его "добродетелей" в розовом свете, сделать взвешенно-осмотрительными оценки его перспектив.

Так или иначе, но сердцевиной профессиональных этосов и этоса среднего класса в целом оказываются установки рационального мировосприятия, которые характеризуют его ментальность и поведение. Но способен ли представитель среднего класса быть рационалистом и в то же время быть не просто "экономическим человеком", но и "нравственным человеком"?

Подобный вопрос напрашивается сам собой, так как очень часто кажется, будто быть "человеком нравственным" означает способность, готовность, решимость поступать, руководствуясь непреложными велениями сердца и совести – пусть даже предварительно придирчиво отредактированными разумом, а не импульсивными велениями души. При этом кажется, что такой способности, готовности, решимости могут кардинальным образом воспрепятствовать выкладки разума, которые ориентированы не на добродетели любви, милосердия, солидарности и т.п., а только на эффективность, пользу (лица, группы лиц, корпораций), своекорыстие, в лучшем случае – на благоразумие.

На наш взгляд, в этом случае забывается, что трансформация антропологических источников морали (материнские, братские, дружеские и им подобные чувства) в социокультурную данность происходит с помощью рационализации, и в этом смысле любая норма – итог преобразующей рационализации. Удивительно, что даже автор, серьезно исследовавший проблемы рациональности, приходит к рискованному выводу относительно "самодурства разума", его стремления вывести сам "разум из-под контроля совести и ответственности", что проблематизирует сам разум, порождая то, что Кант именовал мизологией или ненавистью к разуму¹¹³.

Что значит быть рационалистом не в общефилософском, не в социотехнологическом, а в поведенческом ключе? Модель такого поведения предложил в свое время М. Вебер, который разработал теорию действия, выделив следующие его типы: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Рациональное по-

---

¹¹³ Тульчинский Л.Г. Самозванство. Феноменология зла и метафизики свободы. СПб., 1996. С.130,133.

ведение – во многом совпадающее с моделью поведения дисциплинированного индивидуалиста, является прежде всего актом свободного выбора. Рационалист – синоним свободно действующего человека, максимизирующего целесредственную систему своей деятельности. Иначе говоря, он располагает ясно осознаваемыми и желаемыми целями и столь же очевидно четким пониманием наиболее уместных в конкретных ситуациях средств, ведущих к этим целям (они при подобном рассмотрении принимаются как нечто данное и их содержание – предмет особой оценки). Для такой максимизации используются ресурсы самого агента целерационального поведения, от которых зависит эффективность деятельности – его знания и умения, интуиция, готовность к инновации и риску, способность соответствовать ожиданиями других, оперативно и точно распознавать череду переменчивых жизненных ситуаций, выявлять, так сказать, "техусловия" поступков, альтернативные способы решения возникающих поведенческих проблем и т.д. Все это позволяет осуществить ориентацию на взвешивающую (а не импульсивную) стратегию поведения.

Понятие рационализации поведения предполагает также умение планировать свою жизнедеятельность в краткосрочном и долгосрочном ракурсе, ранжировать нормативы и ценности целесредственного блока. Далее, она предполагает развитую способность личности к самоконтролю, внутреннему душевному порядку, адекватной самооценке, доверие к себе, своему умению вербализовать и цензурировать собственные спонтанные реакции на события и чужие поступки, удерживая желания, влечения и страсти, как минимум, в рамках их культурной допустимости. При этом противясь обесценению мира чувств.

Рациональный тип поведения предполагает и развитое сознание индивидуальной ответственности. Не просто перед "кем-то", но и за "что-то" – именно это позволяет принять идею делового и профессионального призвания, этику ответственности: и то, и другое занимают ведущее место в этосе среднего класса. В свою очередь идея призвания позволяет разрешить противоречие между очевидной целесообразностью средств достижения цели – и соответствующими нормами, а подчас, с иррациональностью самих целей, тем более высших, смысловых, терминальных целей, противоречия между просто правильным, соответствующим неким правилам – и собственно "истинно" нравственным поведением.

В нашей этической литературе рациональность поведения нередко связывают с эгоизмом с его ориентацией на личный интерес в качестве высшего блага. И тогда рациональный поступок получает ограничительную меркантильную трактовку (как действия, отвечающие установленным правилам, как просто благоразумные действия, как берегающие ресурсы, то есть экономичные действия, как действия, лояльные по отношению к неким административным и иным установле-

ниям, как поддерживающие отношения взаимности, взаимопользования, взаимопользовности – нередко одобряемые некоторыми трактовками "золотого правила нравственности"). Такая трактовка обрекает на возможность конфронтации с моральностью, интерпретируемой как внешнее свойство по отношению к рациональности, что по меньшей мере спорно¹¹⁴.

Необходимо сказать, что рассматриваемый тип поведения определенным образом коррелирован с рационализацией всех сторон общественной жизни, осуществляемой в ходе длительного и многофазного процесса модернизации. Последняя может быть реализована как на принципах холизма, целостности, так и на принципах "лоскутности" – открытой системы с гетерохронными, то есть разновременными и разномасштабно протекающими переменами в экономической, политической, правовой, социокультурной подсистемах общественной жизни. Это предполагает прежде всего переход хозяйства с рельс "экономики пропитания" на путь не ведающей пределов "экономики развития" (по словам К. Полани), включая рационализацию труда и бюрократизацию социального управления на всех его уровнях, рационализацию ведения дел в сферах здравоохранения и просвещения, а также судопроизводства, возникновение в ходе Реформации рационализированной религии и этики (пионером здесь оказался аскетический протестантизм, хотя, конечно, "...всякая теология представляет собой интеллектуальную рационализацию религиозного спасения"¹¹⁵).

Что касается ценностно-рационального поведения, то оно воплощает, так сказать, непоследовательную рациональность, в нем выражена ориентация не на достижение "внешних целей", а на ценности как абсолютно значимые точки отсчета, а это допускает возможность одобрения иррациональных поступков.

Нельзя сказать, что от подобных поступков застраховано и само целерациональное поведение. Причем в тройном смысле. Во-первых, «...то, что с одной точки зрения является "рациональным", с другой – может оказаться "иррациональным"»¹¹⁶. Во-вторых, один и тот же человек способен в разное время демонстрировать как рациональное, так и иррациональное поведение, а потому предпочтительнее говорить

---

¹¹⁴ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С.395-406.

¹¹⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 73. В "Социологии религии" Вебер отмечал, что еще в рамках иудаизма возник этический рационализм (Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С.138-180), а Т. Парсонс и П. Бергер связывали этот рационализм с ранними формами индивидуализма. Отнюдь не метафорический смысл имеет представление о рациональности даже сексуального поведения (см.: Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. Антология. СПб, 1997).

¹¹⁶ Вебер М. Избранные произведения. С.55.

не о рационализме как тотальном свойстве человека, а о подобном свойстве его поведения или всего лишь предрасположенности к практически-рациональному жизненному поведению. В-третьих, как будто явно иррациональный поступок, например, включающий в той или иной форме самопожертвование, может быть образцом рациональности в этическом его значении, так как укрепляет силу святости и непрекаемости нравственной нормы, соответствующего мотива действующего лица (хотел спасти ребенка в горящем доме, но не сумел и притом сам погиб – в этом плане поступок оказывается высоко результативным по полному счету, несмотря на удвоение жертв). Все это делает трудноразличимыми рациональные и иррациональные поступки.

Разделение рационального поведения на целевое и ценностное позволило Веберу отличать рациональность материальную, содержательную или субстанциональную, которая включает ценности и идеалы, от рациональности формальной, объективной, технической, что порождает трагический (двухуровневый: индивидуальный и общественный) конфликт эпохи между целями и убеждениями, ценностями как организующими принципами социальной жизни. Например, когда экономисты пытаются поставить на службу каким-то идеологическим, воспитательным и им подобным внеэкономическим целям, сама экономика неявным образом отрывается от ее же собственной этической составляющей, от ориентации на удовлетворение человеческих нужд и потребностей, что придает экономической деятельности саморазрушительный характер.

Предпринятое М. Вебером разделение рациональности на целевую и ценностную позволило Ю. Хабермасу различать рациональность инструментальную, воплотившуюся в технологиях, идеологических проектах с большой или же малой социальной инженерией (по К. Попперу), и рациональность символическую, коммуникативную, основанную на понимании, рассуждении, доказательствах в ходе неформальных дебатов и в переговорном процессе самих коммуникативных агентов. Рациональность в последнем случае предполагает умение с помощью открытого диалога сократического типа понять Другого, его интересы, позиции, точки зрения, способность усилить эти позиции, преследуя цель облегчить самореализацию коммуникативных агентов. Это позволило Герберту Саймону выдвинуть принцип "ограниченной рациональности", которая обосновывает проблему выбора организацией не самых лучших, а лишь удовлетворительных решений¹¹⁷. Другой ракурс подобного разделения – напряженный конфликт рыночной и нерыночной рациональностей в ситуации интенсификации нерыночных форм поведения и социальных отношений¹¹⁸.

---

¹¹⁷ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Тезисы. 1993. Т.1. Вып.3.

¹¹⁸ Макнотен Ф., Урри Дж. Социология природы // Теория общества. М.,

Когда стал доминировать саморегулирующийся рынок и центр тяжести человеческой активности сместился с социальных отношений на экономические, рыночная идея товарности распространилась и на так называемые "воображаемые товары" – землю, деньги, труд. Но сложное общество, в свою очередь, изобретает защитный механизм сопротивления всеобщей маркетизации и не последнюю роль в приведении в действие такого механизма играет средний класс. Он сохраняет рудименты реципрокности (отношения взаимности), редистрибуции и неэгоистической мотивации в рамках домашнего хозяйства – так возникает в Новое время оппозиция "Дом-Мир"¹¹⁹.

Все это позволяет если и не преодолеть, то, во всяком случае, существенным образом смягчить застарелую оппозицию экономической деятельности в качестве главной, решающей формы человеческой деятельности как таковой и маргинальной деятельностью по социальному воспроизводству в целом, позволяет унять обострившееся противоречие "экономического человека" и некоммерческого субъекта рынка, сгладить противостояние эгоистической и альтруистической стратегии поведения.

В данной связи мы можем предложить гипотезу относительно особой роли среднего класса в трансформации возникшей на заре Нового времени сегментации традиционного социума, которая, как известно, привела к возникновению "малых" нормативно-ценностных подсистем (этика бизнеса, политическая этика, профессиональная мораль, этика воспитания и т.п.). В ситуации постмодерна происходит постепенное смещение, когда сегментация дополняется тенденцией противоположного свойства: к десегментации социума, что предполагает, в частности, преодоление обособленности регулятивных средств рыночной сферы от таких же средств нерыночной сферы.

Исследователи говорят о так называемой "моральной экономике", о свойственной ей как будто бы нерациональной, неутилитарной мотивации в несистемных (отчасти просто пережиточных, а отчасти наиболее перспективных) секторах современной экономики. В таких, как крестьянское (фермерское) хозяйство, ставшим в последние десятилетия необычайно популярным неоремесленничеством со своими ассоциациями и средствами коммуникации, связанный с домашним хозяйством бизнес, в сфере бесплатных услуг и социальной работы, развиваемых в соответствии с этической социальной доктриной¹²⁰.

1999. С.281.

¹¹⁹ См.: Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // Тезис. Т.1. Вып.2; Polany K. The Great Transformation: the political and economic origins of our Time. Boston, 1982.

¹²⁰ См.: Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном

Скорее всего, именно на такой основе возникла тенденция отыскивать универсальную грамматику социальных отношений (Д.Хиршлайфер) и распространять рациональные правила экономического поведения на внерыночный сектор в целом, на все виды социального взаимодействия, даже на вроде бы вполне иррациональное поведение. Так, Гэри Беккер, лауреат Нобелевской премии по экономике, утверждает, что последнее подчиняется нескольким фундаментальным принципам, среди которых три принципа являются самыми важными: (1) максимизация поведения, то есть рациональное стремление к достижению наилучших результатов при минимальных затратах, если, конечно, не действуют противоестественные ограничители, подталкивающие к иррациональности или к "самобытной" рациональности; (2) подчиненность поведения правилам рыночного равновесия – действуют вездесущие "неявные" рынки образования, политики, брачности и т.п., где критерием оптимальности распределения ресурсов служит равновесие явных и неявных выгод и издержек; (3) правила устойчивости вкусов и ценностных предпочтений агентов всех этих рынков¹²¹.

Этот подход вызвал возражения ряда ученых. Так, Р. Хайлбронер упрекал Беккера за то, что "за спиной" рациональных выкладок он упускает из вида древние как мир внеэкономические мотивы в недрах самого экономического поведения: стремление занять подобающее место в иерархиях любого типа, жажда власти, господства, славы, борьба за престиж и т.п.¹²².

Нельзя не присоединиться к суждениям В. Радаева о том, что в долгом противостоянии позитивистски ориентированной экономической теории, трактующей "экономического человека" как несоциализированное, предельно атомизированное и рационализированное существо, озабоченное лишь максимизацией полезности, а потому равнодушное к моральным требованиям и соображениям, с одной стороны, и, с другой, пересоциализированного "хомо социологикуса", который исправно выполняет санкционированные обществом роли и требования, трактующего мораль в гиперсоциальной манере, "социология, как правило, проигрывала экономической теории"¹²³.

Однако накопление более или менее успешного опыта "скреци-

мире / Под ред. Т. Шанина. М., 1992. О вытекающих из названной доктрины моральных коллизиях см.: Жувенель Б. Этика перераспределения. М., 1995; Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economic. Chicago, 1993.

¹²¹ Беккер Гэри. Экономический анализ и человеческое поведение // Тезис. 1993. Т.2. Вып.1.

¹²² Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // Тезис. 1993. Т.1. Вып. 1. С.52.

¹²³ Радаев В.В. Экономическая социология: общие контуры подхода // Социологические чтения. Вып. I. М., 1996. С.110.

вания" экономоцентризма с социоцентризмом (лучше сказать – "человекоцентризмом") выявило и реалистическую, объемную фигуру агента хозяйственной жизни современного общества, в наибольшей мере совпадающей с фигурой среднего класса. С учетом, разумеется, того, что рациональность поведения этой фигуры не привносится к ней извне, из каких-то интеллектуальных функций в виде сборника эксплицитных наставлений¹²⁴.

Чтобы справиться с возникающими при таком подходе этическими парадоксами, следует вернуться к вышерассмотренной концепции призвания. Возьмем, например, противоречие между универсальной, родовой этикой любви, братства, братской любви к ближнему и дальнему, страдающему и нуждающему в том виде, в какой данная этика была воплощена в поведенческих кодексах мировых религий, и партикулярной, прежде всего профессиональной, этикой социальной ответственности и верности призванию (политическому, предпринимательскому, военному, научному, воспитательному и т.п.), которая "царит в ценностных сферах" (М. Вебер) с их нормативно-ценностными подсистемами.

Во-первых, призвание обращено не к каким-то благам, а нацеливает на преданное служение Делу, придающему внутреннюю опору и смысл деятельности члена среднего класса (хотя подчас и выходит за его пределы). Во-вторых, как отмечает А.Ф. Филиппов, в ситуациях повседневности, благоприятных для ясного самосознания, отдается предпочтение постулатам партикулярной профессиональной этики социальной ответственности, тогда как в ситуациях надповседневности, не благоприятных для такого самосознания, преимущества обретают императивы универсальной этики¹²⁵. И тогда поведение лица выявляет черты жертвенности, героичности, стоической решимости действовать, в сущности, по иррациональным основаниям типа "все-таки" или же "несмотря ни на что", то есть вопреки социальным обстоятельствам, обычной логике поведения, рациональным выкладкам, что было столь впечатляющим образом выявлено и описано этикой экзистенциализма.

Но именно такая чуждая всевозможным рассудочным исчислениям прибытков и убытков непреклонная решимость как раз и оказывается способной творить ценности и цели высшего порядка. Они, в свою очередь, позволяют обрести "наибольшую ясность, беспощадную трезвость самосознания". Подобное свойство сознания нельзя понять как некую краткосрочную самозабвенную

---

¹²⁴ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996. С.40-41.

¹²⁵ См.: Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. 1998. № 8; его же. Современность и повседневная рациональность // Стратегия. М., 1998. № 1.

аффективность типа внезапной вспышки гнева или минутного приступа щедрости и иного благоволения. М. Вебер пишет о по сути своей трагическом соединении жаркой страсти с холодной расчетливостью, трезвой деловитостью. Такой синтез не позволяет сделать ставку на успех деятельности, на служение делу чем-то второстепенным, вроде бы даже и необязательным – была бы предъявлена другим и принята самим собой чистая непорочность убеждений, лишенное дистанции самоопьянение страстью, благородная ярость, романтическая привязанность к возвышенным идеалам. Не говоря уже о ставке на тщеславное бахвальство такой привязанностью: быть беззаветно преданным делу не означает быть безрассудно, легкомысленно преданным ему. И к тому же надо отличать концепт призвания и фанатизм, различать "служение делу" от "служения идее".

В этическом плане такое соединение долгосрочной страсти с обуздывающей ее трезвостью позволяет в оценке деятельности агентов среднего класса избежать абсолютизации как побуждений к активности, так и результатов такой активности. Ясно, что данное соединение не дано всякому политику, любому предпринимателю, педагогу, врачу, инженеру, ученому и т.п., но только одаренному и охваченному непоказной страстью, нацеленной на существо дела, на самоотдачу ему, а не на побочные соображения – будь они возвышенного или низменного характера. Именно такое соединение и выдает сертификат подлинности, "истинности" деятельности того же политика, предпринимателя, профессионала, позволяя понять, что этика убеждений и романтической привязанности к возвышенным идеалам, с одной стороны, и этика социальной ответственности, с другой – не взаимоотталкивающие, а взаимодополняющие феномены¹²⁶.

Так или иначе, но оба вида рационального поведения в определенном смысле противостоят рутинно-традиционному типу социального действия. Очевидно, что социальное поведение не может быть ни чисто рациональным, ни дистиллированно иррациональным, связанным только с материальными интересами – или только с эмоциональными факторами: этос среднего класса отнюдь не располагает надежным иммунитетом от угроз массового психологического заражения различного свойства (хотя и располагает средствами противостояния подобным заражениям, ставшим могущественными и в современном обществе, не говоря уже об обществах транзитивных).

Очевидно, что не следует думать, будто нерациональное поведение отделено глухой стеной от разума вообще и пребывает как бы по ту сторону человеческого мышления как такового. Речь просто идет о коллективном (в XX столетии – об атомизированном, массовом) сознании, которое воспроизводится с помощью традиций, паремии, архетипов, всевозможных преданий и даже магии (при, скажем, неотреф-

---

¹²⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 692, 706.

лексированной вере в слепую удачу, в соответствии с которой предметы окружающего мира наделяются способностью как-то воздействовать на судьбу людей)¹²⁷. В этом случае индивиду предстоит произвести акт свободного выбора, на основе которого можно выстроить собственную стратегию поведения (всего того, что Дж. Локк называл правом личности управлять собой, но не другими), но не столько осуществить максимизацию целесредственной системы действий, сколько произвести интерпретацию обычая, архетипа, предания, мифа и т.п. в каждой конкретной жизненной ситуации, дабы использовать ее в качестве ориентации поведения (такую интерпретацию иногда именуют адаптивной рациональностью, и мы сейчас отвлекаемся от вопроса о том, как, по каким причинам и при каких социально-исторических условиях из подобной рациональности может родиться посттрадиционное действие). При этом по возможности избегая всякого риска и бремени индивидуальной ответственности, сознательно или ненамеренно делегируя ответственность сословиям, кастам, общинам или каким-то иным формам коллективности, следуя не свободно найденному и затем возложенному на самого себя долженствованию, а преднайденным обязанностям по иерархической вертикали, обязанностям в патерналистском духе.

Подобный тип поведения является альтернативным поведению экономическому, присущему среднему классу, который действует в эпоху "экономики развития". В традиционном поведении разум на основе сословно-государственных ценностей выполняет инструментальные функции приспособления поведения к социально одобренным образцам и соответствующим ритуалам, а потому во всех случаях традиция оказывается предпочтительнее и "мудрее" индивидуального разума¹²⁸. Даже тогда, когда инноватика меняет характер поведения. Между тем в экономическом поведении разум перестает быть исключительно адаптивным, реализуя принципы свободы и ответственности, в том числе и за пределами собственно экономической деятельности – в профессиональных сферах деятельности почти всегда присутствует экономический аспект.

Традиционный тип поведения неплохо вписывается в социум, состоящий из микрокосмов подобных коллективов. И он не просто с порога отвергается присущим макромирам рационализмом, а определенным образом перерабатывается, позволяя индивиду посттрадиционного социума продвигаться от статуса прирожденного к приобретаемому, к договору, переходя от ситуаций, где люди действуют по правилам и ценностным установлениям "естественной" морали к ситуациям, в которых доминирует "неестественная" мораль – мораль "по соглаше-

---

¹²⁷ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С.267.

¹²⁸ Громова Л.А. Этические модели экономического поведения. СПб, 1995. С. 3-4.

нию"¹²⁹, с конвенциональными правилами (хотя не только с ними одними), где происходит движение от универсальных норм к партикулярным, но, вместе с тем, осуществляется и процесс сегментации самого социума, когда внутри его возникают столь необходимые данным сегментам (политика, экономика, образование, право и т.п.) нормативно-ценностные подсистемы.

Возвращаясь к исходному вопросу по поводу возможностей и правомочий рационализма, приходится включиться в давний спор о полномочиях разума и совести. Здесь анализ наталкивается на ложную дилемму: "подлый ум – святое чувство", на ее вариант – "светлый ум и глупая совесть". Однако совершенно недостаточно констатировать застарелый конфликт "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет".

Во-первых, несостоятельна претензия на сведение совести к нравственному чувству, с последующим противопоставлением рационального решения, с его прямой обязанностью "подсчитывать" ближние и дальние последствия своих поступков (не говоря уже о последствиях целой линии поведения, сотканной из множества поступков – этот тот самый случай, когда количество непременно переходит в качество, а поведенческая стратегия проясняет смысл череды тактических шагов, сколь бы они ни казались непоследовательными, не уместяющимися в одной обойме), нерассуждающему велению совести. Совесть нередко приписывается роль лучшего гаранта от соблазнов "мудрого оппортунизма" и интеллектуальных искушений, тем более – от аморализма, и потому ее рассматривают в качестве наилучшего профилактического средства против морального нигилизма. Но дело в том, что совесть способна достаточно внятно говорить разными "голосами": как "голосом сердца", так и "голосом разума".

Во-вторых, нападки на рационализм вполне оправданны, но только если их объектом оказываются упрощенные до вульгарности концепции части просветителей XVIII века¹³⁰ и раннего утилитаризма типа известной теории "разумного эгоизма" (за которой числятся и своеобразные теоретические заслуги), по существу обесценивающие самонастраивающийся механизм совести, а сам рационализм трактующие излишне прямолинейно, чтобы не сказать – просто примитивно,

---

¹²⁹ О подобной морали подробнее см. Gauthier D. *Morals by agreement*. Oxford, 1986.

¹³⁰ В критической оценке рационализма Просвещения необходима особая сдержанность, чтобы его очевидные прегрешения не заслонили бы его вклад в мировую культуру, философию, науку. Уже рационализм энциклопедистов не рассматривает человеческие страсти как фактор опасности, ибо просвещенный человек, осознавая свои интересы, способен калькулировать страсти, не умерщвляя, не подавляя их при этом.

что с неизбежностью и провоцировало романтическое отрицание рационализма вплоть до признания формулы "исчадие разума" (писатель-фантаст Клиффорд Саймак).

В-третьих, критикуя подобный рационализм, иногда говорят о сверхразумности совести. При этом ссылаются на то, что «...если справедливость низводит этическое решение до уровня рассудочной логики, формулируя четкие критерии, то совесть решает этические проблемы вне разумного обоснования: интуитивно, путем озарения, внутреннего видения ситуации в целом ... Совесть способна наложить вето на решения, принимаемые разумом как вполне удовлетворительные ... Соблазны всегда имеют разумные основания для того, чтобы им поддаться ... Разумеется, и совесть может ошибаться. И все-таки при всех условиях послушаться голоса совести предпочтительнее. Лучше ошибиться по совести, чем оказаться правым вопреки ей, "так как совесть – это инстинкт этического самосохранения, уберегающий от дурных поступков"»¹³¹.

Представленные здесь весьма веские соображения должны быть, по нашему мнению, оформлены отнюдь не в качестве рискованной идеи о некоей "сверхразумности" совести, когда разум и совесть воспринимаются в качестве заведомо неравноправных ориентиров в сложных, запутанных, нестереотипизированных ситуациях морального выбора или когда обе эти лоции для продвижения в ценностном мире рассматриваются как взаимоисключающие инструменты. Лучше всего данные соображения вписываются в идею "разумной совести", что предполагает своеобразное разделение труда по ориентированию действий.

В самом деле, существуют некие абсолютные моральные повеления и запреты, императивы универсальной этики. Правда, общепринятого этического кодекса человечество до сих пор не выработало и каждая великая цивилизация предложила свое понимание "универсализма", общечеловечности (создав четыре "субокумены", по выражению Г. Померанца), и ни одной из них не дано право только себя воспринимать в качестве "истинного" индикатора цивилизованности.

Такая постановка проблемы "универсальность – контекстуальность", "транскulturность – культурность" не закрывает пути к пониманию поступков людей чужой культуры. Оно основывается на этических принципах гуманности и доброжелательности, которые, в свою очередь, опираются на представление об единстве человеческой природы, что предполагает признание рационального характера поступков людей, какими бы экстравагантными и даже бессмысленными они не казались наблюдателю из чужой культуры. И когда релятивизируют рациональность, полагают несоизмеримой рациональности поведения в рамках разных культур и субкультур, то упускают из вида признание

---

¹³¹ Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М., 1994. С. 77-80.

определенного сходства как базы для выявления различий. Трудно без оговорок принять суждение О. Шпенглера, утверждавшего, что моралей на земле столько, сколько культур.

Если не считать за более или менее единый кодекс ясные признаки этики ненасилия¹³², вполне правдоподобен вывод, что такое положение, несмотря на ряд возникающих очевидных теоретических и практических неудобств, позволяет избежать торжества морального максимализма и догматики – застоя в нравственной жизни человечества, а посему, предполагая наличие постоянно возобновляемой решимости в кризисные эпохи, сизнова начинать отсчет времени в напряженных нравственных исканиях.

Прямые и непреклонные свидетельства совести безоговорочно запрещают нарушать нечто, несмотря ни на какие ухищрения и изворотливость услужливого разума. Совесть надежно оберегает личность от свершения дурных, постыдных поступков. В "ближнем горизонте" она действительно "сверхразумна" (хотя нелепо допускать будто она вообще антиразумна). Иное дело за пределами данного горизонта, охватывающего преимущественно межличностные отношения, когда в ситуациях повседневности к функции поведенческих ориентиров подключаются нормы партикулярной (главным образом, профессиональной) этики, когда деятельность побуждается духом призвания, установкой на преданность делу и регулируется с помощью реалистической этики социальной ответственности. Совесть как высокое нравственное чувство здесь не должна отключаться, ее голос не должен умолкнуть, но ей не обойтись без многосторонней помощи со стороны как взвешивающего рассудка, так и осмысляющего и понимающего разума. Без такой систематической помощи совесть, взявшаяся исполнять роль "высшего судьи", быть самозванной "совестью нации", способна привести ко всевозможным бедам и бесчеловечным последствиям, которые никак не оправдать благими мотивами.

В сегментированных сферах человеческой деятельности в рамках огромных организаций и корпораций, а также в масштабах исторических акций, когда связи между позитивными целями деятельности и средствами их реализации становятся неочевидными, а результаты оказываются многозначными и небесспорными, совесть обретет действенность только в неразрывной связке с аргументами разума. И происходит данный процесс из сплетения расчетливости с жаркой страстью пассионария, действий, детерминированных обстоятельствами, с индетерминированными действиями в актуальном бытии личности в целом.

Важно при этом не прозевать тенденцию. Если модерн воплощает рассудочную рациональность, дискурс и договор, то постмодерн,

---

¹³² См.: Этика ненасилия. М., 1991; Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6.

"антимодерн" (по У. Беку, Э. Гидденсу, З. Бауману и др.) или, иначе, рефлексивная стадия Высокого модерна, отдают сознательное предпочтение инстинктивному поведению, полагают приход нового "околдовывания" прежде столь удачно расколдованного мира, явление новой его непрозрачности. С этим связан крен от универсализма, которому благоволят рационализм, к локализму, неотрадиционализму, к "неоплеменным" общностям, к пестрой ярмарке всяческих гибридных культурных образцов и стилей поведения¹³³.

6.3. Индивидуализм

Человек среднего класса преимущественно индивидуалист. Возможно ли распространять данный тезис на человека с "отечественной" ментальностью и рассматривать его свойства в качестве краеугольного камня пребывающего в зачаточном состоянии этоса российского среднего класса?

Первый конкретизирующий вопрос: утвердятся ли данные свойства в стране, где сам термин "индивидуалист" нагружен негативными смыслами и такими же коннотациями? В стране, где этим понятием привыкли обозначать не просто отклоняющееся поведение, а откровенно аморальные деяния с четко выраженным игнорированием интересов любых общностей – от дружеской компании до народа в целом. Второй вопрос: дает ли этос среднего класса надежные гарантии перед лицом не только морального догматизма, но и морального релятивизма, не порождает ли он сам "хвост" негативных оценок нравственной жизни в том ее виде, в каком она дана в России? Для ответа на эти вопросы попытаемся исследовать возможность конвергенции индивидуализма и антииндивидуализма (под каким бы обликом последний ни фигурировал – коллективизм, традиционализм, патернализм, соборность, солидаризм, коммунализм и т.п.), возможность сближения и взаимопроникновения этих корневых ориентаций.

Еще раз подчеркнем, что образ индивидуалиста в отечественной речевой практике, в нелиберальных идеологиях, общественном мнении закреплен в отчетливо негативных тонах: с этим образом связаны отступничество от нравственных начал, равнодушие к другим, обреченность на гоббсову "войну всех против всех", жизнь по "законам джунглей", на пожизненное заключение в одиночной камере самоизоляции. Крайними в таком случае служат образы человека, либо не прошедшего даже "санобработки" в социуме в ходе первичной или вторичной социализации, либо – сломленного нарастающим "террором социальности" (так бы выразился Н. Бердяев), а потому готового безропотно исполнять любые навязываемые ему социумом роли (быть попеременно палачом или жертвой, "серой скотинкой" в бессмысленных войнах, участником "крысиных бегов" в огромных организациях и т.п.),

---

¹³³ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.

стать “ролевиком” с духом конформистского самодовольства, т.е. принимающим средства гашения собственного недовольства.

Говоря об индивидуалистической ориентации субъекта исследуемого нами этоса, мы не отождествляем его с человеком, не ведающим голоса долга и совести, чувства виновности, греховности, раскаяния, подвига преодоления греховности, духовного вознесения, нравственного самосовершенствования. Современный человек среднего класса, сохраняя ориентацию на рационализм и индивидуализм, вместе с тем в духовном смысле претерпел значительные изменения и оказался весьма далеким от образа, смоделированного нами выше. За его спиной стоит многотрудный опыт понимания нового соотношения материальных и постматериальных потребностей и соответствующей мотивации современного человека.

Это опыт предпочтения качества жизни перед количеством потребляемых благ, существования в значительно менее поляризованных социальных структурах с размытыми и заниженными классовыми перегородками и с развитой способностью к социальному партнерству. Он является хозяйственным агентом уже не просто экономики развития индустриального общества – с ее стихийностью и погоней за эффективностью (пришедшей, в свою очередь, на смену застойной “экономике пропитания” традиционного социума), но и экофильной экономики, согласованных интересов социализированных корпораций. В обновленном социуме ослабли приоритеты максимизации прибыли, сделан решающий шаг от экономики производства материальных благ к экономике услуг и производства информации, в которой исчезающе малыми становятся различия между производительным и непроизводительным трудом, трудом – и “продуктивным” потреблением, собственничеством – и наемничеством; в таком социуме, наконец, удалось создать более гибкую механику сочетания общественных и личных интересов.

Современный человек среднего класса живет в условиях, когда в полной мере выявились пределы маркетизации общества, в условиях информационной революции, открывшей общественному сознанию истину о том, что экономическая эффективность сама по себе не может восприниматься в позитивно-нравственном смысле. Более того, сама нравственность рыночного поведения оказывается обязательной предпосылкой этой, столь взыскуемой, эффективности (варваризированный рынок – малоэффективный рынок, расточающий общественное состояние и обремененный катастрофическими последствиями для социума в целом).

В такой ситуации мотив максимизации прибыли “экономического человека” ведет к свободе личности, ее самореализации, к осуществлению жизненного призвания и т.п. только в том случае, когда индивидуализм этого человека соединяется с солидаризмом. Примером может служить поразительный факт огромной массы общественно-полез-

ного труда, который в самых что ни есть “индивидуалистических” странах осуществляется на безоплатной основе (по данным бывшего посла в Англии А. Адамишина, на подобной основе образуется одна треть всех трудовых затрат этой страны). Видимо, прав Ф. Фукуяма, утверждавший, что в постиндустриальную эру успех страны зависит уже не столько от развитости в ней индивидуализма и предприимчивости, сколько от оптимального соотношения индивидуалистических и коммунистических (солидаристских, коллективистских и т.п.) тенденций.

Избежит ли Россия общемировых тенденций? Можно предположить, что индивидуализм современного “экономического человека” не может стать краеугольным камнем становящегося этоса российского среднего класса – в целом и предпринимательства в том числе – без сочетания с ориентацией на солидаризм. Каковы основания для этого предположения?

Несмотря на неопределенность духовно-нравственной ситуации в стране, на неизученные еще последствия советского ретрадиционализма, в современной России проявилась тенденция к постепенному отступлению традиционного и казарменного коллективизма (которые блокировали и отчасти продолжают блокировать утверждение ориентаций на достижение, общедемократических принципов политической и экономической жизни, так называемого “нового поколения” прав человека, несогласие с идеократическими началами жизни общества, создававшими устойчивый каркас для привычных матриц ценностных суждений, для всего морального “кода” общения). Современные социологические исследования показывают неправомерность утверждений о том, будто индивидуализм и русский национальный характер генетически не совместимы, подобно гениальности и злодейству. Эти исследования показывают, что отступление традиционализма и неотрадиционализма обуславливалось и сопровождалось усилением развившихся задолго до перестроечных времен скрытых форм индивидуализма (таких, как потребительский индивидуализм и бюрократический рационализм, безопасности ради тщательно упакованные в коллективистские облачения), развившихся на базе десинкретизации ценностного мира как обязательного условия повышения эффективности деятельности внутри специализированных подсистем социума, вынужденного – пусть и неохотно – идти по пути модернизации (даже если из нее изъята ее сокровенная суть – гражданское общество).

Социологические исследования обнаруживают процесс слияния все более многочисленных “островков” продвинутых групп населения с развитой коммуникативной рациональностью и индивидуалистическими ориентациями во внушительный “архипелаг”, пусть пока и не слившийся в цельный “континент”. Приведем выводы, к которым приходят социологи Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин на основании данных проведенного в мае 1996 года опроса по репрезентативной общероссийской выборке. “Можно утверждать, – пишут авторы, – что постсоветский че-

ловек скорее индивидуалист, чем коллективист... Постсоветский индивидуализм утвердился в результате начавшегося еще в брежневскую эпоху отщепления человека от государства, постепенно вызревавшего стремления освободиться от диктата последнего, от насаждавшегося им единообразия. И это ощущение преимуществ свободы по сравнению с прежним диктатом явно перевешивает неудовлетворенность ограниченностью реальных возможностей для самоутверждения и самореализации в новых условиях. Именно поэтому не приносит и не может принести сегодня решающего успеха в политической борьбе идея коллективизма. Поэтому не способна консолидировать общество и идея российской самобытности, если под ней понимать склонность россиян, в отличие от граждан западных стран, ставить интересы государства выше индивидуальной свободы”¹³⁴.

И в этом смысле россияне вовсе не какие-то там “инопланетяне”, как иной раз кажется, хотя, безусловно, существуют такие аспекты жизни и такие ситуации, когда приходится ставить интересы государственности на передний план. В целом же, вольно перефразируя В.И. Ленина, можно сказать, что Россия все еще страдает скорее не от индивидуализма, сколько от недостаточного его развития. Это связано со слабой укорененностью частной собственности, недостаточной верой в правду этой собственности, как некогда писал С. Франк, ее священности, для чего она должна в глазах народа перестать быть плодом воровства, грабежа, иметь статус нравственно оправданной, служить гарантом свободы¹³⁵.

Обсуждая вопрос о специфике индивидуализма в России, отметим, что история знакома с различными видами многогранного феномена по имени “индивидуализм”: вавилонским, римским, византийским, рыцарским, протестантским и посттридентским католическим индивидуализмом. Лишь в XVII-XVIII веках появляется нововременной индивидуализм: “Новоевропейская личность не только отсчитывает все от себя, от своего “Я”, своего внутреннего мира, но и ощущает себя источником собственной жизни, желаний, неповторимых свойств и качеств”¹³⁶. Причем каждый раз изменяется основание, по которому производится выделение типов индивидуализма.

Наша гипотеза в данной связи такова: вместо того, чтобы ритуально произносить заклинания против “зловредного” индивидуализма, “несовместимого с русской ментальностью”, непременно его отвергающей, уместно допустить существование особого – русского – типа индивидуализма и попытаться проанализировать его видовые отличия,

---

¹³⁴ Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Полис. 1997. №2. С.138.

¹³⁵ См.: Русская философия собственности. Спб., 1993. С.311; Бибухин В.В. Свое, собственное // Вопросы философии. 1997. № 2.

¹³⁶ Розин В. Эзотерическое мироощущение в контексте культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 170.

не присущие, скажем, индивидуализму англосаксонскому или японскому.

Говорить о серьезной исторической традиции за спиной русского вида индивидуализма трудно (хотя духом индивидуализма были пропитаны искусство Серебряного века России и соответствующий ему стиль жизни, образ жизни городской интеллигенции и вообще горожан, предпринимательских кругов страны), но петровская, ленинско-сталинская и более близкая к нам модернизация второй половины XX века незаметно продолжают делать свое дело, размывая устои соборности, расшатывая структуры общинно-роевого сознания, оттесняя все формы казарменного коллективизма и государственно-ведомственного патернализма.

Означает ли это некую обреченность индивидуализма на безраздельное господство на просторах русского не только “*urbi*”, но и “*orbi*”, во всех формах общественного сознания, в том числе и морального господства, которое не терпит ни конкуренции, ни кондоминиума? А может быть, специфика русского индивидуализма как раз и заключается в его предрасположенности к отказу от безраздельной монополии в духовной жизни страны и готовности выработать особые формы сосуществования индивидуализма с коллективизмом, коммунизмом? Такое допущение представляется нам вполне правдоподобным и продуктивным.

Во-первых, нет оснований рассматривать индивидуализм в качестве продукта распада социальных связей, как нечто исключющее стратегию сотрудничества, кооперативности, социального партнерства, хотя в современной России имеет место, с одной стороны, асоциальный индивидуализм, а с другой – индивидуализм нелиберальный¹³⁷. Во-вторых, в современных обществах существуют как интегративные, так и дезинтегративные социальные институты, организации, установления, обычаи, которым соответствуют культурные образования, комплексы. Коммунитаристский комплекс организует и навязывает социальный порядок с помощью интегрирующего централизма, разделения труда с последующей связкой его результатов (механизмы обмена, распределения и перераспределения) и с помощью известной – но всякий раз различной – степенью подчинения личных начал, интересов запросов началам общественным.

Вопреки расхожим представлениям, индивидуализм также участвует в возведении и скреплении социального порядка, но делает это путем заключения общественных контрактов и “скромной этики контракта”, обеспечения ответственных форм свободы действий, открывая дорогу к форсированному экономическому росту, защищая интересы

---

¹³⁷ См.: Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1999. №1,2; Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый // Полис. 1999. № 3.

суверенного, автономного (а не гетерономного) субъекта исторического развития. В неиндивидуалистических, дотоварных цивилизациях крен производился в пользу коммунитаризма, а в индивидуалистических, либеральных цивилизациях либо создавался крен в сторону необузданных частных интересов, а потому – в ущерб интересам общественным, либо же достигался баланс интегративных и дезинтегративных культурных субстратов или комплексов.

На уровне индивида оба эти комплекса со своими идеалами и символами, ценностями и нормами, дозволениями и запрещениями, со своим “языком” вступают во взаимодействие, в “духовное взаимопитание”, по образному выражению И. Ильина. Такое взаимопитание образуется с помощью сложной, многозвенной и многоступенчатой системы всевозможных переходных форм, образования множества гибридных соединений, путем постоянно возобновляемого внутриличностного балансирования, с помощью тонкой настройки рационализированных форм права и морали.

Если данные культуры оказываются способными погасить собственный экспансионизм, стремление к единовластию, если они исключают центробежную тягу к крайностям, к движению через схватки противоположностей, то у подвластного такой культуре индивида скоро истончаются демаркационные линии между названными двумя комплексами. У него возникает стремление как к социальному порядку интеграции, так и к обособлению и хаосу, к дезинтеграции (в мире, уверял Поль Валери, есть два вида зла: избыток порядка и избыток беспорядка), но дезинтеграции, обремененной рождением нового космоса, более высокого порядка – в отличие от хаоса разрушительного и бесплодного. При этом в зрелом гражданском обществе и при правовом государстве приоритет получают индивидуальные права, интересы и свободы. Права коллективные (интересы и права общностей разного ранга – коллективы, нации, профессиональные ассоциации и т.п.) не рассматриваются в качестве прирожденных, а признаются или отклоняются в зависимости от результатов их тестирования на приверженность интересам и правам человека (“человеческое измерение”), что позволяет отличать естественный коллективизм от коллективизма казарменного, стадного (которому присуще подавление личностных начал и объединение не на основе общего интереса, а только на недобровольном факте включенности в коллектив), демократический коллективизм с развитыми личностными началами и персональной ответственностью – от коллективизма авторитарного и деспотичного, объединяющего принудительно тех людей, которые по историческому счету либо созрели к индивидуализации и отказу от социального опекунства, либо приблизились к такой стадии.

Русский индивидуализм, безусловно, обладает всеми родовыми признаками индивидуализма с присущим ему дифференцированным отношением к коллективизму. Но он и завершает долгую, по-своему

обоснованную, традицию крена российского общества в сторону культуры коммунитаризма, преодоление которой сейчас нередко совершается по принципу перегиба палки в другую сторону – “ради ее выпрямления”, что служит одной из причин морального кризиса. Такая традиция не должна быть просто отброшена или погашена, задача заключается в том, чтобы максимально использовать ее в процессе поиска форм культурной самоидентификации, синтеза традиционализма, почвенничества (реформированного, просвещенного), коммунитаризма – с индивидуализмом. Разумеется, это оказывается возможным при условии, если оба начала отрефлектированы должным образом и демонстрируют свою готовность к объединению. И тогда в сознании, условно говоря “постэкономического человека”, наконец-то будет снято бремя духовно-нравственной неопределенности, ослаблены и преодолены последствия множества расколов, сопровождавших всю русскую историю, смогут реализоваться – пусть только первичные – итоги диалогов между “древними” и “новыми”.

Все это проложит путь для духовного роста “во внутрь”, а не “вширь”, даст свободу “внутреннему человеку”, который будет совсем иначе “одухотворять” экономику постиндустриализма, в том числе, например, и через предпринимательскую деятельность, чем эта деятельность “одухотворяла” экономику прошлых веков. И тогда два *меньшинства* – “древние” и “новые” – смогут образовать *большинство* “новейших”¹³⁸. Без “перекрестного опыления” ценностей, без перехода от конфронтации между ними к союзничеству оба культурных комплекса, оба блока ценностей и норм на рубеже третьего тысячелетия обречены на скорое истощение в аксиологическом смысле. Им предстоит осознать, прочувствовать, что интервал между индивидуализмом и коммунитаризмом не столь разителен, каким он кажется, что уже давно оба они взаимопроникают, что на самом деле они удивительно пластичны, и их принципы, бережно отодвинутые от бездн крайностей, текучи, и только упрямый и недалновидный догматизм блюстителей “чистоты” принципов и идеологической зашоренности возводят между ними глухую стену без множества открытых взаимопереходов.

Не станем гадать относительно конкретных свойств, которыми будет обладать русский индивидуализм в процессе его дальнейшего развития, обновления форм “взаимопитания” с коллективизмом. Очевидно, что, например, правила честной игры на рынке не могут смениться на нечто прямо им противоположное, как не может быть аннулирована сама ориентация на достижения, успех, взвешенный риск, персональную экономическую ответственность, интенсивные личностные стратегии поведения, прагматику (вместо приверженности к различным формам романтизма, несмотря на все обаяние последнего).

Однако в отличие от западного индивидуализма в составе его

---

¹³⁸ Этика успеха. 1997. Вып.10. С.208-211.

российского собрата, вероятно, окажется большое число “пережитков прошлого” и “советских нажитков”. Речь идет о тех элементах традиционализма и неотрадиционализма, которые уберегли притягательную силу нравственной незапятнанности: ценности артельности, групповой взаимопомощи, осуждение стяжательства, особые мотивы к благотворительной деятельности и т.п. Возможно, элементы общинного, солидаристского понимания социальной справедливости также окажутся убереженными и включенными в русский индивидуализм, который уже больше не станет тешиться иллюзорной идеей построения раз и навсегда “справедливого общества”. Ценности артельности и коллективизма позволят иначе отнестись и к конкурентным началам в экономической деятельности, особенно к их жестким формам, и, вместе с тем, смогут лечь в основу коллективистского партнерства (которое сейчас и на Западе входит в силу) и нового корпоративизма, столь характерного для эпохи постиндустриализма. Такой корпоративизм не ослабит, а, напротив, усилит ценности нравственной свободы с присущими ей самостоятельным поиском должностования и автономией выбора между разносистемными ценностями.

Далее. Признание огромной роли правового регулирования отношений “экономического человека”, скорее всего, выступит в непременно связке с потенциалами нравственного регулирования этих же отношений в большей степени, чем это имеет место в западном индивидуализме (союз юрицизма с этикоцентризмом, когда права агента рыночной экономики рассматриваются как вторичные отражения его моральных обязанностей). Особая роль российской государственности в регулировании хозяйственных процессов проявится в русском индивидуализме большим (чем в западном) признанием значения вертикальных связей в бизнесе, не отрицающих значения связей горизонтальных по линии партнерства, но дополняющих их. Не окажется ли в подобной ситуации более легким запрос на этосное одобрение связей между аппаратчиками и бизнесменами, которые скромно именуются в одном из международных опросов “регулярными дополнительными платежами, чтобы обеспечить продвижение дел”?

Важно, чтобы предназначенные к синтезу естественная, традиционно-доиндивидуалистическая мораль и мораль рационально-индивидуалистическая не воспринимались бы как “низшая” и “высшая”, аутентичная и неаутентичная, настоящая и мнимая. Они обязаны, так сказать, знать свое место и отказаться от гегемонистских притязаний на “подлинность”. Кроме того, необходимо избежать прямо противоположной опасности, когда за уникальные национальные свойства русского индивидуализма выдаются едва лишь причесанные в духе этновизажизма свойства по своей сути универсальные, подобные одинаковым правилам шахматной игры.

По-особому отзовется в русском индивидуализме проблема совместимости православия с “экономическим человеком”. То или иное

решение этой проблемы кардинальным образом влияет на концепцию призвания, столь существенную для предпринимательства во всякой конфессиональной среде. Поэтическая фраза, согласно которой “в Россию можно только верить” и в том ее особенная статья, на самом деле хорошо согласуется вовсе не только с православием, но и с рациональным богословием, отмежевавшимся от мистицизма, обрядо-верия, суеверного отношения к божеству и им осененной власти, от архаики, где почти нет столь благодатного для нравственного самосовершенствования разрыва между должным и сущим. Такое богословие активно вырабатывалось русскими философами и моралистами начала XX столетия – достаточно вспомнить в данной связи работу С. Булгакова “Философия хозяйства”. Оно, кстати говоря, создавалось и рядом татарских теологов. Согласно джадидизму, ислам может рассматриваться как частное дело, не опосредованное уммой-общиной, и потому возможна с его стороны поддержка индивидуализму и рационализму¹³⁹.

Концепция призвания не позволяет ограничиться процедурой подгонки общественной нравственности к запросам бизнеса, превращения ее в инструмент по достижению “приемлемой степени комфортности общения между агентами рыночной экономики”. Нормативная часть этоса бизнеса не способна уместиться в скудном наборе универсальных правил маркетинга и соответствующих стандартов экономического поведения. Подобная, с позволения сказать, этика и ориентированный ею индивидуализм оказались бы сервильными, лишенными духа критичности по отношению к реальным нравам, царящим в предпринимательской практике. Тогда не возникла бы самодостаточная этика, которая была способна служить генератором социальных преобразований в России, защищая частную собственность, побуждая к экономической активности, подпитывая конвенциональные нормы труда и бизнеса связями с сакральными началами¹⁴⁰. И все это вместе взятое имеет хорошие шансы послужить центростремительным фактором образования этоса российского среднего класса.

6.4. Роковой вопрос о “буржуазности и обуржуазивании”

6.4.1. Средний класс и буржуазный этос: “Духовная буржуазность” в свете критики радикальной и взвешенной

На протяжении всего своего существования средний класс был (и остается) объектом как умеренной, так и резкой, несдержанной и

¹³⁹ Хакимов Р. “Евроислам” в межцивилизационных отношениях // Независимая газета. Религия. 1997. 23 октября.

¹⁴⁰ См.: Зайченко А.С. Нравственные параметры экономических реформ // Этика бизнеса. Межкультурный аспект. М., 1992. С. 63; Матвеев П.Е. Метафизика успеха в этике православия // Ведомости. Вып. 7. Тюмень: НИИ ПЭ, 1997; Этика российского рынка. Антология / Под ред. М.Р. Эллиота и С. Лингенфельтера. М., 1992.

взвинченной критики. Популярностью пользовалось и пользуется особенно тяжкое обвинение – в *духовной буржуазности* его носителей.

Н.А. Бердяев отмечал, что буржуазность, по его мнению, – не социальная и даже не экономическая категория, а категория духовная и онтологическая, некое состояние духа и особая его направленность. Подобное состояние всегда существовало в мире, и еще в Евангелии были даны ее вечные и впечатляющие образы. Но созрел буржуазный дух, “освободился, развернулся, получил возможность выявить свой тип жизни” лишь “на вершине цивилизации XIX и XX вв.”¹⁴¹.

Для подтверждения своих выводов мыслитель привлекает множество инвектив в адрес духовной буржуазности, которыми полнилась мировая публицистика – от Карлейля до Ницше, от Достоевского до Леонтьева.

Бердяев констатирует тот факт, что буржуа вполне может быть человеком религиозным, но в принципе он скорее наивный реалист; он может казаться праведным, но только на фарисейский лад. Буржуазность означает прикованность к видимому, затверделому, тленному “миру”, порабощенность его соблазнами, а такое чувство жизни противоположно трагическому мироощущению, чувству греховности и вины. Буржуа лишен творческой активности. Он всегда хочет лишь казаться, но бессилён быть. В элементарном случае он пленен низменными благами жизни, но существует и возвышенный тип буржуа. Вообще существует множество типов буржуазности: старый и новый, консервативный и революционный, богатый и бедный. Но всегда обожествляющий мирские суеты, когда “дела” и “похоть” довольности заменяют сокровенный смысл жизни. Буржуа даже немного моралист, он ощущает себя хранителем морали окружающей среды, который всех подавляет своею добродетелью. Современная цивилизация (и европейская культура) “...остается буржуазной, как бы радикально она себя ни реформировала”¹⁴².

Бердяев рассуждал в весьма характерном для русской интеллигенции ключе, ни на дюйм не сбиваясь в сторону от протоптанного русла технофобии, от оспаривания разрушительного, абсурдного, алогичного мира, где царят отчуждение и насилие. Русская интеллигенция увлекалась гневными и безжалостными филиппиками в адрес русской разновидности “духовной буржуазности” – мещанства как прообраза среднего класса, успевшего выявить свои основные свойства в Европе и Америке к началу нашего столетия. Писатели и философы Серебряного века, примыкающие к ним интеллектуалы и художественные круги

---

¹⁴¹ Бердяев Н.А. О духовной буржуазности // Философские науки. 1991. № 5. С.108.

¹⁴² Бердяев Н.А. Указ.соч. С.116. Бердяев также писал: “Для фаната не существует многообразного мира” (Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Философские науки. 1991. № 8. С.124.)

(как, впрочем, и аналогичные им слои на Западе) пользовались понятием “мещанство” (этимологически однородным с понятием “буржуа”) в качестве недифференцированного клейма, близкого к поношению, с помощью которого артикулировалось собственное избранничество, фиксировался собственный иммунитет по отношению к предпочтениям низовой этико-эстетической буржуазности. Чуть позднее были запущены в ход разнообразные эквиваленты данного обозначающего термина – “массовый человек” или “человек массы” (Х. Ортега-и-Гассет), роботизированная тривиальная личность, “одномерный человек” (Г. Маркузе), “легко заменяемый человек эфемерной цивилизации” (О. Тоффлер) и т.п.

Из подобного лексикона были почерпнуты метафоры “Сокола” (почти самонаименование критиков) и “Ужа” как образа того, от чего надлежит всеми силами отрецироваться не только героической, но и всякой порядочной личности. Это оценочно-образное, двухцветно-манихейское противопоставление исключало даже выделение – даже только для обсуждения – вопроса об этосе среднего класса, хотя, как известно, любой бестиарий на деле бесконечно более разнообразен, многолик и потому продуктивен, нежели лишенный богатства переходов, оттенков, обертонов, нюансов навязываемый Горьким выбор по категорической формуле “или-или”.

Было бы несправедливо полагать горьковские метафоры беспредметными: по-своему заманчиво-красивый революционный (да и не только революционный) романтизм и бескрылое, изнемогающее под бременем довольности и вместе с тем трусливое обывательство – фигуры отнюдь не измышленные. Без романтики не свершается ни одно стоящее дело, и оно всегда тормозится, упирается, как в бетонную стену, в обывательское равнодушие, конформизм и эскапизм (вечная “хата с краю”). Без веры, издавна известно, нельзя двигать горы. Со временем эти метафоры успевают не раз сменить свои одеяния, но не утрачивают общих очертаний.

Однако испепеляющие нападки на всемирное мещанство, якобы прочно доминирующее на сытом, самодовольном, бездуховном Западе, вкупе с подобными отечественными выступлениями против мещанства, страдали явной утратой чувства меры, взвешенности суждений (скажем, когда указывали на вполне реальные трудности совмещения “человека экономического” с “человеком нравственным”), тем самым перечеркивая позитивные моменты, которые в них содержались.

У соответствующего этим нападкам умонастроения, которое, следуя за гегелевской традицией, можно было бы назвать “несчастливым сознанием”¹⁴³, слабеют сдерживающие начала. Но именно с такой

---

¹⁴³ “Несчастное сознание” или же “благочестивый субъективизм” – по Гегелю – это отчужденное христианское сознание, которому в феноменологической панораме предшествуют стоицизм и скептицизм. Такое

платформы ведется интенсивный обстрел всех отсеков современной цивилизации, ее культуры, системы ценностей, научных и демократических завоеваний, прав человека (современная цивилизация переживает пору “третьей волны демократизации” и утверждения нового “портфеля” прав человека). В итоге мещанство со множеством его аналогов начисто лишается таких естественных качеств, как неповторимость, греховность, совестливость, личное достоинство и т.п., и наделяется лишь суррогатами этих бесценных качеств.

Возможно, подобные крайние оценки и обладают известной релевантностью для тех регионов мира, где по ряду причин еще не произошло гигантское синтезирование аристократической и буржуазной составляющей сознания людей. Однако в продвинутых социумах давно произошло сближение этосов служения обществу и государству, слияние этики джентльменства с этосом бюрократического управления, ценностных миров демолиберализма и консерватизма и т.п. И разъединенность этих этосов в некоторых регионах, как свидетельствует исторический опыт, нередко лишь вопрос времени (с учетом, разумеется, культурного разнообразия цивилизаций) – уже сейчас наблюдаются соответствующие тенденции в элитарном и массовом сознании данных регионов.

Меньше всего нам хотелось бы ограничиться бесхитростной операцией по простой перемене знаков в стиле оптимистической апологетики современной цивилизации: что еще “вчера” громогласно полагалось в ценностном измерении негативным – буржуазность как актуальное или же потенциальное зло, как верный знак ограниченности и бездуховности, – ныне просто провозглашается позитивным. На наш взгляд, необходимо вернуть понятию “буржуа” его первоначальный смысл – обитателя “бурга”, гражданина свободной городской коммуны, несущего в себе, так сказать, протоплазму нарождающегося гражданского общества, члены которого в той или иной степени являются (или собираются стать) буржуа, иначе говоря, быть причащенными к среднему классу фактически или же пребывать в ожидании такого прича-

---

сознание двойственно, но противоречия в нем не только существуют, но и существуют для него самого. Оно антиномично истолковывает мир и человека, которые одновременно фигурируют как воплощение зла и как творение Бога (см.: Гегель Г. Феноменология духа. Соч. Т.IV. М., 1959. С. 112-123).

Следует, как нам кажется, обратить внимание на оправдательные мотивы данного сознания: мир в убыстренном темпе меняется и происходит данный процесс не только как бы за скобками деятельности людей, между прочим, а будучи вплетенным в эту деятельность, протекает спазматически, болезненно, мучительно и только в этом “несчастное сознание” обретает свою частичную обоснованность.

щения¹⁴⁴.

Видимо, прав В.С. Библер, полагая определение человека как буржуа, бюргера, суверенного субъекта договорных отношений, одним из всеобщих определений человека, не более и не менее всеобщим и необходимым, чем определение человека как трагедийного героя или как христианского страстотерпца. Реабилитируя полное негативных коннотаций понятие “буржуа”, он пишет: «“Буржуа” – не формационное определение, а одно из всеобщих определений непреходящего субъек-

---

¹⁴⁴ Следует заметить, что этос среднего класса в органической связке с этикой успеха предполагает проявление не иронической снисходительности, а толерантности по отношению к альтернативным ориентациям относительно устремленности к деловым и профессиональным достижениям. Тем не менее критика буржуазности, о которой мы говорили выше, направлена на такое преодоление ориентации на успех (с этой ориентацией она – и не всегда безосновательно – связывает торжество духа торгашества, беззастенчивого бизнеса, цинизма в политике, засилья бюрократии в администрациях, в науке и образовании, авторитаризм в социальной педагогике, манию потребительства), которое предполагает не трансформацию всех этих процессов, не их мелиорацию (с которыми связана ориентация не просто на успех, но на этику успеха), а императивы отвержения “данайских даров” индустриальной цивилизации, пропаганду “духовной гигиены несоучастия”. Таким “дарам” противопоставляются своеобразные экстравагантные ценности неуспеха, нормы соответствующей контрэттики как культуры постмодерна. В конечном счете мотивация неучастия сулит успехи в тихой невидимой деятельности души, обнаруживая греховность в излишней устремленности к достижениям и обуславливая комплекс вины преуспевающего человека, столь ярко описанного в русской литературе. Пропагандируется и мировоззрение социальной пассивности – квиетизм. Его повеления отличаются от инцидентной пассивности, временного паралича воли, от состояния аутогенной тренировки. Это – поиск абсолютной безмятежности, социального безразличия, выключения из любых социально одобряемых действий. С такой эскапистской точки зрения естественный и свободный человек не нуждается в гонках за успехом и в “каких-то” достижениях. Временами такой человек, правда, вынужден имитировать участие в общественной жизни, как будто бы преследуя определенные модели успеха, но тем самым он лишь маскирует свой ретретизм – уход в расчетливо избранное одиночество. Весьма отличен от этого подхода стоицизм, с его установкой на деяния без надежды на успех. Если квиетизм означает, по сути, капитуляцию перед сложностью и суровостью мира, перед драматичностью дела, то стоицизм предполагает постоянную мобилизацию воли, напряжение самодисциплины, героическую решимость, готовность повстречаться с непредсказуемыми зигзагами судьбы.

та культуры»¹⁴⁵. Это особенно важно, ибо сейчас в России дискуссии ведутся в основном не о продвижении – или отказе от продвижения – к капитализму, к буржуазной системе отношений и ценностей, а о том, каким капитализмом – либеральным, социальным или же мафиозным – должен быть новый строй в нашей стране.

И еще одно продуктивное суждение. «...От буржуазности как болезни (а это, несомненно, одна из общественных болезней) имеется единственное средство: “обуржуазивание”¹⁴⁶ как можно большей части общества. Обуржуазивание взято в кавычки потому, что речь, собственно, не о чем ином, как о подтягивании до зажиточного уровня жизни повседневного существования самых широких масс. Тогда, в результате, исчезают поводы для кичливости, заносчивости, презрения ... Собственно говоря, это средство есть не что иное, как создание среднего класса. ...То есть болезнь буржуазности излечивается только изнутри»¹⁴⁷. Напомним, со своей стороны, что обуржуазиваемый средний класс по строго социологической квалификации абсорбирует и значительную часть рабочего класса, имеющую хорошее образование и профессиональную подготовку.

6.4.2. Аналитический обзор экспертных суждений

Является ли “дух буржуазности” основанием для самоидентификации со средним классом или, наоборот, решающим аргументом “против”? Некоторые из участников проекта “Городские профессионалы” без особых колебаний преодолели идеологические стереотипы. Понимая, что *«защищая “нормальность”, можно услышать упреки в “расчетливости”, “трезвости”, “буржуазной пошлости”, “мещанстве”, “эгоизме” и прочих грехах, которые мы так любили осуждать еще десять лет назад»*, один из экспертов вполне определенно говорит: *«Ярлык “буржуазности” для меня ушел в прошлое»*. Помогло, видимо, осознание реальной значимости качеств, стоящих за такого рода “ярлыками”: *“Вы можете морщить нос”* в связи с тем, что среди черт человека среднего класса существенное место занимает рациональность, *“но... если бы мы более трезво, рационально вели себя в нашей истории, то избежали бы крайностей, которыми являются все революции, и смогли бы прожить свою историю цивилизованно, по нормам здравого смысла”*. Поэтому-то *“жизнь по нормам здравого смысла – не недостаток, а достоинство среднего класса. Я не хочу оценивать себя только лишь по количеству заработанных мною*

---

¹⁴⁵ Библер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. М., 1990. С. 354.

¹⁴⁶ Данный термин применялся еще классиками марксизма. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.29. С. 293.

¹⁴⁷ Курчаткин А. Скромное неприятие буржуазии // Общая газета. 1997. № 12.

денег или по верности идеям господина Ленина (сегодня я окажусь на самом низу социальной лестницы, если такой критерий ко мне примерить). Нет, я буду воздействовать на общество так, чтобы в нем не возобладали оценки успеха человека в зависимости от того, как он знает цитатник Мао. Я хочу, чтобы человек оценивался по каким-то естественным критериям: насколько я могу обеспечить жизнь своей семье, имею ли я крышу над головой, могу ли я дать образование своим детям. И я буду защищать эти принципы, критерии оценки, несмотря на то, что некоторые морщатся, относя их к буржуазным ценностям. Нет, это просто ценности здравого смысла и люди среднего класса, при всей их рациональности, способны отстаивать их”.

Сказалось и вполне критическое отношение к привычному противопоставлению ценностей интеллигента и мещанина. По мнению одного из экспертов, не разделяющего негативное восприятие духа буржуазности, “как это принято у нас”, “привычное для прежних времен противопоставление интеллигента и мещанина, прославление самоотверженности и презрение к позиции обывателя – это песок в мозгах”. Как полагает автор, “по существу, важно другое противопоставление – человек работающий или не работающий. А за словесной шелухой чаще всего скрывается дармоед”. В основе уверенности эксперта в таком выводе стоит чувство достоинства в отношении своего дела. “Я знаю, что занимаюсь нужным делом, я знаю, что должен реализовать себя, обеспечить семью. И мне это удастся. А что об этом подумают? Даже в советское время 99% населения жило для себя. А те, кто говорил, что надо жить для Родины, жили, в первую очередь, для самих себя. Их ложь была видна. За словесной шелухой скрывались естественные цели жизни”.

Еще раз отметим, что наши эксперты вполне толерантны к позиции, критикующей средний класс за свойственный ему “дух буржуазности”. Так, один из них говорит: «Еще несколько лет назад мы негативно оценивали “мещанство”, “буржуазность” и прочее, а человек среднего класса не может быть описан без этих характеристик. На мой взгляд, вполне можно понять позицию тех, суждения которых привели мне для экспертизы авторы проекта. Действительно, “никто в России так не осмеивался в фольклоре, литературе и особенно в публицистике, как добропорядочные обыватели, педантичные чиновники, оборотистые купцы и служаки-офицеры – эти столпы демократии и свободного рынка”. Я думаю, что здесь большое влияние имеют традиции и отечественный менталитет».

Понимание причин критики, однако, не означает обязательного согласия с ее выводами. И потому эксперт обстоятельно объясняет свое позитивное отношение «к “обывателю”, человеку, устраивающему свою жизнь, заботящемуся о благополучии семьи и т.п.». “Мне кажется, – подчеркивает он, – что в этом нет ничего, что должно

вызывать моральное осуждение, что обязательно должно противопоставляться самоотверженности, героизму и прочим ценностям. Напротив, надо стремиться к тому, чтобы как можно больше людей ценили повседневную жизнь, благополучие своих близких и т.п. И вряд ли уместно считать это некоей ограниченностью. Умение обустроить свою жизнь не помешает ни интеллигенту, ни человеку среднего класса, занятому в любой сфере жизнедеятельности”.

Далее следуют ссылки на собственный образ жизни. «Нет ничего обидного в слове “мещанин”, нет необходимости резко противопоставлять интеллигента и “буржуа”. И интеллигент не перестанет быть интеллигентом, если своими руками вырастит себе картошку. И “мещанин” не теряет своей духовности из-за того, что стремится рационально обустроить свою жизнь. Я, например, нахожу в работе на даче и физическое, и душевное удовлетворение, а не коммерческую выгоду, понимая, что трачу и времени, и сил на выращивание картошки больше, чем это допустимо, исходя из рациональных соображений. Но мне такая работа интересна, это в то же время и отдых, смена “декораций”. Я не думаю, что такой отдых надо противопоставлять посещению театра.

Когда мне, наверное, и десяти лет не было, отец дал мне косу, обыкновенную литовку, и пустил впереди себя. Ох, как тяжело: ведь косить-то надо утром, пока еще солнце не греет, а в это время спать хочется. Вообще-то отец многое заставлял меня делать: я мог табуретку сколотить, сплести из коры обувь, сено косил, лен возил... Отец говорил мне: “Ты должен уметь делать все, что в этой жизни тебе пригодится. Но я тебе желаю, чтобы, умея делать все, ты жил так, чтобы ничего не приходилось делать”. Отец хотел, чтобы я обязательно пошел учиться и благодаря этому мог не повторять его жизни, связанной с тяжелым физическим трудом, но он меня учил этому труду на тот случай, если в жизни придется делать все, в том числе и физическую работу».

И еще одна грань вопроса: «Что касается известной скептической оценки человека среднего класса как “умеренного и аккуратного”, то, я думаю, что представители этого класса умеют работать и жить в условиях худших, чем те, которых они добились в результате своего труда. С ними не страшно идти вперед, они менее придирчивы к окружающим, не ведут себя вызывающе. И за это их надо уважать».

Другой эксперт рассуждая о том, “не должно ли меня удерживать от самоидентификации со средним классом то обстоятельство, что этому классу свойственна ориентация на буржуазный образ жизни. Ведь еще совсем недавно мы отрицали буржуазные ценности?!” предлагает в свою защиту два аргумента. Первый из них – умеренность в стремлении к достатку. «Может быть, я бы и мог прикле-

ить себе ярлык “буржуа”, если бы достижение материального достатка было для меня самоцелью. Еще родители воспитали, что зарабатывание денег – не самоцель. Мне неинтересно просто работать за зарплату, зарплата не дает счастья. Достаток мне нужен ровно такой, какой позволяет обеспечивать нормальные потребности моей семьи, мои потребности, соответствующие статусу».

Второй аргумент – положительная оценка как раз того образа буржуа, который долгое время оценивался негативно. «Да и вообще буржуазный образ жизни не является неким абсолютным злом. У человека среднего класса складывается определенный образ жизни, а почему его надо стыдиться? Не стоит по инерции считать негативным ярлыком “буржуа”, “мещанин”, “обыватель”. Это нормально, если человек, который основательно владеет своим делом, стремится столь же основательно устроить свою жизнь. Почему стремление к основательности должно клеймиться как “буржуазность” в негативном смысле этого слова?».

Как бы развивая последний аргумент, следующий участник проекта доказывает совместимость стремления к обустройству своей жизни со статусом интеллигента. Сначала он уточняет понятия. «Что значит “интеллигент”? Должен ли он быть “буревестником революции” или “пастырем” для своих учеников? Должен ли такой “пастырь” быть нищим или же он может оставаться интеллигентом, если учит не бесплатно, а за деньги?». Затем обосновывает позицию. «На мой взгляд, интеллигент не перестает быть интеллигентом, если имеет “дом, дачу, машину” и другие материальные признаки успеха. Для меня нет морального противоречия в том, что к интеллигенту, технократу приходят те атрибуты успеха, которые сегодня связаны с бизнесом. Например, я продаю свое изобретение. То есть мой достаток связан с моей интеллектуальной деятельностью, а не с торговлей, например, пивом или воровством. Часто материальный успех олицетворяется в нашем обществе с умением “хапнуть и вовремя смыться”. Я – против такого успеха. Для меня важно получать материальные блага через успех дела, которому ты служишь».

Эксперты проекта полагают, что «вряд ли стоит пугаться “обуржуазивания” бывшего советского интеллигента, сориентированного на атрибуты образа жизни среднего класса». Аргументы? Выделим следующий. «Несовместимость “высокого духа” и “буржуазного” образа жизни – советский миф, а проще – бред собачий. Помните: “Пусть лучше сто человек сидят в окопе и думают о победе, чем сто один сидит в окопе и думает о каше с маслом”. На деле же этот сто первый должен готовить кашу на кухне. Скорее всего, некоторые современные интеллигенты очень хотят достичь определенной степени свободы, но до сих пор боятся столь страшной по

советским временам фишки "буржуазности". И если уж вспоминать горьковские образы, то средний класс – это и не "жирная гагара", и не "Сокол". Он – средний класс».

Еще один аргумент, принадлежащий другому эксперту, но углубляющий позицию этой группы участников проекта. «Важно разобраться с представлением о среднем классе как классе корыстных буржуа, рационально-эгоистических людей, не способных пожертвовать своими интересами ради общественных ценностей. Если говорить о достоинствах эгоизма и альтруизма, то, прежде всего, я не сторонница чистого альтруизма, потому что человек, приносящий в жертву общему свой личный интерес, это то же самое, что (не помню, кто говорил) "сапоги всмятку". Если человек все время делает то, что не в его интересах, это заведомо несчастный человек.

Кроме того, эгоизм эгоизму рознь. Возьмем классического представителя среднего класса в России: купца, фабриканта. Те из них, кто выжимал из своих рабочих все соки, – недалёковидные, может быть, даже глупые предприниматели. Настоящий представитель среднего класса очень хорошо понимал: если рабочий сыт, обут, имеет жилье, не ищет на стороне дополнительный заработок, то от него и отдача больше. И старался быть честным в делах. Слово купца дорогого стоило – больше всяких бумаг. Он старался, чтобы его дело процветало, а это – как мы сейчас любим говорить – рабочие места и т.д.»

В то же время ряд участников проекта не готовы принимать в сферу своих ориентаций "дух буржуазности". Во-первых, не готовы принимать сам ярлык такого "духа". "Авторы проекта испытывают меня вопросом: идентифицируя себя со средним классом, я автоматически отнес себя к классу буржуа, мещан, обывателей. Готов ли я принять такую оценку? Нет. По разным причинам, но если говорить лаконично, даже фактически став буржуа, я, тем не менее, никогда не соглашусь признать себя буржуа, потому что в сознании моем сидит стереотип: буржуа – это эксплуататор, корыстолюбивый человек, индивидуалист, эгоист и т.д. Даже не размышляя, сразу говорю, что не хочу назваться буржуа. Может быть, я превратно понимаю, что это такое, но советские представления во мне укоренились и сохранились – не могу и сейчас отказаться, отстраниться от них".

Эксперт вполне понимает наличие противоречия между объективными сторонами образа его жизни и субъективной позицией: «Может быть, какие-то внешние, объективные признаки "буржуазного образа жизни" мне присущи, например, имею дачу, машину, хорошую квартиру», и такая противоречивость порождает стремление сформулировать определенную аргументацию именно морального плана. Во-первых, он "...никогда не ставил и не ставлю сегодня на первое место среди целей моей жизни материальный достаток", а во-вторых,

“долгим трудом копил денежки и на дачу, и на машину”. И это действительно долгий труд. «Как-то так получилось, захотелось на рыбалку ездить, на охоту, и я занял деньги у отца, купил “Запорожец”. Но я не стремился к тому, чтобы заработать на этот “Запорожец” во что бы то ни стало, бросив преподавательскую работу за 137 рублей. Продал “Запорожец” и купил “девятку”, хотел бы купить и джип, но в ближайшее десятилетие, наверное, такой возможности не будет».

И все же еще раз подчеркивает небуржуазность своих ориентаций (*“Добываясь материальных благ своим трудом, не ставил это во главу угла, не задаваясь специально этой целью”*) и моральную неготовность сменить ее оценку на противоположную: *“Не подготовлен я психологически, внутренне считать себя буржуа, даже сегодня, когда быть буржуа не считается с точки зрения общественного мнения стыдным”*.

На наш взгляд, некоторые участники проекта не готовы принять тесную связь образа человека среднего класса с образом буржуазности не только потому, что в массовом сознании все еще действуют идеологические клише (мы еще вспомним о них при характеристике суждений по вопросу “не стыдно ли быть успешным?”). Сказывается еще и то обстоятельство, что многие современные горожане являют собой пример обретения формального статуса бюргера без освоения “духа буржуазности”, и то, что во многих из нас до сих пор “сидит” “интеллигентское” высокомерное отношение профессионала к “буржуа”.

Даже рационально осознанная готовность сломать застарелые стереотипы сопряжена с известной неловкостью принятия самоназвания “буржуа”. Не понять эту неловкость нельзя. Но и не поспорить с ней невозможно. Во-первых, отождествление человека среднего класса и буржуа является преувеличением – реально совпадающие элементы отождествляются с целым. Понятие “средний класс” значительно шире понятия “класс буржуазии”, а последний, в свою очередь, также выходит за границы понятия “средний класс”. Во-вторых, атрибуция феномена буржуазности многопрофильна: можно говорить о буржуазии как элементе социальной стратификации, а можно – о буржуазности как об определенном признаке духовности, о чем уже шла речь в предыдущем параграфе. При этом существуют разные точки зрения по вопросу о мобилизации данного понятия и его использования – после некоторой модификации – в современной обществоведческой и публицистической лексике. Одни исследователи полагают, что понятие “буржуазия” устарело, ссылаясь при этом на объективно происходящее размывание границ буржуазии как элемента социальной стратификации, а также ослабление значимости стратификационного и формационного измерений общества, уступающих свое место измерению индивидуально-биографическому. Другие исследователи полагают необходимым обновить смысл понятия “буржуазность” в его духовном изме-

рени, едва ли не отождествляя этот смысл с понятием гражданственности со всеми его атрибутами.

Только время покажет, поддается ли понятие “буржуазность” попыткам адаптировать с его помощью современный обществоведческий словарь или же станет безнадежно антикварным, пригодным только для эпатажного эстетизма. А пока, возможно, во многом именно из-за ситуации лингвистической неопределенности вытекает и неопределенность макроидентификации постсоветского человека.

Часть третья

Глава 7

Этос успеха: между моделью “выживания” и моделью “агрессивно-циничного” успеха

7.1. Доктрина успеха для среднего класса:

концепт и контуры исследовательской программы

Идея успеха является одной из ценностно-ориентирующих доминант стремления субъекта войти в средний класс, а этос успеха противостоит одновременно как модели *выживания*, т.е. отказу от ориентации именно на успех, так и модели *агрессивно-циничного* успеха, противопоставляющей успех этике. Представляя здесь некоторые положения развиваемой нами в ряде уже названных монографических работ и статей доктрины этики успеха, мы попытаемся подкрепить вынесенную в название главы *этическую* доминанту нашей позиции.

* Многообразие предлагаемых в последние годы идей, программ и проектов возрождения России, ее вхождения в постиндустриальную цивилизацию очевидно. Однако даже в тех из них, где явно прочитывается апелляция к личности, ее интересам и духовным силам, слабо артикулируется *идея успеха*. Речь идет об идее, для которой значимы выбор личностью ориентации на успех как акт *морального* выбора; культивирование обществом стремления к достижениям как важнейшей жизненной установки и умения строить стратегию служения делу; ответственное подтверждение призвания успешными – по высоким моральным и деловым критериям – результатами и их нравственная оценка самим субъектом, группой, обществом.

С достаточной долей категоричности мы рискнули предположить, что без идеи успеха любой призыв к реформированию России может обернуться, вольно или невольно, лишь возвращением к непреодоленной еще архаике (с ее конфронтационным отношением к модернизации) или, в лучшем случае, бесперспективным топтанием на месте. Провал реформирования неизбежен, если будут и далее преобладать подозрительные относительно *идеи успеха* настроения и интенции, доминировать такие обращения к потенциалу личности, в которых ее стремление к нравственному совершенству едва лишь связаны, а то и буквально отчуждены от ее стремления к достижениям.

Идея успеха рассматривается нами как предмет мировоззренческой, морально-философской доктрины, своеобразной *практической философии* современности, вполне способной с высокой степенью вероятности – по мере реформирования страны – превратиться из идеи для *творческого меньшинства* в участницу конкурса идей *общенационального, общедемократического масштаба*.

* "Способной"?! Но почему же она до сих пор так и не стала та-

ковой? Выделим две взаимосвязанные причины, причем обе они связаны с тем, что в противостоянии модели *выживания* произошла *подмена* этики успеха моделью *удачи*, которая, в свою очередь, проявилась в двух ипостасях: *агрессивно-циничной* модели и модели *утопически-наивной*.

А что же модель *этики успеха*? Ее успехи не слишком велики. Казалось бы, очевидно, "почему": доктрина этики успеха – не просто дерзка, если иметь в виду ее притязание на собственную нишу и в практике нравственной жизни, и в этической теории, но и – по распространённому убеждению – конфликтна как по отношению к отечественным архетипам, так и к традициям, в том числе и научным.

Но так ли уж "очевидно"? Да, конфликтна, но ведь лишь с некоторыми архетипами, лишь с отдельными традициями: и в менталитете, и в реальной истории страны доктрина этики успеха имеет, по нашей гипотезе, свои основания, точки опоры.

Не случайно еще недавно "советский человек" стал не просто читать, но зачитываться "наукой успеха" Дейла Карнеги, возвращенной на совсем иной почве. Не потому ли, что трансформация общества успела внушить ему надежду на зависимость и жизненного, и делового, и профессионального успеха от самого человека, от его стремления преуспеть и от его умения выбирать и выстраивать соответствующую стратегию? Не в этом ли заветный пароль свободы и один из главных позитивных итогов вот уже пятнадцатилетнего периода перестройки общества?

Казалось бы, вполне категоричными должны быть соответствующие выводы относительно постсоветского человека и итогов постсоветской реформации. Увы, ситуация, как нам представляется, не такова. Пока идут вялые и все еще во многом неконструктивные споры о наличии и, особенно, конкретном месте идеи успеха, ценности, образов и представлений об успехе как в архетипах отечественного менталитета, так и в его современных проявлениях, стихийный запрос на *идею успеха* дал знать о себе весьма настойчиво и "свято место" пустым не оказалось.

В тех – теперь совсем нередких – случаях, когда *идея успеха* рассматривается как основа жизненного и профессионального выбора, она, во-первых, слишком часто отождествляется с *моделью удачи*, причем, модели не только *утопически-наивной*, избираемой миллионами владельцев акций МММ и проч., но и, нередко – *агрессивной и циничной*, избираемой слишком многими из тех, кого стали называть "новыми русскими", негативно трактуя саму эту "новизну". В свою очередь, разработки идеи успеха сосредоточились больше всего на узко понимаемом феномене предпринимательства. И, наконец, как в теории, так и на практике эта идея фигурирует скорее как рациональная *технология и праксиология*, но менее всего – как специфическая *моральная философия* субъекта гражданского общества и правового го-

сударства. В итоге всего этого идея успеха обернулась чуть ли не альтернативой духовным началам общества. Тем более, если она принимает циничную форму ориентации на успех в виде бегства именно от *этики успеха*.

* Почему доминируют *модели удачи*? Вследствие своей стихийности и из-за отсутствия адекватных философско-этических предложений запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества – не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. "Госпожа Удача" – весьма распространенная модель успеха и для "антилюмпенов" – части современной элиты. И не *вместе*, а *вместо* "господина Успеха". А если все же "господин Успех", то не только не *вместе* с этикой, но прямо *вместо* этики! При этом миф об успехе, в котором нет, не может и даже не предусматривается "ни грана этики" (В. Зомбарт), очевидно культивирует беспринципные активистские идола успеха.

Что касается мифа об успехе, сводимом к *моделям удачи*, то широкую распространенность "заражения" психологией жизненной рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф "плачущих богатых", телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на "поле чудес", поймать "счастливый случай", не прозевать "час фортуны" и т.п.? И этот паллиатив – "удача" вместо успеха, ожидание "дара судьбы" вместо творения ее собственными усилиями и достижениями – продолжает культивироваться "массовой улиткой". Не забудем об этом в контексте сильно выраженных в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно возникающей ситуацией вероятности смены собственно реформаторских ориентаций на "стабилизационные".

Разумеется, "модель удачи" в этом мифе не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Дело еще и в том, что ключевые в характеристике ценности успеха понятия "выиграть" и "проиграть" утрачивают здесь один из своих важнейших смыслов – экзистенциальный, согласно которому "неудачники", "проигрывающие" не избегают личной ответственности, а "рожденный выигрывать" – это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение.

"Модель удачи" принимает и вид конкуренции такими "достижениями", которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая деловая стратегия, вполне естественная для условий несвободы, прямо противостоит "модели успеха",

воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободной воли и свободного выбора, самонахождение стратегии ответственности.

* Предложенная нами доктрина имеет четко выраженный *этический* характер. Из этого следует тезис о том, что уже само стремление к достижению нравственно значимо, что такое стремление может и должно быть нравственно полноценным актом свободного мировоззренческого выбора. Кроме того, речь идет об успехе как итоге именно индивидуального достижения – человек добился его сам, добился своими личными усилиями. Наконец, соотношение целей и средств в этом процессе соответствует моральным требованиям.

Этика успеха стимулирует преодоление опасностей и соблазнов "грязной игры" (совсем не случайно породившей стереотипное отношение к политике и бизнесу как тотальному аморализму) и достижение желаемого успеха именно вследствие "честной игры", трудной "игры по правилам" – когда сами эти правила при всей их конвенциональной специфике, укорененности в обычном праве соотносены с общечеловеческими ценностями и являются атрибутами этики гражданского общества. При этом доктрина сама, не дожидаясь критики, уже в рамках апологии идеи успеха фиксирует неизбежные моральные конфликты успешной деятельности и пытается найти способы разрешения конфликтных ситуаций.

Доктрина была предметом специальной экспертизы, представленной в 11-ом выпуске журнала "Этика успеха"¹⁴⁸, а также организованного Международной кафедрой (ЮНЕСКО) по философии и этике в Санкт-Петербурге обсуждения итоговых материалов первого этапа масштабного проекта "Этика успеха", осуществленного в 1994-1998 гг. Центром прикладной этики¹⁴⁹. Сформулируем несколько комментариев, которые, в свою очередь, представляют собой некоторые направления развития доктрины за счет учета аргументов критики и потенциала самокритики авторов доктрины.

Мотивы и намерения авторов доктрины и ее образы в глазах критики. Иногда доктрина воспринимается как вольное или невольное воплощение идеологии анархизма¹⁵⁰. На наш взгляд, этика успеха не "грешит" таким недостатком, ибо ориентирована на *срединную позицию* между моделью *выживания* и моделью *агрессивно-циничного успеха*, нацелена на отсечение крайностей: отказа от ориентации на успех, с одной стороны, ориентации на нравственно нерегулируемый ус-

¹⁴⁸ Российская идея успеха: экспертиза и консультация // Этика успеха. № 11. Тюмень-Москва, 1997.

¹⁴⁹ Перминова С.В. Перспективы этики успеха в современной России // Ведомости. Вып. 11. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998.

¹⁵⁰ Федотова В.Г. Этика дела или этика успеха // Этика успеха. № 11. Тюмень-Москва, 1997.

пех – с другой. Этика успеха выделяет средний класс не просто по критерию уровня дохода, но с точки зрения уровня нравственной порядочности, добродетелей профессионализма и готовности к сотрудничеству в рамках бесчисленного множества организаций, ассоциаций, коммун и т.п. И, конечно, установка на “срединность” не означает создания резервации для суперуспешных, да и само представление об “успешной середине” имеет меняющиеся количественные параметры.

Негативное восприятие идеи успеха не случайно связано с отрицательным опытом освоения идеи успеха “новыми русскими”, характерный штрих которого – фраза из “Нового русского букваря” Кати Метелицы: «Мама мыла “Мерс”». Немаловажно, что такой опыт освоения идеи успеха характерен и для известной части среднего класса. Например, на страницах “Независимой газеты” Наум Коржавин писал, что “некое подобие среднего класса” возникало в Москве «прямо или косвенно почти только вокруг “олигархов” и иностранцев, точнее, вокруг продажи сырья». При этом «молодые люди, вовлеченные в такие фирмы, с достоинством ощущали стабильность своего положения в полуголодной стране (“пусть неудачник плачет!”), вырабатывая свою философию, этику и эстетику». Поэт надеется, что есть среди пострадавших и такие, кого это “крушение” избавит от сытой “независимости” и заставит “яснее ощутить свою связь с бедой своей страны”.

Специальное исследование идеи успеха дает нам основание полагать, что без этического насыщения ориентаций на достижения, акцентирующего *моральное право на успех, достоинство* успеха, благодетельную роль *честной игры* и т.п., идея успеха будет и дальше провоцировать торжество аморального поведения. В качестве иллюстрации обратим внимание на наблюдения над практикой реализации идеи успеха. Так, Д. Сорос пишет, что в современном обществе “культ успеха вытеснил веру в принципы. Общество лишилось якоря...”¹⁵¹. А вот рассуждение отечественного писателя А. Курчаткина: “...Жизнь нашей доморощенной буржуазии ...сама по себе содержит нечто такое, что вызывает ощущение ее недостойности, нравственной ущербности, элементарной человеческой неопрятности. ...Товарно-рыночный образ жизни поднимает наверх, отдает бразды правления обществом в руки тому типу человека, который изначально хуже других”¹⁵².

Поэтому столь важно развивать способности доктрины этики успеха пройти по “лезвию бритвы” между необходимым моральным реформаторством и практически неизбежным отчуждением его результатов в столь расколотом – социально-политически и культурно – конфликтном обществе, как современная Россия. Рациональный анализ того, *кому хочет служить и действительно способна* служить мораль-

---

¹⁵¹ Сорос Д. Свобода и ее границы // Московские новости. 1997. № 8.

¹⁵² Курчаткин А. Скромное неприятие буржуазии // Общая газета. 1997. № 12.

ная доктрина успеха с точки зрения возможных *объективных* последствий ее амбиций, требует строго самоопределения в вопросе об ее “заказчиках”. И только в этом случае можно ответить на вполне понятные упреки в выполнении доктриной заказа от “новых русских” – слишком спорным для некоторых критиков выглядит тезис авторов доктрины о том, что она рассчитана на значительный слой населения, далеко выходящий за рамки тонкой прослойки нуворишей и более широкой – коррумпированного чиновничества.

Нет сомнений в том, что последние в высшей степени заинтересованы в идеологическом обосновании правомерности своего социального успеха, в обеспечении ему благостного в морально-психологическом смысле имиджа. Однако, во-первых, доктрина этики успеха и не смогла бы выполнить этот заказ, даже если бы он и поступил. По своей сути она критична и к смыслам, и к целям, и к средствам. Во-вторых, если речь идет не столько об оправдании индивидуального успеха конкретного “нового русского”, а об оправдании сословного успеха, то их апелляция к национальной идее все равно не выполнит реабилитационной функции, ибо по своей сути доктрина намного демократичнее и стремится культивировать ценность успеха в самых массовых слоях, в масштабах нации.

Доктрине предстоит прояснение того непреложного морального закона, по которому успех не может быть узурпированной привилегией какого-либо индивида, группы, клана, сословия. Проблема же заключается в необходимости отыскать достаточно определенные критерии отличения узурпации возможностей социального успеха от неизбежного процесса разновременности, гетерохронности выхода к социальному успеху различных групп и слоев.

Является ли доктрина этики успеха *необходимым дополнением* к таким вариантам этико-нормативных программ человеческой деятельности, как этика созерцательного блаженства, эвдемонистическая этика и этика гедонизма, этика любви и ненасилия, этика разумного эгоизма, этика героического энтузиазма, этика скептицизма, стоическая этика, утилитаристская этика и т.д.? На наш взгляд, этика успеха не является дополнением к *этому* ряду классических этико-нормативных программ, выступая дополнением к *иному* ряду программ или, может быть, иному подходу к их сакрально-классическому ряду. Обозначить пределы и дать наименование новому ряду сегодня очень непросто и, возможно, решение этой задачи и явится заботой следующего этапа развития доктрины и, соответственно, критической рефлексии. Однако уже сейчас можно подчеркнуть, что в этом пока не поименованном ряду программ стоит этика профессионального долга и ответственности в духе Макса Вебера, во всем ее отраслевом и суботраслевом многообразии. Тем самым этот ряд характеризует иное отношение между догматикой и реальной практикой: здесь морально-идеальное не загоняется в сферу “бессильного принципа”, а вплетается в

практику нравственных отношений, “программируя” нравственную жизнь не столько критикой нравов и просвещением, сколько всем потенциалом этико-прикладного знания. Конкретное представление об этом потенциале – неизбежный предмет второго этапа развития доктрины, ее своеобразного “доопределения”.

Столь же важной, как и внутриэтическая самоидентификация замысла доктрины, является рефлексия по поводу такого вполне понятного и даже предсказуемого имиджа доктрины, как имидж “американизма”. Разумеется, и такое субъективное обстоятельство, как поневоле чрезмерная апелляция авторов доктрины к опыту становления и развития американской идеи успеха, и такой объективный фактор, как “занятость” дискурса об успехе ассоциациями с “американизмом”, побуждают не просто к дополнительным аргументам о “вызове” со стороны американской идеи успеха, но и к доказательству невозможности для России просто уклониться от ответа на этот вызов, оставаясь в рамках определенного типа европейской цивилизации, самобытность которой заключается в том, что она одновременно служит и дополнением западно-христианской цивилизации, ее продолжением, и конкурентным противовесом ей.

Предстоит осмыслить пределы индустриально-урбанистической цивилизации и места в ней американской модели успеха с ее приматом экономики над экологией, процветания – над смыслом жизни, поскольку этот рубикон уже практически преодолевается как вне американской идеи успеха, так и внутри ее. И российская идея успеха может равняться уже не столько на “пройденное” в американской идее успеха – не раз отмечалось компаративность культур России и Северной Америки по многим показателям, – сколько на новые тенденции американской идеи успеха, которая, разумеется, намного богаче, чем ее расхожий имидж. Предстоит поэтому исследовать и многомерность, много-составность российской идеи успеха, не уместяющейся в примитивные образцы личного преуспевания и не являющейся лишь достоянием “избранных”: деловитость и жизненный практицизм и на евроазиатских просторах не является антиподом “широты души”.

Дальнейшее развитие доктрины практически невозможно без специального обращения к анализу *мобилизационной* версии ее имиджа. Критике еще предстоит оценить наше предположение о том, что идея успеха способна компенсировать возникшую в глобальных масштабах идеологическую “вялость”. Авторам же доктрины необходимо заново переосмыслить смену парадигм предпринимательской активности, трудовой мотивации профессионализма, восприятия обществом личных успехов в контексте измененных представлений о качестве жизни эпохи постиндустриализма и т.д.

По всей видимости, собственно *этическая* составляющая доктрины, при усиленной попытке ее авторов достичь взвешенности в характеристике плюсов и минусов достижительной ориентации, все рав-

но не гарантирует от восприятия ее предмета именно как неморальной или прямо аморальной установки на успех, когда слово “этика”, приложенное к слову “успех”, воспринимается скорее как изощренная конспирация нравственных пороков или, в лучшем случае, нравственной недостаточности. В связи с этим авторам предстоит дать развернутую аргументацию для профилактики восприятия доктрины критиками как вольного или невольного воплощения идеологии анархизма, одиозного нищезанятия, нового феодализма, нового варварства и т.п.

Доктрине предстоит предложить для критического обсуждения два тезиса, связанных с интерпретацией, так сказать, социальных и гносеологических корней подобного восприятия доктрины. Речь идет, во-первых, о возможности интерпретации “антигосударственной” направленности устремленности к успеху миллионов тех россиян, которые сегодня начинают преуспевать вне рамок госпатернализма и вопреки им, как, по сути, *имморалистской*, которая в дальнейшем может обернуться как действительным аморализмом, так и плодотворным выходом на рубежи собственно этики успеха в духе формирования морали постсовременного общества. Во-вторых, следует ли такую “антигосударственную” практику истолковать только как потенциально антидемократическую, поскольку демократический образ жизни и анархизм несовместимы, или, напротив, как одно из условий укрепления настоящей демократии в ситуации, когда современное российское государство, при всей его расшатанности, не ушло из основных сфер общественной жизни и занимает там доминирующие позиции?

Нельзя упустить из виду необходимость прояснения для себя и других особенностей взаимодействия доктрины этики успеха с либеральной идеологией модерна. Органическая связь между ними очевидна. Но переход общества к постмодерну актуализирует тему связи этики успеха как с идеологией неоконсерватизма, так и с идеологией социального, демократического либерализма.

Сам факт многообразия типов восприятия доктрины, в которых прямо или косвенно содержатся версии относительно ее назначения, показывает необходимость дальнейшего развертывания аргументации по поводу *действительного* ангажмента доктрины.

Проще отвести те версии ангажированности доктрины, которые вытекают из понимания критиками проблемной ситуации современной России, не совпадающего со взглядами авторов доктрины на эту ситуацию. Одно дело – если эта ситуация представляется лишь как тотальное торжество мафиозного, криминализованного, олигархического капитализма, и другое – если данные характеристики рассматриваются скорее как одна из тенденций современного развития России. Одно дело – если ситуация рассматривается как “выращивание” в России не-социализированного капитализма, и другое – если проявления такого рода капитализма сосуществуют с его современными цивилизованными формами. И в том, и в другом случае можно говорить об ан-

гажированности идеи успеха, но об ангажированности доктрины *этики* успеха можно говорить лишь во втором случае.

В этом плане уместно и более обстоятельное прояснение заявленного доктриной смысла ангажированности ее не “новыми”, а “средними” русскими. Важно исследовать, как эта метафора помогает дифференцировать слой успешных людей, выделив в нем прежде всего тех, чьи интересы и ценности образуют определенный сплав, а не непрерывный конфликт, оделив тех, чей индивидуализм социализирован, от тех, кто практикует “дикий” индивидуализм, противопоставленный солидаризму. Амбиция доктрины на служение не просто каким-либо групповым интересам, а широкому, массовому интересу предполагает выход на следующий этап понимания общенационального потенциала этики успеха.

Методологические основания. В чем нужно продвинуть аналитическое понимание проблемной ситуации, стимулирующее развитие доктрины? Прежде всего, в анализе ее многофакторности и многосценарности, уходящем от слишком прямолинейных и односторонних диагнозов-прогнозов.

Начнем с задачи определения интервала эффективности нашего диагноза о “бегстве от успеха”. Его корректировка предполагает, во-первых, объяснение противоречия двух тенденций: уклонения от ориентации на успех и поразительного явления зараженности духом “лотерейного” успеха не просто как игрой с фортуной, а как реального шанса на успех, готовности к выбору ориентации на успех и отрыва такой готовности от достижительной природы успешной деятельности.

Пытаясь понять инвариантные черты культурного и морального шока от идеологии успеха в России и других странах посттоталитарного транзита, предстоит определить и особенности отечественного шока такого рода с точки зрения соотношения стереотипного моделирования конфликта “морального большинства” и социальных аутсайдеров. Представляется необходимым предложить экспертам для оценки два тезиса. Первый из них – о том, что подоплекой такого шока в России является противостояние “аморального меньшинства” и дезориентированного апатичного большинства, которое воспринимает успех меньшинства как противостоящий принципам социальной справедливости (как “хапок”).

Второй тезис рассматривает данный шок как виток противостояния якобы “аморального” большинства, уже принявшего ориентацию на успех, но отрывающего такую ориентацию от ориентации на достижения, а потому и от моральной составляющей, такого большинства, которому противостоит именно моральное меньшинство принявших этику успеха.

В противоречии “большинства” и “меньшинства”, независимо от их моральной “нагрузки”, важно выявить меру, в которой пролонгированы типично советские установки на общенациональное процветание

при подчеркнутом равнодушии к процветанию личному, семейному, “малой родины” и т.п. Не является ли эта установка специфической реакцией на социальные издержки реформ? Не скрыт ли за поиском национальной идеи столь же специфический способ погашения данной установки?

С другой стороны, необходимо четко сформулировать пока еще контурно очерченную проблему мифологии предпочтения идеи общенационального успеха в ущерб успеху индивидуальному. Нельзя не считаться со знаменитой “революцией притязаний”, охватившей Россию во времена поздней советской модернизации, в результате чего плохо социализированная идеология личного успеха вышла на передовые позиции в духовной жизни страны и привела к серии социальных потрясений. Возможно, именно эта революция и сопровождала опережение становления “массового общества” по сравнению с “гражданским”, тем самым способствуя опережению формирования ориентации на успех вне нравственно санкционированного, социально-справедливого контекста. В этой связи встает задача истолкования проблемной ситуации как рецессионной ценностной тенденции к восстановлению традиционных ценностей российского общества, попыток представить постепенно формирующуюся ориентацию на постматериальные ценности как реставрацию домодернизационных духовных предпочтений, попыток, которые вписывается в концепцию рефеодализации России как провального итога реформ.

Самостоятельный аспект анализа проблемной ситуации – общее и особенное в “пути” России. Наиболее важен вопрос о способах постановки задачи сравнения “путей”. В этой связи целесообразно подвергнуть экспертизе традиционную версию, согласно которой “общий путь” можно найти лишь в сфере материальной цивилизации, техники и технологии, хозяйственных систем, демократических процедур и т.п., особость же – в сфере духа, культуры – как будто технологии и культуры столь отделены друг от друга. С исследовательской позиции предстоит понять способ соединения “тела” и “духа цивилизации” как творческого акта. Может ли сам исследователь совершить этот акт прежде, чем его осуществит социум?

Предстоит исследовать судьбы идеи успеха в разных историко-культурных ситуациях. Идея успеха адресуется по-разному к индивиду и к социуму, большим общностям и даже территориям. В этом ключе важно освоить результаты анализа истории российского государства в контексте места и роли в ней ценности успеха. Применима ли к исследованию проблемы взаимосвязи индивидуального и национального успеха формула А. Смита о “невидимой руке”: чем в большей мере индивиды ориентированы на свой личный успех, отодвигая в сторону намеренное служение национальной идее, тем значительней успех в общенациональном масштабе? И как такая формула репрезентируется в сфере морали? И далее: применима ли эта формула только к некото-

рым странам, допустим, только к Англии и США, и тогда она не применима для России?

Среди острейших проблем, без разрешения которых трудно говорить о развитии доктрины, проблема связи религии и морали, религиозной философии и этической теории. Намеренно отказываясь от "ценностной копиистики", простого заимствования моделей успеха, укорененного в других культурных регионах, доктрине предстоит основательно освоить результаты русской философской традиции, которая в своих вершинах была всегда религиозной. При этом нельзя упустить из виду что эта философия является составной частью европейской философской мысли, во-первых, и, во-вторых, не может быть воспринята как естественное продолжение народной культуры, так как особенностью России является одновременность формирования национальной культуры, с одной стороны, и трансформации русского этноса в нацию – с другой.

В числе перспективных для исследования и экспертизы методологических задач развития этики успеха в рамках социокультурной динамики морали на одно из первых мест выходит преодоление реликтов прогрессизма, телеологического подхода к нравственной жизни общества, который преувеличивает роль моноцентризма детерминации морали (производительные силы, технологии, научные достижения и т.п.) и недооценивает самодетерминацию нравственного развития, его культурные факторы.

Не менее значимая задача – исследование и экспертиза методологической обоснованности этико-прикладного подхода к идее успеха. Предстоит показать, что этика успеха строится не на материальном принципе истолкования нравственности, а на формальном. Это предполагает, что императивность норм этики успеха не может быть исчерпывающим образом обоснована утилитаристскими соображениями.

О мировоззренческих основаниях доктрины. Развитие доктрины и ее экспертизы требует анализа проблем, связанных со взаимодействием *мировоззренческих систем*. Естественно, что дискуссионной является сама амбиция на мировоззренческий статус доктрины этики успеха, на развитие "метафизики успеха", выполняющей функцию обоснования, оправдания и сцепления норм этики успеха.

В дискуссиях о мировоззренческих основаниях доктрины можно выделить две противоположных позиции. Согласно первой из них, этика успеха не обладает и не может обладать мировоззренчески аргументированной категоричностью на том основании, что каждое этическое направление не может проявлять толерантность по отношению к альтернативным ориентациям (идеал активизма и идеал недеяния соотносятся в этом случае как добро и зло).

Согласно второму подходу, этика личного успеха не может быть отлучена от метафизики уже на основании того, что она связана с "великими целями", которые ставит перед собой общество. И тогда идеа-

лы успеха и надеяния соотносятся между собой как социальный оптимизм и социальный пессимизм, а оценка их с точки зрения добра или зла релятивизирована внутри каждого из этих мировоззрений: для пессимиста активность чаще всего зло, а надеяние – добро. Для оптимиста – наоборот.

Особая проблема – обсуждение того выхода за пределы релятивистской парадигмы, который предлагается в рамках этой позиции. Речь идет о том, что христианство стоит над прогрессистской и анти-прогрессистской установками. Возможны ли иные выходы из парадигмы релятивизма, достаточно ли для этого лишь смягчения крайностей, не оказываются ли противоположные установки взаимно обратимыми?

В этой связи авторам доктрины предстоит развернуть тезис об экзистенциальном статусе ценности успеха. Прежде всего, надлежит значительно шире и глубже обсудить проблему призвания. Так как призванность к чему-то предполагает *“экзистенциальный диалогизм”*, *вызывающий ориентацию на достижения*, человеку нередко кажется, что его активность как бы автоматически релевантна призванию. В действительности же проблема заключается в проверке на релевантность самого призвания. В любых случаях, обращение к проблеме призвания как исходная и конечная точка стремления к успеху позволяет нам говорить о мировоззренческих основаниях ориентации на достижения. В свою очередь рассуждения в таком ключе дают возможность развивать как религиозные, так и внерелигиозные основания этики ответственности. Рефлексия на экзистенциальные темы приведет к включению в доктрину успеха проблематики жизни и смерти, наслаждения и страдания, заботы, надежды, смысла бытия и соответствующей рефлексивной символики, связанной с успехом.

7.2. Какой успех мы выбираем.

Аналитический обзор экспертных суждений

Обращаясь к материалам проекта “Городские профессионалы”, начнем с анализа ответов участников проекта на вопрос о том, какое место в жизни эксперта занимает успех? Весьма типично суждение, вынесенное нами в заглавие одного из текстов: *“Профессионал – это человек, который постоянно стремится к успеху в своем деле”*. Так, другой эксперт говорит: *«На вопрос авторов проекта о значимости для меня ценности успеха я без колебаний отвечаю “конечно значима”»*. Еще одно сходное суждение: *“Любой профессионал стремится к деловому успеху”*. И наконец, категоричное: *“Полагаю, что значимость ценности успеха для человека среднего класса трудно преувеличить”*.

Не претендуя на выдвигание специальных определений, участники проекта предлагают свои версии того, что такое для них успех. Один из экспертов полагает, что личный успех человека среднего класса находится *“среди важнейших” его ценностей*, а сам успех связывает в основном с *“экономическим преуспеванием”* и *“личным твор-*

ческим благополучием". При этом *"последнее обязательно: самовыражение для образованной нации очень важно"*. Еще один эксперт полагает, что *"Не надо бояться этого понятия"*. Важнее *"стараться предвидеть противоречивость последствий от ориентации на успех"*. Для этого успешный человек должен быть *"достаточно скромным"*: *"скромность ценна сама по себе"*. А для бизнесмена еще важна и *"скромность в потреблении"*, ибо она *"дает успешному бизнесмену возможность вкладывать деньги в дальнейший бизнес, желательно, в нашей же стране. Это – нормальный успех, такой успех можно только приветствовать"*.

В последнем рассуждении заметна уже отмеченная нами в предшествующих главах проблема неадекватного восприятия успеха общественным мнением. И наши эксперты понимают такую проблему. *«Нет ли нескромности в том, что ты и себе самому, и другим говоришь "я хочу успеха"?»*, – спрашивает один из участников проекта. И заключает, что *"большая проблема нашей страны заключается в том, что сейчас не принято говорить об успехе"*. В поиске причин этого феномена участники проекта приходят к ряду выводов. Один из них предполагает, что *"люди прячут свой успех, ибо боятся зависти, боятся покушений и т.п."*. Второй вывод: *"Может быть, стесняются говорить об успехе в то время, когда у других жизнь не складывается?"*. Еще один: *«В ситуации, которая сложилась у нас в России, само слово "успех" у большинства людей ассоциируется с делами нечестными, а то и криминальными»*.

В ответ на вопрос о том, не стыдно ли сегодня быть успешным, когда так много людей и помышлять не могут об успехе, один из экспертов говорит, что *"успех – та ценность, которая нам необходима именно сегодня"*. Необходима потому, что *"мы слишком долго шли толпой и не знали направления. Просто верили, что нас приведут к нужной цели. Сегодня вера в тех, кто за нас знает куда идти, рухнула"*. Именно из-за этого возникла необходимость *"оставить пустые надежды и каждому братья за то дело, в котором он профессионал"*. В этом случае как бы *"сама собой и рождается норма успеха, норма профессионализма"*. А так как, по мнению эксперта, *"все могут стать профессионалами, каждый в своем деле и на своем уровне"*, то к каждому профессионалу *"в конце концов должен прийти успех. Пусть и не скоро"*. Вот тогда-то *"и не будет необходимости обсуждать вопрос о том, не стыдно ли быть успешным"*.

Выделим в рассуждениях экспертов характеристику связи индивидуального успеха с ситуацией в обществе. Первый тип понимания такой связи скорее нормативен. Его автор, отмечая, что *"достижению успеха препятствует не только отсутствие правил игры или их нарушение"*, но и обстановка в обществе, полагает необходимым ее изменение. Конкретные ориентиры – *"люди должны жить спокойно, читать книги, слушать музыку, ходить в театр, уделять время бесе-*

де. Все это является питательной средой профессионала. Если он расстроен, у него дрожат руки – думает лишь о том, как бы за эту работу получить лишний кусок хлеба – он не профессионал. В момент работы он должен полностью быть погружен в свою задачу, а по результату вложенного труда получить достаточно средств, чтобы отдохнуть, восстановить силы”. И еще раз подчеркивает: “Должна быть нормальная среда для работы его рук, мозга, тогда есть предпосылки для реализации его как профессионала”.

Автор другого подхода весьма скептичен по поводу наличной ситуации. “Бессмысленно говорить о своей модели успеха, когда успех у нас имеет, скажем так, не осмысленный, а случайный характер. Да и о каком воплощении успеха мы можем говорить? Чем я успешней любого другого человека, если он, может быть, пять месяцев подряд не получая зарплату, пребывает в любви и утехах? Может быть, он в сто раз успешнее меня.

Успех бизнесмена? По восемнадцать часов пахать, не будучи уверенным, что завтра все будет нормально. Ведь страна ходит по кругу: сегодня мы пришли к ситуации девяносто пятого – девяносто шестого года, 17 августа всех нас отбросило назад. Общество потеряло доверие к власти, общество потеряло доверие к банкам, к предпринимателям...”.

Поэтому наш эксперт и не расценивает “свое нынешнее состояние с позиции успеха-неуспеха”, ибо «то, что сегодня происходит с так называемыми “успешными людьми”, нельзя даже близко отнести к ситуации успеха». Да, “в какой-то степени” эксперт “удовлетворен тем, что удастся что-то сделать”, так как его бизнес “слава богу, не пропал, не сгинул, несмотря на нанесенный по нему сокрушительный удар”. Но “можно ли говорить об успехе, если ты достигнешь его вопреки обстоятельствам, ситуации вопреки?”.

Третий подход скорее конструктивен с точки зрения отношения его автора к складывающимся обстоятельствам. В его представлении важно связать успех и удачное стечение обстоятельств с профессионализмом. «Я бы не стал резко противопоставлять удачу, везенье – и профессионализм. Яблоко падало на многих, но только Ньютон сделал из этого обстоятельства открытие. Пример из моей жизни: идею фирменных магазинов открыл не я, но применить ее с пользой для нашей компании первым решил я. Разве здесь разделишь удачу и то, что отражает уровень твоего профессионализма? При этом “бог послал” – не просто любой случай. Мы, например, не искали “ходов” к “государственной кормушке”. Мы сами формировали обстоятельства». И еще раз о роли профессионализма в связи успеха и обстоятельств: «Важно, что “дача, квартира, машина” появились не в результате криминальной деятельности и не просто потому, что, например, получил наследство, а, прежде всего, благодаря высокому

профессионализму, включая и умение понимать ситуацию, опередить чье-то решение».

Во многом схож с последним подход еще одного эксперта. Отметив, что значимость мотивации достижения, без которой директором не стать: *“На директора сваливается столько проблем, что без надежды на то, что ты все-таки добьешься успеха, выдержать все удары невозможно”*, участник проекта рассказывает о своем способе достижения успеха в сложившихся обстоятельствах. *«В тот период, когда в стране шел общий провал промышленного производства, решить весь комплекс вопросов заводской жизни было невозможно, я выбрал два приоритетных вопроса. Понимая, что к тому времени, когда вновь начнется промышленный рост, большая часть нашей продукции уже устареет и не будет востребована рынком, я решил начать подготовку к выпуску товаров, которые будут иметь спрос в период экономической стабилизации и подъема. И мы – несмотря на все финансовые сложности – сработали на опережение. Вторым приоритет этих трудных лет – сохранение “костяка” заводских кадров, максимум усилий для того, чтобы с завода не ушли люди, при первых признаках стабилизации способные освоить технологии создания и продвинуть наше производство. И если оценивать наши успехи по этим двум направлениям, можно сказать, что задачи выполнены».*

Практически все участники проекта ответили на вопрос его авторов о практикуемых ими моделях успеха, его символах, о собственной “философии успеха” и характерных для нее способах достижения, регулирующих эти способы “правилах игры”. При этом все эти грани темы чаще всего переплетены в рассуждениях экспертов. Это видно, например, и в последнем суждении, видно и на следующем примере. *«Сложилась ли у меня некая “философия успеха”, сформировался ли набор “правил игры”?»* – рассуждает один из экспертов. Отвечая положительно (“кажется, да”), раскрывая утвердительный ответ, выделяет и то, что *“голова давно не кружится. Уже понятно, что количество побед зависит от количества работы”*, и понимание составляющих успеха – *“то, что со стороны кажется везением, на самом деле – большое количество умной работы”*, поэтому *“на везение не уповаю, неудач не боюсь – мои способности и упорство все равно приведут к успеху”*, дает формулы: *«Как говорит один мой друг, нет поражений, есть более длинный путь к победе. И еще цитата: “Победа ожидает того, у кого все в порядке. Люди называют это счастьем” (Это Амундсен сказал)».*

Среди обсуждаемых экспертами образов успеха – образы не только положительные – *“построить дом, посадить дерево, вырастить сына”*, но и образы, нередко расцениваемые негативно. Так, например, один из участников проекта ведет речь о карьерном успехе, связывая свою “философию карьеры” с оценкой средств и способов

карьерных достижений. *“Здесь требуется жесткое ограничение, связанное с ценой этого успеха. С его моральной ценой. Не случайно общественное мнение настороженно воспринимает карьерно ориентированных людей как не гнушающихся никакими средствами ради достижения своих целей”*. В принципе эксперт не отрицает значимости *“каких-то форм государственного и общественного признания успеха в виде титулов, званий и т.д.”*. Да и сам от них не отказывается. Однако *“когда жизнь заставляет выбирать между тем, чтобы вложить часть своего времени в то, чтобы стать доцентом, и тем, чтобы вложить это время в раскрытие еще одного дела (автор работает в правоохранительных органах) или в чтение лекций, я больше склонен к выбору реального, конкретного, заметного результата, чем к его оформлению в некие престижные звания, дипломы и т.д.”*.

Начиная с теоретических рассуждений, один из экспертов говорит, что *“путь к успеху состоит минимум из трех элементов”*: *“определенные и часто не малые затраты труда, напряжения, усилий, талантов”*; *“вероятностная связь между трудом и результатом труда”*; *“включение в работу некоторой системы в целом, что и приводит к результату, превышающему затраты, приводит к успеху”*. Переходя к *“практической формуле успеха, которую можно было бы передать своим детям, внукам, желая, чтобы они успешно прошли по жизни”*, наш эксперт представляет ее через сравнение своего дела со строительством дома. *«Пока ты свой дом (напомню, что под “домом” я понимаю некое “Дело”, например, построение научной теории или карты) не пропустишь через свое сердце, через свою душу, через свой ум – бесполезно и за топор браться, и людей созывать»*. Автор полагает, что *“как и в строительстве храма, сначала кто-то должен этот храм создать в своем сердце”*, и *“только после этого надо собирать землеплов, строителей, тех, кто фрески расписывает”*. Он допускает: *“вполне может быть, что это будут люди более великие, чем тот, кто придумал этот храм”*, и все же *“кто-то все равно должен первым создать его в своей душе”*. Закljučая это рассуждение, эксперт говорит, что это и есть то главное, что ему *“хочется передать и своим помощникам, и своим детям”* и еще раз описывает свою формулу: *“сначала ты должен сотворить образ того, что ты хочешь создать, пожить в этом образе, попробовать – уютно ли тебе в нем, а уж потом ты воссоздашь этот образ в реальном деле. При этом тебе должно хватить силы воли, чтобы сконцентрировать свои усилия, силы других людей, чтобы этот образ храма воплотить в дерево, в кирпич”*.

Пытаясь “примерить” предложенную для экспертизы участникам проекта американскую формулу успеха – “Деньги. Статус. Слава”, один их участников проекта ответил так: *“Для меня, пожалуй, значимы два первых ориентира – деньги и статус, а славу вряд ли могу оценить”*

как необходимый компонент в жизни”. Комментируя такой выбор, он говорит, что если директор не добьется успеха для всего завода, “не будет тебе ни статуса, ни денег. И то, и другое должно быть результатом решения реальных проблем предприятия. А как иначе? Иначе и статус твой дутый, и деньги”. В то же время эксперт полагает, что ему как директору завода “публичная слава... не обязательна. Она важна скорее для деятелей искусства, публичных политиков. Я же к ней просто равнодушен”.

В качестве полемической переклички позиций приведем суждение другого участника проекта, которому “кажется весьма рискованной формула достаточности вознаграждения профессионала только деньгами”. Эксперта “не устраивает только денежное вознаграждение”, ибо у него “есть потребность в удовлетворении моральных, что ли, амбиций”. Для него важно, чтобы в нем оценили “профессионала, и вовсе не обязательно, чтобы эта оценка была выражена только в рублях”, ибо “очень важно мнение товарищей, тех, которых я уважаю, тех, кто, по моему мнению, являются профессионалами моего или даже выше моего уровня, и их похвала уже сама за себя говорит”. Итак, эксперт хотел бы поставить в ряд с материальным вознаграждением так называемые моральные вознаграждения. Конечно, «за награждением медалью не обязательно следует какая-то материальная выгода, но это поднимает человека, дает возможность занять другую ступень в иерархии профессиональной деятельности, да и в должностной. Так что и “моральные отметки” для нас важны».

Уже затронутая выше тема кодекса, определяющего правила игры в сфере делового и жизненного успеха, рассматривается практически всеми экспертами как самая острая. Отмечая сложность краткого ответа о целом своде правил, один из участников проекта рассматривает лишь некоторые. Для характеристики первого правила он воспользовался цитатой из песни Андрея Макаревича: “Я давно уже не вру, врать вообще не хочется, самому себе не врать во сто крат трудней”. Комментируя, говорит, что «очень трудно, проводя какие-то исследования, занимаясь какой-то аналитикой, не соврать. Ты потратил очень много сил, но одна точка на графике ложится “не туда”. Может быть, и бог с ней? Трудно не соврать – своей профессии, самому себе? Но ты должен иметь мужество сказать соблазну упрощения “нет”. Как часто эта, случайно не ложащаяся “туда”, точка потом оказывается самой важной. Думаю, что это правило и для профессии, и для жизни в целом».

Другим важным правилом достижения успеха в своей профессиональной сфере эксперт считает “инициативность, умение найти задачу и способ ее решения, который был бы чуть выше возможностей этого человека”. Следующее правило: “умей вписаться в команду – это специфика моей профессии, где работа выполняется кол-

лективно. Пойми, что ты должен максимально хорошо сделать свой блок темы, потому что он стыкуется с блоком твоего партнера, а ценность на рынке имеет только сборка в целом”.

Еще один участник проекта, скромно отмечая, что “ничего философского” в его “понимании правил достижения профессионального успеха нет”, на деле предложил весьма развернутое и вполне философичное понимание кредо и кодекса успеха. Способом выявления соответствующих норм и правил эксперт избрал условное выступление перед студентами: «Я представил себе, что студенты индустриального института на первой же в своей жизни лекции спросили меня если и не о “науке” успеха, то, хотя бы, о некоторых моих жизненных и деловых принципах». Итак, что же можно ответить студентам? «Наверное, я бы сказал им, что каждый человек, большинство людей на Земле живет трудом. Если ты хочешь добиться жизненного успеха, то должен научиться хорошо работать. Если избрал “инженерную” дорогу, то знай, что она достаточно длинная и, как правило, к быстрому успеху не приводит. Но если ты правильно поставишь перед собой жизненную задачу и найдешь для ее решения достойные пути, дорога приведет к успеху».

Для решения такой задачи важно выбрать наиболее эффективный путь – “получить в институте хороший объем знаний. Конечно, тебе понадобится и удача, но без профессиональных знаний успеха не видать. Может быть, в сфере предпринимательства важнее другие факторы, но в инженерном труде все основано на профессионализме”. При этом профессионализм не является чем-то “нейтральным по отношению к принципам морали. Только кажется иногда, что в сегодняшней жизни они утратили свою роль. Вот одно из моих правил, через которое, считаю, нельзя переступить никоим образом: главным источником личного успеха является успех всего коллектива твоего предприятия”.

Эксперт подкрепляет свои рассуждения анализом личной позиции. «Не могу отдать предпочтение таким вариантам, в которых бы выиграл лично я, а завод – проиграл. Да, часто кажется, что сиюминутный интерес выгоднее. Но если мыслить стратегически, то надо работать на дело, которое ты выбрал – оно тебя все равно “вынесет”. Завод – совместные действия многих людей, и если ты, директор, начнешь противопоставлять свой личный успех общему, проиграет не только предприятие, но, в конечном счете, и ты сам».

В этой сфере значимо еще одно правило достижения успеха: “В острой ситуации, когда приходится рисковать – шансы на выигрыш достаточно велики – не жалея своих усилий. Своих собственных и тех людей, с которыми ты работаешь. Не надо заранее сдаваться, видя, что шансов на успех не очень много. Если шанс есть,

его надо использовать. Даже если это потребует больших усилий.”

Другая не менее развернутая позиция по вопросу о правилах достижения успеха начинается с принципа *“успеха я добьюсь сам, лишь бы мне не мешали”*. При этом эксперт отчетливо осознает, *“что в этот принцип можно вложить разное содержание”*. Содержание *«зависит от того, что, во-первых, понимается под успехом (например, совершенная благодаря высокому профессионализму деловая карьера), во-вторых, что понимается под принципом “добьюсь сам”»*. Конечно, этот принцип можно рассматривать и так, что *“человек идет к успеху по трупам других”, но “для настоящего профессионала... этот подход не приемлем, ибо высокая ответственность за свое дело, присущая профессионалу, обязательно включает нравственную зрелость личности”*.

По мнению эксперта, те правила игры достижения успеха, которых, на его взгляд, должны придерживаться профессионалы, заключены в известном афоризме *“если я не за себя, то кто же за меня, но если я только за себя, то зачем я”*. Трезвый вопрос к самому себе о том, *“насколько распространены на сегодня эти правила”,* порождает достаточно скептический ответ: *“более распространены среди педагогов, чем среди политиков и, наверное, когда они станут повсеместными правилами для политиков, тогда мы будем жить в правовом демократическом государстве”*.

Размышляя над вопросом о том, что общего и различного в моделях успеха советского и постсоветского периода его карьеры, один из участников проекта, подчеркнув, что не претендует на собственную *“философию успеха”*, попытался кратко определить правила, которые, с его точки зрения, *“характерны и для прежней, и для сегодняшней моей деятельности”*. *“Прежде всего, я старался подбирать единомышленников, людей, которых не надо подгонять, заставлять и т.п., так как они сами уже убеждены в значимости нашего дела. Поэтому наши достижения – достижения всей команды”*. Следующее правило: *“я всегда пытался разобраться в предмете деятельности”*. Конкретизируя его, эксперт говорит: *«Например, став заместителем губернатора, я так изучил нормативную базу сферы культуры, что могу на равных говорить с директором любой библиотеки – школьной, для взрослых, сельской. Я знаю, что заботит и волнует библиотекарей, как они живут, какая зарплата, могут или нет они провести то или другое мероприятие... И когда я встречаюсь с библиотекарями, они видят, что мое знание обстоятельств их жизни и работы совсем не “верхушечное”. Может быть, поэтому мне легче говорить об ограниченных возможностях администрации поддержать ремонт клуба или подписку для библиотеки: бюджет области не резиновый, наша экономика не может обеспечить социальную сферу в должной мере. Приходится искать наиболее рациональные решения. По-моему, мне удается находить понимание этого*

подхода с работниками социальной сферы».

Что касается успешности-неуспешности работы, то эксперту и его команде «приходилось слово "успех" делить на два разных смысла: успех с официальной точки зрения, например, с точки зрения чиновников, и успех в его человеческом восприятии, в том числе в понимании творческого человека. Например, деятельность нашего Комитета, оказавшись на виду, оборачивалась и негативной стороной. Наши успехи вызывали зачастую такую реакцию: "высочки, умудрились или приспособиться или еще как-то, но нас, мудрых, которые работают 10-15-20 лет, обскакали". А понять, почему "обскакали", не все хотели».

7.3. Успешные профессионалы и аутсайдеры.

Аналитический обзор экспертных суждений

Размышления участников экспертизы над вопросом о том, как надо относиться к «неуспешным» в этой жизни, к тем, кто не попал в средний класс или не удержался в нем, «выпал» из него и т.д., выделены нами в специальный параграф не случайно. Эта тема – своеобразная пограничная ситуация, которая благодаря своей экстремальности испытывает суждения и оценки экспертов.

Прежде всего отметим, что участники проекта видят значимость самого вопроса: «*Может быть, самое важное для человека среднего класса в наши дни – желание и умение найти правильную позицию в отношении к людям, “не успешным” в этой жизни, не попавшим в средний класс или не удержавшимся в нем (социологи не случайно стали говорить о феномене “новые бедные”*»». И не просто понимают важность самого вопроса, но и аргументируют эту оценку. В том числе и применительно к предложенному для экспертизы тезису о том, что реформы лишили ощущения успешности не только «простых» людей, но и тех, кто еще совсем недавно считались преуспевающими.

Размышляя над этим вопросом, один из авторов отмечает, что «*во-первых, испытываешь неловкость, если тебя называют преуспевающим. Предпочитаю считать себя просто профессионалом, которому в некоторых вопросах больше удалось, может быть это временно*». Тем не менее автор подчеркивает, что «*даже если успех – мой личный и нашей компании – достигнут упорным и высококлассным трудом, трудно оставаться спокойным, видя беды других людей. Тем более, если их профессионализм оказался сегодня невостребованным*».

Один из экспертов не только заявил, что он не принимает «позицию, согласно которой «в нормальном обществе функционируют законы джунглей, а потому «горе побежденному», и пусть каждому воздастся по его заслугам»», но и разделил «позицию, по которой общество должно придерживаться правила: «Не мешай сильному, но помоги слабому» – этим общество обеспечивает достоинство про-

игравшего, неудачливого». Примечателен и заключительный вывод: «Но это чисто рациональные аргументы. А есть еще и голос совести, помогающий “сильному” быть скромнее, не позволять себе демонстрацию успешности, голос, побуждающий к солидарности».

Конструктивность подхода наших экспертов проявляется и в попытке сформулировать *“правила отношения успешного человека к людям неуспешным, отставшим, неудачливым”*.

Прежде всего, это дифференцированный подход. *“Надо выделить людей, в мотивации которых успех не является достаточно важным. Человек знает свое дело – будь он врачом, педагогом, инженером, офицером; и не добиваясь каких-то ярких результатов, он удовлетворен своей деятельностью и без зависти воспринимает успехи сослуживца, коллеги, соседа, просто малознакомого человека. Он говорит себе, что у кого-то есть мечты и планы об успехе, а у него – свои мечты, его устраивают и скромные результаты, он не зарится на чужое счастье”. В то же время важно выделить и другую категорию – людей, которые “готовы весь мир очернить и обвинить в своих провалах, недостатках, бедах, горестях”.*

«Соответственно, и мое отношение к этим двум типам людей разное. К первым отношусь уважительно, с пониманием – ведь не обязательно всем звезды с неба хватать, не обязательно всем быть, например, ректорами, проректорами, деканами, заведующими кафедрами. У нас в университете есть целая плеяда талантливых педагогов, не претендующих на руководящие посты. Другое дело – отношение к завистникам. “Вы-то защитились, а я все не могу. Мне не дали опубликоваться. Мне отказали в творческом отпуске...” Какое уж тут уважение?».

Разбирая разные аспекты проблемы, участники проекта находят позитивные аргументы в пользу стремления успеха даже при очевидном доминировании вокруг людей не успешных. Особо выделим подход, уточняющий смысл вопроса авторов проекта: *“Не стыдно ли сегодня быть успешным на фоне других людей, которые в этой жизни потерялись?”*. По мнению автора цитируемого текста, *“здесь совмещено сразу несколько вопросов”*. Прежде всего, спрашивает он, *«почему должно быть стыдно защитить диссертацию? Горжусь своей книгой. Мне нравится несколько моих статей. Нравятся работы моих подчиненных, моих коллег. Мне не стыдно быть директором успешного Центра. Опять цитата из Макаревича: “этот храм я построил сам, дай Бог, не в последний раз”»*.

Далее он как бы предваряет вопрос о том, хорошо ли *“высовываться”* и не достойней ли *“не высовываться”*. Сначала – определенными ограничениями. *“Если человек, чувствуя себя профессионалом в определенном виде деятельности, хочет занять следующую ступеньку иерархической лестницы – это нелогично. Если человек считает себя профессионалом-подсчетчиком запасов нефти, это сов-*

сем не значит, что он должен занять ступеньку начальника над всеми подсчетчиками – для этого надо быть профессионалом в управленческой сфере. А если он – начальник подсчетчиков и в этом деле – профессионал, то это не значит, что он может занять место лидера политической партии. Увы, у нас принято, если человек хорошо и долго работает, его обязательно надо поставить на управленческую ступеньку. Но ведь это абсурдно! Его управленческие возможности могут быть очень низки”. Затем – анализом личного опыта. “У меня в этом плане заблуждений не было, и я пытался ставить себе цели в рамках своей профессии. Допустим, мне хотелось создать новую методику, если получалось – считал, что могу браться уже за больший комплекс. Если выходило и здесь, то решал, что могу это сделать уже для других территорий и так далее. Вот такая последовательность, когда каждый предыдущий шаг убеждает, что следующий этап работы можно сделать более глубоко, более интересно. Конечно, порой возникают задачи, для решения которых уже не хватает возможностей твоего служебного положения. Тогда приходится искать административного покровителя, а в безвыходном положении – сам пытаешься стать менеджером”.

Третье правило заключается в необходимости предусмотреть, *“чтобы культивирование ценности успеха не дало нашему обществу отрицательного морального результата. Когда мы говорим о значимости ориентации профессионалов на успех, надо иметь в виду значимость достаточно цивилизованных общественных условий”. При этом критический пафос оценки ситуации в обществе – “процесс идиотизации общества идет активно... В этом моя боль, мое неприятие того, что навязывается сегодня пропагандой: шаманы и заряженная вода, побирушничество западных кредитов, утверждения, что народ достоин того, чтобы им правили жулики и т.п., что невозможно развивать высокие технологии и т.п.” – приводит к скептическому тезису: “если заинтересованным в этом силам повезет, роль успешных профессионалов упадет, а их успех будет вряд ли кому нужен”.*

Еще один подход выделяется своей рефлексивностью и открытостью в отношении весьма острых вопросов. Прежде всего о возможности взаимопонимания “успевших” и “отставших”. В том, что попытка помощи может вызвать неадекватное восприятие, прежде всего, относительно мотивов, убедился в своей практике один из экспертов. “Я, например, считал, что достаточно много делаю для того, чтобы другие люди достигли успеха. И вдруг выясняется, что мои усилия трактуются всего лишь как стремление добиться успеха для себя и чуть-чуть поделиться им с другими”. И все же это основание не для уклонизма, а для рационального подхода к ситуации. “В такой ситуации я все равно не откажусь от своих ценностей, но должен буду скорректировать свою деятельность с учетом того, что находя-

щие рядом неуспешные люди полагают, при этом с агрессивными настроениями, что их обобрали”.

Далее следует развернутая аргументация. Сначала – по поводу дискомфорта для человека, ориентированного на успех и встречающегося с требованиями возврата прежнего “равенства”. “Развитие цивилизованного общества строится на том, что одни люди успешнее других. А мы все еще наблюдаем сильную тенденцию к уравниловке, к противодействию лидерству. Поэтому стремление к успеху в нашем сегодняшнем обществе связано для совестливой личности с острым нравственным дискомфортом. Чтобы продолжать тянуть свою лямку, приходится становиться толстокожим да еще и отбиваться от тянущих тебя назад рук”.

Выделяя проблему зависти и формулируя для себя задачу “нести свой крест”, эксперт ставит вопрос о том, “можно ли как-то минимизировать этот конфликт успешных и неуспешных?”. Первый ответ пессимистичен: “К сожалению, неуспешные агрессивны. Современное состояние страны характеризуется агрессивностью неуспешных. Посмотрите, как сменились настроения. Опять большинство за социальную справедливость, достигаемую за счет несправедливости к людям предприимчивым, энергичным. При этом у них хотят отнять не виллы, нажитые нечестным трудом, а часть их энергии: пусть они будут такими, как все. Виллы – это только повод. А вопрос-то, честно говоря, общей энергии, богом неравно поделенной”.

Однако практическая позиция эксперта весьма конструктивна. “Нетрудно воспринять мои рассуждения как позицию человека, которому вовсе не свойственны сострадание, сочувствие, понимание того, как трудно тем, кто неудачлив, неуспешен. А он еще и говорит, что крест несет. Однако надеюсь на понимание. На абстрактном уровне я считаю, что бедный духом, бедный волей – достойны своей участи. И лучше бы в отношении к ним быть безжалостным, потому что жалость губит, разлагает. Каждый на собственном примере знает: чем больше себя жалеешь, тем меньше себя реализуешь.

Но вся моя практическая деятельность направлена на то, чтобы создать условия, в которых наиболее сильные сотрудники нашей компании развивались, опираясь на свой собственный потенциал, а остальным сотрудникам дать возможность для достойной жизни. Ведь неслучайно цивилизованное общество нравственно поддерживает лидеров и, конечно, заставляет по-самаритянски относиться к тому, кого бог – да, да, именно бог – обделил или обидел”.

Переключаясь с двумя представленными выше подходами, другой эксперт видит необходимость в смене старых общественных и индивидуальных установок. “Не стыдно ли мне преуспевать в ситуации резкого неравенства в нашем обществе? Но ведь одно из самых гнусных явлений, которые существуют на свете, это уравниловка, а

там, где начинается уравниловка, возникает застой, а в итоге – развал”.

При этом эксперт формулирует далеко не созерцательную, а вполне конструктивную позицию. *«Нет, давайте будем строить общество, где не будет бедных. Давайте создадим условия для увеличения прослойки людей, которых можно назвать “средний класс” или класс технократов, интеллигенции, но в любом случае – людей, которые будут добиваться успеха через реализацию своего интеллектуального потенциала в среде, которая их окружает. Очень важно культивировать заботу об окружающей среде в широком смысле: тогда мы и сможем увеличить “слой” успешных людей».*

В заключение – о суждениях участников проекта, связанных с нравственными переживаниями по поводу преобладания в нашем обществе людей неуспешных, и предложениях по поводу путей разрешения этой ситуации.

Среди причин того, что некоторые из успешных профессионалов вынуждены стыдиться своего успеха – переходное состояние современного сознания. Так, считая для себя престижным, если его идентифицируют как человека среднего класса, один из участников проекта отмечает: *“Не могу спокойно относиться к неравенству уровней жизни. Я все-таки еще не оторвался от духа прежних времен”.* При этом общество, полагает автор, практически не помогает решить проблему самоориентации, в том числе не дает критериев оценки успеха, социальной мобильности и т.п. Именно поэтому автора *“беспокоит не столько то, что приходится еще стесняться своей успешности, а то, что люди, способные к успеху, не могут опереться на признанные легальными правила игры”.* Именно в этом причина того состояния, когда автор не хочет *“публично декларировать себя как представителя среднего класса”.* С одной стороны, *“ничего здесь зазорного нет: я все зарабатывал собственными мозгами”.* Но с другой, *“отсутствие четких правил не дает морального комфорта. И, может быть, не только правил, но и осознанных обществом целей и ценностей. Общество не задает стандарты достойной жизни, и от этого мы страдаем”.*

Возможно ли преувеличить значимость проблемы “успешные – аутсайдеры”? Надо ли доказывать важность понимания становящимся средним классом недопустимости повторения опыта “новых русских” – нигилистического отношения к “отставшим”? Казалось бы, зачем: для “человека середины” не свойственно провоцировать социальный конфликт? Но в нашей переходной ситуации возможны любые мутации.

Глава 8

Этос профессионализма: между призванием и имморальной самодостаточностью

8.1. Апология и критика ценности профессионализма

Профессионал – ключевая фигура среднего класса. Определенную часть данного "класса", безусловно, образуют предприниматели, агенты бизнеса – большей частью мелкого и среднего. Но в его составе численно преобладают фигуры другого профиля: менеджеры, лица свободных профессий, деятели искусства, высококвалифицированные рабочие, инженеры, чиновники, учителя, врачи, ученые, научно-педагогические работники. И именно их профессионализм оказывается не менее существенным консолидирующим фактором гражданского общества, чем их же уровень благосостояния и общественный статус. Не мифическое право социального наследования, а выраженные ориентации на профессиональный успех – потенциал этоса среднего класса. Профессионализм, в свою очередь, вдохновляется отнюдь не своекорыстными калькуляциями (что не девальвирует роли профессиональных, в том числе и материальных интересов), а ценностями духовного, нравственного порядка: соответствующая деятельность ориентируется и регулируется задаваемыми профессиональной этикой поведенческими стандартами. И то, и другое нельзя ни просто имитировать, ни на скорую руку импортировать: произрастают они на родной почве и нигде более.

Профессионализм считается наиболее бесспорной чертой этоса среднего класса. В то же время характеристика этого этоса через ценность профессионализма предполагает известную рациональность. Не ставя здесь задачи специальной характеристики этоса профессионализма вообще, успешного профессионализма в том числе и особенно¹⁵³, выделим некоторые аспекты этического анализа феномена отечественного профессионализма.

Как мы уже отмечали в предшествующих публикациях¹⁵⁴, многие исследователи усматривают в профессионализации нашего общества один из позитивных итогов долгого коммунистического правления, важ-

---

¹⁵³ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации. Тюмень-Москва, 1994; Российская модель профессионального успеха // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра // Ведомости. Вып. 3. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996.

¹⁵⁴ В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Университетская корпорация: успешный профессионализм // Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып. 2, 3. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995.

нейший аспект продвижения России по пути модернизации (ее, правда, иногда именуют патомодернизацией или же патримониальной) и одну из гарантий невозможности вернуть страну на исходные – пред-революционные – позиции.

Соглашаясь с подобным тезисом в принципе, нельзя выводить за пределы анализа и достаточно известный антитезис: обрели мы во многом формальную профессионализацию или полупрофессионализацию. Те, кого именуют профессионалами, очень часто (слишком часто, чтобы воспринимать это в качестве исключений) не располагают необходимыми знаниями или компенсирующим их недостаток соответствующим опытом. Запасов таких знаний вряд ли хватит на то, чтобы именовать их интеллектуальным капиталом, который обеспечивает владельцу социальную независимость (в том числе и от государства как главного работодателя и "подателя" всех благ) и статус, подкрепленный вызывающим уважение уровнем доходности и престижности занятий. Как известно, оба эти условия являются материальными *предпосылками* формирования среднего класса.

Сказанное не ставит под сомнение наличие в стране значительного числа высококлассных специалистов различного профиля, не уступающих ни по знаниям, ни по опыту своим зарубежным коллегам. Но приходится считаться и с тем, что отставание по множеству параметров нашей промышленности, аграрного сектора, инфраструктур, систем здравоохранения, образования, правопорядка несовместимо с высокой неформальной профессионализацией страны. Тем более нельзя не считаться с новейшей тенденцией ухода многих представителей среднего класса из своих профессий – как в другую профессию, так и вообще из мира профессий. Весьма противоречива по своему значению тенденция общества к депрофессионализации, к увеличению числа малопрестижных и социально запущенных профессиональных сфер, к появлению специфического сектора в маргинальных слоях реформирующегося общества, составленного из экспрофессионалов. Депрофессионализация означает процесс добровольно-вынужденного отказа (полного или частичного) от официально обретенного профессионального статуса, а также готовность сменить менее предпочтительную сферу профессиональной деятельности на более соблазнительную, причем очень часто практически без основательной подготовки к ней, ограничиваясь всего лишь справкой о прохождении краткосрочных курсов повышения квалификации. В значительной степени это объясняется неизбежной профессиональной переструктуризацией общества, падением спроса на одни профессии и стремительно формирующейся потребностью в других. Например, в какой-то мере сфера предпринимательства на первых порах требует не столько профессиональных знаний, сколько чего-то иного – стартового капитала, значимых связей, готовности к риску, склонности к предприимчивости и т.д. (именно поэтому дилетантизм здесь "правил бал" и менее всего вызы-

вал отторжение).

Макс Вебер, чтобы понять природу этоса профессионального призвания (а вместе с тем и природу среднего класса), предлагал различать "истинного" профессионала и лишь отчасти такового, т.е. профессионально идентифицированных и неидентифицированных, как бы ни было трудно произвести такую разграничительную операцию. А что же говорить о людях случайных, "затесавшихся" в профессиональных средах, которые руководствуются своекорыстными запросами, рассчитывая удовлетворить их путем достижения успеха в этих, довольно чуждых им, средах. И уж, конечно, невзирая при этом на "какую-то там" этику успеха!

Вебер, как известно, не просто на лингвистической основе, но и фактуально обращал внимание на внутреннее единство *жизненного призвания и профессионального самоопределения*. Подлинный профессионал не пренебрегает материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы сейчас неряшливо называем моральным удовлетворением. Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (но не тщеславия!).

Смысл своей деятельности настоящий профессионал черпает в другом – в служении делу. Не обязательно жертвенном, но – еще раз оспорим отождествление этоса среднего класса с элементарной "умеренностью и аккуратностью" – приуготовленном к нему. Он "охвачен" страстью самоотдачи и верности делу. Конечно, "призванных" в таком плане гораздо меньше, нежели просто "званных", вообще вовлеченных в профессиональную деятельность – с одаренностью ничего не поделаешь! Этот тот самый случай, когда *нечто* или есть или его нет!

Что же именно понимать под служением делу, какими дело и служение должны выглядеть – все это в значительной мере является вопросом веры работника, предпринимателя, политика, ученого, преподавателя, художника. Без такой веры над профессионалом, несмотря ни на какие достижения, повисает, образно говоря, "проклятие ничтожества твари"¹⁵⁵. При наличии же подобной веры мы вправе говорить о непреложных велениях профессионального долга (а не просто о служебных, профессиональных обязанностях), о необычном слиянии этики с успехом. Можем (даже обязаны!) говорить об особых "бесшумных" и "незримых" успехах на святом поприще убережения и приумножения нефальсифицированных нравственных ценностей, проявляемых во всех – а не исключительно в профессиональной – сферах жизнедеятельности.

Предметом служения делу может быть успешное продвижение к идеалу, морально высшему и – одновременно – к вершинам професси-

---

¹⁵⁵ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

онализма, которые служат (не станем отсекаться от пропагандистского выражения) "маяками" в своем деле. Но это может быть проявлено и более скромно – в виде повседневной человеческой порядочности, на которую, увы, и в прошлом, и в настоящем направлены бесконечные посягательства. "Незримые" успехи вносят разумность в деятельность профессионалов и позволяют им даже в неблагоприятных условиях поддерживать "эспри де кор" – дух профессиональной корпорации, вольного товарищества (далекий от беспринципного "мы помалкиваем о ваших грешках, а вы уж, будьте любезны, не замечайте наши грешки"). Успехи позволяют делать ставку не просто на этику убеждений и любви, но и на этику ответственности. Такая ответственность – не только "перед кем-то", но и "за что-то" – ориентирует, разумеется, на чистоту и возвышенность мотивов, но одновременно – это следует подчеркнуть – и на последствия: эффективность профессиональной деятельности, успешность поступков. Кому, в самом деле, нужны провальная политика, обанкротившийся предприниматель, бестолковый инженер, бездарный менеджер, "бездетная" педагогика, лапутянская академия наук? Нравственный мотив профессионалов – стремление к успеху в своем деле, но в то же самое время и – Служение Делу. Это – единство *признания* (статус, внешнее одобрение) и *призвания*.

Конечно, следует учитывать изменения в концепте профессионального призвания, которые произошли начиная с эпохи его зарождения в начале Нового времени и первичного философского осмысления вплоть до наших дней – в мире современной секуляризации, омассовленных профессий и создания "фабрик" по конвейерной "штамповке" специалистов. В современном мире он освободился от многих черт внутримирского аскетизма ("трудись и молись!"). В этой связи одни авторы указывают на неоаскетическую интерпретацию профессионального призвания (неудержимое потребительство угрожает глобальной экологической катастрофой), другие – на вытеснение этико-религиозного "вертикализма", которому приходится потесниться, освободив место вполне рациональному этическому "горизонтализму". Иначе говоря, в пользу апробации профессионального долга и идеи призвания, служения делу с помощью групповых норм, санкций и прочих средств контроля со стороны социального и профессионального сообщества.

Обращаясь к феномену *состоявшейся* личности ("Состояться, исполниться, сбыться, свершиться" – В. Даль), мы трактуем эту характеристику как суть образа человека, вошедшего в средний класс. В сегодняшней ситуации *состоявшийся человек* – это социально-нравственный тип прагматически ориентированного профессионала, который, не соблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И нет в этой оценке ни обязательной проворной погони за славой, ни "счастливого случая" чудотворного везения. Профессиональный успех долговременен и, безусловно, является уделом личного выбора и ответственности.

ти. Значимо то, что “состоявшиеся” достигли достаточно ощутимых результатов в жизни, чтобы задуматься о будущем всей страны, результатов, измеряемых и объективными показателями (“деньги-статус-слава”) и удовлетворением от самореализации.

Этос успешного профессионализма предполагает чуткость “состоявшихся” в отношении к тем, кто по разным причинам оказался в числе неуспешных (“неудачников”, “пораженцев” и т. п.). Как отмечалось в предшествующей главе, этика успеха не только призывает к достижениям, к борьбе и конкуренции, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны “достигших” по отношению к “отставшим” или сошедшим с дистанции, осуждает высокомерное отношение людей “первого разряда” к “безразрядным” – пока не замеченным и не признанным.

Соответственно, особый этически значимый аспект профессионализма связан с критикой нередко встречающегося в обыденной жизни феномена гордыни успешного профессионала. Чувство морального превосходства тех, кто взобрался на вершины успеха и снисходительно поглядывают на тех, кто отстал или вовсе застрял у подножия этой заманчивой вершины – “мы познали ценности делового и профессионального успеха, овладели соответствующей технологией, к тому же нам просто “подфартило”, – фальшиво. Гордость за достигнутое – естественное и живительное чувство. Это чувство имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости – в стране с долгим засилием патернализма это очень важно. Но оно же, доведенное до крайности, легко переходит в свою противоположность – гордыню. Христианская мораль в числе семи непростительных смертных грехов небезосновательно ставит на первое место именно гордыню. Ее зовут матерью всех пороков.

Близка к ней и показная скромность как превращенная форма гордыни. И уж совсем плохо, когда самолюбование и тщеславие принимают болезненные, уродливые формы, когда они сопровождаются уже не снисходительным, но презрительно-брезгливым отношением к тем, кто не принадлежит к кругу избранных, баловней судьбы, кто “не дотягивает” до их статуса, когда весь этот комплекс чувств перерастает в нарциссизм отдельных лиц или даже целых групп со своими вульгарными (как правило) замашками и жаргоном, фактически уступающим ряду других групп уровнем культурных запросов, вкусов и манерой поведения. Прежде таких именовали “элитой низов” и выскочек, а теперь к иронии добавляется возмущение “элитизмом” новоявленных богачей, нуворишей, успешность которых чаще всего носит паразитарный и призрачный характер. Сюда же причисляют получивших продленное бытие карьерных “успешников” из недавнего прошлого, не только чиновников, но и “образованцев”. Подобный феномен в целом справедливо воспринимают как проявление социального снобизма.

Далее мы сосредоточимся на проблеме свободы и призвания профессионала. Свобода является и предпосылкой духовности, и одновременно ее результатом. Она обязывает совершать выбор не просто между добром и злом, но и между желательным, обязательным и запретным. В том числе и такой выбор, когда утверждение одной ценности непременно связано с ущемлением, а то и попранием другой, которая является не менее значимой, а потому акт выбора предполагает ответственность за решение, которое всегда содержит возможность драматической развязки ситуации. Стало быть, есть резоны довериться старой немецкой поговорке о том, что “чистая совесть” – самое коварное изобретение дьявола!

Духовный смысл свободы профессионала заключается в добровольном принятии бремени ответственности (с множеством подводных камней морального плана), которую не на кого “переложить”, восприятию такой ответственности в качестве долга. Принятие ответственности перекрывает путь соблазнительному поиску самооправданий, когда подавляется желание начать изменение мира с самого себя. Этика профессионала требует отказа от безответственности, от соблазна получить крохи свободы из “чужих рук”, учит возвращать свободу в самом себе и сейчас, в своей деятельности и, одновременно, в творении самого себя как неперемного условия нравственной деятельности.

Но не слишком ли хороша идея жизненного призвания, предназначения для грешного рыночного мира? Лапидарная формула такого призвания гласит: не насилие над свободой через подневольную деятельность, а освоение, “обживание” свободы путем служения делу, использования многообразных возможностей, предоставляемых рынком для повышения эффективности общественного капитала и приращения на такой основе капитала духовного. Не дохода как такового домогается подлинный профессионал, им он лишь измеряет успешность ведения своего дела. Не денег алчет он, не по богатству томится, не обусловленной ими власти жаждет (хотя и не чурается их: думать иначе было бы непростительной наивностью и могло бы быть воспринято в качестве неуклюжего пропагандистского трюка).

Возьмем в качестве примера деятельность одного из типичных субъектов среднего класса – предпринимателя. Когда-то К. Маркс определил капиталиста как “фанатика самовозрастания стоимости”. Это – меткое, хлесткое определение. Но современный предприниматель не тот, кто, “как царь Кашей над золотом чахнет”, – он “чахнет” над своим делом. Ему чужд идеал безмятежности, спокойной жизни и представления о богатстве как источнике чистой, радостной и спокойной души, сформированный еще в доиндустриальном обществе. Он самоотверженно служит деланию денег, и вопрос “для чего?” имеет для него отчасти потусторонний смысл, если речь не идет об инвестировании денег, чтоб делать их еще больше (то, что выше мы называли пониманием ценности богатства в его абстрактной форме). Его императив:

take care of your business (“заботься о своем бизнесе!”).

Не случайно проницательный Макс Вебер, исследовавший экономическую мотивацию предпринимательской активности, говорил о профессиональном призвании, соединяя призвание *внешнее* как источник экономической независимости (честное пропитание профессионала, предполагающее снятие ограничений с многих видов предпринимательской деятельности, их моральное оправдание, ибо “блаженны владеющие”) с *внутренним призванием*, подкрепленным психологическими наградами как платой за “нервную работу”, но в первую очередь этической значимостью этой деятельности. Поэтому Вебер обращал внимание на то, что жизнь профессионала в сфере предпринимательства носит известный отпечаток аскетизма: “дело” и “отрешение”, отказ от фаустовской многосторонности взаимосвязаны в стиле жизни¹⁵⁶.

Но надо иметь в виду, что Вебер отличал внемирской аскетизм от внутримирского, связанного с призванием. В мирском обществе профессиональный долг способен принять освобожденную, экзистенциальную форму, и Вебер полагал уникальным сочетание такого долга с этическим призванием, которое искажается в рационализированных формально-технических структурах, в жизненных порядках, где этическое призвание становится только декларативным, во всяком случае – ослабленным.

Процитируем Вебера: “По мере того, как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы – кто знает, навсегда ли? – ушел из мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о “профессиональном долге” бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. В тех случаях, когда “выполнение профессионального долга” не может быть непосредственно соотнесено с высшими духовными ценностями или, наоборот, когда оно субъективно не ощущается как непосредственное экономическое принуждение, современный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия... Никому неизвестно, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы; возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость”¹⁵⁷.

---

¹⁵⁶ См.: Вебер М. Цит.соч. С. 205.

¹⁵⁷ Там же. С. 206-207.

Ряд современных социологов, прежде всего Т. Парсонс, полагают, что в этой части концепция Вебера неадекватна современным условиям, так как не учитывает и, собственно говоря, не может учитывать некоторые позитивные тенденции развития индустриальной цивилизации¹⁵⁸, которая – уже после Парсонса – перешла в постиндустриальную стадию. Мы стремились раскрыть эти сюжеты в первой главе, а здесь еще раз напомним о контртенденциях, свидетельствующих о преодолении (пусть даже только частичном) кризисных явлений в духовной жизни современной цивилизации. Они связаны, по хорошо мотивированному мнению Ю.А. Васильчука, со вторым этапом НТР и информационной революцией, начавшейся в 70-е годы. Речь идет о том, что произошла феноменальная встряска всех социальных структур, на смену фабрично-заводскому производству идет принципиально иное производство, при котором господство капитала сменяется господством знаний и их носителей. “Революция производительности”, гибкость производственного аппарата делают трудовую деятельность “школой характера” в сложном и быстро меняющемся мире, приводят к сознанию зависимости работников друг от друга, усиливают у них потребность во взаимопомощи, приучают к существованию в ситуации высокой социальной мобильности.

Новая логика производства рождает личность, способную принимать ответственные решения, и не от случая к случаю, а систематически, что укрепляет этику ответственности. Создаются условия для развития массового предпринимательства и ограничения всевластия монополий. Возникла “экономика мысли”, когда производство лишь формирует материальную оболочку товаров и услуг, а их существо порождается духовной жизнью общества, его наукой, культурой, искусством (произошла инверсия базиса и надстройки – проблема, которая в методологическом плане так беспокоила Вебера)¹⁵⁹.

Особо следует отметить, что после укоренения этики предпринимательства и неразрывно связанной с ней трудовой морали, вся проблематика труда – по мнению Ю.Н. Давыдова – перестает быть делом свободного выбора и даже этической проблемой. Согласно суждению экономиста М. Дискина, протестантская этика может быть описана теперь только как “пусковой механизм”, так как в современном обществе существуют “жесткие горизонтальные этические рамки”: они устоялись, и нарушителя поставит на место все его окружение – друзья, партнеры, знакомые. Среда побуждает следовать рационализированным моделям поведения, обеспечивая их санкциями.

Мы полагаем, что современная цивилизация не только вышла

---

¹⁵⁸ Parsons T. Introduction // Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N-Y., 1947. P. 37.

¹⁵⁹ Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: новые основы массового производства и общество // Полис. 1996. № 2.

из аскетической стадии с ее ответственностью перед Богом, но и выходит из гедонистической стадии, когда казалось, что стало излишним “вертикальное”, метафизическое, религиозное оправдание этических правил профессионального поведения. Не о “скромном обаянии буржуазии” идет речь, но о так называемом “реванше Бога”, о том, что современному профессионалу (в том числе и предпринимателю) свойственно желание глубокого душевного равновесия, “полного и честного расчета с жизнью и самим собой” (так однажды, но совсем по другому поводу, выразился писатель Ю. Домбровский). Наверное, оно сродни чувству удовлетворения, которое возникает у любого беспокойного мастера своего дела, что, между прочим, не выключает механизмы постоянного недовольства собой как мотива самосовершенствования.

Без особого насилия над фактами источник предпринимательской активности можно было бы уподобить мотивации ученого, писателя, художника и вообще творческой личности. Все они привязаны к своему призванию, как Сизиф к своему камню. Трудятся они не ради одного дохода или одной славы, которые им принесут или же могут принести создаваемые творения. Зов “даймона”, как сказал бы Сократ, – вот сильнейшее побуждение! Призвание уподобляется предопределению и потому позволяет преодолевать машинальность проживания, мимолетность бытия, не соглашаться со справедливостью земной участи людей.

Призвание, *служение Делу*, думается, надо отличать от *служения идее*. В последнем случае личность, во-первых, склонна рассматривать себя не в качестве самоцели, а лишь как средство реализации Идеи, строительный материал истории, ценность которого всецело определяется местом, ролью, пользой, эффективностью. Во-вторых, личность легко совращается духом цезаристского избранничества, и это позволяет ей без особых затруднений релятивизировать мораль, преступать ее запреты, трактуя их в качестве “предрассудков человечности”, помогает инструментально относиться не только к другим, но и к самому себе. Причем не по корыстным мотивам, а ради собственного блага, ради счастья других, содержание которого “доподлинно известно” благодетелю. Вдохновленная служением Идее личность, в-третьих, готова иезуитски оправдывать варварские, бесчеловечные средства достижения Суперцели, Проекта. В-четвертых, эта личность заражается фанатизмом, который делает ее слепой и глухой к резонам здравого рассудка, к пониманию меры в собственных деяниях, и все это, в отличие от подлинного призвания, которое требовательно к себе и великодушно к другим, не разрешает самоутверждения за чужой счет, а знает радость самоотдачи.

Как соотносятся *служение делу и самореализация*? Ранее мы характеризовали ценности успеха через понятия “одухотворенный прагматизм”, “духовный капитал” (надо иметь нечто, что можно было бы реализовывать, а уже в ходе реализации приумножать накопленное).

Тем не менее нельзя не признать существование известного конфликта между делом и самореализацией, некоторой асимметрии в их соотношении. Обнаруживается это тогда, когда происходит “открытие человека”: именно он вправе отдать предпочтение либо делу, либо самореализации, налаживая прихотливое иерархическое отношение между ними. Допустим, художественная натура склонна предпочитать самореализацию, самовыражение, тогда как люди с предпринимательской жилкой предпочитают сделать выбор в пользу служения делу.

Соответственно, для достижения успеха в служении делу необходима мобилизация прежде всего морально-деловых качеств человека, тогда как для успеха самореализации необходим весь человек – “с головы до пят”, возникает нужда в предъявлении всех его моральных качеств. Служение делу, как и музам, не терпит суеты, однако ранг самореализации, думается, все же выше даже ранга дела. Самореализация происходит как в деле, так и в досуговой деятельности, и именно она ведет к самосовершенствованию, к трансцендентности, ставит человека в позицию критики самого себя, вовлекает в наиболее сложное из всех существующих и возможных искусств – творению самого себя.

8.2. Профессионализм: самодостаточная ценность?

Аналитический обзор экспертных суждений

Казалось бы, суждения участников проекта “Городские профессионалы” о природе ценности профессионализма и ее роли в этосе среднего класса нуждаются в комментариях меньше всего. В предельно категорической форме статус этой ценности в этосе среднего класса определен в следующем суждении: *“Спрашивать человека, идентифицирующего себя со средним классом, насколько важна для него такая ценность, как профессионализм, значит задавать ему риторический вопрос”*. Не менее четкая позиция содержится и в суждении следующего эксперта: *“Профессионализм, – говорит он, – ценность, которая во многом определяет мое отношение к любому человеку. Когда мы сидим за столом в своем кругу, я часто произношу тост за профессионалов и профессионализм”*. И добавляет: *“Может быть, лучше бы говорить не о среднем классе, а именно о прослойке профессионалов. Именно ее нам нужно увеличивать”*.

Центральное место ценности профессионализма в этосе среднего класса отмечают и другие эксперты. Так, например, один из них говорит, что для него *“естественнее начать свои рассуждения на тему, предложенную авторами проекта, с образа профессионала, на который я всегда ориентировался и к которому в какой-то мере, надеюсь, приблизился. Самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая”*.

Как бы опережая возможный вопрос о скромности-нескромности открытого самоназвания, один из экспертов отмечает: *«Профессионал отличается от непрофессионала уже тем, что первый, как правило,*

достаточно молчалив и не декларирует свой профессионализм, пока его не спросят: “Кто твой Бог?”. А когда человек на каждом углу твердит: “Я профессионал, я профессионал” – надо задуматься».

Диапазон суждений о сути профессионализма отражен уже в заголовках экспертных текстов: «У нас в медицине есть термин “Gold standard”. Профессионал – человек, который достиг такого “золотого стандарта” в своем деле»; “Ремесленник в искусстве делает то, что у него получится. Профессионал всегда делает то, что замыслил”; “Комплексный подход отличает профессионала во власти от непрофессионала”; “Профессионал – это просто человек, который качественно делает свою работу. В науке этого мало. В науке надо творить”; “Профессионализм – рабочая нравственность человека”.

При конкретизации своих представлений о природе профессионализма и ключевых его признаков эксперты чаще всего рассуждают об особенностях собственной профессии, но выделяют и универсальные признаки профессионализма. Так, например, медик говорит об определенном наборе качеств, необходимых для врача, претендующего на статус профессионала, однако вплетает в свои рассуждения и представление о природе профессионализма в целом. Очевидно, например, что “стремление реализовать свои знания на пользу своего пациента” и “соблюдение норм деонтологии, жестких правил поведения с больным, с родственниками больного, с коллегами, с социумом в целом” относятся к специфическим качествам врача, а “определенный уровень знаний и умение их творчески применить”, и “стремление и способность к самообучению” – универсальные качества профессионала.

Сосредоточившись на универсальных характеристиках, другой эксперт полагает, что профессионал – это, “во-первых, человек, вкладывающий душу в свое дело, человек творческий (каким бы делом он ни занимался). Во-вторых, человек, умеющий оптимизировать свои действия, довести их до автоматизма. На первый взгляд – противоречие, на самом деле – нет. Просто, решая конкретную проблему, надо уметь находить общее решение. Тогда простые дела будут делаться сами собой и останется время на дела сложные”.

В рассуждениях менеджера системы образования сплавлены внутрипрофессиональные и межпрофессиональные черты природы профессионализма. Рассуждение начинается с анализа начала пути. «Поступая в ТИИ, я, разумеется, и не предполагал, что стану доктором наук, профессором, членом нескольких академий. Хотел быть нормальным инженером, потому что, во-первых, начал понимать, что это такое, и, во-вторых, строил планы, которые казались мне “по зубам”, были осязаемы, имели обозримый временной промежуток». И здесь же замечание: “Кстати, и в дальнейшем мой профессионализм строился по такому же критерию: я всегда ставил цели, которые смогу достигнуть, получал ожидаемый статус и сразу начи-

нал подтягиваться до уровня, который уже формально занимал”.
Значит, “профессионализм не возникает в мгновение ока: сначала появляется статус, затем дотягиваешься до него содержательно, потом начинаешь претендовать на что-то другое: душа постоянно ищет новые цели”. И наконец, вывод: “я считаю, что методология формирования профессионализма такова: ставить перед собой достижимые цели, а когда они реализованы, снова двигаться вперед”.

Для экспертов, занимающих управленческие должности, характерно и понимание своего профессионализма через способность создавать команду. Например, профессионализм редактора, создателя газеты “заключается не в том, чтобы собрать блестящих стилистов, самых умных авторов, самых тонких аналитиков (для этого их достаточно купить), а в том, чтобы собрать команду, которая бы лучше всего работала на поставленную цель – информировать население”.

В качестве одного из критериев профессионализма рассматривается самоотверженность. Профессионал, с точки зрения эксперта, «или к 18-00 закончит делать все, что необходимо, или не позволит себе поступить по принципу “война войной, а к жене – вовремя”. Он продолжает работать ровно столько, сколько нужно, чтобы выполнить задачу, он не отложит ее на утро». Наряду с этим, необходимая часть любого профессионализма – энтузиазм. “Возьмем новых русских – это энтузиасты. Как бы мы к ним ни относились, но такой человек, не закончив дело, не уйдет с рабочего места, ибо он знает, что за него это никто не сделает. Ссылаешься на кодекс законов о труде или на правила технической эксплуатации? Все, здесь закончился профессионал. Быть профессионалом – жить по внутреннему убеждению, а не просто работать по кодексу законов о труде”.

Интересно рассуждение деятеля науки, который отводит характеристику “профессионализм” от своей сферы деятельности. «Возможно, я расстрою сценарий авторов проекта, но вопрос о моем отношении к ценности профессионализма встречаю скептически. Дело в том, что к сфере науки термин “профессионализм” имеет очень ограниченное отношение. Ведь профессионал – это человек, который качественно делает свою работу. В науке же этого мало. В науке надо творить».

Развертывая аргументацию, эксперт отмечает: “Профессиональным в нашей среде может быть, например, инженер, который помогает творцу, научному работнику”. Дело в том, что как раз “инженер должен быть профессионалом: уметь разобраться в установке, наладить ее, создать четкую технологию, отслеживать ее, улучшать и т.д.”. Характеристику “профессионализм” автор готов отнести “к рабочему, инженеру, технику, может быть, к учителю, хотя и в меньшей мере (в деятельности учителя должен быть элемент творчества: в общении с коллективом, с учениками)”.

Но в науке *“творчество – главный элемент”*. Далее – доказательства. *“Во-первых, ты должен пройти долгий путь от идеи, гипотезы, создания концепции до обстоятельной проработки этой концепции и, в конце концов, получения нового качественного материала, научного результата, который часто не вписывается в существующие теории, представления о мире, о строении объекта, которым ты занимался. Поэтому, во-вторых, полученный тобой в муках результат вызывает огромное сопротивление коллег – человеку науки свойственен догматизм, его принадлежность к определенной научной школе мешает пониманию нового. Только тот, кому удастся вырваться за рамки сложившихся представлений научных школ, становится творцом новых знаний”*.

Ряд участников проекта определяли суть профессионализма через сравнение профессионала и непрофессионала: *“Может быть, черты профессионализма лучше открываются через определение человека, работающего непрофессионально”*. Конкретнее, *“это человек, который оценивает свою деятельность не по каким-то объективным критериям, а лишь по чьему-то мнению”*. Поэтому автор цитируемого суждения подчеркивает: *«“Хороший человек” и хороший профессионал – для меня понятия разные. И зачастую для решения профессиональных проблем приходится отказываться от образа “хорошего человека”*. По мнению врачей, руководителей медицинских учреждений, властей, я бывал и “хорошим”, и “плохим” – приходилось навязывать непопулярные действия. Но интересы дела – прежде всего. Интересы, достижение которых можно определить по объективным результатам. Ты можешь показать эти результаты другим и получить профессиональную оценку коллег».

И в другой сфере деятельности отличить профессионала от непрофессионала достаточно просто. *“При встрече я уже через пять минут знаю, кто передо мной. Обычно непрофессионал говорит очень красиво, но обязательно два-три раза ошибется: назовет скважину дыркой, керн – камешками. Наш профессиональный сленг служит защитой: как только этот сленг нарушен, сразу чувствуешь, что имеешь дело с непрофессионалом. Сленг – своеобразная корпоративная защита”*.

Теперь обратимся к материалам, показывающим, как участники сравнивали советскую и постсоветскую модели профессионализма. Диапазон суждений в этом плане – от подчеркивания принципиальных различий до их отрицания.

Вот пример последнего. *“Авторы проекта предлагают отнестись к известному суждению о том, что профессионал советских времен и профессионал наших дней весьма различаются прежде всего тем, что профессионализм советского времени был лишь квази-профессионализмом. В качестве аргумента утверждается, что своим успехом профессионал был обязан системе, в отличие от запад-*

ного профессионала – не обладал профессиональной свободой, а инициатива подменялась заданной сверху возможностью. Не согласен с таким подходом”.

Аргументируя свою позицию, эксперт говорит, что “профессионал в любом режиме, в любой среде, даже в безвоздушной, остается профессионалом. Профессионализм – абсолютная категория”. Конкретные доказательства? “Никакому государству мы не служили, у нас было внутреннее ощущение, что в первую очередь реализуем самих себя. Возьмем моего отца. Он работал, по его выражению, мантулил, – на государство? Прежде всего он работал для того, чтобы я и три моих сестры получили образование и могли вести достойную жизнь. Это у него была установка работать на государство? Да пошло оно...! Это был настоящий профессионал, и он решал не государственную, а семейную задачу. Я думаю, и многие другие жили так: афишировалось одно, а делалось совершенно другое”.

Сходная позиция: “Авторы проекта предлагают мне оценить тезис, согласно которому профессионализм советских времен был ущербен именно потому, что советские профессионалы были неполноценны, большинство из них не адаптировалось к новой жизни. Я бы так не считал”. Но первый аргумент другого плана. “Разумеется, есть слабые специалисты. Но как аналитик я аргументирую свое несогласие с предложенным на экспертизу тезисом рационально – отзывами зарубежных компаний о наших специалистах в советские времена и сейчас. Зарубежные специалисты очень высоко оценивают наших инженеров, промысловиков, разведчиков. Я сам наблюдал, что когда между отечественными и зарубежными петрографами, сейсморазведчиками, добытчиками нефти завязывается разговор, то это очень профессиональный разговор, те и другие получают профессиональное удовольствие”. А вот следующий аргумент почти повторяет то, что утверждал предыдущий эксперт. «Лет 25 тому назад, на семинаре в Тюменском индустриальном институте, был поставлен вопрос: “Чем профессиональный советский инженер должен отличаться от профессионала зарубежного?”. Дебаты были достаточно бурные. Моя точка зрения тех лет, согласно которой профессионал – он и в Африке профессионал, за эти 25 лет не изменилась. Никакого особого нового профессионализма не возникло». И еще более категорично: “Модель профессионала очень консервативна, держится столетиями. Профессионал 60-70-х годов ничем существенным не отличался и от сегодняшнего профессионала, и от того, который будет завтра. Разве что инструменты были другие, программы. У нас была страна очень высокого уровня профессионализма, по сравнению с другими странами. Кстати, на этот уровень совсем неплохо работала высшая школа, технические училища”.

Третий эксперт уже в начале обсуждения тезиса о противопо-

ложности профессионализма советских и постсоветских времен отмечает, что для него *“это совершенно не работающее противопоставление”*. С точки зрения автора *“для характеристики процессов в сфере экономики, социальных последствий реформ деление на советские и постсоветские, капиталистические и социалистические времена может быть и важно. Но не для характеристики профессионализма”*. Аргументируя свою позицию, автор, во-первых, отмечает: *“Не секрет, что в советское время мы имели много потерянных сейчас ценностей. И эти ценности создавались, прежде всего, профессионалами высокого уровня, которые могли себя реализовать”*. Во-вторых, для него *“очень спорно утверждение, что в западном, капиталистическом мире профессионал имеет больше шансов для реализации, чем в социалистическом обществе”*.

Промежуточная между полярными позиция представлена, во-первых, суждением о том, что две модели профессионализма не могут оцениваться либо только позитивно, либо только негативно. Поэтому один из участников проекта говорит: *«Не могу безоговорочно согласиться ни с мнением о том, что советские профессионалы были скорее “квазипрофессионалами”, ни с суждением о том, что они оказались не приспособленными к новым условиям постсоветского периода»*. В пользу позитивной оценки профессионализма советских времен он приводит такой аргумент: *«Разве в космос не при советской власти полетели? Да, профессионализм в советское время больше был обязан системе, во многом зависел от нее, но он не был лишь “квазипрофессионализмом”»*. Второй аргумент: *“Покажите хотя бы одного работника партийных, советских органов, начиная от инструктора райкома комсомола и выше, который бы в рыночных условиях себя не нашел. И не только в бизнесе. Что, Ельцин себя не нашел? Был профессионалом строительства коммунизма, стал профессионалом строительства демократического общества”*.

В то же время, автор полагает, что критерии профессионализма наших дней отличаются даже в рамках его прежней профессии: *“Путейцу тех времен было достаточно досконально знать свое путевое хозяйство, а сегодня ему необходимо еще и знание экономики всего транспорта – без этого не получить экономически эффективный результат”*. Что касается следующей профессии нашего эксперта, то, по его мнению, *“надо различать характер профессионализма городского руководителя в советское время и в постсоветское. Например, в советское время руководитель, возглавляющий исполнительную власть в городе, мог опереться на коллективное мнение членов исполкома, а сегодня глава администрации должен принимать персональное решение и нести за него персональную ответственность независимо от того, какое количество профессионалов участвовали в его подготовке”*.

И, наконец, другой полюс. Как говорит один из экспертов, ответ

на заданный участникам проекта вопрос о наличии или отсутствии разницы между профессионализмом советских времен и наших дней “прост”. Анализируя свой личный опыт, эксперт отмечает, что «профессионализм того времени был главным образом сосредоточен на том, чтобы профессионально выполнить уже поставленную “сверху” задачу». А сегодня для него главное – “применить профессиональные знания и навыки для того, чтобы самому себе правильно поставить задачу в постоянно меняющейся ситуации: не только с точки зрения спроса и предложений, но и, например, условий приобретения материалов». Конкретизируя новые задачи, эксперт говорит: “Еще полгода назад, если у тебя были на счете необходимые финансы, ты мог купить любой материал. Прошло полгода и, даже имея средства, нужно искать совершенно новые пути для обеспечения завода металлом: металлургия стала работать на экспорт и оставляет для российских предприятий только то, что не востребовано за рубежом. Надо срочно менять условия заключения договора, выходить на прямые контакты и т.д.”. Еще одна новая задача: “Каждый месяц у завода появляются предложения заняться производством того или иного заказа. И надо немедленно выработать решение, стоит этим заниматься или нет, из вороха предложений отобрать то, что необходимо. Ошибешься – допустишь финансовые затраты и потеряешь время. Правильно выбрал – сэкономишь деньги и время и тем самым поможешь заводу вырваться вперед”.

Другой участник проекта не только положительно отвечает на вопрос о том, отличается ли модель профессионализма советских времен от нынешней модели, но и говорит, что “суть их различия” он “познал на самом себе, а когда понял ее, все стало на свои места”. Как это произошло? “Много лет я заведу лабораторией, в подчинении было и двенадцать, и двадцать человек. Решали научные задачи, составляли программы, писали отчеты и т.д. И каждый из нас, завлабов, ждал, когда ему дадут задание, знал, что за него строго спросят, понимал, что нужно вступить в партию, иначе... Раньше была психология зависимости – все ждали. До самого конца советской власти”.

Именно в это время автор понял, «что ждать нечего, нужно самому проявлять активность, учиться искать партнеров, создавать себе коллектив. И тогда те же самые, прежние виды работ стали выполняться по-другому. Чем же отличается старое время от нового? Раньше нужно было ждать, “попасть в обойму”, а потом уже двигаться. Сейчас же все зависит только от себя самого». Далее – уточнение: “Эта идущая из американского делового опыта формула полностью, конечно, не реализовалась, кстати, я не совсем ее разделяю, ибо все зависит от меня лишь на девяносто процентов. Но уж за них-то ты отвечаешь сам, а если отвечаешь – окажешься на

высоте".

Несмотря на наличие последних высказываний, в целом результаты сравнения экспертами двух моделей профессионализма побуждают нас задать нериторический вопрос: не приводит ли справедливая трактовка центральной роли профессионализма в системе ценностей среднего класса к трактовке этой ценности как *самодостаточной*? Например, в тех случаях, когда обсуждается вопрос о разнице между профессионализмом советских и постсоветских времен, и один из экспертов указывает, что *"профессионал в любом режиме, в любой среде, даже в безвоздушной, остается профессионалом. Профессионализм – абсолютная категория"*?

Да, участники проекта много говорят о "правилах игры", характерных для их профессии (особенно в тех разделах текстов, которые посвящены "философии дела" и "науке успеха" – об этом речь шла в главе предшествующей и мы еще обратимся к этой теме в следующей главе).

Некоторые авторы выходят на проблему профессиональной ответственности (*"чтобы не впасть во вседозволенность, у каждого должен быть свой внутренний цензор, внутренние рамки, ответственность за доверенное дело"*; *"профессиональный интерес непосредственно связан с глубоким чувством ответственности за результаты своей деятельности"*). Выдвинут и критерий общественного блага: *"Ведь ты создаешь свое дело не просто для удовлетворения личных амбиций. Разумеется, профессионал находит удовлетворение в том, что он умеет делать свое дело лучше, чем другие. Но не менее важно, чтобы профессионализм как ценность, на основе которой человек среднего класса только и может состояться, был ориентирован на общественное благо"*.

Но не слишком ли редко участники проекта переходят от прагматического языка к метафизическому, не слишком ли мало они обращаются к теме профессионального призвания, служения?

Конечно, наш скепсис уменьшают некоторые суждения. Так, один из авторов отмечает, что *"профессионализм предполагает, говоря высоким стилем, служение людям"*. Аргументируя свой тезис, эксперт отмечает, что *"в медицину идут те, которые понимают, особенно в нынешних условиях, что зарплата будет маленькая. И все же идут, потому что у них есть либо генетическая, либо благоприобретенная, не знаю какая именно, потребность испытывать удовлетворение от того, что человеку оказана помощь. Именно за это врач уважает себя, идентифицирует себя как успешного человека. Медицинская среда воспитала меня таким же. Если благодаря моей работе стала лучше действовать система здравоохранения, если больше людей выздоровеют – это для меня главное поощрение."*

Другой участник проекта говорит: *"мне кажется, что это служение жителям города стало моим призванием, и слова (однажды*

спонтанно произнесенные и сейчас тиражируемые через радиостанции Тюмени) о том, что самый главный начальник для меня – горожанин, не были “заготовкой”, я говорил вполне искренне».

Третий участник проекта прямо связывает профессионализм с определенным мировосприятием человека, его внутренней убежденностью. “Если, например, Петров в любой ступеньке своей карьеры видит лишь средство заработка, профессионалом ему не стать. Если, например, Иванов видит в своей профессиональной деятельности не просто способ заработать себе на жизнь, но и возможность познания и преобразования окружающего мира, он станет не просто хорошим ремесленником, но высоким профессионалом”. Наконец, уже цитированный выше тезис: “Быть профессионалом – жить по внутреннему убеждению, а не просто работать по кодексу законов о труде”.

Да, такого рода суждения уменьшают наш скепсис. Но не снимают его вовсе. И в этом одна из мотиваций дальнейшего исследования темы.

Глава 9

Этос дела: между своеволием и правилами честной игры

9.1. Игры, в которые играют профессионалы.

Профессионалы, которые играют в игры

Алгоритм наших рассуждений, тема которых в своей метафоричности перекликается с известными книгами Эриха Берна¹⁶⁰, предполагает содержание, имеющее весьма отдаленное отношение к задачам психотерапии.

Критический анализ попытки трансформации России и становления в ней среднего класса в духе стратегии всеисильности рыночного механизма *самого по себе* показывает, что и предпринимательский, и профессиональный успех маловероятны при недооценке роли институционального порядка, в том числе и “правил игры”.

Особая роль формирования и культивирования средним классом адекватных его духу правил игры не требует особых доказательств. Более того, уже предприняты попытки формулирования ряда правил, в том числе на основе опыта становления постсоветского среднего класса. Так, фиксируя уроки августовского, 1998 года, кризиса, Я. Кротов предлагает учитывать ряд “прописных истин”, которые способны вывести российский мидл “из под сени баобаба”, сделать отечественный средний класс “центральной являющей современной историей”. Не оценивая качества предложенных правил, зафиксируем пре-

---

¹⁶⁰ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.

цедент рефлексии по их поводу. "...Не поощряй цинизм, воровство и хамство; будь честным и порядочным, не бойся защищать частную собственность, свободу и достоинство человека, и защищай их не только для себя, но и для другого – и прежде всего для другого, потому что если все другие сословия сильны солидарностью с ближними, то средний класс силен солидарностью с дальними... Учись видеть дальше шведского стола. Учись понимать связь между свободой вероисповедания и курсом доллара. Учись давить на власти, а не доить их, не плевать на них. Учись находить золотую середину в политической активности..."¹⁶¹.

Распространение в теории и практике представления о природе таких правил весьма различаются. Так, один из подходов утверждает самодостаточность выработки "правил игры" для формирования деловой культуры, полагает правила игры, создаваемые *конструкторами*, морально нейтральными, противопоставляя им "игру без правил" и потому отводя этическим критериям роль только уровня общечеловеческих норм. Фактически моральный и конструкторский подход здесь противопоставлены.

Другой подход разводит моральные правила и конвенциональные правила игры. Так, например, предприниматель Г.Ю. Семигин, выделяет правила универсальные, "своего рода кодекс чести", и правила "чисто практические". Характеризуя последние, предприниматель говорит так: "К примеру, зарабатывая, ты должен дать заработать партнеру. Ты должен быть корректен в назначении процентов за свою сделку, уметь вовремя разделить их с партнерами. Важно также дать возможность партнерам войти в твой бизнес, вместе заработать"¹⁶².

Третий тип подхода предполагает, что самые эффективные "правила игры" не достаточны без осознания их этических оснований, ибо мотивация взаимной выгоды, заложенная в основу любых конвенций о правилах игры, стратегически менее эффективна, чем категорический императив морального долга.

И менее всего развивается и обсуждается подход, помогающий ввести конвенциональные правила в сферу этической рефлексии и, наоборот, этическую рефлексию в конвенции о правилах игры.

Пытаясь компенсировать последнее обстоятельство, в этом параграфе мы прежде всего сформулируем некоторые методологические замечания о плюсах и минусах "игрового" подхода к исследованию делового этоса. При этом акцентируем моменты, относящиеся скорее к *метафизике игры*¹⁶³. Далее обратим внимание на разницу между по-

---

¹⁶¹ Кротов Я. Под сенью баобаба // Общая газета. 1998. 16 сентября.

¹⁶² См. в кн.: Дугин Е.В. Формула успеха (New Russians). Институт массовых коммуникаций. М., 1992. С.7.

¹⁶³ Это не означает недооценки иных аспектов изучения правил, например, проблемы соотношения между *установлением правил* и *следова-*

нениями “правила игры” и “правила честной игры”, на то, что кроме метафоры стоит за словосочетанием “честная игра”: не морализаторская ли эта характеристика – “честная”? Затем рассмотрим проблему “правил игры” с точки зрения их субъектов и особенностей конвенциональных норм этоса. И все это мы попытаемся рассмотреть, обратившись к сжатой форме изложения результатов наших исследований, обстоятельная версия которых представлена в других публикациях¹⁶⁴.

1. Назначение игровой метафоры в заглавии параграфа – настроить на понимание “триединства” таких характеристик человека, как “*хомо фабер*”, “*хомо люденс*” и “*хомо моралес*”. *Игра* трактуется нами как один из основных феноменов человеческого существования, как вид человеческой деятельности, способный воспроизвести все другие ее виды благодаря, во-первых, “двуплановости” (условности и серьезности одновременно) и, во-вторых, интеграции в одно целое самооценности игрового мироотношения, самовыражения внутренних сил личности – и результативности; прав – и свобод; импровизации – и организации.

Мораль здесь – способ освоения действительности, синтезирующий аксиологические и праксиологические критерии человеческого выбора в целостном акте поступка. При этом праксиологические аспекты морального выбора – не просто “технология”, “инструментарий”, “средство”, они весьма ценны в собственно моральном отношении.

В результате специальных исследований природы морального выбора мы пришли к выводу о глубинной ее связи с природой игрового феномена в человеческой деятельности. В акте морального выбора отчетливо представлены черты такой характеристики личности, как “хомо люденс”. Речь идет о субъектах инициативных, предприимчивых, рискованных, ответственных, обретающих ничем не заменимую радость и в устремленности за “Госпожой Удачей”, и в стремлении к достижению, черпающих наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье успеха и в мужестве поражения. Достойные успеха, они способны и выдержать его; счастливые в напряжениях жизненной игры, они сознают свои способности востребованными избранной ими же самими судьбой, личным призванием. Бремя и счастье морального выбора – это и бремя, и счастье игры.

2. Что же дает “искрящий контакт” соединения черт “хомо моралес” и “хомо люденс” анализу профессионального этоса, этоса успешной деятельности? Культивирование игровой природы профессионального успеха приводит, как нам кажется, к обретению человеком Дела

нием правил. См. об этом: Волков В.В. “Следование правилу” как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3,4.

¹⁶⁴ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этос политического успеха. Научно-публицистическая монография. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997. Глава 11.

признаков этического пассионария. В игре как испытании всех заложенных в ситуации сценариев, как в “сверхсвободе” человек совершает большее, чем ему самому “надо”; игра производит нравственное открытие, обнаруживая пассионария в “праксиологе-оптималисте”. Игровой подход помогает совершить нравственное открытие – в “менеджере” (речь идет не о профессии, а об образе и стиле жизни) обнаруживается пассионарий.

Особо отметим, что указанное “триединство” содержит, на наш взгляд, и профилактическое средство против распространенного представления о “честной игре” просто лишь как “игре по правилам” – речь об этом пойдет ниже.

3. Важно определить нашу позицию в явных и скрытых дискуссиях о смыслах понятия “игра” – иначе и замысел параграфа окажется безосновательным, начиная с его заглавия. Речь идет об обостренном вопросе: совместима ли характеристика дела (будь то предпринимательство или профессиональная деятельность) в понятиях игровой деятельности с (а) природой самой игры, (б) природой дела, (в) природой делового этоса? Ведь не только обыденному сознанию дело – как суперконцентрированная утилитарная деятельность – представляется чем-то противостоящим “несерьезной”, “бесполезной” игровой культуре, которая скорее отождествляется с “игрой в бисер”?! А если и не противопоставляется, то не для того ли, во-первых, чтобы вольно-невольно отождествить “правила игры” и “правила честной игры”, сняв их различие, и, во-вторых, чтобы изъять этос дела из сферы действия ценностей и норм общечеловеческой морали, изъять, а затем “дисквалифицировать” от имени этой морали?!

Во-первых, игровой подход к исследованию этоса дела представляется нам средством противостояния такой “игре” (здесь уже мы сами, поставив *игру* в кавычки, интонируем скептическую оценку), когда соблюдение этических норм и правил игры мотивируется только аргументами целесообразности. Однако в подлинно игровом подходе за вопросом об “игре с правилами” встает – во всяком случае должен встать – вопрос об “игре со смыслами”, и тогда требование честной игры из статуса условного императива возвышается до статуса императива категорического, вводя этос дела в систему общечеловеческих нравственных ценностей (или выводя его из этой системы).

Иначе говоря, мы акцентируем необходимость демифологизации *сверхроли* “правил игры”, даже если это апология правил честной игры. Нравственный потенциал таких правил имеет свои рамки. Вывод о том, что “честная игра” повышает эффективность деятельности, а жульничество – неэффективно, положителен сам по себе. Но и повышение эффективности обременено геном зла, если понятие “честная игра” не включает нравственного иммунитета, который дается *смыслом* соответствующих правил – служением делу, делу, которое становится *серьезным* в экзистенциальном контексте игры, обретает смысл

человеческой свободы, дается Большой Игрой со Смыслом.

Во-вторых, особый интерес представляют внутренний кодекс игрового мироотношения субъекта и правила саморегулирования игровой культуры этоса дела. С указанным выше ограничением о рамках морального потенциала правил честной игры можно и нужно утверждать, что предпочтение честной игры как акт морального выбора – яркий пример возможности совпадения правил нравственности и принципов эффективности, требований категорического императива и условного императива выбора. При этом не тождественность “правил игры” и “правил морали” не означает и безусловного приоритета последних в этосе дела: отрыв морали от критериев эффективности оборачивается утопией, стремлением исправить реальность без должного уважения к законам жизни.

Будем исходить из того, что тайна нравственной свободы – в познании и преобразовании законов этой жизни. В жизненном соревновании субъекта морали с самим собой, с другими людьми, с обстоятельствами выигрывает тот, чьи правила вписаны в общечеловеческий кодекс честной игры, а стремление к успеху ориентировано на кодекс “свободного антагонизма и свободного сотрудничества” (В. Гроссман), на конвенциональные правила этики контракта.

4. Игровая культура в нравственной жизни – как элемент культуры морального выбора – выступает тончайшим, деликатнейшим и труднейшим искусством свободной игры с нормами-правилами, добровольно принятыми и столь же добровольно преодолеваемыми в процессе морального творчества, творчества, присущего и игре по правилам, и игре с правилами, и игре против правил.

Естественно, здесь же возникает вопрос о роли правил-рецептов в выборе. Надо ли долго доказывать, что “запрашиваемый” здоровым смыслом морального сознания “рецепт” мотивирован особым риском решения конфликтной ситуации, а правила морального решения несут в себе основное противоречие здравого смысла – позицию стихийного сциентизма, жаждущего уже готового, предназначенного решения, с одной стороны, моменты креативности в ситуационном анализе конфликта – с другой.

Особо выделим проблему “правила правил”, проблема выбора самих правил. Независимо от того, считается ли такой выбор нейтральным в моральном отношении или рассматривается как предмет обязательной “моральной проверки” на жизненных дорогах, включается ли эта проверка в процесс “игры с правилами” в статусе “правил игры” или задает лишь внешние моральные рамки выбору правил, очевидно переплетение *всех трех видов* правил: праксиологических, моральных, игровых. Как же трактуется и как используется этот объективный фактор “переплетения”?

Проанализируем одну из версий. “Если допустить выбор из различных возможностей, то позволительно выбирать и из правил жизни.

Смена этих правил и даже намеренные отклонения от них не всегда означают нарушение морали. Выбор и смена правил не содержат ничего аморального, если имеют целью найти наиболее эффективный из многих морально равноценных и допустимых способов решения задачи. Короче говоря, смена правил и отклонения от них позволительны при соблюдении норм морали”, – пишет П.В. Корнеев¹⁶⁵.

Для разработки принципов создания и осуществления жизненной стратегии автор считает целесообразным провести аналогию между правилами жизни и правилами игры. “Основной смысл и ценность игры, на наш взгляд, состоят в развитии доброй воли человека, в добровольном подчинении всех игроков правилам игры, добровольном и честном выполнении этих правил, в добровольном объединении и общении людей на этой основе”¹⁶⁶. Несомненно, в таком подходе “схватен” существенный момент игрового видения морали (добрая воля, честность, объединение и т.п.). Но потенциал этой точки зрения ограничен: в ее рамках трудно “иноходцу”. Не в том, разумеется, смысле, что, как отмечает П.В. Корнеев, “животные не договариваются между собой о правилах игры, не обязуются выполнять их”, а в том, что игровое видение моральной нормы интерпретируется только как *исполнение* нормы, оставляя в стороне нравственное содержание *нарушения* нормы, *создания новой* нормы, именно нормы морали, а не просто праксиологического правила. Тем самым практически неизбежным оказывается и односторонний подход к проблеме *метаправил*.

“Признание метаправил, – пишет П.В. Корнеев, имея в виду правила о том, как применять правила, а для этих правил свои правила и т.д., – влечет за собой “регресс в бесконечность”. Чтобы избежать этой ловушки, он выделяет три фактора, делающих метаправила излишними: правила жизни воздействуют друг на друга и в этом процессе взаимно координируются; человек обладает интеллектуальной способностью распознавать соответствие правила и случая; противоречия, неразрешимые на абстрактном уровне, преодолеваются в практической деятельности”¹⁶⁷.

Возможно, здесь предложено действительно эффективное средство от “логических ловушек”, связанных с правилами жизни, но применимо ли оно к нравственной жизни? Мы не ставим задачу обсуждать роль “золотого правила”, “категорического императива”. Однако напомним представленный выше тезис о неизбежности морального риска при любых ситуациях выбора. Неизбежности риска в обеих ипостасях морального творчества. Риска оказаться догматиком или релятивистом, когда стремишься не впасть в моральный нигилизм по отношению к традиционным нормам, к “истокам”, с одной стороны. Риска, неиз-

---

¹⁶⁵ Корнеев П.В. Жизненный опыт личности. М., 1985. С. 99.

¹⁶⁶ Там же. С. 96.

¹⁶⁷ Там же.

бежного при стремлении обрести мужество в инноватике – с другой. Переход от тоталитарного общества к гражданскому никому не дает уйти от такого риска. И игровая культура – одно из средств освоения ситуаций морального риска; в ней, вероятно, заключается действительная альтернатива “дурной бесконечности”, к которой может привести идея метаправил.

“Правила игры” как преодоление “правил жизни” отражают естественный феномен культуры – это, говоря словами из культурологического исследования Ю.М. Лотмана, “правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы”¹⁶⁸. В сфере нравственной жизни такого рода естественный феномен сосуществования правил и исключений, феномен игры с правилами также атрибутивен.

5. Трудность задачи не исчерпывается уточнением характеристики этико-праксиологического подхода к исследованию конфликтных ситуаций морального выбора как подхода, оптимизирующего “правила игры”, культивирующего саму игру с этими правилами как способ этико-праксиологического творчества. Необходимо еще найти и укрепить позитивный смысл самого понятия “правила игры”, чаще всего трактуемого даже не нейтрально и не скептически, а морально негативно.

В каждом случае обсуждения правил игры в той или иной сфере человеческой деятельности мы должны исходить из презумпции доверия и уклоняться от априорного односторонне негативного отношения к правилам. Возьмем, например, “бюрократические игры”. Лицемерие, манипуляция, имитация? Или же это все-таки игра по каким-то “своим” правилам, которые могут и должны стать объектом беспристрастного анализа и, на его основе, предметом “контригры”? И можно ли из словосочетания “бюрократические игры” убрать второе слово, заменив его чем-то другим? А может быть, речь идет именно об игровом поведении? Если “да”, то в чем его специфика с точки зрения правил? “Правила” такой “игры” имманентны системе? Эффективны только для административно-командной системы? Или эти правила разрушают любую систему?

Во-первых, при ответе на эти вопросы не разделить праксиологическую и аксиологическую составляющие правил любой игры. Во-вторых, без “правил игры” нет ни первой, ни второй составляющей морального выбора в любой сфере человеческой деятельности. Ведь и в политике, и в предпринимательстве, и в менеджменте, и в шахматах, и в картах, и в жизни встречаются, например, и блеф, и честные правила. Так что ж, любой игрок в карты – “картежник”? Любой предприниматель – “деловар”? Любой политик – политикан? Или же есть и честные игроки? Конечно, последний вопрос риторичен.

6. Конкретизируем вопрос о возможности и правомерности квалификации кодексов честной игры в конкретных сферах человеческой

---

¹⁶⁸ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М., 1988. С.159.

деятельности – политика, воспитание, профессиональная деятельность, спорт, предпринимательство и т.п. – с точки зрения критериев собственно *нравственного* выбора. Одно основание для такого приложения мы уже называли: речь идет об игровой деятельности как поведении в ситуации неопределенности, вероятности разных (а иногда и равных) возможностей, риске прийти как к победе, так и к поражению, о вере в удачу и т.п. *Фронестический* потенциал игры – целенаправленная попытка испытать свою судьбу, разрешить конфликт неопределенности, вероятности, случая, с одной стороны, и жажды успеха, улыбки “Госпожи Удачи” – с другой.

Второе, очевидно связанное с первым, основание заключается в трактовке игры как такого вероятностного поведения, в котором соперничающие стороны *равны в риске*. Если еще раз обратиться к представлениям об игре как модели жизненного поведения, то игра по правилам в нашем анализе – это не правила “выигрыша у случая”, персонифицированного, например, в продавце лотерейного билета или в банкомете, а *стратегия соперничества*. В этой стратегии как раз и снято упомянутое выше неравенство риска у противников, как, например, у понтера и банкомета¹⁶⁹. Риск и удача в этой стратегии сопряжены с рациональной деятельностью, с расчетом и мастерством.

Нелишне, видимо, напомнить, что игровая фронестика ориентирована прежде всего на игры типа “game” (в этом смысле предприниматель, профессионал в политике, образовании и т.д. – не “плейбой”, а “геймбой”?), регламентированные особыми правилами. И правила такой игры противоположны кодексу, например, шулера Казарина из лермонтовского “Маскарада” (“Что ни толкуй Вольтер или Декарт, / Мир для меня – колода карт, / Жизнь – банк, рок мечет, я играю, / И правила игры я к людям применяю”).

Игровые правила держат игру. Определенные правила держат определенный тип игр – у каждой свои правила. Мы принимаем или не принимаем эти правила вместе с решением играть в эту игру, даже если стремимся играть против правил, ломая одну и создавая новую традицию.

7. Рассмотренные выше основания имеют непосредственное отношение к проблеме моральной квалификации “правил игры”. “Игра с правилами” в сфере морального выбора – вплоть до их нарушения – следствие атрибутивной для такого выбора неопределенности – вариативности – нравственных решений. Игра здесь – это “освоение” нравственных правил и последствий их применения. Игра – лаборатория нравственной свободы.

Мифология связывает первый акт человеческого выбора с нару-

---

¹⁶⁹ См. об этом подробно статью Ю. Лотмана “Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века” и книгу С. Рассадина “Гений и злодейство или дело Сухово-Кобылина” (М., 1989).

шением правила-запрета. “Мужчина и женщина живут в садах Эдема в полной гармонии друг с другом и природой. Там мир и покой, там нет нужды в труде, нет выбора, нет свободы, даже размышления не нужны. Человеку запрещено вкушать от дерева познания добра и зла. Он нарушает этот запрет и лишает себя гармонии с природой, частью которой он является, пока не вышел за ее пределы. С точки зрения церкви, представляющей собой определенную структуру власти, этот поступок являлся бесспорно греховным. Однако, с точки зрения человека, это – начало человеческой свободы. Нарушив установленный богом порядок, он освободился от принуждения, возвысился от бессознательного предчеловеческого существования до человеческого. Нарушение запрета, грехопадение, в позитивном человеческом смысле, является первым актом выбора, актом свободы, то есть первым *человеческим* актом вообще”, – писал Эрих Фромм¹⁷⁰.

Нет ли известной односторонности в нашем внимании к акту *нарушения* правил при характеристике правил игры с моральными правилами? Ведь моральная традиционность всегда была сильнее стремления к инновациям. И даже имморализм вызывал скорее скепсис, чем поддержку. В свою очередь, сама имморалистическая позиция скептика в отношении к “новым правилам”. Так, например, настроен имморализм “лагерного человека”, исследованный в работе В. Дудченко “Гражданин-невидимка. Сопrotивление и сила лагерного человека”. Отметим в характеристике автора не столько новые акценты в мотивации имморалистической позиции, сколько тотальный скепсис ее последователей. “Что дальше? Не ясно. Стреляного воробья на мякине не проведешь – лагерные люди не спешат менять свою защиту на плюрализм и конкуренцию, даже если впереди обещают “правовое государство”. Сумеет ли человечество воспользоваться их опытом, опытом людей, уже повидавших гибель цивилизации? Или впереди у нас новая попытка сплести над человеком новую сеть обязательств, – а потом, по наезженному пути, новый крах?”¹⁷¹.

Вопрос не риторический и предельно трудный, в том числе и для исследователей этики гражданского общества и правового государства. И все же этим вопросом проблемы “новых правил” не снимаются, не снимается и вопрос об игровом подходе к ним. Как нам представляется, этот подход применим ко всем проявлениям нравственных правил: к нормам традиционным и инновационным, даже к имморалистической позиции (если, разумеется, не представлять игровую методологию в извращенном виде “лагерного моделирования”). Применим не только в смысле прагматизма непосредственного, проявляющегося, например, в мотивированном риске, связанном с расчетом шансов на

¹⁷⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С.38.

¹⁷¹ Дудченко В. Гражданин-невидимка. Сопrotивление и сила лагерного человека // Век XX и мир. 1991. № 5. С.30.

успех¹⁷², но и в смысле риска “*надситуативного*”. Автор гипотезы о таком типе риска В.А. Петровский показал, что надситуационный риск – особая форма проявления активности субъекта, и такой риск выступает не как характеристика цели деятельности, а в виде самостоятельного мотива, “риска ради риска”¹⁷³. И существование этого феномена тесно связано с практикой предварительного моделирования акта выбора, “проигрывания” решения.

8. Возвращаясь к вопросу о роли выбора “честной игры”, отметим еще раз: с помощью сюжетов из современного отечественного делового этоса легко опровергнуть тезис о том, что Дело воспитывает честность и погашает лживость. Но есть аргументы, способные противостоять поверхностной логике “очевидности”.

Плодотворен, на наш взгляд, способ опровержения такого рода “очевидности”, примененный Г.С. Батыгиным в характеристике предпринимательства как своего рода религии, “религии дела”, в рассмотрении предпринимательской деятельности как призвания, требующего послушания, аскезы.

Автор заранее предвидит вопрос, задаваемый с негодованием: “Где это ты видел аскетов среди дельцов?”, – и готов ответить контрвопросом: “А где ты видел дельцов?”. По мнению Г.С. Батыгина, “то, что происходит ныне, – не бизнес, а сшибание денег или, на худой конец, подборание их с земли, где сейчас валяется денег сколько угодно, если, разумеется, их можно назвать деньгами”. И далее автор показывает необходимость учитывать общецивилизационные критерии правил “честной игры” при аттестации процесса зарождения современного отечественного предпринимательства.

Происходящее в нашей предпринимательской практике, с его точки зрения, нельзя назвать даже школой бизнеса, ибо такая школа зиждется на усвоении правил. “Предположим, ориентируясь в духе времени на конечный практический результат, мы будем обучать дельцов – не побоимся этого слова – шельмовать и квалифицированно обманывать партнеров. Очень бесполезные знания! Это все равно, как если бы в шахматной школе, наряду с дебютами и эндшпилями, изучались приемы кражи фигур с доски, запугивания противника, подкуп судей и т.п. Успех здесь гарантирован только в одном случае – если большинство игроков-деловых людей останутся доверчивыми простаками, не умеющими записывать ходы. Попросту говоря, нужны дураки. Но правила игры – шахматной ли, жизненной – не могут включать в качестве посылки наличие дурака, они по своей природе общезначимы, легитимны для всех участников и являют собой необходимое условие

---

¹⁷² Альгин А.Д. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С.92-93.

¹⁷³ Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дисс. на соиск. ученой степ. докт. психол. наук. М., 1977. Его же: Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

нормальной, то есть честной предпринимательской работы”.

Здесь автор делает предположение о том, что было бы в том случае, если бы “правила блефа были признаны как всеобщие”. Это предположение вполне реально, потому что нашим плановикам и управленцам в госсекторе до сих пор приходится осваивать методику приписок самоучкой. «“Теория и практика махинаций” должна быть введена в программу планово-экономической подготовки». Но тут же опровергает эту версию: “нелогичное невозможно: система социальных связей терпит крах, наступает эпоха общественной дезорганизации, мир теряет смысл, господствуют произвол и дурацкое право сильного схватить лучший кусок”¹⁷⁴.

Вольное или невольное постоянное соотнесение советской и постсоветской моделей этоса дела с общецивилизационным эталоном – или, наоборот, коррекция этого эталона при исследовании инвариантных оснований такого этоса в их приложении к советской и постсоветской версиям – выводят на проблему *уровня* моральности практикуемых “правил игры”, исторической *динамики* в понимании той или иной *меры* честности этой “игры”. В этом заслуживающем самостоятельного обсуждения вопросе необходимо учесть такое обстоятельство, как необходимость исторической конкретности при сравнении современного этоса с практикой предшествующих эпох.

Новый “игровой космос” в отечественных обстоятельствах становится сегодня все более “игрой на выживание”, акцентирующей скорее правила борьбы, чем правила сотрудничества. Как эта тенденция смотрится в исторической ретроспективе? Автор специального исследования “О некоторых изменениях в этике борьбы” М.Оссовская в свое время убедительно показала относительность прогресса в смягчении правил борьбы. «Принято считать, – отмечает автор, – что борьба, которая ведется на наших глазах – как с помощью, так и без помощи оружия, – стала более жестокой, во всяком случае, по сравнению с тем, как обстояло дело в Европе в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Довольно часто говорится о том, что тогда кодекс борьбы был заключен в какие-то рамки “честной игры”, *fair play*, допускал отказ от некоторых норм целесообразности в пользу моральных норм; теперь же, наоборот: моральные ценности подчинены соображениям эффективности, что придает борьбе особую беспощадность»¹⁷⁵. “Не будем идеализировать прошлое”, – призывает М. Оссовская, предлагая при этом обратить особое внимание на те факторы, которые влияли на *смягчение* правил борьбы. В перечне этих факторов она особо выделила *игровую мотивацию*. А мы, со своей стороны, напомним о целой серии международных конвенций, систематические нарушители которых ставят себя вне международного сообщества.

¹⁷⁴ Батыгин Г.С. Ода бизнесу и бизнесменам//Менеджер.1990.№5(11).С.4.

¹⁷⁵ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987. С. 490.

9. Обращаясь к проблеме конвенциональности правил игры, сразу же обратим внимание на распространенность такой ситуации в сфере институционального порядка, когда вполне честная для *каждой* из команд игра в целом идет по *разным* правилам. Можно ли играть эффективно, если на одном и том же поле одна команда играет в американский футбол, а другая – в европейский? Выход следует искать с помощью конструирования рациональных, *конвенционально ус-танавливаемых* правил честной игры. Среди оснований такой работы – различие "конкуренции" и "противоборства", ибо их неразличение почти столь же грубая ошибка, как и непонимание разницы между спортивной борьбой и дракой. Аргумент для этого различения: буквальный смысл слова "конкуренция" – состязание в беге (конкур), а не столкновение. В случае конкуренции бегут, продвигаются вперед все конкурирующие стороны. И в этом смысле имеет определенные достижения и проигравший. Честная конкуренция без подножек бегущему рядом – это не борьба, это спорт. А в спорте проигравшего не уничтожают. Более того, дают утешительный приз, особенно если проявлены воля, упорство, честность. Конкуренция – это если и не сотрудничество, то и не антагонистический конфликт на уничтожение.

Сосредотачивая внимание на конвенциональной природе правил честной игры, начнем с того, что мораль гражданского общества в целом, мораль профессионалов и предпринимателей в том числе, является не только итогом естественно-культурного отбора, но и плодом соглашения равноправных моральных субъектов, возникает эволюционным путем, но в то же время и в результате договора.

Конвенциональность не означает, будто формирование норм, обсуждение и мероприятия по последующему их принятию деловым сообществом осуществляются на каком-то, условно говоря, селекционном совещании всех членов "цеха" или же на собрании специально делегированных представителей сообщества, его организаций. Эти нормы рождаются скорее стихийно, в результате длительного отбора методом проб и ошибок, с последующей их кристаллизацией. Субъекты такого отбора – прежде всего "продвинутые" группы сообщества, успевшие раньше других "прожить" как "болевые точки", так и "точки роста" становления этоса дела. При этом не просто включаются механизмы мимесиса, социального подражания, но весь творческий процесс сопровождается и стимулируется организационными усилиями по формулированию, их кодификации. Не случайно говорят о скромной этике контракта, подчеркивая тем самым договорной характер, способ возникновения ее установлений, методов нормотворчества и, вместе с тем, минимальный характер требований, которые не могут не опираться на более широкие и глубокие нравственные основоположения, мировоззренческие принципы.

Природа корпоративного духа предполагает добровольное объединение профессионалов на основе правил честной игры (но, ко-

нечно, не общего мировоззрения, что исключило бы общецивилизационный культурный плюрализм). При этом обоснован и вопрос о выборе базовых ценностей для предпочтения тех или иных правил или их последующих изменений.

Профессионально-нравственная конвенция – это прежде всего соглашение по поводу нравственных оснований разных видов конвенции – кодекса, хартии, декларации, нормативного манифеста и т.п. Узаконенные конвенцией правила игры представляют собой не только “чисто” моральные императивы (которые, как известно, не обладают никакой властной силой, кроме авторитета личности или корпорации в целом, предполагая осуждение отклоняющихся поступков духовными средствами и самоосуждение). Эти правила образуют некий симбиоз этико-правовых нормативов, организационных норм, при условии, конечно, если последние не диссонируют с моральными нормами, содействуя строительству и саморазвитию профессиональной корпорации в заданном ее “основателями” направлении. При этом важно, чтобы этическую функцию кодекса не подавлять, не маргинализировать, не отеснять административно-правовой “составляющей” кодекса.

10. Еще раз подчеркнем, что в практических применениях делового этоса существует соблазн свести его к *чисто* конвенциональным нормам и тем самым *спровоцировать* профессионалов на циничное понимание успеха. Правда, широко распространено суждение, согласно которому, если жульничество невыгодно, а соблюдение правил (“честность”) дает эффект, например, благодаря хорошему имиджу, то “можно играть и по правилам”. Однако это скорее условный императив – минимум, без которого мораль повисает в воздухе над грешной землей, не востребована земной жизнью. Но уверенность в самодостаточности этого минимума может “разбудить” в нем ген аморальности и породить ненадежность этоса дела с точки зрения общечеловеческих нравственных ценностей.

Как мы уже отмечали выше, игра – не только “игра по правилам”. И даже не столько “игра с правилами” как одна из черт моральной рефлексии. За “игрой с правилами” должна стоять Большая Игра, игра как экзистенциальный феномен, оправдывающий само дело, открывающий человеку смысл его дела, его земного призвания. Поэтому мы полагаем, что игровой подход к этосу этоса дела – одно из средств противостояния аморализму, кроющемуся в гиперболизации роли конвенциональной стороны “правил игры”. Он помогает демифологизировать конвенциональное начало, возвысить условный императив до качества быть средством реализации *категорического императива успеха*.

Без такого подхода трудно отграничить поле игрового творчества субъекта этики успешной деятельности, где мы видим: а) столкновение традиций и инноваций, когда новое часто идет в форме морального зла; б) возможность реализовать должное лишь насущными, а по-

тому тотально неадекватными средствами ("меньшее зло"); в) конфликт ценностей и норм внутри одной системы морали – и между моральными системами; г) атрибутивный риск неопекаемого человека – поле игрового творчества субъекта этоса успешной деятельности.

Тезис о "правилах честной игры" как признаке делового этоса связан, как отмечалось выше, с конвергенцией сфер абсолютного и конвенционального в нормах морали. Конвенциональные правила выполняют роль регулятора соглашения об исключении возможности несправедливой победы. Намеренно разводя успех и удачу, подчеркнем, что успех – личная заслуга в следовании правилам честной игры. Но выигрыш одних, хотя и может означать проигрыш других, не должен вести к тотальному попранию интересов проигравших, поскольку само участие в игре по правилам, цементируя устои цивилизованного существования людей в целом, дает новые шансы для последующих выигрышей.

Презумпция честной игры такова: принятие всеми ее участниками гуманистических ценностей не только в качестве побудителей активности в деле, но и в качестве ее же ограничителей; способность сбалансировать то и другое, понять, где и когда надлежит отказаться от применения правил целесообразности в пользу императивов Добра.

9.2. Правила, которые мы выбираем.

Аналитический обзор экспертных суждений

Начнем анализ материалов проекта "Городские профессионалы", связанных с проблемой "правил игры", с характеристики Дела, с которым сам эксперт и общественное мнение связывают имя участника проекта, Дела, в котором и воплощены избранные им правила игры, благодаря которым, в свою очередь, и проявилась успешность его профессионализма. При этом мы не ставим своей задачей всесторонний анализ образов дела, как их представили участники проекта. Выделим лишь несколько моментов.

Прежде всего, мало кто из авторов анализируемых текстов готов говорить о деле своей жизни начиная слово "дело" с большой буквы. Так, один из них готов сказать о себе, что он *"создал газету, которая не похожа на другие"*, однако *"назвать ее Делом, с большой буквы, по аналогии с "Делом Артамоновых", с "Делом Локвудов", я бы не решился"*. И как нам кажется, не только *"в силу небольших все-таки масштабов предприятия"*. Другой эксперт, даже применяя образ дела как храма, обходится без прописной буквы: *"...Этот храм я построил сам. Дай Бог, не в последний раз"*. Обходится, хотя любит прибегать к метафорам: *"Дело, которым я занимаюсь, можно определить как конструирование. Дело, в котором человек не просто по чьему-то заданию обтесывает бревно, а сам придумал новый дом"*.

Отметим, что участники проекта выделяют в созданном ими деле особый – человеческий – аспект. Так, по мнению одного из них, лишь *"на первый взгляд легко сформулировать, в чем заключается мое*

дело”, сказав, что создал Тюменский научный центр. Только на первый взгляд, ибо *“Тюменский научный центр, Институт криосферы Земли – названия учреждений, и вряд ли руководство этими учреждениями стоит считать делом своей жизни”*. По мнению автора, *“важнее то, что кроется за этими названиями”*. Поэтому *“Делом своей жизни”* он *“хотел бы считать творческий коллектив людей”*, которых *“собрал вокруг себя”*, которым *“всячески помогаю, поддерживаю, стараюсь увести от конфликтов, чтобы все их способности были направлены на творческую деятельность”*. И так, *“творческий коллектив ТНЦ, консолидация профессионального сообщества, которое создавал еще мой отец, перевод сообщества на другой качественный уровень – этим стоит гордиться”*.

“Человеческое измерение” образа своего дела выделяет и другой эксперт. Пытаясь определить для себя, что такое работа главы города, он пришел к выводу, что это, *“прежде всего, необходимость понимания и реализации интересов всех, живущих в этом городе”*. Обсуждая возможность реализации этой цели, автор текста говорит, что *“в любом случае необходимо стремиться понять интересы людей и последовательно проводить эти интересы в жизнь. Это предел того, к чему должен стремиться глава города”*. Но разве легко удовлетворить интересы всех одновременно? *“В тех ситуациях, когда интересы одних групп горожан противоречат интересам других групп, приходится принимать решение, опирающееся на принцип демократического большинства”*. При этом, понимая, что какая-то часть населения будет против принятого решения, старается *“с помощью социологов, СМИ, опираясь на собственную интуицию, действовать в интересах большинства, одновременно смягчив негативные последствия такого решения для оставшейся в меньшинстве части населения”*.

Следующий ход нашего анализа – вопрос о миссии, “духе” и принципах избранного экспертом Дела. Миссию своего дела один из участников проекта характеризует так: *«В моем понимании средний класс – это тот слой общества, представители которого задали, прежде всего, себе вопрос: “если не мы, то кто?”»*. Понимая, что такой же вопрос *“задавали в свое время и пролетарии”*, автор текста отмечает, что из двух задач революции – разрушение старого и построение нового – *“в нашем отечественном опыте пролетарии ограничились первой задачей: может быть, потому, что разрушить легче. А мы, средний класс, берем на себя конструктивную функцию. Созидать должны люди, которые понимают и тенденции развития общества и то, что нужно сделать для изменения его”*.

В качестве примера эксперт рассматривает *“идеологические и практические мотивы”* создания международного колледжа (теперь он называется ТМИЭП). *“Я пыталась не просто выдвинуть и обосновать свой замысел создания института как созидательно-констру-*

ктивную идею, но найти единомышленников и адекватно эту идею реализовать. Мы понимали, что надо создавать вуз, который бы взял то хорошее, что есть в уже сложившейся в России и за рубежом системе образования, и сориентировать его на будущее, на подготовку профессионалов двадцать первого века". Далее специально отмечается, что "не менее важным считали найти такие способы реализации своей концепции, которые бы не подменили саму цель". Для этого предстояло "обеспечить единство в понимании цели и преподавателями, и выпускниками института. Прежде всего, понимание того, что если человек не за себя, то кто за него? Но если он только за себя, то зачем он? Важно, чтобы деятельность человека приносила что-то не только ему, но и другим: его окружению, его городу, его стране".

Внимание к степени осознания экспертами связи принципов и правил, роли своего рода метафизической базы принимаемых экспертом правил игры – один из основных моментов анализа. Так, стремление выразить в принципах и правилах реформаторский дух своей организации – университета, проявил один участник проекта, рассказывающий о трансформации вуза: "Мы выработали для себя неписанные правила поведения – чего мы не можем делать и с чем должны сверять все наши решения (например, ухудшает или улучшает положение вуза любое принимаемое решение)". Эти правила имели определенные ориентиры. "Прежде всего наши правила были ориентированы на сохранение коллектива, хотя некоторые полагали, что в кризисной ситуации важнее сохранить здания, сооружения. Да, в стратегии спасения вуза у нас доминировало не строительство новых корпусов (хотя, как видно на примере деятельности ТГУ, это всегда заметно, всегда почитаемо), а сохранение коллектива".

Второй ориентир: «Наши правила предполагали и ориентацию на принцип "не мешать работать". Как известно, каждый первый руководитель отождествляет себя со своей организацией: ее успехи – мои успехи, ее поражения – мои поражения, мои успехи и поражения – успехи и поражения организации. Понимая эту ситуацию, наша администрация осознанно пришла к выводу, что мы не самые лучшие, не самые ответственные в университете и не должны препятствовать другим, допустим, профессору П, сказать: "Я – это университет, университет – это я"».

Еще один принцип реформирования: "Считая, что вся идеология наших реформ заключается в прагматичности, ставя себе высокие цели, мы как управленцы не позволяем себе рваться к ним, перепрыгивать через ступеньки". Поэтому "на одну поднялись, осмотрелись (твердо стоим?), только тогда делаем следующий шаг. Ведь очень многие идеи были провалены в Советском Союзе только из-за поспешности". А так как «люди хотят жить хорошо уже сейчас, потому что завтра уже будет не их жизнь, и никто не дает в этом

мире гарантию, что если я сегодня “выложусь”, то завтра мои дети будут жить лучше», правилом стало “создать такую обстановку, чтобы сегодня, сейчас каждому сотруднику университета работалось комфортно, чтобы он получал максимум от того, что мы можем в этой обстановке создать для него”.

Один из экспертов проекта говорит, что давно уже определил для себя принципы делового этикета, положив в их основу “сочетание двух, казалось бы, взаимоисключающих правил”. Правило № 1: “Я могу все”. Конкретизация: “Раньше, смеясь, говорил себе, что велик, как весь советский народ. Не должно быть сомнений в том, что у тебя все получится, должен быть некий комплекс сверхценности”. При этом для автора суждения само собой разумеется, что «этот комплекс предполагает трудолюбие. Надо работать и работать. При этом нужно трудиться и над самим собой. Своим ученикам я часто повторяю фразу из анекдота: “не получится чав-чав, сделаем вач-вач”. Не получится так, получится по-другому. Если ты реализовал свою программу на 75%, это уже хорошо, потому что они могут быть равны 250% для кого-то другого. Все зависит от того, какие цели ставишь».

Итак, в соответствии с первым правилом “ты должен иметь комплекс сверхценности, считать себя талантливым, гениальным, великим”. Другую сторону вопроса регулирует правило № 2, согласно которому ты «должен постоянно помнить, что ты маленький-маленький человек, самый маленький в этом мире. Это важно для того, чтобы не вырастить в себе гордыни. Чем больше ты достигнешь в жизни, в деле, тем более маленьким должен ощущать себя. Для самого себя. Парадоксально? Конечно. Но ты ни в коем случае не должен “надувать щеки”, должен помнить, что твоя жизнь скоротечна».

Еще один опыт выхода эксперта на формулирование Кредо, как видим, далеко не случайный для участников проекта. Одна из экспертов привела в своем рассуждении два своих любимых тезиса, “которые обычно говорила и в советское время”. Первый тезис полемичен в отношении известного принципа “Я отвечаю за все”. Полемичен, ибо часто это значит, что человек ни за что конкретное не отвечает. Более точным для нашего эксперта представляется тезис, согласно которому “человек ответственен за ту сферу деятельности, которую он реализует, за ту ситуацию, которую он создает, и за то, что он делает в этой ситуации – или не делает”. Вывод из этого тезиса: “в той ситуации, в которой мы сейчас живем, каждый должен максимально делать то, что может улучшить эту ситуацию в том месте, где он находится. И если бы все это понимали, если бы все так поступали, то, наверное, не сложилась бы такая кризисная ситуация”. Второй тезис: “Жить не уважая кого-то (одного – уважаешь, другого – не уважаешь) можно, но жить не уважая себя, по-моему, –

нельзя. Счастливы тот человек, который приближается к тому, чтобы жить уважая себя. Конечно, деньги в наше время много значат. Но я хорошо знаю, что на тот свет уходят такими, какими родились. И ничего материального с собой не берут. А вот память хорошую оставить можно”.

Автор ожидает вопроса об эффективности деятельности, в основу которой положены эти принципы, и уверенно отвечает на него. *«Может показаться, что это мысли “типичной интеллигентки”, а не рационально думающего человека среднего класса. Но рационализма у меня, кажется, достаточно. Ведь говорили: “ее институт не состоится, через полгода развалится”, “через год развалится”, потом – “через два ...”. А ведь не развалился. И верю, что он будет развиваться и в двадцать первом веке!».*

На наш взгляд, осознание “духа” избранного дела, его Кредо, стимулирует участников проекта на обстоятельный и разносторонний анализ своего Кодекса, правил игры. Вот суждение, которое связывает “дух” и правила игры, характерные для профессиональной журналистики. Сначала эксперт приводит в качестве примера один фоторепортаж, о котором он вспоминает все время. *«Во время Вьетнамской войны офицер “той” стороны (не нашей, не социалистической), сайгонский офицер, убивает вьетконговца. Фоторепортер выхватил этот момент: чуть ли не пуля вылетает и сейчас прикончит вьетконговца». Затем формулирует ситуацию выбора для корреспондента. “Что должен делать в этой ситуации фоторепортер? Остановить руку офицера? Броситься, закрыть грудью, да?”. По мнению автора суждения, “выступая как бы регистратором, каким-то образом сумеет передать боль человека, в которого сейчас войдет пуля, фоторепортер сделал больше для человечества, чем если бы прикрыл жертву”. Конечно, “остаётся извечный спор - всеобщая справедливость или боль одного человека”. И еще раз: «“Регистратор”, тот журналист, который в данный момент оказался свидетелем, очевидцем событий, поступил профессионально. Кстати, он, может быть, тоже рисковал, потому что мог получить следующую пулю. Но это – риск профессионала».*

Не используя слова “кодекс”, “кредо” и т.п., один из экспертов наглядно демонстрирует ясное понимание роли правил игры в исполнении избранной им профессиональной роли, в нормах-разрешениях и нормах-ограничениях человека, принадлежащего к элите научного сообщества. *“Что значит сознавать себя человеком научной элиты? Это прежде всего ответственность за свой высокий статус. Я не могу себе позволить того, что, например, может себе позволить маргинал или коммерсант. Необходимо учитывать то, как мои поступки скажутся на моих коллегах в Академии, в моем коллективе. Оглядываясь на них, уже не могу быть безграничен в своих действиях, должен отвечать за выполнение определенных норм. Да, нормы*

поведения элиты – это не только права, а еще и обязанности. Но ты привыкаешь к ответственности и потому достаточно легко ограничиваешь свою свободу действий”.

Конкретизируя эти рассуждения, эксперт говорит об ограничениях на занятия предпринимательством для человека научной элиты. *“Занимаюсь предпринимательством, но не так, как мог бы им заниматься, не будучи в этой элите. И масштабы, и цели тогда были бы другие, и средства”.* И дело не в том, что *“сейчас я не могу жульничать, а тогда бы жульничал. Нет”.* Дело в достойной стратегии. *“Можно было бы поставить себе цель лично заработать капитал, а потом, живя на проценты, эти капиталы вкладывать. Бизнесмен может избрать себе такую стратегию, а я не могу. Во-первых, потому, что наука – основная сфера моей деятельности, а если бизнесу не отдавать все свои силы и все свое время, капитала не заработаешь. Во-вторых, есть и внутренние запреты: не могу жить намного лучше тех, с кем живу и работаю”.*

Еще один участник проекта говорит о своем личном кодексе “правил игры” и выделяет *“стремление к честности и справедливости”.* В связи с этим в качестве одного из важных правил считает *“обязательное стремление искать компромиссное решение. В этом плане для меня лучше худой мир, чем война”.* Кроме того, *“не приемлю предательство, подлость, противно лицемерие. Не сказал бы, что так же категорично не приемлю в людях трусость. Если человек совершил предательство, проявил подлость, личные отношения для меня исключены. А вот если кто-то струсил, я попытаюсь все-таки понять, что это было, почему так случилось”.*

Большинство экспертов акцентировали роль правил реализации поставленной цели и обсуждали известный принцип *“цель оправдывает средства”.* Так, формулируя для себя *«вопрос о “правилах игры”, прежде всего – о допустимости добиваться успеха любой ценой»*, проблематизируя его: *«приемлемо ли правило “цель оправдывает средства” или ориентированный на успех человек не должен шагать по людям?»*, один из экспертов отмечает, что *“простого ответа нет, ибо трудно избежать соблазна воспользоваться этим правилом, например в борьбе за какую-то должность”.* С точки зрения автора суждения – работника вуза, *“сохранить руки чистыми вполне можно в нашей сфере деятельности: имей знания и талант и дерзай, стань доктором, даже академиком. Но профессионалам в политике, в бизнесе сохранить чистые руки и добиться успеха – задачи трудно совместимые”.* Вывод подтверждается примерами поведения политиков и федерального, и регионального масштаба: *“Разве мы не знаем, как они зачастую добиваются успеха: не гнушаются запретными приемами, ущемляют права соперников и т.д.”.*

Конкретное воплощение общего тезиса о необходимости цивилизованных правил игры в бизнесе показывает эксперт, руководящий

промышленно-торговой компанией. *“Я как генеральный менеджер должен был выстроить такую схему работы компании, разработать такие правила игры, чтобы люди поверили мне, пошли за мной – и достигли ожидаемых результатов. Так, нам пришлось продумать систему мер, которые позволяли бы нам отличаться от конкурентов. Среди таких мер - вывод: самый лучший продукт тот, который не производят конкуренты. Именно поэтому мы пришли к разработке новых сортов печенья, которые никогда не производили не только в Тюменской области, но и в России. Кроме того, стали производить вафельные изделия, которые ранее не производились не только в Тюмени, но и в окрестных областях – Свердловской, Омской, Новосибирской и т.д. И вот в периферийном городе Тюмени мы стали в какой-то степени законодателями кондитерской моды на некоторые виды изделий”*.

Эксперты видят этическую роль средств в процедуре выбора критерия определения нравственного достоинства целей. Приведем суждение, говорящее само за себя. *“Что можно сказать о практикуемых мною правилах игры? Культивируя в себе и других ценность успеха, считаю недопустимым забыть, что успех успеху – рознь, что есть успех жуликов и успех порядочных людей, есть и не-успех неудачников, и принципиальный отказ от стремления к успеху людей, у которых другие ценности. И, видимо, лучший способ различить типы людей, ориентированных на успех, – посмотреть на правила, по которым они играют. По самому успешному результату деятельности никак не узнать, что за человек перед вами. Но можно выявить правила игры, которыми тот или иной успешный профессионал руководствуется”*.

Разумеется, вопрос об эффективности оценки деятельности человека по практикуемым им правилам игры не так прост. Так, например, один из экспертов сформулировал весьма острую ситуацию. Давно собираясь организовать при университете Клуб успешных профессионалов, он задумался над тем, кого пригласить? Проще всего тех, *“кто достиг всем известных успехов”*: *“один – профессор, другой – директор, третий – богатый и т.д.”*. А еще по каким критериям? Далее следует перечень определенных правил игры. *“Я лично готов объединиться в таком клубе с людьми, разумеется, состоявшимися, а кроме того, разделяющими ряд моих правил: я не вражду с теми, кто живет, ориентируясь на иные ценности, чем у меня; я не презираю слабых: неудачники, слабые, уклонившиеся от успеха имеют такое же право в этом мире; я никогда не буду воровать, хотя некоторые, жульничая, иногда добиваются и больших, чем у меня, успехов... Вокруг такого рода правил я готов кооперироваться с другими профессионалами. Мне бы хотелось, собравшись в этом клубе, чуть-чуть продвинуться в своем понимании мира”*. И, наконец, более трудное: *“А как быть с людьми, живущими по другим правилам? Звать ли*

их? Должен ли я – человек думающий – отказываться от общения с человеком, имеющим другую идеологию, другие принципы жизни и дела? Я могу не принимать его способ действий, но его мысли я обязан понять. Я ведь не оправдываю заранее его правила, но или разделяю, или не разделяю их. А следовательно, действую в соответствии с ними или нет”.

Примечательно, что один из экспертов прямо связал практикуемые им правила игры с нормами профессиональной этики. Среди значимых для него правил игры он выделил прежде всего *“уважение к партнерам, даже если были в наших отношениях какие-то неприятные моменты, даже если они по-другому мыслят. Ведь они тоже профессионалы в своем виде деятельности, работали бок о бок с тобой. Может быть, это ты не понимаешь суть их позиции? Поэтому и считаю одним из этических требований – уважение к партнерам”.*

Другое правило регулирует *“этику руководства коллективом”.* В связи с тем, что в коллективе есть работники с разным уровнем образования – высшее, среднетехническое, – работники без специального образования, занятые на обслуживании машин по резке бумаги, переплету, множительных аппаратов и т.д., *“норма моего поведения – уважение их труда, труда людей – профессионалов своего дела”.* Следующее правило: *“Не позволять себе попустительствовать по поводу нарушений дисциплины, даже таких, которые кажутся мелкими, т.к. это обязательно скажется на работе коллектива. Например, выпить рюмочку после работы с кем-то из коллектива. Раньше я позволял себе это, получая в итоге либо панибратство, либо плохое исполнение обязанностей”.* Далее идет уже не просто норма: *“Привычкой стало для меня стремление поддержать своих людей, помочь им, хотя бы в самом малом, поговорить на темы, которые, ты знаешь, заботят твоего собеседника. Правда, сейчас основная забота для большинства людей – деньги. Основная тема разговоров – о доходах, о том, кто сколько получает, о трудностях жизни”.*

Как бы предвидя вопрос о том, чем названные выше нормы и правила инженерно-проектной деятельности отличаются от правил игры других профессий, эксперт отмечает, что в деятельности, которой занимается его коллектив, *«больше возможностей профилировать ошибки... Наш научно-исследовательский институт отличается коллективным трудом. Здесь больше возможностей, наломав дров, исправить ошибку. Да, мы можем ошибиться, программа может “сбойнуть”, неправильно посчитаем диаметр трубы, неверно проложим трассы и т.д. Но благодаря многоступенчатому процессу принятия проектных решений возможность подобных ошибок минимизирована. У нас один человек не может взять на себя слишком много ответственности, как, например, в медицине или в педагогике, где преподаватель один на один с тридцатью студентами в те-*

чение года может некачественно излагать свой курс. Поэтому у нас и своеобразные “правила игры”».

Кодекс, соответствующий специфическому этосу дела, журналистскому, формулирует эксперт – редактор газеты. Первое правило: “Как можно менее походить на классическую, изображенную Марком Твенном журналистику в штате Теннесси. Применительно к нашей практике это должно означать: как можно меньше развлекать публику внутрицеховыми склоками, сварами, дрызгами журналистов”. На высокой роли этого правила сказывается специфика региональных нравов. “В провинции это особенно важно. Именно в провинции журналистов знают в лицо и по именам. Нередко они – если не члены семьи, то соседи. Именно в провинции большинство журналистов совсем недавно кормились в одной-двух газетах, на одном радио или все на одной телестудии. И все про всех все знают. Кто что пьет и сколько или не пьет вовсе? За кем ухаживал сорок лет назад, при каких обстоятельствах женился или был уволен из еще более провинциального издания?”. И так, “информационное поле для сведения старых счетов представляется огромным, питательный бульон для него – бесконечен. Надо ли делать читателя (он же – зритель, он же – слушатель) вечным дежурным по журналистской кухне? Уверен – не надо. Уверен – этого можно не делать”.

Правда, есть намерения и есть практика жизни. «Наша газета не раз декларировала свое неучастие в таких междусобойчиках. А если и нарушала это правило, то обычно не по своей инициативе. (Совсем уж беззубыми перед читателем мы выглядеть не собираемся, а желающих приобрести капиталом посредством унижения конкурентов пока достаточно.) В моем шкафу довольно толстая папка с вырезками, в которых в том или ином контексте, иной раз и без контекста, открыто бранят “Тюменский курьер”. То коллегам приходит в голову поучить другие газеты языку, то прохаживаются относительно заголовков, то упрекают в близости к властям».

Второе правило: “Мы стараемся уважать своего читателя. А потому давать ему информацию, а не читать мораль. Мы хотим, чтобы читатель чувствовал это уважение, даже позвонив в редакцию по телефону. Читатель может быть раздражен, но с ним будут говорить терпеливо и вежливо. В конце концов, платит-то он”. Правило третье появилось потому, что «наша газета не обладает комплексом “безошибочного издания”. Мы стараемся давать в одном номере противоположные мнения».

Насколько актуальны эти правила, осознанные и “внедренные” еще несколько лет назад, в сегодняшних условиях острого кризиса? “Я мог бы сказать вслед за многими коллегами, что пресса морально падает вместе с обществом. Это кажется удобным: если общество стало плохим, если убивают, режут, грабят, насилуют, врут, то и

себе можно многое позволить. Но каждый должен удерживать свой рубеж обороны. Нравственно полноценное общество складывается из нравственно достойных индивидуумов, и если каждый будет соблюдать пусть не десять, а пять заповедей, пусть одну, но твердо, значит, нравственность общества не будет деградировать с такой скоростью”.

Характерный момент – некоторые участники проекта прямо относят свои рассуждения о правилах игры с ценностями среднего класса. Так, один из них, рассуждая о допустимых средствах достижения своих целей, утверждает, что “человек, который относит себя к среднему классу, должен быть готов ответить хотя бы самому себе: каким образом он добивался своих целей. В том числе и такой цели, как вхождение в число людей среднего класса”. Другой даже свою самоидентификацию со средним классом связал с ориентацией на определенные правила игры. «Если еще посмотреть на “человека середины” не просто с точки зрения неприемлемости для него любых крайностей – и в политике, и в достатке, и в образе жизни, – но, как представлено в одном из предложенных участникам проекта для экспертизы подходе, как на людей, достигших стабильной позиции в жизни именно благодаря своему профессионализму, реализовавших себя через высокий профессионализм и потому достигших известной жизненной независимости, автономности, не рвущихся “выше”, ибо это требует включения в “крысиные гонки”, моя позиция станет еще более толерантной. Я тоже в таких гонках не участвовал и участвовать не собираюсь. И потому могу подумать об отнесении себя к такого рода “подвиду” среднего класса».

Глава 10

Дух и правила игры человека среднего класса в сфере образования

10.1. Специфика “вхождения” интеллигенции в средний класс

Становление этоса среднего класса в сфере образования предполагает переходный процесс вхождения деятелей образования, ранее осознававших себя как подструктуру советской интеллигенции, в класс современных профессионалов, в том числе и преодоление исторически свойственного значительной части отечественной интеллигенции высокомерного отношения к “прозаическим” и “скучным” добродетелям “мещан” и “буржуа”.

Так ли очевиден этот тезис? Ведь, напротив, кажется очевидностью: если материальные предпосылки вхождения деятелей сферы образования в средний класс развиты менее всего, то духовные – максимально. Отсюда нередко и представляется, что вся проблема формирования среднего класса в образовательной среде связана якобы

лишь с повышением уровня материального обеспечения этой профессиональной деятельности. При более глубоком анализе, однако, полная духовная готовность значительной части педагогов может и должна быть оспорена. Прежде всего, речь идет о значительном слое образовательного сообщества, который сформировался в советское время и отличается “антибуржуазной”, “антимещанской” парадигмой морали.

Как известно, отечественная интеллигенция претендовала (и претендует) не просто на определенное и достаточно почтенное место в социальной структуре, то самое место, которое законно принадлежит людям умственного труда, специалистам различного профиля, но на сакральную роль “совести” народа, его поводыря, наставника, духовника, несущего “свет” Истины или Просвещения, на миссию хранителя нравственных идеалов и транслятора культурных образцов поведения¹⁷⁶. Вероятно, именно эти притязания и не позволили интеллигенции обнаружить общий корень мотивации своей деятельности с мотивацией деятельности среднего класса в целом.

Так, например, интеллигенция брезгливо отвернулась от “грязного” мира, в котором “всего-навсего” “делают деньги”, и громогласно или втихомолку утверждала, будто делают деньги заведомо лишь “любой ценой”, так и не заметив, что в этом третируемом интеллигенцией мире продуцируют и особый дух. Она свысока взирала на “мещанские добродетели” рационализма, стремления к достижениям, порядка, самодисциплины, накопительства, бережливости, консерватизма и т.п. Интеллигенция весьма часто отдавала предпочтение не максимумам рациональной “этики дня”, а богемной и расточительной “этике ночи”, как впоследствии напишет об этом Д. Белл. Ей – не всей, конечно, – импонировали установки анархо-гедонистического свойства. Предпочтения получали нигилистическая этика и культурный авангардизм (это не от-

---

¹⁷⁶ Здесь мы уклоняемся от актуальной и острой дискуссии по поводу природы российской интеллигенции, присущего ей духа. Отметим лишь, в дополнение к соответствующим публикациям, указанным ранее, несколько последних статей с “говорящими” названиями в массовых изданиях: Ал. Михайлов. Социальная педагогика “Жизни Клим Самгина”, или “История головокружительных прыжков русской интеллигенции” // Кулиса НГ. 1998. №16; Будут хоронить – назовут властителем // Общая газета. 1998. № 36; Третьяков В. Победа коммунистов. Пять предательств русской интеллигенции, создавших возможность того, что это может случиться // Независимая газета. 1998. 14 октября; Дубин Б. Прощай, интеллигенция! Крах и уход со сцены // Время “МН”. 1998. 7 декабря; Баткин Л. Интеллигенция и власть. Круглый стол “ЛГ” // Литературная газета. 1999. № 24; Полонский А. Мыслить – и не существовать // Первое сентября. 1999. 30 января; Федотова В. Необучаемы? “Вехи” и русская интеллигенция в реформах 1991 - 1998 годов // Независимая газета. 1999. 30 июня.

носитя ко множеству ученых, профессоров, врачей, учителей, инженеров России, вовсе не разделявших подобных пристрастий, но не сумевших дать им, как сказали бы теперь, симметричный ответ). Негативистская оценка мещанства закрепилась в общественном сознании страны, а в советское время была еще и резко усилена. При этом интеллигенция отдавала свои привязанности и свой труд блоку с бюрократией (сначала с царской, а впоследствии – с советской) либо союзу с деструктивными силами страны, той страны, где модернизация и без того имела сопротивляющийся характер.

Сегодня особенно актуально критическое осмысление исторически сложившегося этоса российской интеллигенции с точки зрения ее отношения к ценностям профессионализма. И новые тенденции в понимании природы профессионализма в рыночном обществе, и даже очевидное наличие предпринимательских моментов в образовательной сфере наших дней не сняли проблемы традиционного отношения интеллигенции к своей миссии.

Не сняли, несмотря на то, что, по мере продвижения модернизационных процессов, интеллигенция – как особая общность, которая, как мы уже отмечали, стремилась выступать “поводырем” пока непросвещенного народа, его наставником, ментором, выразителем интересов, представлять от его имени (“народ безмолвствует”) перед властью или же, напротив, вступать во власть, дабы служить ей, – свою миссию утрачивает. Конечно, этот процесс не завершается в один момент. Интеллигенция знает эпохи взлета: “хождение в народ”, предреволюционные десятилетия, рекрутирование в ряды революционеров, первые перестроечные годы митинговой, просветительской деятельности (“лебединая песнь интеллигенции”, по словам Ю. Левады). Затем наступило время осознания простой истины: и народу, и власти интеллигенция в своей прежней ипостаси не нужна, пора заняться своим непосредственным делом – лечить, учить, творить, строить... Пора возвратиться к письменным столам, в лаборатории, к прогулкам по Интернету, к критике власти. Пора осознать, что максимально усилился процесс прогрессивного “истощения” интеллигенции и приращения ее частей к среднему классу, внутри которого она уже не является наставником – функцию просвещения выполняют институты массового образования.

Переходя к рассуждениям о формировании предпосылок становления среднего класса в сфере образования, сосредоточим внимание на пассионариях образовательной деятельности, успешных, состоявшихся профессионалах. То обстоятельство, что они едва ли составляют сегодня значительный в количественном плане слой в среде педагогов, обуславливает необходимость особого внимания к взаимоотношениям этого слоя с другими слоями сообщества – и с теми, из которых в ближайшее время может формироваться средний класс, и с теми, кто относится к духу среднего класса предельно конфронтационно.

Должны ли успешные профессионалы в сфере образования рассматривать себя как “резервацию”, в которую необходимо втягивать и других педагогов, не выходя за пределы уже наработанного этоса успеха, или же они должны идти на уступки, частично растворяя присутствующий им этос успеха? Важность ответов на этот вопрос обусловлена тем, что атрибутивная образовательной деятельности воспитательная функция определяет особую роль этоса среднего класса в педагогической среде – трансляцию ценностей среднего класса от педагога к студентам. На наш взгляд, именно проблематизация этоса среднего класса в сфере образования через снятие одностороннего противостояния ценностей интеллигентности и успешности является адекватной реакцией сферы образования на современные тенденции.

Проблематизируя вопрос о “вхождении” в средний класс работников сферы образования через формирование интенций к профессиональному и жизненному успеху, отметим, что, как мы уже знаем, “вхождение” в условиях современной России не происходит само собой по мере достижения каждым из них годового дохода какой-то определенной величины. И дело тут вовсе не только, а возможно, и не столько в социальном “родовспоможении”. Повторим: было бы благоглупостью третировать и даже просто недооценивать значимость материальных факторов в качестве критериев среднего класса. Бестактно осуждать чувство неудовлетворенности положением у работников этой сферы, пребывающих явно “ниже среднего класса”, и как-то лимитировать действия по защите ими своего статуса.

Однако эффективный способ реализации этих материальных факторов связан не с системой “даров” со стороны государства, ведомства, спонсоров и т.п., а с выработкой интенций к успеху у самих “абитуриентов” в средний класс. И прежде всего это предполагает преодоление равнодушия педагогов к результатам, особенно отдаленным, своего труда на уровне образования, его эффективности (как некоторой совокупности характеристик типа производительности, расширения масштабов деятельности, снижения затрат и т.п.), индифферентности по отношению к собственному деловому, профессиональному и – более широко – жизненному успеху.

Тем не менее следует трезво признать, что в отечественной сфере образования немало таких людей, которые в ответ на мизерность заработков и тающую на глазах престижность их профессионального труда пополняют и без того многочисленные ряды “уклонистов” от успеха, абстинентов от труда, становятся волонтерами социально пассивных групп. С этими тенденциями коррелируют явления социального дезангажмента, изоляционизма и эскапизма. С чем это связано, если говорить о вполне прозаических и доступных наблюдениям причинах?

Во-первых, нельзя не согласиться с теми, кто обращает внимание на относительное перепроизводство кадров в сфере образования.

Не вдаваясь сейчас в обсуждение истоков подобного явления, заметим, что при низкой востребованности кадров высокой квалификации на фоне повышенного уровня предложения труда подобной квалификации, практически неизбежным становится снижение уровня оплаты труда. При сопоставлении этого уровня с оплатой труда в родственных профессиях почти неотвратимо следует понижение престижности образовательной деятельности и в целом профессионального статуса педагога. (Конечно, негативная “справедливость” такого положения вещей вытекает не только из частичной невостребованности педагогического труда, но и из изъянов в качестве данного труда.)

Далее. Те, кто в свое время устремились на поприще образования, располагали достаточно высокими социально-профессиональными притязаниями. Однако, по истечении короткого срока, значительная их часть оказалась обреченной на то, что в социологии именуется “износом ожиданий”. Такие износы резко усилились за годы затянувшегося реформирования высшей школы, результаты которого сегодня едва заметны. Для определенной части педагогов это означало включение в ожесточившуюся внутрипрофессиональную конкуренцию. Какая-то часть мигрирующих из сферы образования работников просто вовлекается в поток нисходящей социальной мобильности по стране в целом (вплоть до выпадения в явный или скрытый маргиналез). Другая часть уходящих из сферы образования энергичных и предприимчивых людей открывает для себя иные области приложения инновационных усилий. В новых для себя сферах деятельности бывшие педагоги действуют либо в соответствии с полученной ранее квалификацией, либо просто смещаются в другие виды деятельности, имеющие спрос, но имеющие мало общего с их базовым образованием (торговля, ремесленничество, банковское дело и т.п.). В любом случае эта часть, попадая в число “абитуриентов” среднего класса, неуклонно продвигаясь в этом направлении, совершает эту трансформацию уже не на педагогической ниве.

Но что любопытно: эти люди, по свидетельству социологических опросов, испытывают нечто вроде “комплекса неполноценности” по отношению к своему бывшему сообществу – из-за отказа от своего призвания (хотя, как известно, неполноценность легко конвертируется и в социальное высокомерие). Они не очень-то уверены в надежности и длительности собственного материального преуспевания, что подтвердила ситуация августовского финансового кризиса, а потому предпочитают не слишком афишировать его, выставлять сам факт своего первичного вхождения на “задворки” среднего класса. Подчеркнем: делают это не только по веским соображениям фискального свойства, но и испытывая известный дискомфорт по престижным соображениям и даже по собственному нравственным мотивам (мотив “измены Делу”, на верность которому некогда присягнул, мотив неловкости процветания на фоне бедности экс-коллегиального сообщества и т.п.).

Рассуждая о препятствиях для “вхождения” в средний класс и интеграции в него работников образовательной сферы, следует обратить внимание и на укорененность пережитков государственного, ведомственного и местного патернализма в сознании многих педагогов. Этнос патернализма непрерывно воспроизводит “опекаемую” личность, и она плохо вписывается в средний класс.

Во-первых, такой этнос возвращает засоряющие общественную нравственность “добродетели”, приучая к дисперсии и анонимности моральной ответственности, омертвленному долженствованию, к минимизации всякого рода настоящих, а не показных, инициатив, что, вместе взятое, препятствует экспериментальному проживанию в среднем классе.

На словах, демонстративно, патерналистский этнос нацеливает на творческую педагогическую активность, на самостоятельность суждений и оценок, на преодоление опекуинства и конформизма. Однако отношения в сфере образования плохо согласуются с подобной демонстрацией, ибо на деле патерналистский этнос отдает предпочтение обезличивающей исполнительности, отказу от профессионального риска, угодничеству по управленческой вертикали, установкам на иждивенчество. То и другое создают в образовательной деятельности напряжение классических противоречий между внутренне одобряемыми и лишь показными ценностными ориентациями.

Во-вторых, прежняя, довольно скромная – по любым меркам – защищенность социальной и духовной позиции работников сферы образования не подготовила и не приучила основную массу педагогов к профессиональному и культурному самоопределению, к самостоятельности “экономического человека” – главного фигуранта среднего класса, способного к самоорганизации, поиску адекватных форм выражения своих индивидуальных и корпоративных интересов, к активному их отстаиванию. Это делает “опекаемую” личность скорее поборницей стагнации образовательной системы, нежели защитницей социальной стабилизации – одной из главных функций среднего класса.

Тем не менее факторы, закрывающие работникам сферы образования “окно возможностей” для входа в средний класс, не имеют характера предопределенности, фатально не перекрывают им пути в данный класс: история российского образования и среднего класса не имеет замкнутого характера и ее финал относится к числу до конца непознаваемых “вещей в себе”.

10.2. Культивирование ценностей среднего класса в образовательной деятельности.

Анализ автобиографических интервью

В этом параграфе анализируются автобиографические интервью об этносе среднего класса в сфере образования, проведенные НИИ прикладной этики среди преподавателей и сотрудников ТюмГНГУ.

В ответах на ритуальный вопрос “Как дела?”¹⁷⁷ уже содержится образ “человека середины”.

Прежде всего в материалах экспертного опроса мы находим символический ответ: “Мало-помалу”. Наиболее типичен, привычный для многих, ответ: “нормально”. Интересны варианты конкретизации. Объясняя ответ “нормально”, один из экспертов говорит, что, во-первых, *“так уходишь от крайностей дальнейших расспросов”*. Во-вторых, это проявление известной доли суеверности. *«Если ответишь, что все плохо – “навалились” проверки, много встреч и прочее, – можно еще больше “накаркать” плохого. Если ответишь, что все очень хорошо – и друзья приходят в гости, и вести хорошие, – можно сглазить»*. В-третьих, он прибегает к тривиальному ответу “нормально” потому, что *“это – средняя позиция”*.

Другой эксперт, отвечающий характеристикой “нормально”, объясняет ее как этикетный ответ на этикетный же вопрос, а *«для людей, относящихся к моим делам с определенной ревностью, за ним стоит примерно следующее: говорю именно “нормально”, так как, если скажу “хорошо”, ты расстроишься»*. Что касается *“людей, искренне заинтересованных в моих делах”*, то ответ “нормально” так же, как и в предшествующем тексте, означает некую “средину”: *«и в жизни, и в делах есть как “плюсы”, так и “минусы”; в жизни все бывает, но больших отклонений ни в ту, ни в другую сторону нет»*.

Все тот же феномен срединности обнаруживается и в следующем ответе. *«Когда меня спрашивают: “Как дела?”, обычно отвечаю: “Хуже, чем хотелось бы”. Но это не пессимистическое “так себе”. Нет, речь идет о том, что нужно желать большего. Не теряя при этом рациональности, не впадая в крайности»*.

Продолжим наш анализ наблюдением над тем, как эксперты оценивают ответственность самого акта самоидентификации со средним классом. *“Всем нам хочется казаться в собственных глазах кем-то и чем-то, и чем выше – тем лучше. Это свойственно каждому человеку”,* – рассуждает один из участников этого опроса. Но все же он пытается *“абстрагироваться от того, кем бы и чем бы мне хотелось казаться”*. *“Стараюсь подойти к задаче самоидентификации аналитически. Достаточно высокая ответственность – быть человеком среднего класса”*. Другой эксперт связывает свою оценку роли самоидентификации со средним классом с тем, как общество относится к становлению этого класса. *«Прежде всего следует сказать, что в самом обществе должна быть осознана потребность в развитии такого класса. Если это становится целью общества, если эта*

---

¹⁷⁷ В проекте “Городские профессионалы” этот вопрос был обязательным для каждого эксперта, и ответы на него нам еще предстоит проанализировать в дальнейшей работе. В опросе, проведенном НИИ ПЭ, этот вопрос обязательным не был.

цель понимается как условие преодоления сегодняшнего “раздрая”, то и для меня окажется важной такая самоидентификация».

Рассуждая о критериях самоидентификации со средним классом, эксперты продемонстрировали весь возможный спектр основных позиций: одни полагают первичным критерий “дача, машина, квартира”, другие ориентируются на сочетание материальных и нематериальных критериев, третьи акцентируют этосный критерий. Пример первого случая виден в суждении, согласно которому «“Средний класс” составляют люди, которые прежде всего решили для себя экономические проблемы в соответствии с определенными стандартами жизни».

Пример суждений второго типа дает эксперт, который, с одной стороны, полагает, что “средний класс исторически сложился на основе фактора материального, а не духовного” (при этом подчеркивается: “Я не занимался изучением этого вопроса профессионально, но интуитивно чувствую, что это происходило именно так”). Автор тезиса ссылается на западный опыт. «На определенном историческом этапе на Западе образовался слой людей, далеко не бедных, но не очень богатых. Они не были настолько состоятельными, чтобы позволить себе “буквально все”, но имели возможность “жить очень хорошо”. Так материальный достаток прежде всего способствовал возникновению среднего класса». В то же время эксперт отмечает, что «по мере развития общества в понятие “средний класс” стали вносить новые смыслы: уровень образования, культуры взаимоотношений и прочие качества, которые теперь, наряду с материальным достатком, отличают человека среднего класса». В конце концов он приходит к выводу, что “человек среднего класса благополучен во всех отношениях – интеллектуальном, материальном, нравственном”.

Характерно еще одно рассуждение второго типа. Его автор называет себя осторожным человеком и потому говорит, что «на вопрос: отношу ли я себя к среднему классу, не отвечаю по принципу “либо-либо”, а скажу так – смотря по каким признакам». Рассматривая конкретные признаки, он отмечает, что “по признакам чисто профессиональным, по делу, которым занимаюсь, смело могу отнести себя к среднему классу, а может быть, даже и чуть выше”. В то же время “в любые времена, и в наше рыночное, немаловажную роль в формировании среднего класса играет материальный признак. И в этом у меня есть сомнения: относить себя к среднему классу или нет? Тем не менее скажу более или менее определенно: все познается в сравнении, и после кризиса 17 августа я понял, что по достатку моей семьи относился к среднему классу”.

Вариант второй позиции: «Относя себя к среднему классу, я понимаю, что сам этот класс – достаточно неоднородная общность людей: одни находятся “в низине” среднего класса, другие составляют его высший слой. Учитывая, что интересы человека не сводятся только к чисто духовным, а подразумевают и меркантильные,

житейские ценности, могу сказать, что при отсутствии четких критериев среднего класса я не отношусь к низшему классу, не являюсь и представителем высшего класса. Следовательно, я - человек из среднего слоя “среднего класса”».

Третий тип суждений представлен, например, в тезисе о том, что *“выделять средний класс по расхожей формуле: дача, машина, квартира – нельзя”.* В качестве обязательного критерия здесь рассматривается *“соответствие определенным ценностям и нормам жизни, в том числе ценностям и нормам Дела. Дела, которым занимаются предприниматель, госслужащий, менеджер; дела, которым занимается интеллигент”.*

Продолжая рассуждение, автор задает себе вопрос: *“Относила бы я себя к среднему классу, если бы не имела приличной квартиры, более или менее приличной дачи, зарплаты профессора и т.п.?”.* И отвечает положительно, акцентируя роль этосных характеристик. *“Размер зарплаты в быстро изменяющихся обстоятельствах – ненадежный критерий. А вот ментальность того, кто еще не достиг докторских степеней, и ментальность профессора – во многом схожи. Вспоминая советские времена и свою допрофессорскую жизнь, могу сказать, что к бедноте мы себя не относили никогда. Правда, и к среднему классу не относили – при социализме это понятие не звучало. Но если бы тогда задали тот же вопрос, я бы, наверное, ответила так же”.*

В развернутом виде этосная позиция представлена в суждениях следующего эксперта, размышляющего о качествах человека среднего класса как одном из ориентиров самоидентификации. Обратившись к характеристике тех качеств, которые выделяют человека среднего класса, эксперт начинает с тезиса о том, что *“концепция среднего класса – самый динамичный феномен двадцатого века. Большие ста лет она существует и сто лет меняется. Потому что меняется сам средний класс. И я в том числе”* – добавляет автор. А если все же стремиться найти некую “самую важную” характеристику, то, на взгляд автора, *“средний класс описывается доктриной состоятельности личности в ее ближайшей хронологической перспективе. Человек среднего класса – тот, кто состоялся, состоялся уже сегодня и на ближайшую перспективу таковым остается”.*

Поясняя, автор отвечает на вопрос о том, в чем реализовался такой человек: *“И в материальном достатке, и в уровне образования, и как потребитель сегодняшних интеллектуальных предложений, и как независимый успешный конкурент на трудовом рынке”.* Особенно значимо второе пояснение. *«Человек среднего класса, скорее всего, не чувствует уверенности в отдаленном будущем, но он уже преодолел в себе прошлое, и это очень важно. Есть известная жизненная позиция “жить только сегодняшним днем”. Есть другая позиция “в принципе не жить сегодняшним днем”. Так, например, живет эли-*

та – она всегда живет другим временем, у нее другое временное измерение. А средний класс – это общество, для которого очень важно то, как “сегодня” состыковывается с “завтра” (но не с “послезавтра” и “после-послезавтра”). Если к концу “завтрашнего” дня обнаружится необходимость изменения моего профессионального “я”, начну этим заниматься».

Третье пояснение связано с вопросом о том, является ли качество “средний класс” оценочным. Автор полагает, что «*быть человеком среднего класса не значит быть либо “хорошим”, либо “плохим”. Средний класс – вместилище универсальной морали*». В этом смысле «*сегодня ты поступил так, завтра – этак. Сегодня ты “пришел, увидел, победил”, завтра – “пришел, увидел, победил”: как жизнь заставит. И нельзя сказать, что в первом случае дело нравственно чище, нравственно выше и т.п.*». Отсюда заключительный тезис: «*Человек готов принять жизнь такой, какая она есть. Это и есть главное качество среднего класса: принимать жизнь такой, какая она есть. Принимать эту жизнь как единственно возможную. А группы народонаселения, которые не хотят принимать жизнь такой, какая она есть, - это варианты отклонения от культуры среднего класса*».

Рассматривая природу профессионализма как значимой ценности человека среднего класса, большинство участников экспертного опроса разделяют высказанный одним из них тезис, по которому «*человек среднего класса достигает определенных высот в жизни и в деле прежде всего благодаря своему профессионализму*». Что касается черт и признаков профессионализма, которым эксперты отдают приоритет, то в этом случае мы сталкиваемся со значительным разнообразием. Так, например, один из экспертов характеризует признак успешности профессионализма: на его взгляд, он не просто умеет работать, но и «*достиг в профессии серьезной квалификации*». Пример такой характеристики: «*Я умею делать то, что в Тюмени не умеет делать никто: я единственный профессионал такого класса по специальности “Строительные, дорожные машины и оборудование”. Имею 20 авторских свидетельств, которые говорят о том, что эти изобретения на уровне мировой новизны*». И это именно персональное достижение. «*Не коллектив, не аспиранты мне их принесли. Сам. Мое дело у меня получается, и я знаю, что уж этого-то у меня практически никто не отнимет*». При этом автор понимает: «*возможно, где-то уже растет научный работник, который меня превзойдет*». Но, во-первых, «*пока он на горизонте не появился*», а, во-вторых, «*когда появится – думаю – мы с ним будем скорее добрыми товарищами, чем соперниками или врагами*». И еще – о сочетании двух критериев успеха. «*Ведь ты создаешь свое дело не просто для удовлетворения личных амбиций. Разумеется, профессионал находит удовлетворение в том, что он умеет делать свое дело лучше, чем другие. Но не менее важно, чтобы профессионализм как ценность, на основе кото-*

рой человек среднего класса только и может состояться, был ориентирован на общественное благо”.

Профессионализм – ядро ценностной системы автора. Поэтому он отмечает, что благодаря уровню своего профессионализма, обеспечивает себе “тот уровень достатка, который позволяет содержать семью, не краснеть перед ней за качество жизни”. В свою очередь, это позволяет ему заниматься интересной работой – “семья в какой-то степени принимает то, что я работаю сверх меры (например, сверх нормы езжу в командировки), прощает мое отсутствие в семейном кругу. Прощает и потому, что я компенсирую свой деловой ритм своим положением, уважением к нашей фамилии. Надеюсь, это нравится и детям, и жене. В итоге создается определенная аура, душевный комфорт”.

Такой комфорт не случаен для самоидентификации эксперта со средним классом. “Рассуждая с позиции житейской, я родился не для того, чтобы перевернуть этот мир, а (по старой горской поговорке) чтобы построить дом, вырастить сына и посадить сад. И если в этом смысле я еще не все сделал, то все же продвинулся в нужном направлении (а мечтать о чем-то несбыточном нет смысла)”.

И для следующего эксперта несомненно, что “самую важную роль в формировании человека среднего класса играет профессионализм”. А для того, чтобы “отличить профессионала от непрофессионала”, он тоже обращается к критерию успеха, выделяя такой критерий, как уровень результата профессиональной деятельности. “Профессионал – человек, который не просто хорошо знает дело, но и приводит свою фирму к хорошим результатам. Например, если я принимаю на работу менеджера, то учитываю не только его эрудицию, способность рассуждать о финансах, проблемах автотранспорта и т.п., но и уровень его результатов на предыдущей работе”.

Эксперт отчетливо понимает сложность количественной оценки успешности или неуспешности профессионала. «Конечно, есть такие профессии, в которых дать оценку результатам очень трудно. Как, к примеру, я могу оценить профессионализм философа? Допустим, у меня своя точка зрения относительно понятия “средний класс”: своя аргументация, свой жизненный опыт. Меня трудно переубедить. Но если философу удастся изменить мою точку зрения, значит, он – профессионал».

Один из экспертов оценивает профессионализм через наличие соответствующего делового интереса. “Профессионала отличает, прежде всего, интерес к тому делу, к тому виду деятельности, которыми он занимается”. При этом “следует отличать интерес к профессии, который может формироваться до начала деятельности, и профессиональный интерес, непосредственно возникающий и развивающийся в процессе самой деятельности. Это точно так же, например, как интерес к полету у людей возник давно, но подлинная

любовь к нему может возникнуть только во время полета”.

И для этого эксперта, так же как и для тех, чьи суждения мы процитировали выше, важно подчеркнуть, что *“профессиональный интерес непосредственно связан с глубоким чувством ответственности за результаты своей деятельности, что и является важнейшим критерием профессионализма”.* Правда, автор не считает целесообразным словосочетание “успешный профессионализм” – достаточно существительного. В качестве доказательства отмечается, что *«в средние века, характеризуя прекрасные творения, говорили, что они – произведения мастера, и не нужно было прибавлять “успешного мастера”. Само понятие включало положительную и высокую оценку деятельности».* Поэтому *“современным аналогом мастерства является профессионализм, а синонимом мастера – профессионал”.*

Возвращаясь к роли профессионального интереса, эксперт говорит, что *«безусловно, знания, эрудиция, кругозор – неотъемлемые черты профессионализма, но совсем не обязательно включать в число профессионалов только людей, имеющих диплом и специальную профессиональную подготовку. Иногда человек без специального диплома занимается определенным видом деятельности и, рассматривая эту деятельность как личностную ценность, самообразовывается и постепенно становится настоящим профессионалом. Конечно, для этого процесса важным является и предыдущая ориентация, и среда, но главное – стремление самого субъекта к этому виду деятельности. “Дорогу осилит идущий”, – гласит народная мудрость, но нужно и желание идти по этой дороге, и умение видеть перспективу».* Наконец, *“практически все качества, которые определяют способность человека среднего класса находить методы и средства, чтобы заниматься своим делом, сочетая личный интерес и интерес общественный, и есть качества профессионала”.*

Именно *“уровень профессионализма”* еще один участник опроса считает основанием самоидентификации со средним классом. Отметив, что важна и масштабность тех проблем, которые он решает, и взвешенная позиция в выборе масштабов притязаний – *«конечно, можно взяться за проблему, по масштабам достойную уровня губернатора, но не справиться с ней. И получится, как в анекдоте: “Я уже второй миллион коплю”. – “А что, первый уже накопил?”. – “Да нет, с первым не получилось, поэтому начал второй копить”».* Автор подчеркивает, что уровень профессионализма *“важнее, чем просто масштаб проблем, соответствующий уровню должности, и как бы автоматически определяет принадлежность к тому или иному слою в обществе. Компетентность, знания, опыт, способность анализировать информацию и принимать адекватные решения – основные грани профессионализма менеджера”.*

Характерно, что подчеркивается связь профессионализма с природой избранного экспертом – руководителем вуза – дела. *“Дороги,*

которые мы выбираем, не только позволяют нам чего-то достичь, но и меняют нас. Человек из сферы образования в этом смысле отличается и от бизнесмена, и от политика. Я это вижу, общаясь с работниками администраций, с сотрудниками частных фирм, с депутатами и т.д.”.

В чем особенность работы чиновников? “Человек, сидящий в кресле государственного чиновника, ощущает себя в ситуации налаженного, стабильного дела. Здесь его правовой статус определяет и то, какой достаток он имеет, и спасает от разных житейских потрясений: госслужба – система консервативная”. В свою очередь, “бизнесмен всегда находится в очень динамичном, подвешенном, возбужденном состоянии, ему каждый день надо суетиться. Когда я как менеджер оказываюсь в позиции бизнесмена, то чрезвычайно устаю от такого режима: он мне несвойственен. Бизнесмены же могут находиться в таком режиме достаточно долго, у них более устойчивая психика, они по натуре своей авантюры: даже не имея гарантий успеха, они свято верят в то, что правильный алгоритм действий даст положительный результат. Да и побудительные моменты у них другие”.

Самому же эксперту “больше по душе спокойная исследовательская работа”. “Очень не люблю отвлекаться от нее: специально разложены на письменном столе листочки бумаги, книги с закладками, только-только пришла интересная мысль, а тут – телефонные звонки или подошло время обедать, или зовут по телевидению смотреть какую-то передачу”.

С точки зрения темы параграфа весьма значимо то, как некоторые эксперты характеризуют свое понимание природы и роли интеллигенции. Значимо прежде всего с методологической точки зрения. Так, один из участников опроса отмечает, что “пытаться описывать трансформацию советского интеллигента в постсоветский средний класс с помощью старых образов Сокола и Ужа не очень эффективно”. И делает уточнение: “во всяком случае, для моего анализа собственной биографии”. По мнению автора, “советский интеллигент никогда и не был Соколом”. И далее идут весьма критические оценки: «“Советский интеллигент” – это всегда двойственное качество: он и цвет нации, но одновременно и ее фекалии». Автор разделяет тезис Ханны Арендт о том, что период тоталитаризма был периодом «временного союза интеллектуалов и черни. Советский интеллигент если и был “Сокол”, то лишь в отрицательном смысле этого слова, ибо выступал интеллектуальным ведущим для миллионов ведомых людей, людей, лишенных своей индивидуальности, своей свободы».

При этом говорится, что «советский интеллигент очень твердо стоял на защите своей “чистоты”: не входил во власть, но любил

быть около власти. Он никогда не занимался “грязными вещами” – реальным делом: не подметал у себя в квартире, не занимался финансовыми делами и т.п. Для такого рода “черного труда” нанимались особые люди, ибо труд советского интеллигента – “высокий, светлый”. Хотя на самом деле у него вообще никакого труда и не было, не было подлинного интеллектуального труда».

Высказав весьма острую оценку, эксперт говорит, что решается и на более “резкие слова”: «В советское время было очень много замечательных специалистов и их труд не пропал зря. Но в целом эта последняя попытка индустриальной цивилизации создать класс интеллигенции оказалась неудачной. И прежде всего потому, что в основу этого класса была положена просветительская идея, идея научить одну часть общества так хорошо, что она будет носителем правды, истины, критериев полезности и т.п. для всех других, станет освещать путь необразованным людям. В итоге вся образовательная революция “совершилась” в течение жизни одного поколения людей и остановилась на превращении неграмотной массы в относительно грамотную».

В свою очередь, по мнению автора этих рассуждений, и “средний класс не описывается образом Ужа. Средний класс, если уж обращаться к образам из животного мира, это вся фауна, правда, в эту совокупность не входят звери воображаемые, например драконы, не входят те звери, которые вымерли многие тысячелетия назад”. Автор обращается к образу “нормальной социальности”, “нормативной социальности”, «то есть к собственно обществу, которое может увеличиваться или же уменьшаться, но все равно не совпадать с “народонаселением”. Общество как раз и описывается качествами среднего класса – в двадцатом веке, по крайней мере. Элита же и “андеркласс” – альтернативны обществу (в указанном выше смысле слова). “Дно” и “элита” - субкультурны».

Более сдержанная позиция представлена в суждениях другого участника проекта, сравнивающего интеллигенцию досоветскую и современную. Российской интеллигенции дореволюционных времен, которая “мыслила и чувствовала очень глубоко, тонко и красиво” эксперт вменяет то, что “когда началась революция, большинство представителей интеллигенции стали сторонними наблюдателями”. Эксперт готова это “понять: интеллигент и власть в одном лице были несоместимыми, ибо власть не могла и не хотела работать в перчатках, а интеллигент хотел, чтобы его руки оставались чистыми”. Но «сегодня понятие “интеллигент” меняется. Интеллигент – не просто тот, кто пропустит вперед даму. Нет. Интеллигент, прежде всего, понимает то, что надо делать, и обязательно реализует свое понимание в деле. При этом, вспомним народников, нести знание, просвещение – это тоже очень важное дело».

А как быть с вопросом о трансформации интеллигента в субъект

среднего класса? Свое видение проблемы предлагает еще один эксперт: *“И в досоветской России, и в советское время профессор был интеллигентом, для которого проблема материального достатка была более или менее решена. Поэтому у него была возможность сосредоточиться на своем деле. Сегодняшним же профессорам приходится решать трудные задачи: материально обеспечить свою жизнь и – одновременно – достойно служить своей профессии. Без жертв для решения второй задачи первая не решается”*.

Эксперт полагает, что, во-первых, *“государству выгоднее, чтобы профессор занимался строго своим делом. Любой профессор – уникальный человек в своей сфере. Его надо лелеять, холить, создавая условия, чтобы он каждый день, каждую минуту занимался только своим делом. Плохо уже то, что он должен ехать – пусть даже на 2 недели – на Север, чтобы заработать на хлеб насущный”*. Во-вторых же, *“перспективы наших профессоров не так уж безнадежны”*. В качестве примера автор берет самого себя. *«Любой здравомыслящий человек должен знать, что ему когда-нибудь придется оставить административную должность, рано или поздно уйти с поста менеджера. И к этому надо готовиться, не считая переход в статус рядового профессора катастрофой. Не настраиваться на то, что профессор – это тот человек, который не умеет строить свою жизнь, адаптироваться к новым обстоятельствам и т.п. Надо готовиться применить и свои профессиональные знания, и свое умение их предлагать, в том числе и через налаженные связи с производством. Представим себе, что пришел со своими разработками в “Мегионнефтегаз” профессор X, которого там совсем не знают, и профессор Y, у которого налажено долговременное сотрудничество. Думаю, что производственники будут работать с тем, кого знают»*. Вывод: *“Если человек рационально относится к своей жизни, то на любом ее повороте не пропадет”*.

Предмет следующего шага анализа – рассказы участников экспертного опроса о планировании ими своих биографий, о выстраивании жизненного пути и деловой карьеры¹⁷⁸.

---

¹⁷⁸ Отметим спорность вопроса об уместности использования в описании биографии характеристики “строительство”. Так, например, Петр Вайль пишет: “Людей можно разделить на тех, которые живут, и тех, которые строят жизнь. Я отношусь к первым. Больше того, люди, которые строят жизнь, у меня вызывают недоверие. За этим всегда кроются неуверенность и неправда. Жизнь умнее и сильнее тебя. Ты только способен слегка откорректировать. Но полагать, что можно определить ход своей жизни – это наглость” (Вайль П. Беспечный педант или Доверие к жизни // Литературная газета. 1999. № 39).

Так ли уж противоположны “строительство жизни” и “просто жизнь”? Полагаем, что противоречие разрешимо. Рассуждение одного из экс-

Автор первого суждения начинает свой рассказ о планировании биографии с выбора биографии интеллигента. *“Я из семьи интеллигентов, но сам интеллигентом не был. При советской власти был служащим и не успел стать интеллигентом. Ни статусно, ни когортно. Я все еще был молодым человеком, перед которым открыты разные жизненные пути, разные типы биографии – стандартные, но все-таки разные. Я вроде бы уже выбирал биографию интеллигента, но внезапно разразилась перестройка”. В годы перестройки “наши биографические идентичности укреплялись, т.к. нам казалось, что изменение строя не потребует особых усилий. Это была,*

пертов проекта “Городские профессионалы” свидетельствует, что они могут быть и совместимыми. «Думаю, что мне подходит жизненная формула о человеке – кузнеце своего счастья, ибо я за свою жизнь бился, строил ее, ковал. “Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат”, – это Пушкин. Не могу сказать, что плыл по воле волн. Моя мать хотела, чтобы я стал металлургом. Я три года учился на металлургическом факультете, но понял, что это совершенно не мое... Не могу сказать, что мой жизненный путь – ковровая дорожка. Нет. Я свою жизнь шел пешком, по дебрям, по тайге, по тундре, не было дыры, в которую бы я не залезал. Мне было интересно, я жил» (Гольдберг Р.С. “...Я ищу природу среднего класса в степенях свободы” // Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. С. 90).

Приведем в поддержку нашего подхода суждение еще одного эксперта из того же проекта. “Насколько успешен мой жизненный план, в какой мере я бы мог считать себя успешным профессионалом, не забывая о роли объективных критериев? Полагаю, что смог реализовать свои идеи, модели оптимизации здравоохранения примерно на 40%. Но ведь жизнь еще не кончилась, и у меня есть шанс продолжать свое дело. Тем более, что сравнивая советское время и постсоветское, могу определенно сказать, что для профессионального успеха постсоветское время более благоприятно. Благоприятно уже потому, что дало больше возможностей проводить в жизнь собственную позицию, выстраданную и в научном поиске, и в опыте. Свобода реализации собственных идей и подходов без оглядки на партийные, чиновные запреты – особенность нашего времени.

Анализируя путь, который я прошел, полагаю, что упущенных возможностей было все-таки гораздо меньше, чем реализованных. Рискуя считать себя успешным, должен понимать, что мне повезло и со сложившимися условиями, я не могу себя считать неудачником. И если не сделал половины того, к чему стремился, то все же достиг в своей профессии того, чего до меня не сделал никто. Значит жизнь – на данном ее этапе – состоялась” (Макаров А.И. “...Средний класс – это люди социальной нормы”// Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. С. 166).

так сказать, правильная утопия – надежда на то, что развитый социализм легко конвертировать в развитый капитализм. А тем самым интеллигента – в капиталистического профессионала, который и наделен качествами среднего класса».

Надежда на конвертацию казалась вполне реальной, ибо «ранняя перестройка создавала иллюзию легкой конвертации развитого социализма в развитый капитализм как обществ, основанных на классической социальности: и то, и другое общество – индустриальные, и то, и другое – современные, и то, и другое – урбанизированные, и то, и другое – массовые. И в том, и в другом обществе необходимы были профессионалы, а набор профессий определялся структурой, потребностями общества – индустриального в первую очередь. И поэтому нужна была большая прослойка в обществе, которая именовала бы себя именно средним классом для того, чтобы противопоставить себя “не-обществу”». Далее – уточнение: «элиты – не общество, социальное “дно” – тоже не общество. Это что-то другое – альтернативный стиль, альтернативный образ, альтернативная социальность. Средний класс должен себя отделить и от “верхушки”, и от “низа”».

“Виновники” веры в реальность конвертации интеллигенции в средний класс – лидеры интеллигенции. «Все “прорабы” перестройки принадлежали к советским профессионалам-интеллигентам. Именно они создали через средства массовой информации миф о легкой конвертации общества при смене политического строя. Они считали, что основа для этого есть, так как мы – страна с высочайшим уровнем образования. Каждый экономист начинал свое выступление о перспективах развития экономики в России с фразы о том, что мы можем гордиться высоким уровнем образования, интуитивно или рационально понимая, насколько важным капиталом для изменения той или иной экономической формации является образование».

Однако виноваты и рядовые интеллигенты. «Во второй половине восьмидесятых годов все мы думали, что надо лишь изменить общество, а самих себя менять не надо, ибо мы уже готовы к новой жизни – мы уже высокие профессионалы. И мне лично не казалось проблемой войти в новое общество, я и не думал, что прежде всего придется менять самого себя”. Увы, “кризис идентичности наступил достаточно быстро, – когда мы вдруг поняли, что надо сначала изменить самого Горбачева, а уж потом менять политический строй. Но Горбачев не менялся, и тогда мыслящие люди вдруг поняли, что Горбачев – это символ не просто номенклатуры, но и всей советской профессиональности, символ иллюзии о легкой конвертации одного общества в другое”.

Далее автор говорит, что «на рубеже восьмидесятых-девяностых годов, когда была разрушена Берлинская стена, произошли ти-

хие революции в странах Восточной Европы, когда массы советских людей увидели другой мир, обнаружилось, что в современных обществах возможны парадоксальные сочетания: бескровная революция, например. Разве может быть тихая революция, ведь революция – это всегда взрыв?! Все это подтолкнуло нас к пониманию того, что мы переживаем не только переход России из состояния, так сказать, “большевистской современности” в “буржуазную современность”, но и нечто другое: весь мир становится другим».

Именно в этих условиях проблема вхождения в средний класс встала в ее подлинной сущности перед автором этого рассуждения. “Стала моей проблемой, потому что я должен был задуматься о задаче не столько профессионального изменения, переориентации, сколько профессиональной диверсификации. Сначала-то казалось, что надо лишь сделать временную паузу в своей стабильной, стандартной профессиональной карьере. Не совсем отказаться от стандартного профессионализма, а сделать паузу. Например, отложить занятия чистой наукой”. В то время автор интересовался исследовательской темой “о роли репутации и общественного мнения в формировании традиционных культур (предмет моих исследований – зависть в античных культурах)”. И вот его «стали убеждать, что, конечно, это близко к пониманию социологии и общественного мнения, но все же в этом есть излишняя кабинетность, которую надо отложить – “время сейчас другое”. Я очень хорошо помню того человека, который говорил мне: “Сейчас время не статьи писать, а иметь какое-то конкретное дело»». Кстати, это говорил «интеллигент, знающий, что в классической индустриальной эпохе этос интеллигента, этос ученого строился на принципе “публикация или смерть”: это не просто твое профессиональное призвание, это главное твое занятие. Без этого ты ничто».

Итак, на рубеже 80-90-х годов наш эксперт «задумался не о том, чтобы конвертировать свой профессионализм, но – под давлением со стороны своего ближайшего окружения (“Сделай паузу”) – о необходимости диверсификации своего профессионализма». Поэтому “эйфория начала девяностых в моей жизни, жизни человека среднего класса, была связана с тем, что мне удалось диверсифицироваться: с радостью для себя и, может быть, для своего окружения говорить о том, как это здорово – постоянно менять одно дело на другое, как это здорово – успевать одновременно делать первое, второе, третье, четвертое и пятое”. А ведь на самом деле это “всегда ущебно, потому что одновременно делать пять дел можно только в ущерб каждому из них”. (Дальнейшие шаги биографии эксперта в интервью не обсуждались.)

Продолжая анализ суждений участников опроса о планировании ими своих биографий, обратимся к суждениям эксперта, который отчетливо говорит о стремлении “не уклоняться от задачи конструиро-

вания своей жизни". Считая вполне естественным поиск жизненных ориентиров и построение соответствующих планов, он показывает, что такая деятельность не обязательно начинается в ранней молодости. Родившийся в рабочей семье эксперт говорит, что и его перспективы рассматривались в этих рамках: "ценностные ориентации, которые формировались в моем детстве, мало были направлены на достижение сколько-нибудь высокого социального статуса. В нашей семье дети были сориентированы на получение такого образования, которое бы дало профессию, позволяющую содержать семью. Так ее содержать, чтобы семья тебя любила и уважала за это. Вырастить детей, посадить свой сад – такая культивировалась формула".

Соответственно, и цели, которые он ставил перед собой в юности, *"были достаточно приземленные. Я, например, во время учебы в школе не мечтал получить высшее образование. Может быть, потому, что его не имели родители: у отца образование 4 класса, у матери – чуть выше".* К моменту окончания школы предполагал пойти *"служить в ряды Советской Армии, а затем – работать. У меня уже имелось определенное представление о будущей жизни: надо получить какую-то рабочую специальность – водителя, машиниста тепловоза. Привлекало то, что для этого не нужно много учиться, и была возможность не быть простым разнорабочим – к этому времени я уже познал, что это такое".*

Однако влияние старшего брата, поступившего в Индустриальный институт, его сокурсников пробудили интерес к вузу. А когда и друзья после окончания школы *"стали подавать документы в различные учебные заведения, под воздействием чувства коллективизма и я подал документы в Индустриальный институт. Без особой надежды, чисто формально. Конечно, я не мечтал получить специальность инженера, потому что просто не много знал об этой профессии. Я видел инженеров, но не знал их работы: видел и знал, как тяжело работать моим родителям, но не видел, как тяжело работать инженером".* В конечном счете в Индустриальный институт на специальность "Подъемно-транспортные, дорожные и строительные машины" поступил нынешний ректор этого вуза, ставшего нефтегазовым университетом. Да, он *"и не предполагал",* что станет *"доктором наук, профессором, академиком. Хотел быть просто инженером, потому что, во-первых, начал понимать, что это такое, и, во-вторых, строил планы, которые казались мне по силам, были осязаемы, имели временной промежуток".* Но обстоятельства жизни изменились и наш эксперт стал сознательно и целеустремленно выстраивать деловую карьеру, планируя свою биографию по сформулированному им для себя принципу. *"Я всегда ставил достижимые цели, получал ожидаемый статус и сразу начинал подтягиваться до его уровня, который я сначала занимал формально. Профессионализм не появляется в мгновение ока: сначала появляется статус, потом "дотяги-*

ваешься” до него содержательно, затем начинаешь претендовать на что-то другое, постоянно ставишь новые цели. Я считаю, что методология формирования профессионализма такова: ставить перед собой достижимые цели, а когда они реализованы – снова двигаться вперед».

Другой участник экспертного опроса также не предполагал в юности, что достигнет известного профессионального успеха. *“Планировала ли я свою биографию? В детстве не только не мечтала, но и во сне не могла увидеть, что стану профессором: родилась в семье сапожника. И когда училась в университете, для меня эта цель казалась совершенно недостижимой. Потому я ее и не ставила”. Однако “всегда стремилась к знаниям. При этом и учиться, и работать хотелось там, где было бы интересно”. И не менее важным было «своими знаниями принести пользу другим людям. Помню, как пришла с готовой кандидатской диссертацией к своему научному руководителю – Галине Михайловне Андреевой (до сих пор перед ней преклоняюсь). Я понимала, что даст защита диссертации мне. “А что она дает людям?” – такой вопрос я тогда задала. Мне очень важно, чтобы моя деятельность приносила другим добро».*

А дальше моменты строительства биографии обнаруживаются вполне наглядно. И что характерно, свои амбиции регулировала вполне рационально. Уже в зрелые годы эксперт поставила себе цель – создать нестандартный вуз. И добилась своей цели. Но в то же время взвешенно оценивала свои притязания. *«Два-три года назад мне предлагали “выдвигаться” в Думу. Для меня это было бы неестественной крайностью. Я осознаю пределы своих амбиций. Даже будучи ректором, испытываю сомнение: может быть, кто-то на моем месте мог бы работать лучше. Почему не уйду? Наверное, потому, что очень важно увидеть свое детище состоявшимся. А уж тогда можно вернуться к “простому” профессорству. Будет время свои книжки писать, а не только давать интервью».*

Следующий эксперт рассуждает о планировании биографии с точки зрения того, могло ли быть его задачей “вхождение” в средний класс. *“Ставил ли я, планируя свою биографию, задачу стать человеком среднего класса? Вряд ли, во всяком случае с помощью этого понятия свою цель я не определял. Ориентировал свою жизнь на достижение высокого интеллектуального уровня, тем более, что чисто материальные показатели жизни при социализме и не считались очень важными. С детских лет мне нравилось, что папа и мама работают в интеллектуальной сфере, что и мои родители, и те интересные люди, с которыми они общаются, проявляют свои возможности в жизни именно через интеллект. И мне очень хотелось следовать примеру родителей, пусть и не их профессии, но общаться в этом кругу, быть в нем на равных с другими, может быть, подняться и выше. А буду ли человеком среднего класса или нет –*

над этим я, конечно же, не задумывался. И вряд ли об этом надо жалеть».

Почему? «Я не строил свою биографию как целенаправленное вхождение в средний класс. Конечно, у меня были стремления, но я не соотносил их с такими социальными структурами, как “средний класс”, “элита” и прочее. Да, я должен добиться своей цели, а причислят ли меня окружающие к среднему классу, элите и т.п., мне кажется, это уже не столь важно. В менталитете русского народа, – пытается подойти к обобщению эксперт, – вообще нет установки на стремление стать человеком среднего класса, элиты и т.д.».

Вопрос о планировании биографии связан с вопросом о том, состоялась ли жизнь человека, состоялось ли его дело. “Могу ли я сказать, что достиг определенного успеха, состоялся? Ведь человек среднего класса осознанно ставит перед собой жизненные цели, а достигнув их, ставит новые. Для него это и показатель качества жизни, и ее оправданности”, – рассуждает другой эксперт.

Полемизируя с условным персонажем, который ставит перед собой цель «приобрести “мерседес” и построить коттедж площадью не менее стольких-то квадратных метров. И тогда для него основное дело, где бы он ни работал, – зарабатывание денег на достижение своей цели», наш эксперт отмечает, что для него «приоритетна цель – выстраивание профессиональной карьеры. А “мерседес” или коттедж – второстепенны. Если я решу первую проблему – профессиональную состоятельность, и будет четко работать правило “профессионалам и зарплаты навалом”, то вторая проблема решится элементарно».

В то же время эксперт подчеркивает и значимость той оценки его профессиональной состоятельности, которая дается общественным мнением, в том числе и в рамках профессиональной среды. “Конечно, можно оценивать свои достижения послужным списком, но надежнее, если и общественное мнение признает тебя успешным профессионалом, действительно состоявшимся. При этом не только внутриуниверситетское общественное мнение (корпоративный дух нам еще предстоит сформировать), но и общественное мнение тех, с кем мы работаем в филиалах”. Что касается самооценки, эксперт полагает так: «Если скажу, что состоялся, достиг поставленной жизненной цели, это будет преувеличением. Я еще не взошел на желаемую “ступень достижений”».

Следующий аспект анализа – отношение экспертов к феномену середины. Прежде всего, эксперты считают важным уточнение понятий. Вот первый вариант уточнения: «Я знакома с суждением, что средний класс составляют люди, которых можно назвать “социальными троечниками”. Напомню о важности уточнения понятий. Помоему, такое понимание природы среднего класса неэффективно. Во-первых, в каждом из формально выделяемых “классов” – и в выс-

шем, и в низшем – есть свои “отличники”, “двоечники” и “троечники”. Можно ли назвать представителем высшего класса человека, который нанимает киллера, чтобы убить конкурента? Да, он богат, но ведь он и преступник. Во-вторых, само “кастовое” структурирование общества не отражает сущности людей».

Второй вариант: «Характеристики “средний”, “средняя” нужно применять конкретно и системно. Можно говорить о среднем уровне материального благополучия, о среднем уровне интеллекта, о средней ступеньке карьеры и т.д., но при этом понимать, что первое, второе и третье – не обязательно совпадают в жизни одного человека.

Какой уровень в плане материального благополучия меня привлекает: выше, ниже, в середине? Я не хочу быть очень богатым – хотя бы потому, что в России богатых не любят, богатство порождает всякие пороки, революционные настроения. В то же время не хочу быть бедным. Хочу быть средним в материальном отношении, благополучным.

А в карьерном смысле? Я честолюбив, стремлюсь подниматься по служебной лестнице. Но мне не хочется быть ректором, об этом я откровенно говорил многим людям. Не хочется уже потому, что не люблю исполнять представительские функции. А работа первого руководителя на 80% – именно такая: презентации, конференции, встречи и прочее. Поэтому, если говорить о карьере административной, уровень проректора меня устраивает.

Я – инженер, ученый, и мне нравится заниматься этими видами деятельности. И если речь идет о публичной защите проекта либо о работе в диссертационном совете, то от этого “тащусь”, здесь я люблю выступать».

Важный аспект самооценки человека “середины” – удовлетворенность этим положением. «Возьмем, например, человека, сознающего, что он стандартам “среднего класса” соответствует: он любима, его уважают, у него достаточно денег. И хотя он понимает, что не может отдыхать на Ямайке каждое лето или вообще этого не может делать, у него не возникает комплекса неполноценности. Человек живет, как говорится, в ладу с самим собой».

Характерный признак ощущения “срединности”: «Я думаю, что человек среднего класса – существо общественное. Мы внимательно прислушиваемся к тому, что происходит в обществе, и склонны поддерживать его стабильность во всех сферах жизни. Например, мы хотим одеваться не просто так, как бог послал, а соответствовать определенным нормам. Маргиналы могут позволить себе носить что угодно – скорее всего то, что для них возможно. Элита, наоборот, не может себе позволить носить что угодно, она очень закомплексована. Если часы, то только “Ролекс”. Для них настолько

важны эти знаковые явления, что они не могут себе позволить иметь машину хуже, чем это “прилично” для их круга, или жить не в том районе, или тусоваться “не с теми людьми”. Для нас оба случая – крайности. Не то, чтобы я не знаю, что такое мода, не то, чтобы я не учитываю ее нормы в своей жизни. Но я не принимаю ни высокомерность одних, ни наплеватьство других».

Явное несогласие с пониманием срединной стабильности как стоячего болота показывает следующее суждение: *«Готов ли я причислить себя к “людям середины”, зная, что обычно при этом имеют в виду ориентацию на ценность стабильной жизни, стремление сохранять достижения, достигнутые собственным трудом, и т.д.?»*

Представим человека, поставившего такую цель: *“я сделал себе имя и теперь не хочу ни вниз, ни выше”. Но если он не хочет “выше”, то удержится ли на достигнутом? Моя позиция иная. Да, сегодняшнее положение меня устраивает, но значит ли это, что можно сидеть в своем кабинете, бумажки перекладывать? Стоит мне только сказать себе “хватит, достаточно”, маргиналы, стремящиеся наверх, сразу же толкнут меня. Поэтому, если я участник движения, которое называется “жизнь”, то не могу себе позволить останавливаться на достигнутом. Может быть, разрешить себе снизить обычный темп и не “навьючивать” себя на полную катушку? Но я привык чувствовать себя нормально, работая с полной отдачей».*

А далее эксперт выходит на уже неоднократно поднимавшуюся проблему цены успеха, акцентируя вопрос о сочетании конкурентности и кооперативности. *«В то же время надо решить для себя и другую проблему. Как только мы начинаем динамичное движение вверх – обязательно кого-то задеваем: жизненная дорога тесна. Чтобы не поддаваться правилам “крысиных гонок”, можно переориентировать свою неумность. Как? Стремиться к содержательным достижениям, хорошо делать свое дело. И тогда конфронтацию в духе “крысиных гонок” можно заменить честным конкурсом».*

Заключительный этап нашего анализа материалов экспертного опроса среди деятелей образования – вопрос о том, как эксперты понимают свою профессиональную роль транслятора культурных ценностей, в том числе и ценностей среднего класса.

Возьмем суждения эксперта, отметившего, что, наряду с необходимостью попытки самих педагогов и сотрудников вуза соотнести свою жизнь с ценностями среднего класса, *«не менее необходимо помочь молодому поколению на важном этапе выбора жизненного пути – в ситуации планирования деловой карьеры принять некоторые “правила игры”, характерные для среднего класса».* На первое место среди таких правил эксперт выносит рациональное отношение к жизни. *«Речь идет прежде всего о реалистическом понимании особенностей постсоветской жизни. Во времена Советского Союза было хорошее*

правило для молодежи – “все пути для нас открыты, все дороги нам ясны”. И во многом оно сбывалось в жизни. А сегодня дело обстоит далеко не так. Возьмем образование – не все пути открыты для человека, все стало гораздо труднее. Даже среднее образование получить – и то весьма проблематично, не говоря о высшем образовании. Еще сложнее поступить в элитные высшие учебные заведения. Да и в целом в современной жизни появилось много проблем, про которые можно сказать так: “Не все пути для нас открыты, не все дороги нам видны и ясны”». Именно поэтому эксперт полагает важным “правильно сориентировать молодых людей, стремящихся получить высшее образование. Важно помочь им научиться реалистически планировать свою жизнь, свою карьеру”.

По роду работы он часто сталкивался “с людьми, попавшими в жизненный конфликт мечты и реальности” – ведь «и в наши дни многим все еще кажется, что, как пели в советское время, “детям орлиного племени” обязательно “надо мечтать”. Вот молодые люди и начинают безудержно стремиться к “светлому и прекрасному”. И часто оказывается, что ориентиры выбраны заведомо нереальные. Отсюда – жизненные драмы».

Конкретный пример встреч с “мечтателями” – беседы с абитуриентами. «Вот девочка решила выбрать экзотическую специальность. Задаю вопрос: “Вы, извините, в семье собираетесь быть кем – главой семьи? Планируете содержать семью за счет своей профессии?” – “Да нет, у меня будет муж”. – “Вы что, не собираетесь рожать детей?” – “Теоретически собираюсь, пока не знаю, не решила”. – “Тогда зачем Вы выбираете специальность, которая помешает Вам родить ребенка и его воспитать? Ведь на этой специальности трудно найти достаточно времени для семьи».

Беседа идет в присутствии папы. «Продолжаю убеждать: “Может быть, Вам надо выбрать специальность, которая даст возможность работать с 8 до 18, а не 14 часов в сутки? Вы же семье должны уделять внимание. От Вас же муж убежит и дети будут безпризорными. Если Вы родите ребенка, то должны будете дать ему образование, счастье, тепло, уют. А это требует времени. Вы должны иметь такую работу, которая бы не загружала вашу голову дома, чтобы дома голова думала о семье. Конечно, Вы вправе выбрать себе жизнь. Вы можете выбрать даже профессию летчика-испытателя. Но тогда Вы должны знать, что Ваши дети и муж будут брошены».

Далее – конкретное предложение по планированию биографии. «Попытайтесь составить план своей дальнейшей жизни. Сначала решите – кем хотите стать? В чем Ваша мечта? Затем попробуйте спрогнозировать – хватит ли у Вас ресурсов для замыслов, насколько Вы соответствуете тому, о чем мечтаете? Например, Вы

можете сегодня задумать стать олимпийской чемпионкой. Но ведь Вам уже 18 лет, и Вы уже не будете чемпионкой по гимнастике. Так зачем же самой себе создавать такие жизненные проблемы?».

И что характерно, эксперт вовремя корректирует свою позицию. «Конечно, я должен при этом отметить, что “плох тот солдат, который не мечтает быть генералом”. Каждый из наших детей должен мечтать о чем-то высоком, но это мечта, спрятанная в дальнем уголке души, светлая мечта, которую несет человек, даже понимая, что она не осуществится. Может быть, именно поэтому она и является путеводной звездой, к которой мы извечно стремимся?».

Другой эксперт, поставив перед собой вопрос о возможности и необходимости культивирования ценностей среднего класса в работе со студентами, дает категоричский положительный ответ. Правда, говорит он, «надо еще разработать понятие “средний класс”, прояснить его значение для развития России. Появится такая концепция, и я буду делать все, чтобы пропагандировать среди студентов ценности среднего класса». А вообще-то он уже занимается воспитанием ценностей среднего класса у студентов “и вчера”, “и сегодня”. Даже “не называя этого понятия, но рассуждая со своими студентами о ценностях образования, о профессионализме, о роли материального достатка”. Когда же “появится концепция среднего класса – смогу говорить студентам о том, как уважаема в обществе его роль, как достойно быть человеком среднего класса и т.п.”.

Следующий эксперт дает свою конкретизацию воспитания у студентов духа среднего класса. «Когда наш ТМИЭиП заявляет, что готовит региональную элиту, это не противоречит тезису о том, что мы готовим к жизни именно средний класс. Говоря о подготовке элиты, мы, конечно, отдаем дань ожиданиям общественности, стремящейся иметь особые вузы и особых выпускников. Но реально речь идет о задаче “выращивания” людей высокого интеллекта. Людей, способных достигать высшего уровня среднего класса. Класса, в свою очередь отличающегося высокой нравственной и деловой ответственностью. И действительно, чем дальше будет развиваться наше общество, тем более образованным, более творческим и более эффективным будет средний класс».

Еще один участник экспертного опроса избрал позицию в воспитании, которая исходит из тезиса о личном примере как лучшем наглядном пособии. Способ предъявления позиции – модельная ситуация: “Я представил себе, что выступаю перед нашими студентами, рассказываю свою биографию и, опираясь на ее факты, говорю, что университет готовит людей, которые бы могли составить костяк среднего класса в нашем обществе. Что же из моей жизни могло бы подтвердить такое понимание задач университета?».

Автор предположил, что в такой условной ситуации начал бы с рассказа о том, что его жизнь “сложилась не по правилам и во многом

оказалась цепочкой неожиданностей”. “В школе я еще не знал, что стану преподавателем, буду заниматься наукой. После третьего курса (когда начались курсовые проекты и ребята-сокурсники старались предварительную защиту пройти у меня) почувствовал интерес к науке. И когда на 5-ом курсе предложили остаться в вузе, с возможностью учиться в аспирантуре, я уже был почти готов к этому. Начал заниматься наукой как соискатель по базовой специальности – машиноведение. При поступлении в аспирантуру пришлось сменить специальность (обработка металлов давлением). Сегодня не жалею о такой смене, хотя сначала было непросто”.

Сверхнеожиданной оказалась и карьера менеджера: «Полагалось бы последовательно пройти все ступеньки: завкафедрой, замдекана, декан, а я сразу попал на проректорскую должность. Первое время очень жалел: до этого жилось спокойно, все отлажено было. А здесь надо постоянно принимать какие-то решения. Если этого не делаешь, говорят: “Зачем он там сидит, как...?”. Если принимаешь неправильное решение, слышишь “сверху”: “Почему принял такое решение? Не мог посоветоваться?!”».

В этом смысле «моя карьера скорее всего не сочетание правил, а сочетание исключений из правил (в этом смысле она и есть “цепочка неожиданностей”). Я не прогнозировал такую карьеру, не строил ее. Но всегда стремился двигаться вперед в своей профессии, быть активным, развиваться. Занимался наукой, когда другие говорили: “А зачем это тебе надо?”. Старался не стоять на месте, следовал железному принципу: надо постоянно учиться. При этом моя активность особенно никому не вредила, никому не перебежал дорогу, вообще попал в это кресло без всякой “битвы”, такой задачи и не ставил. Когда так сложились обстоятельства, я согласился. Потом иногда жалел: когда тебя пересаживают с низкого табурета на высокий, это хуже. Надо самому забраться на этот табурет: взять себя за волосы и посадить».

Следуя правилам моделирования ситуации, эксперт принимает допущение о том, что «в какой-то момент моей речи могут задать скептический вопрос: человек среднего класса – это “середняк”, троечник по жизни?! Не обидно ли так себя оценивать? Относитесь к людям средненьким? Ведь это значит и успеваемость средняя, и мораль средняя, и должность средняя, да и жизнь в целом какая-то средняя! И для этого человек приходит в этот мир?». Но ответ уже готов: «Человеческое общество представляет собой пирамиду. И говоря о среднем классе, я имею в виду не средние способности или среднюю успеваемость, а тот слой социальной пирамиды, который находится в середине. Достаточно высоко от маргинала, во-первых, и, во-вторых, есть еще и резервы для продвижения. Очевидно, что на вершине пирамиды количество мест ограничено. Человек

имеет право стремиться вверх, люблю шутку о заявлении, в котором автор написал: “чувствую в себе силы работать премьер-министром”. Но все желающие премьер-министрами РФ не станут. Рациональное понимание своих жизненных задач – черта человека среднего класса. Но это никак не оценка своих способностей как “средненьких”».

Спускаясь с модельных “высот” на реальную “землю”, эксперт переходит к реальной ситуации воспитательной деятельности вуза. «Стремясь к тому, чтобы университет формировал у своих выпускников дух среднего класса, надо еще раз подумать о соотношении материальных и моральных факторов в решении этой задачи. Любое государство не хочет допустить бунта на корабле. А кто обычно “бунтует”? Маргиналы и элита. Значит, кораблю нужен центр тяжести, который бы сделал этот корабль достаточно устойчивым. Создать такой центр в обществе и призван средний класс. В нормальном государстве уровень профессионализма и размер кошелька, как правило, соответствуют друг другу. У нас, в России, – нет. И в этом вся проблема. Чем больше людей будут приходить в магазины с кошельками, набитыми по результатам своего труда деньгами, тем ближе будет эта цель – стабильность».

Говоря о воспитании студентов, как бы не упустить оценку роли самого человека, стремящегося войти в средний класс, в воспитании соответствующих качеств. Как отмечает один из экспертов, “качества среднего класса – обязательный предмет воспитания и самовоспитания”. При этом следует иметь в виду, что “в истории современной цивилизации есть две фазы, имеющие прямое отношение к эволюции среднего класса”. Для первой фазы характерно воспитание как привитие “человеку умения и навыки самоограничения, самодисциплины. Во всем, в жизни в целом. Без этого средний класс невозможен”. На второй фазе “самоограничение и самодисциплина становятся уже не достаточными характеристиками” и самым важным в жизни, “экзистенциально важным для человека среднего класса становится умение выбирать и следовать своему жизненному выбору. Выбирать всегда, каждый день”.

Разумеется, и сегодня средний класс «старается выбирать по критерию “как все”, следует тому, как все. У людей среднего класса общее представление о домашнем комфорте, о том, какая должна быть машина, каким должно быть образование, каким должен быть доход – в пределах “вилки”. Он старается быть, “как все”, всяких отклонений от этого он очень боится (не хочет быть психом, сесть в тюрьму и т.п.), хочет прожить долгую, здоровую жизнь. И больше ничего, поэтому-то он внутренне себя дисциплинирует».

В то же время “сегодня важно не столько самодисциплинироваться и самоограничиваться, сколько научиться выбирать. Когда-

то можно было выбрать какое-то занятие и сделать его своей профессией на всю жизнь. Сейчас это невозможно. Но если ты вынужден сменить профессию, репрофессионализироваться, значит ты должен сделать правильный выбор. Ты должен сделать правильный выбор и в досуге. И, конечно, мировоззренческий выбор. Правильный выбор в ценностях, которым ты будешь следовать. Ты должен ежедневно совершать правильный выбор в отношении своего участия в жизни, в отношении своих гражданских, политических прав. В отношении образования – средний класс должен понять такую принципиальную вещь, как необходимость превратить образование в свою главную жизненную стратегию – без этого не выдержать вызовов времени”.

Итак, человек среднего класса является результатом «воспитания и самовоспитания культуры выбора, искусства жизненного выбора. У Фуко есть замечательная фраза: “Ни к чему я не отношусь с такой симпатией, как к идее о жизни как произведении искусства, которое ты творишь”. Эта замечательная фраза характеризует отношение человека к самому себе как к произведению искусства. И это не дидактическая задача, а воспитательная.

Сделать себя другим, менять себя все время, быть актуальным – это более значимо для среднего класса сегодня, чем самоограничиваться, самодисциплинироваться».

Подведем итоги анализа результатов этого опроса. На наш взгляд, суждения деятелей образования по основным вопросам проекта, представленные в данном параграфе (эти вопросы, как видно, во многом совпадали с вопросами проекта “Городские профессионалы”), действительно показывают особенности “вхождения” интеллигенции в средний класс. Прежде всего этот вывод относится к роли интеллектуального фактора в самоидентификации, к оценке значимости интеллектуального и символического капитала в жизненной и деловой биографии. Этот вывод относится и к суждениям экспертов об их профессиональной роли в трансляции культурных ценностей.

В то же время суждения экспертов по ряду вопросов вполне сходны с суждениями людей, не причастных к сфере образования. Этот вывод относится, например, и к пониманию природы профессионализма, и к вопросу о строительстве жизненной биографии и деловой карьеры. Что ж, это вполне нормально, ибо показывает инвариантные основания идентификации со средним классом людей разных профессий.

В качестве специального приложения к параграфу считаем целесообразным привести полностью текст интервью, автор которого попытался намеренно занять модельную позицию профессора как человека среднего класса¹⁷⁹.

---

¹⁷⁹ Батыгин Г.С. “Мало-помалу...” // Ведомости. Вып.14. Тюмень: НИИ

В.Бакштановский: Меня интересует Ваша биография как типичного или атипичного представителя среднего класса.

Г.Батыгин: Должен сказать Вам, глубокоуважаемый редактор, что любая рациональная реконструкция жизненного пути представляет собой аналог литературного произведения. Я имею в виду вполне определенный жанр повествования, где есть начало, развертывание темы (а человеческая жизнь – тема), конфликт и, конечно, эпилог, вбирающий в себя и завершающий все предшествующие события, и позорные, и славные. В этом отношении не замысел произведения отражает жизнь, а сама жизнь светит бледным отраженным светом неразгаданного замысла. Все кажется, будто еще немного и настанет то, ради чего ты избран к жизни как герой задуманного кем-то произведения.

Здесь нужна цитата, и я сошлюсь на Стефана Цвейга. Рассказывающий свою жизнь делает это почти всегда с какой-нибудь целью и некоторой театральностью; он выходит на сцену, уверенный в зрителях, заучивает бессознательно особую манеру держать себя или интересный характер, заранее учитывает впечатление, преследуя зачастую какую-нибудь особую цель. Бенджамин Франклин делает из своей жизни учебник, Бисмарк – документ, Жан Жак Руссо – сенсацию, Гете – художественное произведение и подобную роману поэму, Наполеон на острове Святой Елены – бронзовое изваяние.

Я в этом ряду не исключение, поскольку с определенной целью и некоторой театральностью буду рассказывать вам свое произведение и воображать себя продуктом, точнее, участником среднего класса, так сказать, *rag excellence*. Здесь нет выдумки, а есть мысль, кажущаяся мне занимательной: мы много повидали, и современность, самосознание которой проникнуто историческими опытами, дает возможность стать довольными, находить успокоение, радость, даже подвижность в срединности и не стремиться к сияющим вершинам. Однажды ребе Элиезер стоял у забора и думал о своем. Вдруг он заметил озабоченного еврея, который спешил куда-то, подобрав полы лапсердака. “Так и куда ты бежишь?” – спросил его учитель. “Я ищу себе пропитание”, – отвечал еврей. “А почему ты думаешь, что пропитание бежит впереди тебя?” – сказал великий раввин.

Здесь мы с вами подошли к философии середины, но на всякий случай надо избавиться от социологических банальностей. Мой замысел прозрачен: средний класс имеет средние доходы, среднее образование, средний престиж, живет в средних квартирах, носит средний размер обуви, женщины у них средней красоты и среднего веса, а общество имеет форму, расширяющуюся в середине. Мы оставим эту теорию среднего класса без обсуждения.

Во многих отношениях я совершенно средний человек, и эта позиция выбирается мною вполне сознательно. Есть ряд “нельзя”, в том

числе нельзя идти туда, где “верх”, и не потому, что путь вверх и путь вниз – путь один, а потому, что там тысяча бед. Вниз идти тоже нельзя. Вы спросите: как же тогда найти середину? Дело в том, что середина самодостаточна. Я имею в виду не арифметическую середину, а то, что в античности называли мезоном – “золотой серединой”. Золото, этот платоновский элемент, обладает свойством независимости и, смешанное к душе, порождает хорошее качество – атараксию. Поэтому главное для меня как участника среднего класса – не арифметическое положение в социальной структуре общества, а умение не оказаться на краю, умение придерживаться “золотой середины” и сохранять веру в совершенство произведения, в котором мне довелось участвовать.

Теперь о биографии участника среднего класса. Мне повезло в том, что еще в школе я хотел стать (конечно, на исходе жизненной траектории) профессором. Созданный литературой XIX-XX вв. образ профессора сам по себе притягателен. Чего стоит, например, энтомолог Паганель, гонящийся с сачком за уникальной мухой цеце, или голова профессора Доуэля. Сейчас-то я вижу профессорское счастье глубже и острее. Именно профессор, не стремящийся стать академиком, обладает качествами независимости. Он зависит только от собственной работы. В этом плане он не выше и не ниже тех, кто зависит от собственной работы, а это люди достойные.

Здесь нам понадобится немного социологии. В отличие от материального ресурса, профессиональный ресурс не убывает при расходовании. Собственность можно потерять, а умение делать свое дело мы носим с собой, и чтобы лишить нас этой собственности, нас надо убить. Разумеется, речь идет не столько о моей специальности, сколько о специфическом навыке трудового отношения к жизни. Как раз спрос на мою специальность небольшой, и если припрет, я буду столь же старательно делать любую работу. Итак, специфика среднего класса – в его независимом положении в системе общественного разделения труда, отношении к средствам производства, способам и средствам доступа к ресурсам.

Посмотрим на других. Элиты очень зависимы, они – и львы, и лисы – рабы, рабы только потому, что вынуждены непрестанно драться за сохранение своего элитного положения, за место наверху, зная, что многие ждут – не дождутся их оплошности. Хорошо ли жить в окружении врагов? И маргиналы, нижние слои, должны драться за выживание. А у нас, “средних”, нет необходимости драться за выживание или начальственный стул, участвовать в противоестественном отборе. И ресурсов нам хватает – лучше одна горсть с покоем, нежели пригоршни с суетой и томлением духа. Здесь нужно маленькое примечание. Покой в нашей традиции – не лежание на печи, а отсутствие грязи и одержимости. Такая середина стоит многого. В этом отношении средняя позиция создает иммунитет к утопии – нам не придет в голову строить аэроплан, работающий на электризованном песке.

Положение в середине – это благоденствие. Жалко, что много людей никогда не удовлетворяются достигнутым. Гесиод тоже говорит: “Дурень не знает, что лучше бывает, чем все, половина”. Кто знает это, тот принадлежит к среднему классу и никуда не лезет. Я мог бы рассказать о чудесных социологических регулярностях, намекающих нам на то, что благосостояние (в буквальном, а не в статистическом смысле) обнаруживает нелинейную зависимость, скажем, от уровня жизни и доходов. Профессор Рут Ванхофен из Университета Эразма в Роттердаме уже много лет ведет базу данных по исследованиям удовлетворенностей, базу данных о счастье. Так вот, наивысший “индекс счастья” обычно фиксируется в середине. Вероятно, в самой “золотой середине” есть что-то мистическое, как будто в ней находится точка опоры. Впрочем, здесь следует остановиться.

В.Б.: *Вы имеете в виду этическую ориентацию?*

Г.Б.: Институт прикладной этики в Тюмени строит свою концепцию на категории этоса. Кажется, умение занять среднюю позицию – не столько социально-структурная, сколько этическая характеристика. Речь идет прежде всего о субъективно полагаемом смысле жизненной стратегии. Возьмем, например, мотивацию достижения, или, как вы пишете, этику успеха. Присуща ли она среднему классу? Конечно. В данном случае есть основания форсировать отличие ориентации на сохранение (В. Парето назвал второй “осадок” человеческих действий “настойчивостью в сохранении агрегатов”) от ориентации на изменение, преодоление сложившегося порядка вещей и постоянную гонку. Согласитесь, что люди подразделяются на два типа: консерваторов и инноваторов. Коль скоро речь идет обо мне как социальном типе, я считаю себя консерватором, не только потому, что опасаясь нового, но и потому, что верю в благолепие сложившегося порядка вещей, умеренность и аккуратность. Несправедливость и свинство вызывают злобу – это так. Но нас ничто не может сбить с рельсов и разуверить в справедливом устройстве жизни. Поэтому наша ориентация на достижение осуществляется умеренно и аккуратно. Мы, средний класс, не хотим таких достижений, которые меняют наше нынешнее положение.

Посмотрите, сколь равномерно, умеренно и аккуратно складывалась моя судьба. В моем некрологе написать нечего. Школьник, студент, лаборант академического института, младший научный сотрудник, кандидат наук, просто научный сотрудник, старший научный сотрудник, доктор наук, ведущий научный сотрудник, профессор, главный научный сотрудник. Пять публикаций, пятнадцать публикаций, тридцать публикаций, сто пятьдесят семь публикаций, одна книга, две книги, учебник. Один аспирант защитился, два аспиранта защитились, десять аспирантов защитились, двадцать аспирантов защитились. Скучно. А всякие “бифуркации” были отклонениями от этой средней ориентации моего действия. Как вы думаете, есть ли разница между кандидатом и доктором? Вы тоже из нашего леса и, я уверен, согласитесь с

тем, что принципиальной разницы нет. Я знаю, что никогда не выйду из круга моих жизненных задач.

Это суждение довольно рискованно. Завтра, точнее, послезавтра я стану неугоден и сфера моей профессиональной занятости изменится. Но круг жизненных задач все равно останется прежним. У меня топика, оптика и этика пешехода. Иное дело – инноватор. У него топика, оптика и этика автомобилиста и скорость преодоления пространства – мерило успеха. Такого рода достижитель все время уничтожает настоящее ради нового, стремится к месту, которого нет. Цивилизация обязана своим существованием инноваторам, предпринимателям, бунтарям, которым не интересно всматриваться в детали мира.

В.Б.: *Одна из основных идей нашей экспертизы – противостояние Ужа и Сокола.*

Г.Б.: Мне как историку понятна напряженная атмосфера того времени, когда любой честный человек должен был бросить вызов обывательской рутине и стать героем. Мальчики и девочки шли на какому-то торгу и на эшафот с гордо поднятой головой. Здесь не могло быть сомнений. “Если б в небо хоть раз подняться...”. Матери читали в предсмертных письмах своих детей слова о высоком призвании борца за счастье народа. Пожалуй, только В.В. Розанов мог написать о том, что Веру Засулич следовало бы публично выпороть. Героинка Соколов вызывает к жизни “демона революции” (смесь Мефистофеля с присяжным поверенным), Полиграфа Полиграфовича Шарикова и в конце концов умного и сильного тирана. А от Ужа беды нет.

В.Б.: *По-вашему, получается, что “средний класс” образуется на основе определенного типа личности – Ужей. Вам вполне удалось избавиться от социологических банальностей, но, кажется, профессиональная подготовка, квалифицированный труд, доходы дают вам возможность поддерживать среднюю, скажем, ужовую ориентацию.*

Г.Б.: Я исхожу из того, что стратификационные позиции являются производными от ценностно-этической позиции, хотя тому есть тысяча контраргументов. Посмотрите на людей и вы увидите антропологические типы. Как они распределяются в обществе – вопрос особый. Есть периоды, когда все перемешивается, кто был ничем, становится всем, но породы сохраняются. Посадите сенбернара в будку, на цепь – он останется сенбернаром. А шакала и в самых высоких кабинетах видно. Профессиональная подготовка в какой-то степени гарантирует среднее положение во всех сегментах жизни. Опять же, я имею в виду не востребованность нашего труда, а, скорее, невостребованность.

Мы живем в России, а здесь от тюрьмы и от сумы никто не зарекается. Бруно Беттельгейм написал уникальную книгу: в концлагере, где все изначально равны, есть те, кто ориентирован на продвижение вверх и становится старостой барака, элитой, некоторые обретаются под нарами (они и на свободе жили как бы под нарами), а профессионалы – те, кто строит свою жизнь сначала в голове, – занимают устой-

чивую среднюю позицию и обнаруживают немалый потенциал выживания. Об этом писал и Варлам Шаламов. Здесь действует мощный когнитивно-психологический фактор – умение видеть мир умственно, в представлении, и создавать сценарии возможных исходов, как если бы они были реальностью. Тогда человек владеет собой и не поддается страху. Разве это не ценностная позиция?

Что касается доходов, то они, конечно, тоже важны, но сами по себе среднего класса не создают. Равным образом, мои доходы определяют меня, а я определяю их. Можно иметь средние доходы, но не принадлежать к среднему классу. Можно иметь миллионы и быть шпаной. Здесь социально-структурные измерения эпифеноменальны по отношению к ценностной ориентации, которая обладает силой ставить человека на место, им заслуживаемое. Пауль Лазарсфельд начинал свою карьеру социолога в Вене в начале 30-х годов. Он занимался исследованием потребительского поведения. Низшие классы предпочитают сладкий шоколад, а высшие и средние – горький. От дохода это не зависит. Бедные любят одеваться ярко и модно, а богатые цветных галстуков не носят. Радиус покупок у бедных намного больше радиуса покупок у богатых. Богатые принимают решение о покупке заранее, а бедные покупают то, что видят. Один человек знает, какую зубную щетку он купит через год, а другой – не знает. Если нужно продать недорогое мыло, то лучше инвестировать средства в яркую упаковку и мыло пойдет в бедных районах.

Предположим, мы экспериментируем с двумя антропологическими типами: Соколом и Ужом. Они располагают одинаковой суммой денег. Вы уже знаете, как потратит деньги Сокол, – на фейерверк. А Уж сделает то же самое, но в совершенно иной тональности – он вложит деньги в фейерверк. У Теодора Драйзера финансист оказался в чужом городе без копейки и без имени, но не перестал быть финансистом. Вы можете предположить, что у бедного человека случилось много денег. Конечно, он будет их тратить как бедный человек: водка, девочки, золотая цепь. Схема потребительского поведения некоторых “элит” изоморфна схеме потребительского поведения босняков, она бессистемна. Умеренность, аккуратность, планируемость, стабильность... Можно добавить особенности электорального поведения. Одни люди знают, за кого будут голосовать, другие ждут, когда им кто-то понравится. Они-то и являются материалом для имиджмейкеров. Для понимания типов надо видеть различия в манерах жизни. Чем отличается полет шмеля от полета Шмуля? Полет Шмуля осмыслен.

Я должен вернуться к своей судьбе и сказать, что очень жалею о своем неполном соответствии тому типу, к которому хочу принадлежать. Возможно, эта манера поведения не отвечает требованиям высокой морали, вытекающей из этики долга. Для моего поколения было очевидно, что все мы в долгу перед обществом. Происходящая ныне революция радикально меняет ценностную ориентацию: никто никому

не должен, если это не предусмотрено отношением контракта. Так формируется уникальная особенность этоса среднего класса – личная ответственность. Есть понятие локуса контроля. Многие Соколы хорошо усвоили манеру винить внешние обстоятельства, искать и находить врага (иногда этим поискам придается национальный колорит). Не прекращается вой: нас ограбили! А средний класс полагается на себя и говорит: “Спасибо за науку”. К умеренности и аккуратности добавляется спокойствие и терпение, а что еще нужно, чтобы быть нормальным человеком?

Очарование стабильности делает жизнь среднего класса скучной. Стабильность действительно очаровательна своей скукою. Я, имея биографии, надеюсь на то, что в жизни ничего не изменится: каким был, таким и останусь. Кроме того, от таких, как я, немалая польза государству. Мы представляем собой фермент, препятствующий распространению социальной девиации. Таких не заставишь орать на митинге, мы пересекаем проезжую часть только на зеленый сигнал светофора и не верим словам.

Средняя этическая ориентация, порождающая спокойствие и терпение, избавляет нас от ресентимента – можно никому не завидовать. Мартин Бубер пересказывает хасидскую притчу. Ребе спрашивает учеников: почему в мире столько зла? И отвечает: потому что каждый хочет занять место другого. Чувство злобной зависти порождает ощущение ошибочности и неуместности жизни. Мы же – независтливые участники среднего класса – опора социальных порядков.

Итак, средний класс – это ценностная позиция. Ценностями здесь являются само сохранение середины, осознание своей жизненной задачи – умение ценить сегодняшний день и не приносить его в жертву дню завтрашнему. Поэтому на вопрос “Как дела?” я отвечаю: “Мало-помалу”. Идеология или стратегия “мало-помалу” – это и есть идеология и стратегия среднего класса. Сторонников ее может быть и немного, но сам факт того, что они есть, свидетельствует о гомеостазе общества. Людей, которые находятся в середине, раскочка не берет. Мы же не просто средняя страта, а занимаем срединное положение в любой социальной страте.

Позвольте мне закончить автобиографическое произведение. Что изменится к тому времени, когда я соберусь помирать? У меня будет не меньше двадцати пяти защищенных аспирантов, буду преподавать, может быть, не в пяти университетах, как сейчас, а в трех. Может быть, сработаю несколько неплохих статей. Иного не предвидится.

В.Б.: *Считаете ли вы себя интеллигентом? Принадлежит ли интеллигенция к среднему классу?*

Г.Б.: Я не вижу этой проблемы. В значительной степени интеллигенция – чисто литературное явление. Интеллигентность – это специфическое призвание быть учителем жизни и нравственным цензором, носителем высоких начал. Эту задачу при советском режиме вы-

полняли инженеры человеческих душ. Они были легитиматорами режима и естественно превратились в его реформаторов. Я знаю людей, которые являются идеалом ученого и несут в самом своем облике все, что можно назвать интеллигентностью. Но они не учат, что такое хорошо, и что такое плохо. Я тоже не хочу учить других людей, как им жить. Поэтому я не интеллигент. Я научный сотрудник. Может быть я ошибаюсь, но интеллигент ассоциируется у меня с Васисуалием Лоханкиным и его семиотическим кодом: книга “Мужчина и женщина”, размышления о русской революции, жена с неплохим жалованием, камергер Митрич и дворник Никита Пряхин, объединившиеся для порки интеллигента за невыключение лампочки в уборной. Интеллигент кажется мне мутантом литературного Сокола.

В.Б.: ...какого тошнит от Ужа?

Г.Б.: Когда мир становится реальным, интеллигенция становится неуместной. В любом обществе существует слой, занимающийся производством. Делать это следует профессионально. Я имею в виду не качество, а способ исполнения. Если вы подчиняете свою жизнь идее прикладной этики и стремитесь внести ее в непродвинутое общество, вы интеллигент. Если вы разрабатываете эту проблему и создаете интеллектуальный продукт, вы можете и не быть интеллигентом. Позвольте мне ответить на проклятый вопрос русской интеллигенции “Что делать?”. Каждый день мыть полы, заниматься физической подготовкой, не смотреть телевизор, не танцевать, держаться подальше от начальства и не полемизировать с женщинами. Тогда вы станете участником нашего общего среднего дела.

В.Б.: Ну, спасибо!

10.3. Между моделями “служение профессии” и “жизнь за счет профессии”. Аналитический обзор экспертных суждений

В этом параграфе рассматриваются материалы еще одного проекта об этосе среднего класса в сфере образования, который реализуется нами по линии НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета. Данные материалы представляют собой текст репортажа, максимально приближенный к стенограмме (поэтому тексты выделены курсивом, но не поставлены в кавычки) заседания проблемного семинара, проводимого при ректоре университета. Цель семинара – обсуждение некоторых результатов проекта НИИ прикладной этики “Эстафета поколений: индивидуальные биографии жизненного пути выпускников и коллективная биография вуза”, опубликованных в виде специального, двенадцатого, выпуска Ведомостей НИИ прикладной этики.

Целью проекта “Эстафета поколений”, реализуемого посредством экспертного опроса, было осмысление современных *ценностных* ориентиров в деятельности университета на основе опыта его становления и развития. Специальный выпуск Ведомостей стал одним из способов передачи опыта поколений. Опыта выстраивания выпускниками

своей профессиональной и жизненной биографии. Опыта становления этоса образовательной корпорации. Опыта управления вузом. Опыта, воплощенного в духе преподавательского корпуса, в том числе и в отношении к вузу как к “alma mater” не только студентов, но и преподавателей.

Предваряя вероятный вопрос участников семинара о наличии в экспертных текстах Ведомостей оснований для анализа собственно *поколенческого* “измерения” истории вуза, авторы аналитических материалов подчеркнули, что динамика поколений с точки зрения духа времени – основной мотив размышлений его выпускников. Конечно, больших различий в понимании “поколений” у выпускников не обнаруживается. Но почти во всех автобиографиях важнейшими инструментами для составления словесного портрета вуза в его 35-летней динамике выступают категории *тогда* и *теперь*.

Прежде всего это касается “духа” времени, отраженного и преобразованного в университетских стенах *тогда* и *теперь*. *Тогда* – одна система ценностей, *теперь* – иная. *Тогда* – одно студенчество, *теперь* – совершенно другое. *Тогда*, как казалось, – время более гармоничной студенческой жизни: и внутри, и по ту сторону институтских стен жизнь кипела как бы с одной и той же температурой, во всем был “праздник души” (эти слова буквально вырываются у одного из авторов). *Теперь* – все стало гораздо “рациональнее” (мнение другого автора). Даже “правление” в университете стало более “административным”.

Естественно, если в сознании свершилась поколенческая “смена” облика вуза на другой, то и сам университет начинает восприниматься в иной модальности. И атмосфера теперь в университете не такая, и взаимоотношения между студентами и преподавателями и внутри самого преподавательского корпуса не столь “гладкие”. И как отнестись к новым ориентирам (университет как корпорация) и к новому стилю университетского менеджмента и т.д.?

Конкретная тема проблемного семинара – рефлексия ценностных оснований стратегии развития университета через анализ общего и различного у поколений успешных выпускников с точки зрения двух модельных типов отношения к профессии: “*служение профессии*” и/или “*жизнь за счет профессии*”. *Насколько актуальна* такая тема заседания? Проект непосредственно связан с реформаторской политикой администрации университета, политикой, в которой особое значение имеет задача изменения “духа” вуза в соответствии с изменением ментальности общества. Без работы над таким изменением менеджерские акции администрации либо наталкиваются на “сопротивление материала”, либо, даже совпадая со стихийными настроениями “материала”, не работают на развитие вуза в соответствии с его миссией.

Итак, на экспертизу участников заседания была вынесена гипотеза о “поколенческом” изменении отношения к профессии от модели

“служения профессии” – к модели “жизни за счет профессии”. В *первой* модели общественное служение, компетентность и следование этической норме воспринимаются как неукоснительные и несомненные цели. Во *второй* модели – с некоторой долей условности – университет можно определить как деловое предприятие (для производства элиты). Такой чисто технологический подход предполагает отказ от отношения к университету как *alma mater*, от очарования беззаботных студенческих лет и требует прежде всего трезвого оценивания, с одной стороны, возможностей инвестирования в человеческие ресурсы, с другой – целесообразности инвестирования конкретных человеческих судеб в высшее образование. Возможно, эта тенденция является вполне адекватным отражением необходимого перехода от духа поколений “советских интеллигентов” к духу поколений “постсоветских интеллектуалов”, субъектов среднего класса.

Предлагаемая гипотеза опирается на ряд тенденций, выявленных в процессе анализа текстов выпускников вуза. Эти аналитические наблюдения являются *предметом экспертизы* со стороны участников заседания.

Во-первых, речь идет о трактовке выпускниками природы сообщества студентов и преподавателей с точки зрения *тогда* и *теперь*. *Тогда* это сообщество было *коллективом*, замечательным “слепком общества”. *Теперь* от бывшего коллективизма мало что осталось. В поисках утраченного выпускники обращают свои взоры к сегодняшнему “духу” университета и... не всегда обнаруживают в нем былую атмосферу, былой коллективизм, былое служение науке, былую справедливость в управлении и распределении благ. Вероятно, поэтому в рефлексии выпускников несложно прочесть известную идеализацию “старого духа” Индустриального.

Во-вторых, одна из ключевых тенденций изменения образа вуза, легко просматриваемая в текстах, – переориентация “низов” на зарабатывание денег. Это подводит к предположению, что отношениям, характерным для времени намеренного формирования администрацией вуза “корпорации”, присуще доминирование инструментального подхода к профессии – лишь как к способу зарабатывания денег.

В-третьих, анализ текстов выпускников позволяет предположить, что во многом стихийная переориентация “низов” на зарабатывание денег, стимулируемая ситуацией в стране, буквально культивируется “верхами” вуза. Вольно или невольно? Вряд ли невольно. *Смысл* стратегии, реализуемой “верхами” университета, заключается, можно предположить, в отношении к образовательной деятельности как к деловому предприятию, такому же, как любой бизнес. Не меняется ли тем самым принципиальная схема образования?

На экспертизу участников семинара было вынесено следующее предположение. Обнаруживаемая в процессе анализа текстов схема уже не предназначена для формирования “новой породы людей”, а

может рассматриваться как производство стандартных изделий (с учетом, что эти “изделия” должны быть способны и к саморазвитию). Так или иначе, оформляется и закрепляется склонность администрации университета рассматривать технико-экономические характеристики деятельности вуза как однопорядковые по степени важности с задачами профессионального обучения и воспитания. Отсюда возникает модель университета как системы “затраты-выпуск”, где, например, задача гуманитарной подготовки инженеров должна быть рационально взвешена и просчитана с точки зрения экономической эффективности. Равным образом, входя в университетскую аудиторию, студент должен знать величину затрат (денег, времени, личной жизни), ожидаемые результаты, риски и транзакционные издержки. Сама эта ценностно-ориентирующая схема образования и делает университет единым целым – корпорацией, где ректор, преподаватель и студент могут рационально определить свое место в технологической цепочке производства элит. *Остается ли в этой схеме место для “служения профессии”?*

***

В своем выступлении первый эксперт отметил, что *в наши дни все отчетливее проявляется тенденция к выбору такой жизненной стратегии, как “жизнь за счет профессии”. И не потому, что человек добровольно выбирает эту стратегию. Нет, его ломает жизнь, жизнь заставляет это делать, хотя он и пытается сопротивляться. И только какая-то часть людей, даже оставаясь материально обездоленными, продолжает держаться за стратегию “служение профессии”. И эти люди – эксперт совсем не хотел обижать присутствующих на семинаре молодых сотрудников – как раз представители старшего поколения. Именно они пытаются, несмотря на жизненные сложности, давление со стороны своей семьи, продолжать служение профессии.*

Далее эксперт сказал, что *не склонен огульно обвинять всех, кто выбирает стратегию “жизнь за счет профессии”. Другое дело, когда речь идет о тех, кто в угоду своему благополучию может не только своей профессией пожертвовать, но и своей совестью, честью и т.д. Это особая категория людей, обсуждение которой вряд ли вписывается в тему семинара.*

В отношении к той или другой жизненной стратегии, – полагает эксперт, – значим возрастным фактор. Видимо, никто из тех участников семинара, кто постарше, не будет отрицать, что в свое время меркантильный мотив был не то, что не самым главным, а вообще как бы и отсутствовал. Наверное, многие помнят времена большого значения морального фактора – в виде благодарности, портрета на Доске почета и т.п. Нам это доставляло истинное удовлетворение. И сейчас, вероятно, оно осталось, но не в такой степени.

В сегодняшних же объективных условиях (хотя, подчеркивает

эксперт, еще надо подумать – можно ли их назвать объективными, ибо они созданы людьми) тенденция к выбору стратегии “жизнь за счет профессии” не просто “имеет место”, но и интенсивно развивается.

Определяя стратегию развития университета, важно – по мнению эксперта – учесть эту тенденцию и попытаться противостоять ей хотя бы ради наших студентов. Далее он напомнил участникам семинара, что его – как проректора – упрекали за то, что, в отличие от руководства многих вузов, не соглашался на такие формы зарабатывания университетом денег, которые не гарантировали высокого профессионализма выпускников. Не пошли на это, наверное, потому, что качество образования – это ценность для университета не меньшая, чем его материальное благополучие. Если бы стали любыми путями зарабатывать средства, то, наверное, в кармане было бы и побольше. Но, – отметил эксперт, – он получает большее удовлетворение именно от того, что остались собственно университетом. Иметь лицо, сохранить имидж на высоком уровне – задача не менее важная, чем проблема выживания.

Второй эксперт согласился с первым в том, что профессия сегодня вообще может не давать куска хлеба. Профессионалы высокого уровня, которых он знает лично, – люди, создававшие самолеты, самое современное оружие, сегодня не находят места в этой жизни и, таким образом, профессия их не кормит. Поэтому эксперт предложил участникам семинара рассмотреть не только вопросы, связанные с обучением студентов профессии, за счет которой они могут жить, но и вопросы обучения студентов умению жить, что сегодня, когда профессия может и не прокормить, значительно важнее.

Третий эксперт отметил, что студенты идут в вуз для удовлетворения неосознанной потребности в знаниях, и это “неосознанное” может в дальнейшем вылиться либо в служение профессии, либо в ориентацию на жизнь за счет профессии. Охватывает ли заявленная на заседании тема этот аспект?

По мнению эксперта, неправомерно противопоставление двух стратегий – “жить за счет профессии” и “служить профессии”. Первый аргумент заключается в том, что в истории есть много примеров, когда человек выживает не за счет своей профессии. Так, Анастасия Цветаева, сестра Марины Цветаевой, высокообразованный человек, поэтесса, прошедшая через сталинские концлагеря, тридцать лет прожила, ковыряясь в огороде с лопатой в руках, добывая себе пропитание. На вопрос о том, как же она – образованный человек – могла так жить, она ответила: “А жить-то надо, надо же было как-то выжить”. Сохранив бодрость духа, оптимизм, она работала, хотя и не занималась своей профессией.

Другой аргумент связан с опытом работы этого эксперта в США. В Америке есть такой постулат: если человек каждые десять лет

не меняет свою профессию, то он не выживет, потому что мир развивается очень динамично. И если человек сегодня, предположим, занимается приборостроением, то завтра он должен, например, изготавливать кофеварки, так как это даст ему возможность жить. Поэтому сейчас нельзя говорить, что из стен вуза выходят с вечной профессией.

Далее эксперт поддержал тезис второго эксперта о том, что университет должен научить молодых людей жить честно, разумно, красиво и получать удовольствие от жизни. Американцы считают, что человек каждый день должен иметь “фан”. А мы имеем “фан” в нашей жизни? Нет, в основном – отрицательные эмоции.

Четвертый эксперт напомнил, что на предыдущем заседании семинара под понятием “дух университета” он понимал, в первую очередь, именно психологическую атмосферу коллектива, который сплочен вокруг тех или иных ценностей. Всем, кто работает в университете, ценности его известны. Поэтому, – по мнению данного эксперта, – вряд ли стоит абсолютно противопоставлять две стратегии жизни.

В то же время, оценивая суждения выпускников, представленные в 12-м выпуске Ведомостей, надо помнить, что и ситуация тогда была другая, другими были социальные условия и ценности были другие. Сегодня же, когда ректорат взял ориентир на жизнь университета в рыночных условиях, надо видеть, что за этим – изменение и условий, и ценностей. И когда мы говорим, что университет должен учить жить, то речь идет об умении жить именно в сегодняшних условиях. А коллектив университета психологически еще не перешел тот барьер, когда можно сказать, что он готов работать в новых условиях. Здесь говорили о необходимости успевать за динамикой развития. Но как раз отсутствием этого коллектив университета и страдает. Чаще всего бывает так: если человек занимается какой-то научной темой, то занимается этим всю жизнь. А ставить перед собой задачу научного поиска, в том числе и изменения научного направления, изменений в учебных программах и т.д. – к этому мы в массе своей психологически еще не готовы.

Плюс темы семинара можно видеть в том, наверное, что здесь осуществляется попытка выработать критерии и принципы, которые позволили бы понять нынешние условия так, чтобы это дало возможность существовать как отдельным подразделениям вуза, так и в целом университету.

Вопрос участника семинара: «Если некий профессор колеблется, читать ли курс по вашей кафедре, где он нужнее, или по другой кафедре, где дороже платят за час, и потому профессор, пренебрегая интересами ваших студентов – ему жить надо – выбирает в конце концов другую кафедру, то какую стратегию этот профессор

исповедует – “служение профессии” или “жизнь за счет профессии”? А может быть, ищет компромисс между этими стратегиями?».

Ответ эксперта: “Хочет он или не хочет, но он ищет компромисс, потому что поступает как профессионал. А я не могу оценивать его решение в отрыве от обстоятельств. Скорее я должен не его оценивать, а себя. Это я должен найти способ, чтобы пригласить этого профессора к себе на кафедру”.

Пятый эксперт отметил, что выпускники шестидесятых – семидесятых годов ориентировались на служение профессии, любили ее, много работали. Зарплата была скромной, но достаточной для относительно нормальной жизни. Сейчас условия изменились. И любой здравомыслящий человек живет за счет профессии, но большая часть – еще и служа ей. Если не лежит душа к профессии (пусть она дает приличные деньги), человек стремится найти такую работу, которая позволяла бы не только достойно жить за счет профессии, но и была бы близка его душе.

Именно сейчас интересы студентов и преподавателей совпадают. Задача преподавательского коллектива – дать студенту максимально глубокие знания. Тогда выпускник станет квалифицированным специалистом, университет будет иметь высокий рейтинг. В результате появятся больше желающих учиться в нем, в том числе и договорников, в итоге – у вуза будет больше денег, у студентов – больше возможностей получить глубокие знания. После окончания университета они станут конкурентоспособными специалистами и смогут найти себе высокооплачиваемую работу.

Эксперт критически отнесся к тезису о том, что если вуз ориентирует выпускника на стратегию “жизнь за счет профессии”, то исчезает дух коллективизма. Опираясь на суждения первой группы выпускников, участвовавших в экспертном опросе, он считает, что студенческий коллективизм сохранился и основывается на взаимных интересах, творческих и спортивных союзах. Чем сильнее студенческое безденежье – тем он крепче. Ребята помогают друг другу. Взять хотя бы студенческий фестиваль “Клавиши весны” – это содружество студентов, которые и после окончания вуза поддерживают добрые отношения друг с другом и с университетом. Разве это не коллективизм? Поэтому, по мнению эксперта, стоит оспорить один из выводов аналитиков проекта о том, что раньше институт считали “альма-матер”, а сейчас – вряд ли. Интересы и студента, и преподавателя остаются едиными, дух коллективизма не уменьшился, и сегодня вуз является “альма-матер” для всех, кто здесь учится или учился.

Шестой эксперт вспомнил поговорку: “Что такое хобби? Хобби – это род занятий, который компенсирует неудовлетворенность работой, семьей и прочими жизненными обстоятельствами”. Счаст-

ливых людей, которые бы нашли работу и любимую, и удовлетворяющую с точки зрения заработной платы, почти нет или их очень мало. Это, – полагает эксперт, – говорит о том, что стратегия “служить профессии” – пожалуй, лишь идеал.

Седьмой эксперт отметил, что если бы ее как ветерана вуза спросили об отношении к профессии – живет ли она ради профессии или стремится посредством профессии лишь только выжить, – то она бы очень и очень затруднилась дать однозначный ответ.

Поддерживая ранее высказанный тезис о том, что надо готовить такого специалиста, который мог бы, исходя из условий, сменить профессию, переквалифицироваться, эксперт поставила вопрос о поиске способов подготовки такого гибкого специалиста в рыночных условиях.

Восьмой эксперт начал свое развернутое выступление с замечания о том, что всю жизнь боялся избыточной патетики, таких слов, как “романтичность” и т.п., – боялся, что за ними кроется нечто аморфное, нечеткое и уводящее от сути дела. Поэтому, прочитав в программе семинара слова “служение профессии”, он не мог взять в толк, о чем идет речь. Зачем служить профессии, что за странная самоцель? Один из уже выступивших сказал о людях, которые материально обеспечены и имеют возможность спокойно заниматься любимой работой. Но и такие люди не “служат профессии”, а просто занимаются тем, что им интересно – Шопенгауэр, Кьеркегор. Спиноза, например, не хотел смешивать занятия философией с делом зарабатывания денег, поэтому деньги зарабатывал тем, что шлифовал линзы, а философией занимался свободно. Поэтому эксперт полагает, что “служить профессии” – дело странное, и формулировать альтернативу: либо служение профессии как занятие какое-то романтическое, либо зарабатывание денег – не следует. Более того, не надо даже и компромиссы искать, все и так очень хорошо устроено.

Эксперт считает, что профессиональную работу следует рассматривать как способ воспроизводства бытия профессионала и как частичное производство бытия других людей, и в этом совершенно прямом смысле – как служение этим другим, без всякой патетики, просто служение через свою профессию, профессиональную работу. Эти две функции в деятельности профессионала неизбежно совмещены и даже тождественны. “Служить обществу, служить науке” – такие слова его тоже настораживают; он готов признать себя безнадежно заземленным человеком, но не может так воодушевить себя, чтобы сказать: “Я служу науке”.

Производя бытие других, служа им, – подчеркивает эксперт, – я расходую психическую энергию, свой жизненный ресурс. Профессионалу платят за пользу, которую он приносит другим, за частичное

производство их бытия, платят и потому, что потребляют жизненные силы профессионала. Платят, то есть дают ему деньги на их восполнение. Он, получая деньги за свою работу, тоже потребляет чье-то бытие. Еще один интересный нюанс – профессионал, получая деньги, восполняя жизненные ресурсы, воспроизводит свое физическое бытие буквально – ест, пьет, имеет жилище, улучшает его, если может. Но он еще воспроизводит себя в том смысле, что, расходуя жизненный ресурс, воспроизводит себя в деятельности как деятель, сохраняя, поддерживая и развивая свою рабочую, профессиональную способность, без этого он не разовьется как профессионал. И в этом смысле он себя тоже производит.

Хотя функции воспроизводства собственного бытия и производства бытия других совмещены, тождественны, совпадают в деятельности профессионала, встает вопрос об их целевом и ценностном приоритете для самого профессионала. Что для него первично, значимо, что выступает началом, определяющим все остальное? Эксперт полагает, что таким началом – тем, что первично и определяющим образом значимо для профессионала – выступает воспроизводство им его собственного бытия.

Профессиональная работа и появилась как специфический способ воспроизводства человеческим индивидом его собственного бытия. Называя себя профессионалом, человек объявляет о том, чем он готов зарабатывать деньги на жизнь. Вот что такое профессия. Так будем же устремляться к истокам, к сути этого дела, не мудрствуя, не привнося в дело профессиональной работы нечто “высокое” и не очень ясное. Крестьянин-собственник, предприниматель, бизнесмен делают это по-другому, а профессионал добывает средства к жизни тем, что продает свое профессиональное умение в действии. Функция воспроизводства собственного бытия – это приоритетная цель, которая определяет в профессиональной работе все ее содержание и другие – эпифеноменальные, сопутствующие функции и стороны.

С точки зрения эксперта, профессионалу нужно добывать средства к жизни, воспроизводить физическое и в какой-то мере культурное бытие. Он может это делать единственным для него как профессионала способом – своей профессиональной работой: расходуя свой жизненный ресурс, приносить пользу другим, производить их бытие, служить им или тем, кто в этом заинтересован. Если он плохой профессионал, если не умеет служить, быть полезным, работодатели попросту не станут покупать его профессиональный труд – таковы правила игры.

Профессионал работает в первую очередь потому, что хочет есть, а не потому, что хочет служить абстрактному обществу или профессии. Служение обществу – это абстрактное понятие.

В математике есть пустые множества и по аналогии кажется, что есть и некие пустые понятия в общественности. Как, писал Бердяев, можно говорить об обществе, служить ему, если экзистенциально есть лишь отдельный человек. Правда, поэт может сказать: “Россия, любимая, этим не шутят. Все боли твои меня болью пронзили. Россия, я твой капиллярный сосудик... Мне больно, когда тебе больно, Россия”. Но больно не абстрактной России, а множеству других капиллярных сосудов, и по принципу сострадания через это больно мне. Я так понимаю эти строчки А. Вознесенского.

Итак, – подчеркнул эксперт, – в целевом смысле первичным в профессиональной работе выступает воспроизводство профессионалом собственного бытия или, если уж выражаться грубо – прямолинейно – зарабатывание денег. Ничего в этом зазорного нет. Когда же служение обществу, не абстрактному, а обществу в его реальных структурах, выступает как мотив и основная цель, оно приобретает отчетливый моральный характер. Спрашивается, может ли служение как акт морального самоопределения индивида заместить собою утилитарный мотив зарабатывания денег? Нет, фундаментальным остается мотив зарабатывания – другого не может быть.

Не кажется ли моральный мотив чужеродным там, где речь идет о профессиональной работе как вполне предметной деятельности, вызванной к жизни в первую очередь потребностью материальной? Чужеродным и, может быть, утопическим? Эксперт предлагает задать самим себе вопрос о возможных мотивах, по которым множество выпускников нынешних школ в их профориентационном выборе предпочитают профессии экономистов и юристов. Они, что – одержимы высокой патетикой? Идеей служения обществу? Нет, – полагает автор, – они думают, что будут хорошо зарабатывать. Все очень прозаично. И не стоит на этом основании говорить об их неприлично прагматических ориентациях.

Перестройка принесла много проблем, много сложностей, но она принесла и немало хорошего. Она очистила нашу жизнь от некоторых видов фальши. Эксперт напоминает времена, когда давали ордена городам. Это было ненормально, неестественно, люди вынуждены были участвовать в этих актах массового лицемерия. Если человека награждают Почетной грамотой и ему приятно, то что это, как не культивирование тщеславия? За работу надо просто платить деньги. Принцип ясный и простой – платят за твой трудовой вклад. А если тебе дают грамоту, тебя хвалят и этим стимулируют, то все-таки честнее стимулировать деньгами. Один юрист, когда его подзащитный порадовался великолепной защите и сказал: “Прямо-таки не знаю, как вас благодарить”, – ответил: “С тех пор как финикияне изобрели денежные знаки, это не предста-

вляет проблемы". За труд полагается денежное воздаяние. А когда дают грамоту или орден и таким образом стимулируют моральное рвение, то это даже нечестно – мораль благородно отклоняет всякие воздаяния такого рода. Она не нуждается в похвалах, мораль самодостаточна и ей не нужны внешние формы признания и похвалы. Поэтому из жизни и уходит все то лицемерное, ненужное, что затемняет суть какой-то романтикой, пустым понятием.

Могут сказать, – понимает эксперт, – что это уже близко к цинизму. И припоминает мысль Р. Кента в его "Гренландском дневнике" о том, что привнесение цивилизации, культуры в жизнь эскимосов очень мешает им. Например, взаимоотношения полов у них, у эскимосов, весьма простые, а романтическая любовь европейца – с точки зрения Р. Кента – есть не что иное, как невроз, вызванный стеснением плоти и крови, то есть разного рода "культурными" запретами. Здоровое объяснение, без всякого цинизма. Это не значит, что нам надо в сфере взаимоотношения полов уподобиться эскимосам. Хотя, похоже, именно в этой сфере мы приближаемся сегодня к "эскимосской простоте" с помощью магического слова "секс".

В то же время, завершая выступление, эксперт отмечает, что постановка вопроса в общеэтическом плане, как это представлено в разработке для заседания семинара, очень полезна и плодотворна. Современное образование вводит, встраивает молодого человека прежде всего в цивилизацию и намного менее – в культуру. Наше образование само цивилизуется, а цивилизация служит внешнепредметной стороне жизни. Культура, по Бердяеву, есть великая неудача жизни. Там, где преобладает цивилизация, культура бывает неизбежно потеснена. Поэтому мы и видим некую обнаженность, простоту в отношениях, и в этом, разумеется, есть нечто здоровое, но мы с грустью констатируем и то, что культура терпит здесь некоторый неизбежный ущерб.

Тюменский нефтегазовый университет пытается совместить два начала – цивилизационное и культурное – и, встраивая выпускников в цивилизацию, пытается дать им вместе с тем то, что позволит им существовать и в "пространстве" культуры. В этом специфика нефтегазового университета: в обычный университет идут за образованием, там специализация – дело десятое; в технический вуз идут за квалификацией, за профессией. А в Тюм-ГНГУ не то что пытаются "сопрячь коня и трепетную лань", но стремятся в условиях конкретной ситуации совместить эти два начала и получить в синтезе нечто плодотворное и более адекватное запросам современной действительности.

Вопрос участника семинара: Как вы расцениваете шаги людей, которые посвящали себя работе с обездоленными, нищими, больными в ущерб своему благу, но делали это профессионально? Что это

за люди? Они, что – лицемеры? Вторая часть вопроса: мой учитель, профессор Р., в день смерти своего сына, читал лекцию. Как вы оцениваете этот шаг?

Ответ: Наверное, в том числе и о таких людях, которые бескорыстно помогают больным, обездоленным, Н.Г. Чернышевский сказал: “они – теин в чаю, букет в благородном вине”. Их, по-видимому, очень мало. А мы здесь говорим о массе профессионалов. Предполагать, что всякий профессионал может свою работу, свою обычную жизнь совместить с такими формами в высшей степени благородного служения, вряд ли возможно.

Истолковать поступок профессора Р. я затрудняюсь, потому что не знаю его, не имею представления о “контексте” события, а выдвигать в моем положении какие-либо абстрактные, чисто умозрительные версии касательно возможных мотивов именно такого поведения в столь драматических обстоятельствах было бы опрометчиво.

В заключительном выступлении ведущий обратил внимание на несколько дискуссионных моментов состоявшегося обсуждения. В-первых, – сказал он, – профессионал, реализующий себя в служении делу, должен помнить о том, что если сам он и может страдать от такой стратегии жизни, то обрекать ради этого на страдание других он не имеет права. Профессионал работает для того, чтобы обеспечить семью, детей, и это очень важный стимул. Поэтому, когда мы говорим о “воспроизводстве профессионалом собственного бытия”, надо бы не забыть о том, что мы воспроизводим себя и в наших детях. Вспоминая житейскую формулу счастья для человека – построить дом, посадить дерево, вырастить сына, можно преобразить ее и так: построить дом и посадить дерево – это служить профессии, а вырастить сына – именно вырастить сына.

На мой взгляд, – продолжил ведущий, – весьма рискованна формула достаточности вознаграждения профессионала только деньгами. Я, например, считаю себя профессионалом, я работаю, но меня не устраивает только денежное вознаграждение. Мне нравится, когда меня хвалят. У меня есть потребность в удовлетворении моральных, что ли, амбиций. Для меня важно, что меня ценят как профессионала, и вовсе не обязательно, чтобы эта оценка была только в рублях, мне очень важно мнение товарищей, тех, которых я уважаю, тех, кто, по моему мнению, является профессионалами моего или выше моего уровня, и их похвала уже сама за себя говорит. Я хотел бы поставить в ряд с материальным вознаграждением и так называемые моральные вознаграждения. За награждением медалью не обязательно следует какая-то материальная выгода, но такое награждение поднимает человека, дает возможность ему занять какую-то другую ступень в иерархии профессиональной дея-

тельности, да и в должностной. Так что и “моральные отметки” для нас важны.

В-третьих, – заметил он, – целесообразно различать отношение к профессии, характерное для молодого человека, который еще не представляет, что такое вообще работа; отношение человека, только что закончившего вуз; человека, поработавшего пять лет; отношение к профессии человека, проработавшего двадцать лет. Это совершенно разные ценностные ситуации. Для меня, сегодняшнего, профессия – это совершенно иное, чем в мои восемнадцать лет, когда я выбирал, скорее всего даже и не профессию, а стиль жизни, манеру жизни. И в своем понимании служения профессии мы должны помнить этот временной фактор.

В-четвертых, стоит прислушаться к суждению о том, что студентов надо учить не только профессии, но и жизни. Я полагаю, – сказал ведущий, – что здесь поставлена важная задача. Одно дело научить студента конкретной профессии, другое дело – вырастить из него не только искусственного профессионала, но и человека, способного ориентироваться, выживать и развиваться именно в современном обществе. Тем более, что рыночное общество часто диктует необходимость смены профессии. В подготовке профессионала задача научить его благодаря полученным знаниям находить себе достойное место в жизни, обеспечивая стабильное существование для себя и своей семьи, своего потомства – это одна из важных функций образования. Вспомним, что многие наши выпускники стали преуспевающими профессионалами, но в совершенно других профессиях.

На мой взгляд, – сделал вывод ведущий, – заседание семинара не дало, конечно, завершённой продукции, но породило много идей, которые могут быть развиты и дадут продвижение к общей цели семинара.

***

Как уже отмечалось, участники семинара провели своеобразную экспертизу нашей гипотезы. Ее результаты можно комментировать с разных точек зрения. Здесь мы ограничимся лишь замечаниями двух типов. Одни относятся к исходным материалам семинара – текстам экспертного опроса выпускников. Другая часть – к тексту стенограммы семинара.

Что касается экспертного опроса выпускников, на основе материалов которого мы спроектировали программу проблемного семинара, то реальные автобиографические тексты, факты их профессиональной карьеры, их суждения и оценки уже при самом первом прочтении позволяют сделать интересные наблюдения.

Прежде всего, сами автобиографии успешного профессионального и жизненного пути выпускников, свидетельства создания ими своего дела являются поводом для отношения к ним как субъектам сред-

него класса. И совсем не обязательно, чтобы таким делом стал собственно “бизнес”. Очевидно и то, что речь идет не только о свершениях тех выпускников, за которых говорят их громкие имена. А создатели новых промышленных предприятий и университетских кафедр, новых направлений в деятельности администраций разного уровня и новых направлений в науке, организаторы и лидеры управленческих команд, предпринимательских структур и факультетских педагогических коллективов?

Далее, говорят за себя и некоторые тезисы, характеристики, диагнозы и прогнозы выпускников. Выберем лишь некоторые из них. *Государственный служащий высокого ранга предлагает всем, желающим достойно пережить кризисную ситуацию, вспомнить далеко не лишний для граждан страны урок о том, чтобы не зарекаться от суммы и от тюрьмы. За время своей карьеры он осознал важность умения и готовности при всех взлетах начать все сначала. “Случайно ли, что кошка падает на четыре лапы?” – спрашивает он. И отвечает, что кошка уже в воздухе готова к тому, чтобы приземлиться на все четыре лапы. *Руководитель нефтяной компании отмечает, что главная беда России, а раньше – СССР, заключается в склонности к перекосам в оценках и решениях. Он вполне способен адаптироваться к переходным ситуациям, испытывает рабочий азарт от новых возможностей, но не считает разумным постоянное охаивание предшествующих переменам исторических периодов. Его желание, – чтобы наша страна от этого негатива избавилась. *Главный инженер важнейшей для страны отрасли говорит о профессиональной ответственности за выбор стратегии ее развития. Разумеется, ошибки за некомплексное решение вопросов обходились очень дорого и в советские времена. Но в условиях рынка, когда вместо прежнего госпредприятия с неограниченным бюджетом появилось акционерное общество, задача выбора оптимальной стратегии создает особую ответственность перед корпорацией. *Один из руководителей вуза пытается объяснить, почему команда новых администраторов взяла на вооружение тезис о том, что университет – корпорация, ставящая своей целью достижение стабильного дохода. С его точки зрения, стабильный доход вуза возможен лишь в том случае, если каждый из работников будет стараться внести свой вклад в общий доход. Поэтому формирование духа корпорации в университете – не просто субъективное желание команды ректора, а способ выживания вуза в современных условиях. *Сотрудник одного из центров университета желает своим коллегам – преподавателям – силы духа (ибо сложно жить на нищенскую зарплату), советует не терять надежду на лучшее. И четко понимает при этом, что в условиях, когда общество находится в таком сложном положении, в вузе прежде всего работает тот, кто сознает свое призвание. *Заместитель декана факультета в своей повседневной деятельности сталкивается с разными проблемами, объединяемыми тем, что очень многие не планируют свои жизнен-

ные ресурсы. Ее личный и профессиональный опыт приводит к выводу о том, что в ситуациях повышенной неопределенности во всех сферах жизни страны как никогда важно ответственное планирование человеком своего ресурса, учет всех своих возможностей, всех своих сил. **“Каждый должен посылно стабилизировать ту ситуацию, которая от него зависит”*, – полагает заведующая кафедрой университета и создатель нового Тюменского института, аргументируя свой тезис собственным опытом выхода из кризисных ситуаций, опытом преодоления кризисов посредством общественно полезной и лично-значимой созидательной деятельности, реализующей призвание автора этого текста. **Заведующий кафедрой ставит себе цели и задачи, требующие от него больше того, что он сейчас умеет и знает, и потому не может останавливаться на достигнутом, при этом полагая, что интереснее не участвовать в том деле, которое он не начинал, – лишь помогал, участвовал по мере возможностей, – а создавать свое дело в нефтегазовом университете.* **Руководитель предприятия предлагает сформировать в вузе традицию выпускников приходить друг другу на помощь. Ему хотелось бы, чтобы выпускники разных поколений были одной командой, пусть и не единомышленников, но командой, как, например, в футболе, где у разных людей общая цель (забить гол). В данном случае он видит цель сообщества выпускников в том, чтобы прийти на помощь друг другу.* **Директор комбината на самом первом этапе становления рыночных отношений принял странное для коллег решение – покупать магазины для реализации продукта комбината и тем опередил свое время.*

Да, практически никто из участников проекта не обращается к понятию “средний класс”, но, несомненно, в этом кратком обзоре эмпирически схвачены некоторые существенные признаки этоса среднего класса, которые должны учитываться в образовательной деятельности.

Следующее замечание, более тесно связанное с проблемой, вынесенной на семинар, сформулируем в виде двух тезисов. Во-первых, уже предварительное знакомство с автобиографиями профессионального и жизненного успеха выпускников позволяет утверждать о реальной возможности и насущной необходимости задачи формирования этоса среднего класса и у будущих выпускников, и у всех тех, кто их готовит. Во-вторых, чтобы выпускник состоялся как субъект этоса среднего класса, такую же цель должны поставить перед собой и преподаватели университета, и его менеджеры, и современные “заказчики” на выпускников.

При этом важно учесть влияние на университет обеих групп выпускников, участвующих в экспертном опросе – и тех, кто делают свою карьеру вне стен вуза, но вольно или невольно влияют на дух университета уже тем, что большинство из них являются в определенном смысле его “заказчиками” (администрации автономных округов, обла-

стного центра, а также Газпром, ЮКОС и т.д.), и тех, которые сегодня непосредственно определяют судьбу следующих поколений студентов через избранные ими для университета модели содержания образования и, что особенно важно, через самоидентификацию со статусом среднего класса, на который они вольно или невольно ориентируют нынешних выпускников.

В этом плане предельно важна рефлексия участников семинара над проблемами формирования этоса профессионализма в университете, важна “примерка” ими на себя, свое сегодняшнее и завтрашнее бытие ценностей среднего класса. А очевидное различие советской и постсоветской ситуаций не только не препятствует постановке и реализации этой задачи, но, напротив, дает возможность проследить эволюцию духа среднего класса в сфере образования и в стране в целом.

Что касается второй группы замечаний, то воздействие исследования этоса среднего класса и воздействия на формирование такого этоса в сфере образования несомненны. Культивирование здесь этоса среднего класса предполагает вхождение деятеля образования, ранее осознававшего себя как единицу советской интеллигенции, в класс современных профессионалов. При этом важно исследовать вопрос, теряет ли он при этом призвание, служение, миссию, столь характерные для интеллигенции.

Можно ли говорить о положительном эффекте “примерки” разных решений этой проблемы, организованной семинаром? В определенном смысле – если понимать, что средний класс в сфере образования – *сочетание* людей разных типов. И речь идет не просто о “сочетании”, например, “рынкофилов” и “-фобов”, но о *таких “фобах”, которые пытаются стать “филами”*. Им труднее всего, в том числе и в моральном плане. Часть интеллигенции, которая нашла для себя дело в этих попытках, которая захотела и смогла применить свой интеллектуальный капитал, – пример подлинного *служения профессии*.

Дело же связано в этом случае с тремя функциями современного интеллектуала. Первая из них – “систематическая инновация”, вторая – “критика и отбор наиболее важного и ценного”, третья – “хранение и ретрансляция всего того, что составляет интеллектуальный ресурс общества”. Все эти функции вместе образуют “единую динамическую систему воспроизводства культуры, передачи идей, образцов поведения, оценок, стандартов вкуса и прочего от группы более специализированной – к менее, но численно большей или статусно ниже стоящей, равно как и от поколения к поколению”¹⁸⁰.

Конечно, выбор такого рода дела – риск, испытание. Речь идет об известной версии, согласно которой «для уходящей советской интеллигенции, всегда идейно борющейся с повседневностью, “бытом”,

---

¹⁸⁰ См.: Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.: Эпицентр; Харьков: Фолио, 1995. С.72.

“рутиной”», наступило более серьезное испытание, чем для других групп. Испытание, связанное с тем, что “наступили будни как социального существования в целом, так и интеллектуальной работы, в частности”. Эта работа, “хочет этого кто-то или нет, становится кропотливым, повседневным, прозаическим занятием профессионалов, ведущих разработки в почти нетронутых областях, но в общем проблемном пространстве. То есть, делом самостоятельным по интересам и, вместе с тем, коллективным по форме, более строгим, а потому, если угодно, более скучным”¹⁸¹.

В то же время, есть, вероятно, и *возвышающий потенциал* “срединной” морали? В чем-то же следование такой морали может быть предметом гордости? Возможно, в том, что не “доблесть с терновым венцом”, а “тихие подвиги”, каждодневно совершаемые человеком, преодолевающим себя, исполняющим свои обязанности, делают жизнь хотя бы чуть-чуть лучше, чем она была”¹⁸². Возможно, “сознание собственной устроенности – предмет истинной гордости”? В этом случае “секрет удовлетворенности среднего класса самим собою в том, что человек убежден: он имеет то, что ему причитается. Человек таким образом оказывается примером справедливости существующего общественного устройства, которое он, следовательно, будет поддерживать и защищать”¹⁸³.

Важно не забыть *процессуальные* акценты смысла слова “достижения”, расставляемые, в отличие от предпринимателей, именно интеллигенцией, для которой часто эффективность не связана с результатом. Так, Олег Ефремов в рубрике “о ценностях” в опросе газеты “Московские новости” на тему “Рубеж веков” говорит: “Главное – творчество, творческое самочувствие. Не достижение, а постижение”. А педагог Е.А. Ямбург там же отмечает роль не столько результатов своего труда, сколько творческих достижений. “Вернее, достижения не важны, важны творческие состояния: полнота бытия человека напрямую связана с ними”.

Вспомним еще раз цитировавшуюся в главе об этосе успеха позицию Э. Фромма, согласно которой активность человека связана с понятием “эффективность”, но это понятие не сводится им к привычному смыслу слова. «Если человек сознает себя пребывающим в странном и подавляющем его мире, им легко может овладеть чувство бессилия. Ощущая себя полностью пассивным, просто объектом, он теряет чувство собственной воли, свою идентичность. Для компенсации он должен обрести способность что-то делать, приводить кого-то в движение, “оставлять след”, – или, используя наиболее адекватное английское слово, быть “эффективным” (to be effective). Мы употребляем это слово

---

¹⁸¹ Там же. С. 7.

¹⁸² Золотусский И. Эпитафия герою // Кулиса НГ. 1998. № 2.

¹⁸³ Гессен М. Первый раз в первый класс // Итоги. 1998. 21 апреля.

сегодня, говоря об эффективном ораторе или продавце, имея в виду человека, который успешно добивается результата. Но это – умаление первоначального смысла значения слова, происходящего от латинского *ex facere* – “делать”. “Произвести эффект” – значит: осуществлять, свершать, реализовывать, выполнять, исполнять. Эффективной личностью является та, что наделена способностью делать, производить, свершать нечто. Быть способным производить эффект значит не быть бессильным, но быть полным жизни, активно функционирующим человеческим существом. Производить эффект – значит быть активным, а не просто подвергаться *аффектам*, быть активным, а не пассивным. В конечном счете именно это доказывает, *что мы существуем*. Можно сформулировать этот принцип так: *я есть, потому что я свершаю»*.

И, наконец, вывод-рекомендация, актуализированная анализом материалов проблемного семинара. Для профилактики тенденции подменять “служение в профессии” “жизнью за счет профессии” необходима разработка норм отношения к образованию как к “деловому предприятю” (своеобразные Кредо и Кодекс университетского сообщества). Ориентиром для перехода от духа поколений “советских интеллигентов” к духу поколений “постсоветских интеллектуалов” может быть самоопределение студентов, преподавателей, менеджеров университета по отношению к *этосу среднего класса*, который основан именно на “служении профессии”. При этом “служение профессии” предполагает и признание, и материальный достаток.

Послесловие

В завершение нашей работы возвратимся к ее подзаголовку – "Нормативная модель и отечественная реальность".

При сопоставлении модели и реальности непроизвольно встает вопрос: возможно ли в ускоренных темпах программированное "созревание" среднего класса и его этоса по какой-то предзаданной модели или же их "пришествие" в России отодвигается едва ли не до греческих календ? Вникая в данный вопрос, мы обнаруживаем, что модернизационные процессы, которые в своей продвинутой – Высокой – стадии приводят к образованию среднего класса и его этоса, оказываются внутренне дифференцированными на различных культурных ареалах. В итоге образуется обширный контекст для интерпретаций (с возможной последующей реинтерпретацией) самого понятия среднего класса, а стало быть, и его нормативной модели. В данной связи есть веские основания для того, чтобы ввести в язык дальнейшего исследования базовое (хотя и не очень строгое) понятие *индикатор множества*. Если мы не желаем навечно оставаться в плену спенсерианской схемы общественного развития, то предпочтительнее пользоваться выражением "средние классы" (здесь нет аналогии с термином "средние слои", который изначально употреблялся во множественном числе).

Дело в том, что неоклассическая и постнеоклассическая теории социальной эволюции самым решительным образом нацелены на выход за пределы спенсерианской и "подверстанной" к ней теории стадильности общественного развития. Не смущаясь при этом идущей от концепции стадильности фиксацией инвариантов структуры и функций социума – тождественность инварианта самому себе не обсуждается, так как служит обязательной отправной точкой для решения вопроса о соотношении нормативности и реальности: в той или иной реальности (стране, регионе, субцивилизации) или присутствует нечто именуемое средним классом со своим этосом, или же присутствие там не обнаруживается!

Однако неозволюционисты не ограничиваются констатацией локальной вариативности структур и функций социума. Они стремятся истолковать модернизацию и средний класс как ее онтологический и аксиологический продукт. По очень точному суждению российского социолога, не следует говорить о модернизации в единственном числе, ибо такое ограничение "может навести на мысль о некотором едином направленном процессе, имеющем необходимую структуру и универсальные закономерности, лишь проявляющиеся многообразно в контексте тех или иных стран и культур". Имеет смысл говорить «о сериях модернизаций, случающихся в разных историко-культурных контекстах и не имеющих общего "сценария", генеральной логики развертывания и

общей сквозной детерминации»¹⁸⁴.

По всей вероятности, речь должна идти не просто о вариантах среднего класса и его этоса (но и о вариантах тоже!) в их соотношении с инвариантом, с нормативной моделью на одном общем эволюционном стволе, а о разных стволах культурной эволюции. И не о движении от простого к сложному в духе раннепозитивистского критерия прогресса или подобных критериев других "прогрессоров", как их иронично именовали когда-то братья А. и Б. Стругацкие, не о монолинейном переходе на очередную стадию, фазу, ступень развития, понимаемого в телеологическом ключе. Ведь именно такое понимание позволяет одних участников исторического движения рассматривать в качестве "передовых", "лидирующих" по отношению к некоей постулированной вершине, а других – в качестве "отставших", застрявших на предшествующих ступеньках эволюционной лестницы или сбившихся с единственно верного азимута, а потому попавших в западню тупиковых ситуаций, возможно, в силу этого обреченных постоянно топтаться на месте или же вымирать в ходе ускоряющегося "прогрессирования".

Не разжигая при подобных констатациях антипрогрессистских инвектив, заметим, что речь должна идти о смещении на другие эволюционные "лестницы", расположенные хаотично на бескрайнем эволюционном поле, на огромном пространстве историко-культурных возможностей. И здесь нам кажется уместным мобилизовать уже упомянутый ранее оксюморон "свое-иное", вспомнив заодно тойнбианский образ "бамбука", когда стадии развития фиксируются не на одном, а на разных цивилизационных стволах.

Скажем в данной связи, что невозможно каким-то образом спроектировать нормативную модель среднего класса, опираясь на наши умозрительные знания и образы в пределах навязчивой и уже успешней утомить концепции стадияльной идентификации среднего класса, наблюдая над тем, как и каким путем он стал таковым за пределами "наших ощущений" в так называемых цивилизованных странах. Не о возвращении к доктрине "особпути" встает вопрос, а о том, что в названных странах никогда не существовало неких целевых Проектов относительно "строительства" или – скажем мягче – "выращивания" среднего класса с его этосом. В этом смысле нечто подобное утверждалось и в марксистской теории общественного развития, когда она обнаруживала, что нигде не существовало планов "построения капитализма", что везде капиталистические отношения складывались, не проходя предварительно человеческой головы, то есть они ни в каком смысле не были идеологическим продуктом.

Средний класс, если мы его рассматриваем в ракурсе социальной физики, но одновременно и социальной феноменологии, возник

---

¹⁸⁴ Капустин Б.Г. Современность – как принуждение и как свобода // Вопросы философии. 1998. №4. С.27.

повсеместно не оранжерейно, а спонтанно, консолидировался и стал развиваться по собственной траектории в результате ненамеренной, длительной, совершающейся методом проб и ошибок культурной эволюции, полной драматических прорывов, откатов, зигзагов, поворотов, что позволило когда-то Клоду Леви-Строссу использовать выражение "спонтанность".

Но подобное признание вовсе не исключает намеренной активности, работы по "культивированию". Спонтанность возникновения среднего класса и его этоса предполагает и ускоряющее – и потому хотя бы отчасти намеренное – воздействие символически властных усилий в ставшем автономным поле культурного производства. Согласно П. Бурдьё, производители культуры обладают специфической властью, которая способна заставить видеть нечто или верить в нечто, сделав объективированным в большей или меньшей степени неясный вначале опыт о социальном мире "... и тем самым заставить его существовать"¹⁸⁵, независимо от того, как они в последующем распорядятся вызванным из небытия феноменом.

Более того, следует признать, что «...точка зрения, согласно которой развитие "среднего класса" является следствием обычной социальной эволюции, должна быть признана "просто ошибочной"»¹⁸⁶. Очевидна огромная роль всех видов и форм социальной политики в становлении среднего класса и одновременно минимизации "андер-класса", что мы выше стремимся продемонстрировать на примере политики в сфере образования, использования его потенциалов в целях реформирования общества, также подчеркивая необходимость "воодушевления" всего этого процесса.

Политическая и иная власть могут пытаться табуировать становление среднего класса или только имитировать стремление обрести в данной макрообщности свою социальную опору, на деле манкируя обязанностью своего очищения от "дурной" наследственности досоветского и советского патернализма. Власть может предпринимать адекватные или же неадекватные действия по части "родовспоможения" среднему классу, может усиливать одни грани или целые пласты в нарождающемся этосе этого класса, ретушируя и ослабляя другие его стороны, избегая при этом "пришпоривания", "подстегивания" хода истории, – бравадный форсаж в его оценках неуместен, угрожает всевозможными деформациями в духе "большого скачка", а потому предпочтительнее занимать позиции "осторожного дерзания" или, по выражению одного нашего историка, позиции "мрачного оптимизма", консолидирования будущего по произвольным лекалам в порядке вольного экспериментирования.

---

¹⁸⁵ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 217.

¹⁸⁶ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благоденствия. М., 1997. С.172.

В социально-политическом и культурном измерениях истории названных выше стран ценность представляют не заранее продекларированные цели (вот таким-то мы сегодня видим средний класс, вот такие-то функциональные предназначения ему приписывали, такие-то ценности полагаем необходимыми для его этоса), а те способы протекания общественной жизни, социальной активности, которые ведут – если угодно, то вполне инерциально, едва ли не сами собой! – к образованию среднего класса и его этоса. Для диагнозов и прогнозов необходимым оказывается только, так сказать, "нормативный минимум", позволяющий распознать данный класс, в отличие от других макрообщностей, отделив его от чего-то такого, чем он не является по определению. Но вместе с тем данная операция еще не предоставляет исследованию идеальной модели "истинного", "эталонного", тем более "вестернизированного" образа среднего класса и его этоса – неистинных же моделей может быть неограниченное множество.

Подчеркивая значимость не того, что должно быть, а того, как это должно достигается, упомянутый ранее исследователь М. Рац предложил две весьма выразительные метафоры общественного движения, которые можно было бы соотнести с проблематикой становления среднего класса. Первая – образ "дороги". Заведомо «известно куда и к чему она ведет. И мы приступаем к движению по такой магистрали на основании некоторых предпочтений – будь то научные знания, "истинная" вера, концепт исторической миссии народа или просто давление "железной воли" увлекающего за собой харизматика. Такая дорога явно или неявно объявляется единственно верной».

Вторая метафора – это "путь" в неведомое будущее, которое окажется таким, каким его непрерывно производят участники движения, агенты общественной жизни в результате свободного выбора. Выбор осуществляется из числа наиболее эффективных альтернатив, когда важно не упустить те или иные возможности, а потому он носит вполне прагматический характер. Существенно то, что данные агенты, включая их лидеров, не уклоняются от такого выбора, от персональной ответственности за принятое решение, соответствующие действия, поступки. Они постоянно корректируют "путь" с учетом опыта, обретенного при прохождении известного "отрезка пути"¹⁸⁷. Естественно, с учетом не только собственного опыта, но и опыта чужого, пользуясь при этом не целевыми Проектами как некими чужеземными партитурами перехода, разыгрываемыми на новой почве нота в ноту, а только общими идеалами и ценностными ориентациями, которые обретают силу при конкретизации социальной политики и при индивидуализации поведения агентов реформирования.

Что же такое в данном случае "свое-иное"? Вопрос, как нам ка-

---

¹⁸⁷ Рац М.В. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии. 1999. №2. С. 24-25.

жется, заключается в глубоких изменениях в исходной нормативной "матрице" среднего класса и тем более его этоса, с которых снимаются видоизменяемые "копии". Подобные изменения (можно назвать их смещениями, сдвигами, инверсиями и как-то иначе) оказываются возможными потому, что сам "образец", как отмечалось выше, изнутри дифференцирован, изначально гетерогенен, допускает множество "маршрутов" исторического развертывания и способов интерпретаций. Гомогенным, монолитным он видится лишь в историческом отдалении, когда уже прочно забыты обстоятельства его происхождения, все невзгоды, злоключения, испытанные им на долгом, тернистом и затейливом эволюционном пути.

Повторим: не просто о неизбежных изменениях в "матрице" среднего класса при его репродукции идет речь, об изменениях, вызванных характером взаимодействия с локальными культурами по "месту вызревания". Существуют перемены, связанные с альтернативами "матрицы", которые означают ее *позитивное отрицание*. Оба слова в этом определении являются знаковыми. Возникает проблема сопряжения "матрицы" среднего класса, нормативной модели его этоса с тем, что мы назвали их "иным". В подобном креативном акте, результаты которого непредсказуемы, а только предугадываемы, во-первых, нормативный образец вовсе не отрицается тотально, во-вторых, он не воспринимается как его противоположность, в-третьих, не провозглашается, будто он принципиально неприменим в необычной для него среде обитания. В таком акте обнаруживается коэволюция "матрицы" и ее альтернатив. Причем, по выражению немецкого социолога Герхарда Вагнера, который при этом ссылается на методологию неокантианца Г. Риккерта, данная коэволюция протекает не по жестким правилам "или-или", а по мягкой формуле "как-так и", то есть когда "свое" позитивно дополняет "иное", что лежит в основе логики комплектарности. Приоритет отдается инаковости перед отрицанием, которое логически предшествует ему¹⁸⁸.

В ситуации, когда в пику М. Веберу стали говорить о "новой непроницаемости" социума, трудно сказать нечто достаточно определенное о специфике начавшегося в России процесса формирования среднего класса и его этоса. Никакой этос не может, конечно, возникнуть из ценностного небытия. Так и этос среднего класса нашей страны формируется не в аксиологическом вакууме, не на пустом месте в виде кем-то устанавливаемых правил поведения и образа мыслей с соответствующей побудительной и ограничительной мотивациями, подкрепляемыми системой материальных и духовных санкций и сопроводительными символично-экспрессивными образами. Он возникает, лишь перерабатывая, переформируя наличный духовный "материал" – мно-

---

¹⁸⁸ Вагнер. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999. С.251-253.

гогранный, разноликий и противоречивый, как вся культура современной России. Но история формирования этоса среднего класса, его генеалогия сначала делается и только потом описывается и анализируется.